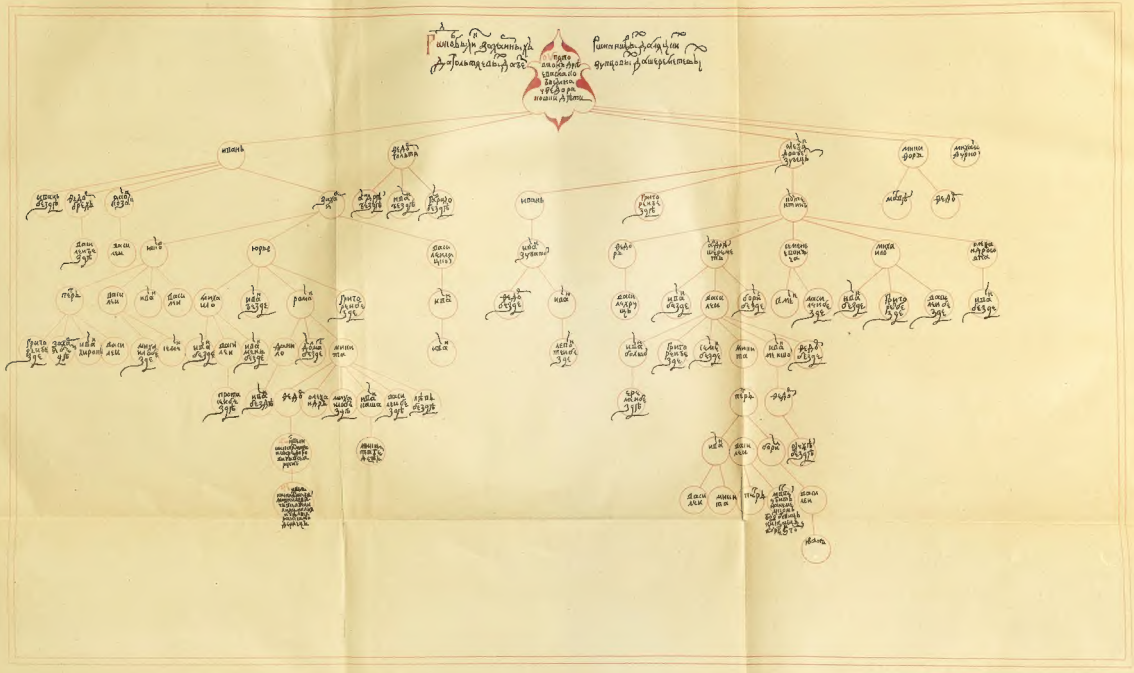
6. Φ.
1

K54 2/3



К54 2/3

РОДЪ

ШЕРЕМЕТЕВЫХЪ

Помяни́те дни вѣ́чныя, разумѣ́йте лѣ́та ро́да родо́ва: вопроси́ отца́ твоего́, и возвѣсти́тъ тебѣ́, ста́рцы твои́, и рекутъ тебѣ́.

Второзак. гл. 32.

Александра Барсукова

КНИГА ШЕСТАЯ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
1892

1990

БИБЛИОТЕКА
№ 36
„22" 1 1934 г.

Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 5 л., 28

ОГЛАВЛЕНІЕ ШЕСТОЙ КНИГИ.

СТРАН.

ГЛАВА I. Благодарственное молебствіе въ Римѣ, по случаю пораженія Московскаго войска и плѣненія ея главнаго воеводы Василья Борисовича Шереметева.—Ликованіе по тому же случаю въ Крыму.—Василій Борисовичь Шереметевъ привезенъ въ Бахчисарай.—Представляется хану Мухаммедъ-Гирею. — Турецкій посланникъ пораженъ величавымъ видомъ Шереметева.—Верховный визирь Сеферъ-Гази-ага осердился на Шереметева за его надменный отвѣтъ, въ присутствіи Турецкаго посланника.—Послѣдствія гнѣва верховнаго визиря.—Его дерзкіе запросы на счетъ уступки Казани и Астрахани.—Шереметева сажаютъ въ сейменскую избу и заковываютъ въ кандалы.—Рѣчь пристава, сказанная Шереметеву отъ имени хана.—Бѣдственное положеніе Шереметева, по его собственному показанію. — Наши посланники въ Крыму, Опухтинъ и Байбаковъ, ссужаютъ Шереметеву десять ефимковъ.—Вѣроломный поступокъ гетмана Станислава Потоцкаго — виновника плѣненія Шереметева . . . . . 1—14

ГЛАВА II. Впечатлѣніе, произведенное въ Москвѣ, извѣстіемъ о плѣненіи боярина Василья Борисовича Шереметева.—Мѣры къ искупленію его.—Посольство въ Крымъ дьяка Татаринова.—Ему поручено договориться на счетъ выкупа Шереметева.—Попытка связать вопросъ о выкупѣ Шереметева съ вопросомъ о выкупѣ гетмана Гонсѣвскаго. — Пріѣздъ въ Бах-

СТРАН.

чисарай дьяка Татаринова.—У него отбираютъ лошадей.—Пріемъ у хана.—Рѣчь дьяка прерываютъ на половинѣ.—Разсылка легкихъ поминковъ.—Василья Борисовича Шереметева посѣщаетъ сейменскій голова.—Разсказъ послѣдняго о томъ, въ какомъ положеніи засталъ онъ боярина.—Свиданіе дьяка Татаринова съ бояриномъ Шереметевымъ во дворѣ верховнаго визиря.—Шереметевъ разсказываетъ Татаринову объ обстоятельствахъ Чудновскаго дѣла . . . 15—31

ГЛАВА III. Перемѣна къ лучшему въ отношеніяхъ верховнаго визиря Сеферъ-Гази-аги къ Василью Борисовичу Шереметеву.—Шереметева переводятъ на жительство въ Жидовскій городокъ.—По пути, онъ заѣзжаетъ къ верховному визирю и къ дьяку Татаринову.—Описаніе Жидовскаго городка (Чуфутъ-Кале).—Новая обстановка Шереметева.—Подневольное участіе его въ переговорахъ Московскихъ посланниковъ съ ханскимъ правительствомъ.—Въ бытность дьяка Татаринова въ Крыму, Московскіе посланники были устранены отъ дипломатическихъ переговоровъ.—Посланники жалуются на это Шереметеву.—Недовѣріе Крымцевъ къ Московскимъ посланникамъ, Опухтину и Байбакову . . . . . 32—46

ГЛАВА IV. Польскіе посланники въ Крыму.—Переговоры верховнаго визиря Сеферъ-Гази-аги съ бояриномъ Васильемъ Борисовичемъ Шереметевымъ.—Въ какомъ положеніи находилось дѣло о выкупѣ Шереметева.—Съѣздъ Крымскихъ мурзъ.—Отписка государю посланниковъ, Якушкина и Михайлова, о выкупѣ плѣнныхъ.—Отъѣздъ дьяка Татаринова изъ Крыма.—Еще отписка Якушкина и Михайлова, о мѣдныхъ деньгахъ.—Первая отписка Василья Борисовича Шереметева къ государю изъ Крымскаго плѣна . . . . . 47—61

ГЛАВА V. Намекъ наказного гетмана Сомка на измѣну боярина Василья Борисовича Шереметева.—Позднѣйшія вирши по этому предмету.—Грамота царя Алексѣя Михайловича къ гетману Сомку, въ отвѣтъ на его неблаговидный намекъ, съ разъясненіемъ обстоятельствъ пораженія Шереметева.—Царская грамота о томъ же къ князю Ю. А. Долгорукову.—Настоящія

стран.

причины Чудновской катастрофы.—Несправедливое отношеніе къ Шереметеву историка Соловьева.—Чудновское дѣло нисколько не умалило Шереметева во мнѣніи государя.—Какъ было поставлено у насъ дѣло освобожденія плѣнныхъ вообще.—Свидѣтельство современника-очевидца о доблестяхъ Шереметева и объ отношеніяхъ къ нему Московскаго двора.—Характеристика сего послѣдняго.—Сравненіе Москвы съ погибавшимъ въ порокахъ Римомъ.—Враждебное отношеніе къ Шереметеву въ высшемъ правительственномъ кругѣ.—Характеристика царя Алексѣя Михайловича . . . . . 62—78

ГЛАВА VI. Отношенія къ Василью Борисовичу Шереметеву его родственниковъ.—Бѣдственное положеніе его семьи, оставшейся въ Москвѣ.—Шереметевъ жалуется на своихъ родныхъ. — Семейные нелады у Шереметевыхъ. — Межеваніе Чиркинской вотчины Василья Борисовича Шереметева.—Два документа къ исторіи села Чиркина. . . . . 79—88

ГЛАВА VII. Краткій историческій очеркъ села Чиркина, излюбленной вотчины боярина Василья Борисовича Шереметева, мѣста его вѣчнаго упокоенія . . . . 89—104

ГЛАВА VIII. Придворная служба стольника Ивана Васильевича Шереметева.—Старѣйшая родословная роспись Шереметевыхъ.—Свѣдѣнія о наличныхъ представителяхъ рода Шереметевыхъ.—Служебное положеніе боярина Петра Васильевича Большого Шереметева . . . . . 105—118

ГЛАВА IX. Состояніе Малороссіи послѣ плѣненія боярина Василья Борисовича Шереметева.—Тогобочная, правобережная, сторона, поддавшаяся Польскому королю, избираетъ себѣ въ гетманы Юрья Хмельницкаго; лѣвобережная, оставшаяся за Московскимъ царемъ,—переживаетъ гибельное междугетманство.—Три кандидата на гетманство: Сомко, Золоторенко и Брюховецкій.—Прошлое Брюховецкаго.—Онъ сближается съ Нѣжинскимъ протопопомъ Максимомъ.—Распря Кіевскихъ воеводъ.—Вспоминаютъ о порядкахъ, бывшихъ при Васильѣ Борисовичѣ Шереметевѣ.—Неистовства государевыхъ ратныхъ людей, по показанію Кіево-Печерскаго архимандрита Иннокентія Гизеля.—Князь

СТРАН.

Ю. Н. Борятинскій удаленъ изъ Кіева.—Поляки не имѣли возможности воспользоваться безурядицей, царившей въ Малороссіи.—Обаяніе Московскаго царя у Малороссіянъ.—Казаки желаютъ быть подъ управленіемъ царскихъ воеводъ.—Попытки Юрья Хмельницкаго возвратиться въ подданство царскаго величества.—Нѣжинскій протопопъ Максимъ возведенъ въ санъ епископа, подъ именемъ Меѳодія, и назначенъ блюстителемъ Кіевской митрополіи.—Къ смутѣ политической присоединяется смута церковная. . . 119—132

ГЛАВА X. Частые пріѣзды въ Москву Крымскихъ пословъ и гонцовъ.—Память о семъ сохранилась въ названіяхъ урочищъ Московскихъ.—Пріемъ гонцовъ хана Мухаммедъ-Гирея, Мамета съ товарищами.—Ихъ переговоры съ думнымъ дьякомъ Алмазомъ Ивановымъ.—Представляются царю Алексѣю Михайловичу.—Ковши, изъ коихъ потчивали Крымскихъ гонцовъ.—Грамоты царя Алексѣя Михайловича къ хану и къ верховному визирю Сеферъ-Гази-агѣ.—Посольство Римскаго цесаря . . . . . 133—149

ГЛАВА XI. Путь въ Москву цесарскаго посла Мейерберга.—Въѣздъ въ Москву.—Пріемы.—Участіе въ торжествахъ стольника Никиты Ивановича Шереметева.—Мѣстническая стычка Вельяминовыхъ-Зерновыхъ съ Новосильцовыми.—Значеніе Записокъ Мейерберга.—Наружность царя Алексѣя Михайловича, по описанію Мейерберга.—Рожденіе царевича Ѳедора Алексѣевича.—Отзывъ Мейерберга о плѣнѣ боярина Василья Борисовича Шереметева.—Его мнѣніе о причинѣ Чудновской катастрофы.—Магдалина Гонсѣвская домогается освобожденія своего мужа изъ Московскаго плѣна.—Она предлагаетъ внести денежный выкупъ за Василья Борисовича Шереметева.—Польскій король запутываетъ все дѣло.—За Гонсѣвскаго освобождены изъ Польскаго плѣна товарищи-сподвижники Василья Борисовича Шереметева.—Крымскій ханъ недоволенъ пріемомъ своихъ гонцовъ въ Москвѣ. 150—165

ГЛАВА XII. Набѣгъ Крымскихъ Татаръ на Южно-Русскую Украйну.—Опустошенія въ Сѣвскомъ уѣздѣ.—Тревога въ Москвѣ.—Сеунчи о разбитіи Татаръ.—Ширинскій князь, зять хана, взятъ въ плѣнъ.—

стран.

Царь Алексѣй Михайловичь молится у раки преподобнаго Саввы Сторожевскаго по случаю избавленія Москвы отъ нашествія иноплеменныхъ.—Плѣнный Ширинскій князь привезенъ въ Москву.—Значеніе Ширинова въ Крымскомъ юртѣ.—Завѣтная традиція Крымской политики. — Плѣнный Ширинскій князь умираетъ въ Москвѣ.—Бояринъ Петръ Васильевичь Шереметевъ Большой назначенъ воеводою въ Сѣвскъ. — Правительство повидимому рѣшило пристальнѣе заняться Малороссіей. — Кардисскій договоръ.—Польша находится въ состояніи полной анархіи.—Тяжкія послѣдствія для насъ отъ продолжительныхъ войнъ.—Денежный провалъ. — Выпускъ мѣдныхъ денегъ.—Поддѣлка ихъ.—Отъѣздъ Петра Васильевича Шереметева изъ Москвы въ Сѣвскъ.—Значеніе Сѣвска.—Границы Сѣвскаго полка. — Предѣлы власти Петра Васильевича Шереметева, какъ Сѣвскаго воеводы. . . . . 166—181

ГЛАВА XIII. Описаніе города Сѣвска.—Распоряженія о снабженіи Петра Васильевича Шереметева всѣмъ нужнымъ по воеводскому положенію.—Большое воеводское знамя Шереметева. — Причина медлительности похода Шереметева въ Сѣвскъ.—Грамота царя Алексѣя Михайловича къ Петру Васильевичу Шереметеву о Московскомъ бунтѣ. — Причины бунта.—Кровавая расправа съ бунтовщиками въ с. Коломенскомъ.—Донскіе казаки.—Ханъ Крымскій вынужденъ былъ самъ ходить подъ Азовъ, смирять ихъ. — По возвращеніи хана въ Бахчисарай, Василья Борисовича Шереметева ночью возили въ Акъ-Мечеть, къ калгѣ.—Нашимъ Крымскимъ посланникамъ, Опухтину и Байбакову, объявили, что ихъ отпускаютъ изъ Крыма.—Въ какомъ видѣ получаютъ они назадъ отобранныя у нихъ вещи.—Свиданіе посланниковъ съ Шереметевымъ.—Василій Борисовичь, въ съѣзжемъ шатрѣ у верховнаго визиря, участвуетъ въ посольскихъ переговорахъ.—Его отвѣты, полные достоинства, одушевляютъ нашихъ посланниковъ.—Неудачный исходъ переговоровъ. . . . . 182—197

ГЛАВА XIV. Взглядъ Сеферъ-Гази-аги и прочихъ совѣтниковъ хана на тяжбу Москвы съ Польшею изъ-за

стран.

Малороссіи.—Донесенія Петра Васильевича Шереметева объ опустошеніяхъ, произведенныхъ Татарами на лѣвомъ берегу Днѣпра.—Поляки и слышать не хотятъ о перемиріи съ Москвою.—Смерть посланника Опухтина.—Байбаковъ испрашиваетъ дозволеніе вывезти тѣло усопшаго на Русь.—Ханскій пріемъ Байбакова въ саду.—Свиданіе Байбакова съ Васильемъ Борисовичемъ Шереметевымъ въ Жидовскомъ городкѣ.—Заботы Шереметева о своихъ сотоварищахъ по плѣну.—Невыносимое положеніе нашихъ плѣнныхъ въ Крыму.—Василій Борисовичь Шереметевъ никому изъ плѣнныхъ не отказывалъ въ своемъ ручательствѣ и тѣмъ избавлялъ ихъ отъ продажи на Турецкія каторги.—Самоотверженіе Шереметева.—Отъѣздъ посланника Байбакова изъ Крыма.—Прибывшимъ въ Крымъ станичникамъ, подъ смертною казнью, воспрещено видѣться и сноситься съ Шереметевымъ.—Царь Алексѣй Михайловичь назначилъ Василью Борисовичу Шереметеву постоянное жалованье.—Въ Москвѣ были недовольны, что Шереметевъ ручается за плѣнныхъ. — Оправданіе Шереметева . . . . . 198—214

ГЛАВА XV. Бояринъ Петръ Васильевичь Большой Шереметевъ вызванъ изъ Сѣвска въ Москву.—Распря царя съ патріархомъ Никономъ. — Боборыкинское дѣло.—Никонъ ссылается на Петра Васильевича Шереметева, какъ на старожила и прежняго вотчинника спорной Качебаровской земли.—Рѣзкое письмо Никона къ царю Алексѣю Михайловичу. — Стольникъ Никита Ивановичь Шереметевъ бьетъ челомъ о мѣстѣ на князя Юрья Петровича Трубецкаго, выставляя на видъ «иноземчество» послѣдняго.—Объясненіе этого довода.—Протестъ Никиты Ивановича Шереметева оставленъ безъ послѣдствій. — Петръ Васильевичь Большой Шереметевъ, какъ старшій въ родѣ, вступается за своего двоюроднаго брата, Никиту Ивановича.—Дѣло рѣшилось въ пользу князя Трубецкаго, которому предоставлено доправить съ Шереметевыхъ половину денежнаго оклада своего дѣда.—Гетманомъ лѣвобережной Украйны избранъ Ив. Март. Брюховецкой, а правобережной—Павелъ Тетеря. . . . 215—230

СТРАН.

ГЛАВА XVI. Дѣла въ Польшѣ улучшились. — Король Янъ-Казиміръ затѣваетъ войну съ Москвою. — Его воззваніе о необходимости вырвать изъ рукъ Московскаго царя всю Украйну.—Движеніе Польскаго войска тремя путями. — Военный совѣтъ въ Бѣлой-Церкви. — Мечтанія Польскаго короля. — Петръ Васильевичь Шереметевъ задержанъ въ Москвѣ.—Ему велѣно по первому зимнему пути итти на встрѣчу Литовскаго войска. — Протоколъ Боярской Думы. — Знамя, данное Шереметеву.—Король Польскій вступаетъ съ войскомъ въ лѣвобережную Украйну.— Дурныя дороги и недостатокъ продовольствія. — Голодъ въ Польскомъ войскѣ. — Калмыки — гроза Крымскихъ Татаръ, союзниковъ Польскихъ. — Воевода въ Царицынѣ, нарочито «для Калмыцкихъ дѣлъ».—Главный воевода Московскаго войска князь Г. Г. Ромодановскій.—Сравненіе Заднѣпровскаго похода Яна-Казиміра съ нашествіемъ на Россію Наполеона I.—Способъ дѣйствій князя Ромодановскаго.— Петръ Васильевичь Шереметевъ возвращается въ Сѣвскъ. — Зимовка Польскаго войска. — Донесенія Петра Васильевича Шереметева объ опустошеніяхъ, произведенныхъ непріятелемъ въ Сѣверщинѣ . . . 231—248

ГЛАВА XVII. Бояринъ Петръ Васильевичь Шереметевъ идетъ въ Путивль, на встрѣчу королевскаго войска. — Изъ Москвы высланы въ войско Шереметева и другихъ воеводъ лекаря и костоправы.— Королевское войско осаждаетъ Глуховъ.—Отбито съ потерею всего обоза.—Бѣгство королевскаго войска.— Рядъ нанесенныхъ ему пораженій.—Король Польскій спасся отъ плѣна по оплошности князя Черкасскаго.— Царская грамота.—Петръ Васильевичь Шереметевъ свидѣтельствуетъ о подвигахъ епископа Лазаря Барановича.—Разсужденіе Польскаго историка о результатахъ войны. — Воззваніе царя Алексѣя Михайловича къ монастырямъ о денежной помощи.—Царь согласился приступить къ переговорамъ съ Польскими коммиссарами о заключеніи мира. . . . . 249—264

ГЛАВА XVIII. Крымскіе Татары осуждаютъ Польскаго короля за неудачный походъ въ Украйну. — Донесеніе Василья Борисовича Шереметева госу-

стран.

дарю о толкахъ и пересудахъ въ Крыму.—Татары требуютъ заключенія мира съ Московскимъ государствомъ. — Отправленіе Крымскихъ пословъ въ Москву. — Они пойманы и перебиты Калмыками.— Турецкій султанъ настаиваетъ, чтобы Василій Борисовичь Шереметевъ былъ высланъ въ Царьградъ.— Ханъ Мухаммедъ-Гирей отговорился тѣмъ, что Шереметевъ будто бы умеръ.—Князь Григорій Сунчалеевичь Черкасскій взялся тайно вывезти Шереметева изъ Крыма. — Верховный визирь Сеферъ-Гази-ага согласился содѣйствовать сему.—Замыселъ открылся.—Верховный визирь убитъ.—Отписка Василья Борисовича Шереметева къ государю о претерпѣваемыхъ имъ мученіяхъ и тѣснотѣ.—На искупленіе Шереметева производился особый частный сборъ. — Пожертвованія на сей предметъ князя Н. И. Одоевскаго и князя И. А. Воротынскаго. — Дороговизна тогдашнихъ денегъ. — Денежные оклады Шереметевыхъ и другихъ.—Снаряженіе пословъ въ Англію.— Тайный наказъ посламъ. . . . . 265—281

ГЛАВА XIX. Пріѣздъ въ Москву Англійскаго посла графа Карлейля.—Смотръ ратнымъ людямъ на Дѣвичьемъ полѣ. — Стольникъ Никита Ивановичь Шереметевъ участвовалъ во всѣхъ церемоніяхъ пріема и угощеній Англійскаго посла.—Англичане поражены великолѣпіемъ Московскаго двора.—Наружность царя Алексѣя Михайловича, по описанію Англичанина. — Никита Ивановичь Шереметевъ ѣздилъ къ посламъ съ столовымъ кушаньемъ.—Получилъ въ подарокъ кубокъ.— За столомъ у государя, Никита Ивановичь Шереметевъ былъ посаженъ вмѣстѣ съ посломъ.—Обиліе кушаній и напитковъ.—Никитѣ Ивановичу Шереметеву прибавленъ денежный окладъ и пожалована земля.—Свѣдѣніе объ его женѣ, Евдокіѣ Ѳедоровнѣ.— Болѣзнь Никиты Ивановича Шереметева.—Старинные рецепты. . . . . 282—296

ГЛАВА XX. Съѣзды нашихъ пословъ съ Польскими коммиссарами для заключенія мирнаго договора. — Къ мѣсту съѣздовъ отправлено войско.—Стычка Русскаго войска съ Литовскимъ.—Мирные переговоры отложены.—Наказъ, данный стольнику Кикину, назначен-

стран.

ному состоять при гетманѣ Брюховецкомъ.—Обязанности Сѣвскаго воеводы Петра Васильевича Шереметева, по отношенію къ Малороссіи и гетману Брюховецкому. — Малороссіяне, преданные царю, упадаютъ духомъ, не видя поддержки съ его стороны.— Негодуютъ на то, что Петру Васильевичу Шереметеву велѣно оставаться въ Сѣвскѣ. — Моровое повѣтріе. — Новое знамя, присланное Шереметеву.— Приказаніе Шереметеву выступить въ Переяславль.— Задержка за подводами и за жалованьемъ ратнымъ людямъ.—Походъ въ Переяславль отмѣненъ.— Мѣры, принятыя Петромъ Васильевичемъ Шереметевымъ къ пресѣченію повѣтрія. — Дѣятельность Шереметева по Сѣвскому полку.—Требовательность Разряднаго приказа.—Выговоръ Шереметеву . . . 297—313

ГЛАВА XXI. Гетманъ Брюховецкій настаиваетъ на скорѣйшей присылкѣ государевыхъ ратныхъ людей въ Малороссію.—Сообщаетъ послѣднія извѣстія о Польскихъ дѣлахъ.—Брюховецкій получаетъ приказаніе прибыть въ Москву.—Посылаетъ вмѣсто себя Зиньковскаго полковника и войскового писаря.—Широковѣщательное посланіе Брюховецкаго къ царю Алексѣю Михайловичу. — Несвоевременность пріѣзда посланцевъ Брюховецкаго въ Москву.—Внезапный пріѣздъ въ Москву патріарха Никона и Зюзинское дѣло.— Сѣтованіе Брюховецкаго на пренебреженіе, съ которымъ относились въ Москвѣ къ Запорожскимъ посланцамъ.—Озорничество Запорожцевъ.—Посланцамъ Брюховецкаго объявляютъ, что въ Кіевъ назначенъ воеводою князь Никита Яковлевичъ Львовъ и что съ первымъ зимнимъ путемъ туда же придетъ съ войскомъ изъ Сѣвска и бояринъ Петръ Васильевичъ Шереметевъ. — Служебныя хлопоты Шереметева и непріятности. . . . . 314—332

ГЛАВА XXII. Странное положеніе Шереметева по отношенію къ вновь назначенному Кіевскому воеводѣ князю Н. Я. Львову.— Онъ не торопится выступать въ Кіевъ.—Отъѣздъ гетмана Брюховецкаго въ Москву.— Письмо Кіевскаго полковника Дворецкаго къ Петру Васильевичу Шереметеву. — Довѣріе Малороссіянъ къ Шереметеву.—Смута въ правобережной Украйнѣ,

СТРАН.

послѣ бѣгства гетмана Тетери. — Искатели гетманства. — Казакъ Степанъ Опара. — Петръ Дорошенко провозглашенъ гетманомъ тогобочной Украйны. — Письмо епископа Меѳодія о необходимости скорѣйшаго прибытія въ Кіевъ Петра Васильевича Шереметева. — Брюховецкій женится въ Москвѣ на княжнѣ Долгоруковой. — Свидѣтельство епископа Меѳодія о непригодности Кіевскаго воеводы князя Львова.—Епископъ продолжаетъ настаивать на необходимости присутствія въ Малороссіи Петра Васильевича Шереметева. — Кіевскій воевода князь Львовъ смѣненъ и на его мѣсто назначенъ бояринъ Петръ Васильевичь Шереметевъ.—Походъ Шереметева въ Кіевъ. — Радость Малороссіянъ по случаю назначенія Шереметева воеводой въ Кіевъ.—Приношенія ему. . . . . 333—350

ГЛАВА XXIII. Приключенія слуги Василья Борисовича Шереметева, Михаила Старкова, посланнаго къ нему изъ Москвы съ жалованными соболями. — Ханъ Мухаммедъ-Гирей притѣсняетъ Ногайцевъ и тѣмъ возстановляетъ противъ себя Высокую Порту. — Ищетъ сближенія съ Москвою — Приказываетъ съѣздить язычею, вмѣстѣ съ Старковымъ, въ Жидовскій городокъ, къ Василью Борисовичу Шереметеву. — Осторожность Шереметева въ разговорахъ съ Крымскими дѣльцами. — Пріѣздъ въ Крымъ государева гонца Романова.—При гонцѣ прибылъ слуга Василья Борисовича Шереметева Лощеловъ съ жалованными соболями.—Ханъ запретилъ прибывшимъ ѣхать въ Жидовскій городокъ. — Они имѣли свиданіе съ Васильемъ Борисовичемъ у ханскаго казначея.—Обстоятельства сверженія Мухаммедъ-Гирея съ ханскаго престола. — Дѣло это устроено Исламъ-агой, сыномъ убитаго верховнаго визиря Сеферъ-Гази-аги. — Происхожденіе новаго хана Аадиль-Гирея. . . . . 351—368

ГЛАВА XXIV. Послѣдніе дни царствованія Мухаммедъ-Гирея.—Отписка Шереметева, полная отчаянія отъ мученій Мухаммедовыхъ.—Новый ханъ Аадиль-Гирей идетъ въ Крымъ моремъ, въ сопровожденіи гребной эскадры.—Мухаммедъ-Гирей бѣжитъ изъ Крыма, тайно захвативъ съ собою плѣннаго боярина Ва-

стран.

силья Борисовича Шереметева.—Ширины пустились въ погоню за бѣглецомъ.—Страданія Шереметева.—Ширины настигли Мухаммедъ-Гирея въ Кабардѣ.—Шереметева отняли и увезли назадъ, въ Крымъ.—Дальнѣйшая судьба Мухаммедъ-Гирея.—Воспоминаніе Шереметева о тяжелыхъ для него годахъ Мухаммедова царствованія.—Пріѣздъ въ Крымъ новаго хана Аадиль-Гирея, съ новымъ верховнымъ визиремъ Исламъ-агой.—Шереметева представляютъ и тому и другому.—Переговоры Исламъ-аги съ Московскими посланниками Якушкинымъ и Михайловымъ, въ присутствіи Шереметева.—Переговоры о выкупѣ Шереметева.—Ханъ совѣщается по этому дѣлу съ агами.—Постановленныя условія выкупа.—Отвѣтъ Шереметева.—Значительное улучшеніе положенія Шереметева.—Этимъ онъ обязанъ Исламъ-агѣ и тещѣ хана.—Собственноручная отписка Шереметева къ государю. 369—389

ГЛАВА XXV. Крымскія событія имѣли вліяніе на временное умиротвореніе Малороссіи. — Численность войска, прибывшаго въ Кіевъ съ Петромъ Васильевичемъ Шереметевымъ.—Планы Петра Дорошенка.—Возвращеніе изъ Москвы гетмана Брюховецкаго съ небывалымъ у казаковъ саномъ боярина.—Негодованіе Кіевскихъ духовныхъ особъ на Брюховецкаго за статью о назначеніи на Кіевскую митрополію Русскаго святителя.—Кіевскія власти собираются у боярина Петра Васильевича Шереметева съ жалобою на отнятіе у нихъ стародавняго права. — Отвѣты Шереметева. — Двоедушіе епископа Меѳодія.—Универсалы Дорошенка и Брюховецкаго. — Всеобщая ненависть къ Брюховецкому.—До пріѣзда государевыхъ воеводъ, Брюховецкій поспѣшаетъ захватывать разныя мѣстности и угодья.—Шереметевъ унимаетъ грабежъ и тѣмъ навлекаетъ на себя злобу грабителя. — Заботы Шереметева объ облегченіи Малороссіянъ отъ подводной и постойной повинностей.—Безкорыстіе боярина Петра Васильевича Шереметева . . . . . 390—412

ГЛАВА XXVI. Петръ Васильевичъ Шереметевъ стоитъ за сохраненіе старой Кіевской школы.—Бывшіе при немъ, въ Кіевѣ, сыновья его. — Предположеніе, что старшій изъ нихъ, Борисъ Петровичъ (будущій фельд-

СТРАН.

маршалъ), обучался въ означенной Кіевской школѣ.—Отвѣты Петра Васильевича Шереметева присланному изъ Москвы дьяку Евстрату Фролову о разныхъ дѣлахъ Малороссійскихъ.—Непримиримая вражда епископа Меѳодія и прочихъ Кіевскихъ властей къ гетману Брюховецкому.—Праздничная трапеза въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ.—Бесѣда Петра Васильевича Шереметева съ архимандритомъ Иннокентіемъ Гизелемъ.—Положеніе дѣлъ вселенской патріархіи.—Нестроеніемъ церковнымъ пользуется для своихъ цѣлей Петръ Дорошенко. — Воззваніе Петра Васильевича Шереметева къ Войску Запорожскому. — Образчикъ церковной книжности Шереметева . . . . . 413—429

ГЛАВА XXVII. Одновременно съ воззваніемъ Петра Васильевича Шереметева, казачество читало универсалы Дорошенка.—Общее шатаніе.—Происшествія въ Переяславскомъ полку. — Новая смута въ Крымскомъ улусѣ.—Несочувствіе Крымцевъ къ хану Аадиль-Гирею. — Его попытка собрать съ Татаръ плѣнниковъ, для Турецкаго султана. — Великая «замѣшанина».—Вражда между ханомъ и Ширинами.—Разсказъ Василья Борисовича Шереметева о междоусобіи, возникшемъ въ Крыму. — Ширины покидаютъ Крымъ.—Исламъ-ага спѣшитъ окончаніемъ дѣла о выкупѣ Василья Борисовича Шереметева.—Его разговоръ съ Шереметевымъ.—Отписка Шереметева къ царю Алексѣю Михайловичу, съ мольбою о выкупѣ.—Письмо Шереметева къ дьяку Алмазу Иванову.—Царскій гонецъ Романовъ заболѣлъ, «въ умѣ рушился» . . 430—447

ГЛАВА XXVIII. Пріѣздъ гонцовъ Крымскаго хана въ Москву. — Тамъ всѣ были заняты мирными переговорами съ Поляками и пріѣздомъ вселенскихъ патріарховъ для суда надъ Никономъ.—Развязка Никоновскаго дѣла.—Новый патріархъ Іоасафъ.—Торжественная встрѣча образа Спасова, бывшаго на съѣздѣ съ Польскими людьми.—Засѣданія большого Московскаго собора по церковнымъ дѣламъ. — Посылка въ Крымъ стольника Лодыженскаго.—Андрусовскій мирный договоръ. — Волненіе въ Малороссіи. — Царскіе воеводы.—Убіеніе въ Запорогахъ ханскихъ гонцовъ и стольника Лодыженскаго.—Отобранный у Лодыжен-

стран.

скаго наказъ.—Несчастный исходъ посольствъ ханскаго и царскаго отсрочивалъ на неопредѣленное время дѣло выкупа Василья Борисовича Шереметева изъ Крымскаго плѣна . . . . . 448—467

ГЛАВА XXIX. Дорошенко возбуждаетъ Запорожцевъ противъ Московскаго царя. — Предлагаетъ казакамъ соединиться съ Крымцами.—Крикъ негодованія старшины.—Дорошенко отказывается отъ гетманства. — Былъ упрошенъ взять булаву назадъ. — Крымскій ханъ посылаетъ Дорошенку вспомогательное войско.— Татары съ казаками Дорошенковыми производятъ опустошенія въ Польшѣ.—Жестокосердіе казаковъ.— Дорошенко посылаетъ въ Крымъ полковниковъ Зеленскаго и Лесницкаго съ письмомъ къ хану.—Полковниковъ не допустили до Василья Борисовича Шереметева.—Ихъ письмо къ Шереметеву.—Андрусовскій договоръ разстроилъ всѣ планы Дорошенка.—Смута въ Малороссіи ростетъ.—Трудное положеніе Кіевскаго воеводы Петра Васильевича Шереметева.—Пріѣздъ въ Кіевъ царскаго посланца Іоны Леонтьева.—Разговоръ Леонтьева съ Брюховецкимъ о причинахъ шатости между казаками.—Въ противоположность Брюховецкому, Петръ Васильевичъ Шереметевъ даетъ Леонтьеву весьма существенныя указанія по дѣламъ Малороссійскимъ.—Взглядъ Шереметева на церковное дѣло въ Малороссіи.—Прибытіе въ Малороссію стольника Телепнева съ оффиціальнымъ извѣщеніемъ о заключеніи Андрусовскаго договора.—Молебствіе въ Кіево-Софійскомъ соборѣ. . . . . 468—484

ГЛАВА XXX. Возвращеніе въ Крымъ Ширинскихъ мурзъ.—Верховный визирь Исламъ-ага утрачиваетъ вліяніе на дѣла и вынужденъ бѣжать въ Турцію.— Василья Борисовича Шереметева опять заперли въ жидовской избѣ. — Прибытіе въ Крымъ изъ Царьграда посланника великаго государя, стольника Василья Михайловича Тяпкина. — Наглость ханскихъ чиновниковъ.—Переписка Василья Борисовича Шереметева съ Тяпкинымъ.—Извѣстіе о кончинѣ сына Василья Борисовича, стольника Ивана Васильевича Шереметева. — Заботливость Василья Борисовича о семьѣ своей, оставшейся въ Москвѣ . . . . . 485—498

стран.

ГЛАВА XXXI. Продолженіе переписки Василья Борисовича Шереметева съ стольникомъ Тяпкинымъ.—Ихъ свиданіе въ Жидовскомъ городкѣ. — Бесѣдѣ ихъ мѣшаетъ Татарскій толмачъ.—Арсланъ-ага заводитъ разговоръ о мирѣ.—Проситъ, чтобы великій государь пожаловалъ ему шубу. — Василья Борисовича Шереметева заставляютъ писать отписку государю съ восхваленіями доброты хана. — Тайная отписка Шереметева къ государю.— Отъѣздъ стольника Тяпкина изъ Крыма.—Возвращеніе въ Крымъ Исламъ-аги.— Василій Борисовичъ поспѣшаетъ возобновить сношенія съ нимъ. — Напоминаетъ ему объ объщаніи дѣлать «годное» великому государю. — Временное торжество Исламъ-аги вовсе не смиряетъ Ширинovъ.—Двѣ партіи въ средѣ Крымскихъ агъ и мурзъ.—Интриги Дорошенка.—Шереметевъ у Исламъ-аги. — Ихъ разговоръ, между прочимъ и объ выкупѣ . . . . . 499—516

ГЛАВА XXXII. Василій Борисовичъ Шереметевъ опять вызванъ къ Исламъ-агѣ.—Шереметеву разрѣшено послать въ Москву съ ханскимъ гонцомъ Шемай-Дуданомъ и отъ себя лично кого нибудь изъ плѣнныхъ.— Выборъ Шереметева палъ на жильца Суздальцева.— Необычайная милость хана къ Суздальцеву.— Главная цѣль посылки Суздальцева—подвинуть дѣло о выкупѣ Василья Борисовича Шереметева.—Опасеніе Татаръ, чтобы казаки не увезли Шереметева изъ Крыма.— Пріѣздъ въ Москву Польскаго посла Бенёвскаго.— Пріемъ его. Участіе въ церемоніяхъ стольника Никиты Ивановича Шереметева.—Дерзостъ Бенёвскаго и возмездіе за то.—Мѣстническое дѣло князей Жирового-Засѣкина и Солнцева-Засѣкина. — Подтвержденіе Андрусовскаго договора.—Возвышеніе Ордина-Нащокина.—Упрямый мѣстникъ.—Переговоры Ордина-Нащокина и его товарищей съ Польскимъ посломъ. — Польскіе плѣнные отказываются итти назадъ въ Польшу и просятъ, какъ милости, чтобы ихъ оставили навсегда въ Россіи.—Плѣнные шляхтичи, проживавшіе у боярина Петра Васильевича Большого Шереметева . . . . . 517—534

ГЛАВА XXXIII. Ханскій гонецъ Шемай-Дуданъ и Шереметевскій посланецъ Суздальцевъ въ Москвѣ.—Пе-

стран.

ремѣна въ высшемъ государственномъ управленіи.— Разспросы Суздальцева въ Посольскомъ приказѣ. — Дѣло о выкупѣ Василья Борисовича Шереметева было рѣшено еще до пріѣзда въ Москву жильца Суздальцева. — Посылка на Донъ жильца Ушакова и подъячаго Долгово для соглашенія о выкупѣ Шереметева. — За Василья Борисовича положено дать окупу изъ государевой казны только 25.000 рублей; остальное до 60.000 предоставлялось Шереметеву уплатить изъ своихъ средствъ.—Отвѣтъ Шереметева.—Сверженіе верховнаго визиря Исламъ-аги.— Шереметевъ ночью вызванъ въ Бахчисарай, къ хану.—Разговоръ Шереметева съ ханомъ Аадиль-Гиреемъ.—Шереметевъ подноситъ хану двѣ пары соболей и шубу. — Ханъ рѣшилъ было отпустить Шереметева въ Азовъ, но карачеи отговорили его отъ этого. — На Донъ отправленъ близкій ханскій человѣкъ для мирныхъ переговоровъ съ Московскими уполномоченными. — Жилецъ Нармацкій. — Василій Борисовичъ Шереметевъ перемѣщенъ изъ Жидовскаго городка въ Греческую слободу Маріамполь . . 535—551

Указатель . . . . . 553—575

Списокъ приложеній 577

Замѣченныя опечатки и описки 579

ГЛАВА I.

Несчастіе, постигшее Московскую рать и ея главнаго воеводу, боярина Василья Борисовича Шереметева, принято было въ католической Европѣ за «милость Божію ко всему христіанскому міру». Папа Александръ VII послалъ Польскому королю Яну-Казиміру апостольское благословеніе и поздравленіе «съ преславною побѣдою надъ Московитами», названными въ письмѣ его къ королю «врагами святой церкви». Папа самолично отслужилъ съ большою торжественностію благодарственное молебствіе въ храмѣ святого Станислава[1].

Въ то самое время, когда Римъ праздновалъ нашу неудачу, ликовалъ по тому-же слу-

[1] Theiner. Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae historiam illustrantia. Romae. 1683. T. III. p. 553.

чаю и Крымскій юртъ. Его рынки переполнялись многочисленнымъ ясыремъ, пригнаннымъ изъ Украйны. Всюду слышалось дикое веселье Татаръ, плачъ и вопль несчастныхъ Россіянъ. 13 числа декабря 1660 года, привезенъ былъ, наконецъ, въ Бахчисарай и самъ Василій Борисовичъ Шереметевъ. Семь недѣль волочили его Татары по степи[2], окольными дорогами и стежками, постоянно находясь подъ страхомъ преслѣдованія и потери столь цѣнной добычи. Нурадинъ Муратъ-Гирей-царевичъ сдалъ Шереметева съ рукъ наруки ближнему ханскому человѣку, великому визирю Крымскаго юрта Сеферъ-Гази-агѣ, который помѣстилъ его сначала у себя, на съѣзжемъ дворѣ, въ нижней палатѣ, вмѣстѣ съ людьми своими. При Шереметевѣ оставлены были только крестовый попъ Симеонъ, да толмачъ Терентій Фроловъ; прочихъ его спутниковъ, сперва заключили въ Козловскую тюрьму, а всѣхъ слугъ Шереметева нурадинъ-царевичъ взялъ себѣ[3], какъ своихъ личныхъ плѣнныхъ, и увезъ въ свое посто-

---

[2] Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ: Крымскія дѣла 1661 года. Связка 54/в. № 4.

[3] Тамъ-же.

янное мѣстопребываніе близъ деревни Качи, на одинъ часъ пути отъ Бахчисарая.

Въ самый день пріѣзда въ Бахчисарай, Шереметеву велѣли быть у хана Мухаммедъ-Гирея. Судя по разсказу самого Шереметева, ханъ съ перваго раза обошелся съ нимъ какъ будто бы даже ласково. «Какъ я къ царю въ палату вшелъ,—говоритъ Шереметевъ,—и ему поклонился, и царь меня спросилъ о здоровьѣ и говорилъ мнѣ, чтобы я не сумнѣвался и не кручинился: которые-де государямъ своимъ служатъ вольно (такъ!), и надъ тѣми всегда то бываетъ». За тѣмъ ханъ велѣлъ Шереметеву итти къ агѣ во дворъ[4].

Въ то время, въ Бахчисараѣ находился посланникъ изъ Цареграда, доставившій хану золотной кафтанъ, въ подарокъ отъ его верховнаго повелителя. Турецкій посланникъ выразилъ желаніе посмотрѣть на знатнаго Московскаго плѣнника. Тотчасъ-же по возвращеніи Шереметева изъ ханскаго дворца, Сеферъ-Гази-ага вызвалъ его къ себѣ, въ верхнюю палату. Тамъ уже сидѣлъ Турецкій

[4] Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ: Крымскія дѣла 1660 года. Связка 54/а. № 8.

посланникъ. Послѣдній, кажется, былъ пораженъ величавымъ видомъ Шереметева, какъ это можно заключить изъ слѣдующаго выраженія очевидца: «Турскій посланникъ боярина Василья Борисовича видѣлъ и похвалилъ»[5].

Сеферъ-Гази-ага, очевидно разсчитывая произвести впечатлѣніе на своего почетнаго гостя, Турецкаго посланника, съ важностію началъ говорить Шереметеву: «Царь идетъ со многими людьми на украинные города войною, а царскому величеству, государю вашему, встрѣтить ихъ не съ кѣмъ: ратныхъ людей у него мало, а которые и были, тѣ побиты и въ полонъ поиманы».

Василій Борисовичь Шереметевъ досадливо перебилъ агу: «Какъ это такъ говорить! Великій государь нашъ, его царское величество,—сильный и богатый; людей у него, великаго государя нашего, много и жаловать есть чѣмъ. Не только что васъ въ украинные городы впустить, и подпустить не велитъ; вышлетъ противъ васъ своихъ государевыхъ бояръ и воеводъ со многими людьми и съ

[5] Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ: Крымскія дѣла 1660 года. Связка 54/а. № 8.

огненнымъ боемъ; вамъ и дѣлать будетъ нечего. Да и сами вы вѣдаете, что великій государь нашъ бьется со всѣми непріятели своими людьми, а въ помочь ни у кого не емлетъ и изъ иныхъ земель не наймуетъ, потому что у него, великаго государя нашего, своихъ людей много. А вы и хóдите войною, сложась съ непріятели царскаго величества, съ Поляки, и помогаете Полякамъ, а Поляки вамъ помогаютъ. Да и нынѣ ваши люди видѣли, какъ я, будучи въ окопѣ, бился съ Поляками, и Поляковъ и вашихъ людей побивалъ многихъ. И только бы Полякамъ не помогали ваши люди и вашимъ Поляки, и я бы васъ всѣхъ побилъ. Нѣтъ, у великаго государя нашего людей много и биться съ вами есть кому и ничѣмъ вы не страшны»!

Сеферъ-Гази-ага «осердился, учалъ боярина Василья Борисовича бранить, называлъ гяуромъ, и велѣлъ итти вонъ».

Когда Шереметевъ всталъ, кто-то изъ сидѣвшихъ проговорилъ вслухъ: «Знаю я, что взять за такого окупу двѣсти тысячъ золотыхъ червонныхъ». Василій Борисовичь, оборотясь въ сторону говорившаго, сказалъ, «чтобы онъ заплатилъ за него хотя полтора-

ста тысячъ золотыхъ; а что онъ, Шереметевъ, за себя нынѣ окупу ничего не сказываетъ, не услышавъ къ себѣ великаго государя, его царскаго величества, милости и жалованья». Съ этими словами Шереметевъ оставилъ палату.

Приведенный разговоръ съ Сеферъ-Газиагой, вѣроятно имѣвшій еще болѣе острый характеръ противъ того, какъ онъ дошелъ до насъ, по описанію людей того времени, всегда сдержанныхъ и осторожныхъ, имѣлъ весьма дурныя послѣдствія для Василья Борисовича. Мстительный Татаринъ долго не могъ забыть его дерзкихъ, горделивыхъ словъ, высказанныхъ въ присутствіе Турецкаго посланника. Прежде всего досталось отъ аги Татарскому переводчику Исламу, который съ такою добросовѣстностію толмачилъ отвѣтъ Шереметева. Исламъ передавалъ потомъ, что «ближній человѣкъ бранилъ его, что такія рѣчи Шереметева при Турскомъ гонцѣ сказывалъ: мочно-де было тебѣ и послѣ сказать»[6]. Что же касается до самого Шереметева, то ему весьма скоро пришлось убѣдиться, какъ не-

[6] Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ: Крымскія дѣла 1660 года. Связка 54/а. № 8.

выгодно было прогнѣвлять такую сильную особу Крымскаго юрта, какъ Сеферъ-Гази-ага, о которомъ самъ Василій Борисовичъ писалъ государю, что «во всякихъ дѣлехъ онъ, ага, владѣтеленъ и дѣлаетъ какъ хочетъ»[7]. Дабы затруднить выкупъ Шереметева, Сеферъ-Гази-ага сразу поднялъ требованія по сему предмету до невозможнаго, а именно: уплаты Крымцамъ казны за четыре года впередъ и уступки имъ Казани и Астрахани!..

14 декабря, по порученію Сеферъ-Гази-аги, пріѣзжалъ въ Мангупъ, къ проживавшимъ тамъ посланникамъ нашимъ, дворянину Ивану Даниловичу Опухтину и Θирсу Θедоровичу Байбакову, приставъ ихъ Исупъ и говорилъ: «Былъ-де, декабря въ 13 день, у Сеферъ-Гази-аги; нурадинъ-царевичь пріѣзжалъ къ царю, и Шереметева привезъ да съ нимъ толмача и попа; и ага велѣлъ Шереметева поставить у себя на дворѣ, и предъ царя его приводилъ, и говорилъ онъ, Шереметевъ, что шелъ противъ Поляковъ, а про нурадина-царевича не вѣдалъ. И про то-де ага велѣлъ вамъ сказать, что какъ Шереметева привезли,

[7] Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ: Крымскія дѣла 1661 года. Связка 54/в. № 4.

къ царю же привели атамана казачья съ казаками, которому было итти на море стругами Крымъ воевать, и тѣхъ казаковъ казнили, а иныхъ къ Турскому султану для вѣстей послали. И нынѣ-де, чтобы межъ государи, попрежнему, дружба учинить, на себя переймете ль, что великій государь пришлетъ на четыре года казны и Казань и Астрахань поступится, и въ томъ порукою Шереметева и посланниковъ (Якушкина и Михайлова) напишете ль»?

Опухтинъ и Байбаковъ, озадаченные такимъ дерзкимъ запросомъ, отвѣтили уклончиво: «Какъ ты, Исупъ, будешь у аги, и ты ему скажи, что мы у тебя рѣчей выслушали и отвѣтъ агѣ учинимъ, какъ онъ намъ велитъ у себя быть; а что говорилъ о казнѣ, и о томъ бы намъ дали съ посланники видѣться; переговоря съ ними, и о казнѣ отвѣтъ учинимъ»[8].

Трудно допустить, чтобы по вопросу объ уступкѣ Казани и Астрахани, у Сеферъ-Гази-аги не было разговора и съ Шереметевымъ. Напротивъ того, есть основаніе полагать, что

[8] Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ: Крымскія дѣла 1659—1663 года. Связка 54/а. № 3.

у нихъ именно былъ разговоръ объ этомъ и что отвѣтъ Шереметева былъ слишкомъ рѣзокъ. Иначе нечѣмъ объяснить, почему Василья Борисовича вдругъ перевели съ агина двора въ болѣе тяжкое заключеніе, на царевъ дворъ, именно въ сейменскую избу[9], и велѣли заковать въ кандалы. Случилось это около 18 декабря и очевидно по настоянію Сеферъ-Гази-аги, потому что самъ ханъ Мухаммедъ-Гирей, какъ увидимъ ниже, относился къ Шереметеву какъ будто бы даже съ нѣкоторымъ сочувствіемъ. Какъ только Василій Борисовичъ доставленъ былъ на царевъ дворъ, къ нему вошелъ приставъ, сейменскій голова Белюбъ-Баша. Держа въ рукахъ кандалы, онъ обратился къ узнику съ такою рѣчью: «Велѣлъ царь положить на тебя кандалы, да и то велѣлъ тебѣ говорить, чтобы ты о томъ не сумнѣвался; надъ туснаками-де[10] всегда то

[9] Сейменами назывались въ Крыму ханскіе охотники.

[10] По объясненію управляющаго учебнымъ отдѣленіемъ восточныхъ языковъ и драгоманатомъ Азіатскаго департамента, достопочтеннаго Матвѣя Авелевича Гамазова, «т у с н а к ъ или т с н а к ъ, слово Киргизскаго происхожденія, и донынѣ употребляемое нѣкоторыми изъ нашихъ Татаръ, въ смыслѣ з а л о г а, з а к л а д а. Оно могло быть въ употребленіи и у Крымскаго народа, и такъ-же, какъ извѣстное Арабское слово а м а н а т ъ, можетъ быть принято въ смыслѣ заложника».

бываетъ: братъ-де его, царевъ, Исламъ-Гирей, былъ у Польскаго короля въ полону-же семь лѣтъ скованъ, и послѣ въ Крымѣ былъ царемъ». Сказавъ это, приставъ надѣлъ на Шереметева кандалы, больше полупуда вѣсомъ[11].

Василья Борисовича Шереметева содержали на царевомъ дворѣ подъ крѣпкимъ карауломъ въ такъ-называемой сейменской избѣ. «А въ той палатѣ,—объясняетъ Шереметевъ,—поставлена Ногайская изба, и въ той избѣ живучи, я всякую нужу терпѣлъ, и ѣсть варилъ самъ про себя; а корму мнѣ на мѣсяцъ давали по шти курашей[12] да мяса по три ока[13] да восемь хлѣбовъ на день».

Шереметевъ съ негодованіемъ говорилъ о своемъ пребываніи на царевомъ дворѣ. «Царевичи нечестивые[14],—писалъ онъ,—шертовали и души свои дали въ аманатехъ мнѣ, что было имъ меня съ товарищи и всѣхъ великаго государя ратныхъ людей изъ обозу моего выпустить совсѣмъ вцѣлѣ. И нечестивые

---

[11] Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ: Крымскія дѣла 1660 года. Связка 54/а. № 8.

[12] Кураши = Татарскія деньги.

[13] Око = Татарскій вѣсъ, соотвѣтствующій тремъ фунтамъ.

[14] Нурадинъ Муратъ-Гирей и Саферъ-Гирей.

царевичи за шертью солгали: взяли меня и многихъ великаго государя ратныхъ людей какъ вязней, и какъ кто бываетъ взятъ саблею, такъ и меня, привезли въ Крымъ нечестивые и отдали брату своему Мухаммедъ-Гирею царю. И Мухаммедъ-Гирей царь, не бояся Бога и не попомнивъ того, что братья его взяли меня душами, мучилъ меня тѣснотою и нужею большою и кайдалами»[15].

Къ вящшей бѣдѣ Шереметева, онъ лишенъ былъ возможности хотя сколько нибудь облегчить свою нужду помощью денегъ, столь необходимыхъ въ его положеніи. Еще въ обозѣ, до плѣненія, «Поляки пограбили всѣ его животы». Въ такой крайности, Шереметевъ рѣшился обратиться за денежною помощью къ посланникамъ Ивану Опухтину и Өирсу Байбакову. Наканунѣ Рождества, 24 декабря, пришелъ къ нимъ приставъ ихъ Исупъ и сказалъ: «Былъ я въ Бахчисараѣ; Шереметева отъ аги со двора перевели на царевъ дворъ, посадили въ Сейменскомъ приказѣ и сковали въ кайдалы; только не скованъ толмачъ; даютъ въ кормъ мясо и хлѣбъ; говорилъ

[15] Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ: Крымскія дѣла 1661 года. Связка 54/в. № 4.

мнѣ, Исупу, толмачъ, по боярскому приказу, чтобы вы къ нему прислали ефимковъ».

— Вѣдомо тебѣ и самому, — отвѣчали посланники, — что намъ и самимъ ѣсть нечего: и наги, и босы».

«Про то я сказывалъ толмачу, — оправдывался приставъ Исупъ, — что царева жалованья корму вамъ идетъ немного; корму и на хлѣбъ не ставаетъ, потому что хлѣбъ дорогъ: бещеръ[16] пшеницы купятъ по два и по три ефимка, и той добыть негдѣ».

Однако, послѣ ухода Исупа, Опухтинъ и Байбаковъ, «утаясь отъ пристава, и оскудя себя, послали къ боярину Василью Борисовичу, въ жидовскій шабашъ, съ Татариномъ Измайликомъ, десять ефимковъ да грамотку; а велѣли ему, Измайлику, отдать тѣ ефимки и грамотку Жидовскаго городка Жидовину Исупу и итти того-же числа, въ ночи. А въ грамоткѣ къ боярину писали, чтобъ съ приставомъ ихъ ничего тайнаго къ нимъ не приказывалъ и письма никакого не посылалъ»[17].

---

[16] Бещеръ или пѣщеръ и пѣщуръ = кузовокъ, лукошко, плетушка, куль, кулекъ. Наша поговорка: Поворотливъ, какъ пещуръ.

[17] Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ: Крымскія дѣла 1659—1663 года. Связка 54/а. № 3.

Можетъ-быть, Василій Борисовичь Шереметевъ только теперь, сидя въ смрадной сейменской избѣ, закованный въ кандалы, понялъ, наконецъ, настоящій смыслъ словъ, сказанныхъ вслухъ кѣмъ-то изъ присутствовавшихъ при его разговорѣ съ великимъ визиремъ Сеферъ-Гази-агой: «Знаю-де, что взять съ него окупу 200.000 золотыхъ червонныхъ»...

Оказывается, что гетманъ Станиславъ Потоцкій просто-напросто продалъ Шереметева Татарамъ за 200.000 червонныхъ золотыхъ, которые, по договору, онъ обязанъ былъ заплатить Крымскому юрту за помощь, оказанную послѣднимъ Рѣчи посполитой. Возьмите-молъ самого Шереметева, получите и больше двухъ-сотъ тысячъ...

Вѣроломный поступокъ Потоцкаго былъ извѣстенъ современникамъ и возбуждалъ всеобщее негодованіе. Немного лѣтъ спустя, царскій посланецъ въ Малороссію, стольникъ Ѳедоръ Лодыженскій, когда услышалъ отъ гетмана Брюховецкаго ссылку на Потоцкаго, раздражился и весьма гнѣвно отвѣтилъ: «Корунный гетманъ Станиславъ Потоцкій, бездушникъ вѣдомый: боярину Василью Бори-

совичу Шереметеву крестъ цѣловалъ да въ Крымъ его отдалъ; и той его гетманской неправдѣ мститель—непобѣдимая сила Божія, крестъ Господень!»[18].

---

[18] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. VII. Спб. 1872. № 121. стр. 362. столб. 1.

ГЛАВА II.

Извѣстіе о плѣненіи боярина Василья Борисовича Шереметева со всею его ратью пришло въ Москву въ концѣ ноября мѣсяца 1660 года и навело еще больше ужаса, чѣмъ вѣсть о Конотопскомъ пораженіи. Трудно было освоиться съ мыслію, что погибло цѣлое войско и что Шереметевъ,—этотъ лучшій полководецъ, которымъ справедливо гордились [19], котораго царь называлъ «вѣрнымъ и истиннымъ послушникомъ своимъ, храбрымъ и мужественнымъ архистратигомъ»,—уведенъ въ позорный плѣнъ къ Татарамъ! Удивляться ли, что царь Алексѣй Михайловичь ни мало не медля, принялъ мѣры къ искупленію своего доблестнаго боярина и воеводы. Но, къ не-

---

[19] Соловьевъ. Исторія Россіи. Т. XI. Спб. 1861. стр. 122.

счастію, дѣло это оказалось слишкомъ сложнымъ и даже непосильнымъ для тогдашней казны, истощенной войнами. Тѣмъ болѣе, что одновременно съ симъ предстояло сдѣлать значительныя денежныя затраты на предметъ еще болѣе важный, касавшійся безопасности и чести государства. Необходимо было, во что̀ бы то ни стало, разрушить союзъ Татаръ съ Поляками. Это и было главною задачею посольства дьяка Ивана Татаринова, отправленнаго изъ Москвы въ Крымъ 3 декабря 1660 года[20].

Татаринову поручено было отвезти въ Крымъ легкіе поминки, для раздачи хану, калгѣ, нурадину, а также государево жалованье ханскому ближнему человѣку Сеферъ-Гази-агѣ и прочимъ вліятельнымъ лицамъ Крымскаго юрта, тѣмъ, отъ которыхъ «въ государевомъ дѣлѣ впредь чаять помочи». Ханскому ближнему человѣку, сверхъ легкихъ поминковъ, велѣно было еще «учинить почесть изъ запасныхъ соболей», и говорить

---

[20] Въ послѣдующемъ разсказѣ, все что относится до посольства Татаринова, извлечено изъ ненапечатаннаго статейнаго списка его, хранящагося въ Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ (Крымскія дѣла 1660 г. Связка 54/а. № 8).

ему, агѣ, «всякими мѣрами, на-крѣпко, чтобы онъ великому государю послужилъ: чтобы царь и калга и нурадинъ отъ Польскаго короля отстали и помощи Польскому королю и никакимъ его, государевымъ, недругамъ, не чинили и на его, государевы, украинные городы войною не ходили, и царевичей и мурзъ и Татаръ не посылали». Татаринову наказано было говорить, что если это будетъ исполнено, то «царское величество велитъ прислать къ царю, къ калгѣ и нурадину своей царскаго величества казны, сверхъ того, что̀ къ нимъ напередъ сего ежегодъ посылано, 30.000 ефимковъ. А будетъ на томъ договоръ учинить немочно, и по многимъ разговорамъ изъ-крѣпка, давать 40.000 и 50.000 и 60.000 ефимковъ, въ томъ числѣ половину собольми, а другую половину литовками, а прислана та дача будетъ одинова, а впредь того въ окладъ не ставить [21]. Татаринову предписывалось «промышлять всякими мѣрами, чтобы Татаръ отъ Поляковъ отлучить, и ближнимъ людямъ,

[21] Присланному въ Крымъ, послѣ Татаринова, стряпчему Ефрему Бахметеву, указано было сулить и сто тысячъ ефимковъ, «по самой послѣдней мѣрѣ, буде менши того уговориться немочно» (Крымскія дѣла 1661 года. Связка 54/в. № 2).

въ комъ чаять помочи, сулить хотя бы и немало ефимковъ, по тысячи; а ближнему цареву человѣку (то-есть Сеферъ-Гази-агѣ) сулить тысячи двѣ и три ефимковъ».

Для насъ наибольшій интересъ имѣетъ конецъ наказа, даннаго дьяку Татаринову, гдѣ говорится исключительно о Васильѣ Борисовичѣ Шереметевѣ. Приводимъ это мѣсто цѣликомъ: «И будетъ ближніе люди учнутъ говорить, что нынѣ у нихъ въ Крыму бояринъ Василій Борисовичь Шереметевъ и съ нимъ государевы ратные люди многіе, и съ ними бъ объ немъ окупомъ договориться; и учнутъ за него просить окупу многаго, и Ивану (Татаринову) велѣно говорить: Какъ онъ, Иванъ, отпущенъ отъ царскаго величества въ Крымъ, и про боярина про Василья Борисовича, что онъ взятъ въ Крымъ, вѣдомо не было, и они бъ велѣли ему видѣться съ бояриномъ съ Васильемъ Борисовичемъ и съ нимъ поговорить, сколько онъ окупу за себя, изъ своихъ животовъ, заплатити можетъ. Да какъ у боярина у Василья Борисовича быти велятъ, и Ивану, пришедъ къ боярину Василью Борисовичу, велѣно спросить, отъ великаго государя, о здоровьѣ; да какъ бояринъ Васи-

лій Борисовичь на государской милости, что велѣлъ его о здоровьѣ спросить, челомъ ударитъ, и Ивану боярину Василью Борисовичу велѣно говорить: Какими онъ мѣрами въ Крымъ взятъ, и лучилось ли ему съ царскими (то-есть ханскими) ближними людьми о окупѣ за себя говорить, и чего окупу за него просятъ, и много ль съ нимъ въ Крымѣ государевыхъ ратныхъ людей и кто имяны, и товарищи его, воеводы, которые съ нимъ въ обозѣ были, съ нимъ ли въ Крымѣ или у гетмановъ? И велѣно говорить ближнимъ людямъ, чтобы они за боярина за Василья Борисовича окупъ положили мѣрной, и царское величество тотъ мѣрной окупъ за него заплатить велитъ изъ своей государевы казны. И договариваться велѣно за него окупомъ, смотря по ихъ запросамъ, давать тысячъ десять и двадцать; а будетъ высоку цѣну учнутъ держать,—и тридцать, и сорокъ, и пятьдесятъ тысячъ рублевъ серебряными деньгами. А будетъ учнутъ говорить, что отдали его корунные гетманы за многія тысячи, за двѣсти и больше, и Ивану велѣно говорить: учинили то гетманы чрезъ свою клятву, не хотя платить казны; и великій государь, за

ихъ посуленыя имъ деньги, сверхъ пятидесяти тысячъ рублей, велитъ имъ отдати гетмана ихъ Литовскаго и подскарбія великаго Вицентія Корвинъ-Гонсѣвскаго»[22].

Изъ послѣднихъ строкъ наказа явствуетъ, что въ Москвѣ раньше самого Шереметева знали о дѣйствительныхъ условіяхъ, на которыхъ онъ былъ отданъ Татарамъ, о неблаговидной сдѣлкѣ гетмана Станислава Потоцкаго. Казалось бы, при тогдашнемъ безденежьѣ, лучшаго ничего нельзя было и придумать въ пользу Василья Борисовича Шереметева, какъ связать вопросъ объ его выкупѣ съ вопросомъ о выкупѣ напольнаго гетмана Литовскаго Гонсѣвскаго, проживавшаго въ Москвѣ, въ качествѣ военноплѣннаго, съ 1658 года. Объ освобожденіи гетмана такъ настойчиво хлопотали, не только жена его, Магдалина Гонсѣвская, но и само Польское правительство. Какъ увидимъ ниже, затѣянный планъ не удался. Возможно допустить, что онъ былъ разстроенъ именно Поляками, постоянно сновавшими въ Крыму. Намъ думается, что они готовы были пожертвовать

[22] Двѣ послѣднія строки наказа, даннаго Татаринову, испорчены сыростью и остались непрочтенными.

и Гонсѣвскимъ, лишь бы удержать въ Татарской неволѣ ненавистнаго имъ Шереметева, похвалявшагося обратить въ пепелъ всю Польшу, а короля ихъ привести въ кандалахъ къ своему государю.

Послѣдуемъ, однако, за дьякомъ Татариновымъ. Онъ пріѣхалъ въ Бахчисарай лишь 20 января 1661 года. Дьяка встрѣтилъ дворецкій ближняго ханскаго человѣка и проводилъ въ отведенный ему дворъ, «гдѣ напредъ сего стаивали посланники», въ Греческой слободѣ, возлѣ стараго царева двора. Къ Татаринову приставлены были сотникъ Одобашъ и четыре сеймена, съ приказаніемъ не пускать никакихъ людей, ни во дворъ, ни изъ двора.

На другой день, тотъ-же дворецкій пришелъ къ Татаринову и сказалъ, что ближній ханскій человѣкъ, Сеферъ-Гази-ага, велѣлъ ему быть у себя и что если есть у него какое государево жалованье ему, чтобы принесъ съ собою.

Подъѣхавъ ко двору ближняго человѣка, Татариновъ и его свита ссѣли съ лошадей. Посланника ввели въ нижнюю палату аги. Здѣсь онъ прождалъ «съ часъ» и за тѣмъ отведенъ былъ въ верхнюю палату. Сеферъ-

Гази-ага, принявъ по росписи государево жалованье, сорокъ соболей, и выслушавъ рѣчь, приказалъ Татаринову итти назадъ въ нижнюю палату и ожидать тамъ пока не пришлютъ за нимъ отъ царя. Во время этого ожиданія, продолжавшагося «часа съ три», къ Татаринову приходилъ язычей[23] Сеферъ-Гази-аги и объявилъ: «Приказалъ-де ближній человѣкъ ваши лошади отослать въ цареву деревню кормить, для того-де, что въ Бахчисараяхъ конскій кормъ дорогъ, и ихъ бы покормить въ деревнѣ».

Дьякъ Татариновъ возразилъ, что лошади ему надобны; что, по указу великаго государя, онъ долженъ ѣхать съ грамотами великаго государя и съ легкими поминками къ царевичамъ: калгѣ и нурадину.

Язычей побѣжалъ къ Сеферъ-Гази-агѣ и, возвратившись отъ него, сказалъ: ближній-де человѣкъ тебѣ къ калгѣ и нурадину ѣхать не велѣлъ, а велѣлъ великаго государя грамоты и легкіе поминки послать къ нимъ съ переводчикомъ или съ толмачемъ[24].

---

[23] Язычей = писецъ.

[24] Лошади Татаринова были взяты на другой день царскимъ конюхомъ и отведены кормиться въ цареву деревню.

Вслѣдъ за тѣмъ, Татаринова позвали къ хану Мухаммедъ-Гирею. Отъ двора ближняго человѣка до царева двора посольство ѣхало на лошадяхъ, въ передшествіи подъячаго Дмитрія Титова, державшаго въ рукѣ грамоту великаго государя. У царевыхъ воротъ посланникъ Татариновъ, какъ и его товарищи, ссѣлъ съ лошади; «а въ то время,—говоритъ Татариновъ, — у царева двора людей никого не было и шли чрезъ царевъ передній дворъ на задній царевъ дворъ». Передъ царевой палатой стояли многіе люди. Изъ покоевъ вышелъ копычейскій голова[25] и позвалъ посланника къ хану. Какъ только вошелъ Татариновъ въ палату предъ хана, его взяли подъ правую руку Велиша-мурза, сынъ размѣннаго князя Маметши Сулешева, а подъ лѣвую руку—копычейскій голова и велѣли поклониться хану. Такъ сказано въ статейномъ спискѣ Татаринова; но въ дѣйствительности, по существовавшему обычаю, его просто взяли «за шею и силою до земли нагибали». Послѣ того Татариновъ правилъ хану поклонъ отъ великаго государя и хотѣлъ поднести ему

[25] Копычеи и капычеи, какъ кажется, были нѣчто въ родѣ Турецкихъ янычаръ.

грамоту царскаго величества и легкіе поминки, но его не допустили до хана. Грамоту принялъ у Татаринова ближній человѣкъ Сеферъ-Гази-ага, а легкіе поминки — царевъ казначей Барай-Казы-ага. За тѣмъ, посланникъ началъ говорить рѣчь хану, по наказу, но ему дали сказать только половину. «И царь и ближній человѣкъ велѣли ему перестать». При этомъ ханъ сказалъ: «о казнѣ-де нынѣ говорить нечего; есть-де великія дѣла и мы о томъ отпишемъ къ великому государю въ грамотѣ, а къ ночи съ тобою переговоримъ». Въ заключеніе всего ханъ спросилъ Татаринова о здоровьѣ и велѣлъ ѣхать на подворье.

Дьякъ Татариновъ, полный смущенія отъ прерванной рѣчи, возвратился къ себѣ на подворье. Вскорѣ онъ былъ успокоенъ чаушемъ, присланнымъ отъ хана. Чаушъ объявилъ посланнику: «По цареву велѣнью, указано мнѣ стоять у тебя, Ивана, для всякаго береженья, съ Одобашемъ. И приказалъ мнѣ, чаушу, царь надъ тобою, Иваномъ, держать честь, и нужи бъ тебѣ никакой не было». Словоохотливый чаушъ объяснилъ Татаринову, что въ этомъ самомъ дворѣ стоялъ двѣ-

надцать дней посланникъ Иванъ Опухтинъ, что царь велѣлъ запереть его въ студеную палату и корму давать не велѣлъ, а какъ сослали его, Опухтина, въ Мангупъ, и стали ему давать корму по 20 курашей на мѣсяцъ со всѣми государевыми людьми. «А тебѣ-де, Ивану, заключилъ чаушъ, — отъ царя честь; желаетъ-де межъ государи миру».

За тѣмъ, посланникъ Татариновъ разослалъ государевы легкіе поминки наиболѣе вліятельнымъ должностнымъ лицамъ, а именно: размѣнному бею Маметшѣ Сулешеву, цареву казначею Барай-Казы-агѣ, ближнему человѣку калги-царевича и диванскому китяпу[26]. Послѣдній, повидимому, былъ больше всѣхъ польщенъ государевымъ жалованіемъ. Переводчикъ Абдулъ Байцынъ, возвратившись отъ него, сообщилъ Татаринову, что диванскій китяпъ говорилъ ему: «Невѣдомо за что съ великимъ государемъ у нашего царя учинилась ссора; дай Богъ, чтобы межъ государей были братство и дружба попрежнему, а мы тому рады: намъ лучше и войны,

[26] По объясненію Матвѣя Авелевича Гамазова, слѣдуетъ читать не китяпъ, а кятибъ, что значитъ секретарь или письмоводитель.

что великій государь вашъ по вся годы присылаетъ намъ казну».

Послѣ того какъ всѣ государевы поминки были розданы, Татариновъ два раза посылалъ переводчика Абдула Байцына къ Сеферъ-Гази-агѣ, просить у него позволенія видѣться съ бояриномъ Васильемъ Борисовичемъ Шереметевымъ. Въ первый разъ, 23 января, ага сказалъ, что доложитъ о томъ хану; а во второй разъ, 24 января, велѣлъ Абдулу сперва самому побывать у боярина. Вотъ что разсказывалъ Татаринову переводчикъ Абдулъ Байцынъ послѣ посѣщенія Василья Борисовича: «Бояринъ сидитъ на царевѣ дворѣ, въ сейменской избѣ, за карауломъ, а приставленъ къ нему, боярину, сейменскій голова Белюбъ-Баша. И какъ я на царевъ дворъ пришелъ, и меня къ нему не пустили долгое время. И какъ я вошелъ въ избу, въ которой сидитъ бояринъ, и сейменскій голова въ то время вышелъ вонъ. А бояринъ сидитъ въ кандалахъ и сказывалъ мнѣ: Какъ-де дьякъ Иванъ Татариновъ въ Бахчисарай пріѣхалъ, и на него-де, боярина, надѣли чѣпь, пронявъ сквозь кандальное кольцо, четырехъ саженъ, а нынѣ-де съ него сняли, для того, что онъ, перевод-

чикъ, къ нему, боярину, пришелъ; и его-де, переводчика, для того къ нему, боярину, долго и не пустили. И приказалъ-де къ нему, посланнику Ивану, бояринъ Василій Борисовичь промышлять, чтобы съ нимъ видѣться».

Лишь 26 января, ближній человѣкъ Сеферъ-Гази-ага прислалъ, наконецъ, къ Татаринову во дворъ своего человѣка Измаи́лка и велѣлъ сказать, «чтобы онъ былъ у него на дворѣ, да и боярину-де Василью Борисовичу быть тутъ-же и видѣться имъ у него, аги, на дворѣ».

Когда дьякъ Татариновъ пріѣхалъ на агинъ дворъ, ему велѣно было дожидаться боярина Василья Борисовича въ нижней палатѣ. Чрезъ нѣсколько времени пришелъ къ нему язычей и сказалъ: «Ближній-де человѣкъ велѣлъ тебѣ съ бояриномъ видѣться и межъ себя переговорить, а послѣ бъ видѣться обоимъ имъ съ нимъ, ближнимъ человѣкомъ; а по боярина-де Василья Борисовича послали».

Татариновъ ждалъ Василья Борисовича часа съ три. Наконецъ, ко двору ближняго человѣка подъѣхала телѣга и въ нижнюю палату вошелъ закованный въ кандалы боя-

ринъ Шереметевъ. Дьякъ Татариновъ, сказавъ ему по наказу рѣчь, спросилъ: «Какими онъ мѣрами въ Крымъ взятъ»?

Отвѣтъ Шереметева былъ довольно кратокъ, но за то содержалъ въ себѣ, по-мимо любопытныхъ, частью новыхъ подробностей касательно Чудновскаго дѣла и его послѣдствій, весьма важное разъясненіе щекотливаго вопроса о вынужденномъ требованіи сдачи Кіева. Въ предыдущей книгѣ мы разсказали Чудновскую катастрофу преимущественно по сказаніямъ иностранцевъ-очевидцевъ дѣла. Теперь послушаемъ слѣдующее вновь открытое показаніе по тому-же предмету самого боярина Василья Борисовича Шереметева:

«Какъ я учалъ отступать изъ перваго окопу изъ-подъ Любаръ и учали доходить до рѣчки, и къ намъ, къ обозу, Ляхи приступали; и я съ ними бился и Ляховъ отбилъ, и развела насъ ночь. И какъ чрезъ рѣчку учали перевозиться, и нерадѣніемъ начальныхъ людей оставили за переправою телѣгъ съ 500, и Ляхи тѣ телѣги у насъ отбили. А меня Поляки и Татаровя обошли кругомъ и осадили подъ Чудновымъ. А Цецюра изъ обозу къ

Польскимъ гетманамъ выступилъ и надъ обозомъ учалъ промышлять, а въ обозѣ учала быть тѣснота великая и голодъ большой. И ко мнѣ ратные люди приходили многажды съ большимъ шумомъ и говорили, чтобы съ Ляхи договоръ учинить и изъ обозу бы ихъ выпустили. И товарищи мои, окольничій князь Осипъ Ивановичь Щербатовъ и князь Григорій Козловскій и Иванъ Акинѳовъ и начальные люди о томъ мнѣ говорили жъ, чтобы съ Ляхи договоръ учинить какими нибудь мѣрами, а они-де съ ними биться не хотятъ. И я, видя то, что ратные люди ко мнѣ приходя, говорятъ, чтобы съ Поляки договоръ учинилъ, далъ имъ въ аманаты дворянъ и начальныхъ людей 21 человѣка. А Ширинскій Келмаметъ мурза просилъ у меня себѣ въ аманаты того, который выкупалъ напередъ сего Прокофья Сатина; а Прокофья Сатина выкупалъ подполковникъ Григорій Булгаковъ. И я посылалъ къ Келмамету мурзѣ съ толмачемъ Терентьемъ, что мнѣ Григорья въ аманаты дать нельзя, посылаю-де его къ Москвѣ, съ отписками, къ великому государю и послалъ вмѣсто Григорья, полуполковника Антона Полозова. И Келмаметъ мурза Антона Полозо-

ва не взялъ. И я къ нему послалъ полуполковника жъ Михайлу Вырубова, и мурза Михайлы не взялъ же, а говорилъ: хотя-де и товарища своего пришлетъ, и онъ-де его не возметъ, а прислалъ бы къ нему того, котораго хочу послать къ Москвѣ. И я, видя его упрямство, и по самой нужной неволѣ, Григорья къ нему и послалъ съ толмачемъ Терентьемъ же. И о томъ я писалъ въ Кіевъ, къ стольникамъ и воеводамъ къ князю Юрью Борятинскому да къ Ивану Чаадаеву, чтобы они изъ Кіева выступили. И говорилъ я Польскимъ людемъ: хотя-де я князь Юрью Борятинскому и къ Ивану Чаадаеву и пишу, чтобы имъ изъ Кіева выступить, и они-де меня никако не послушаютъ, да и при гонцѣ при Семенѣ Писаревѣ то говорилъ многажды, что князь Юрій меня не послушаетъ. А говорилъ я то слово для того, чтобы то слово слыша отъ меня Семенъ Писаревъ, сказалъ князь Юрью. А словомъ Семену приказать и съ нимъ къ князь Юрью отписать, было нельзя, потому что меня съ Семеномъ одинъ на одинъ не спустятъ; да и потому я съ нимъ не приказывалъ и не писалъ: либо его, Семена, поимаютъ и учнутъ пытать, и онъ съ

пытки скажетъ, что я съ нимъ приказывалъ, чтобы изъ города не выступалъ, и меня за то замучатъ. И отпустя Семена, всѣ отъ меня отошли къ Полякамъ, а меня одного покинули въ земляной избѣ, и учали пить. А начальные люди, голова Иванъ Монастыревъ и иные многіе учали отдаваться Польскимъ людемъ, и бороды и головы побрили, и учинили на головахъ хохлы. И Поляки у меня всѣ животы пограбили да и князь Осипа Щербатова пограбили жъ; а князь Григорью Козловскому и Ивану Акинѳову подъ животы ихъ дали подводы и повезли къ себѣ. И умыслили[27] Поляки, что я писалъ къ князь Юрью, чтобъ онъ изъ Кіева выступилъ и говорилъ то, что меня князь Юрій не послушаетъ и какъ говорилъ Семену нарокомъ, не хотя Кіева отдать, и отдали меня Татарамъ. И ночевалъ у меня князь Осипъ Щербатовъ въ земляной избѣ и поѣхалъ къ Полякамъ; а по-утру пришли Татаровя и меня взяли и привели къ нурадину-царевичу, и нурадинъ-царевичь меня взялъ къ себѣ».

---

[27] То-есть, догадались.

ГЛАВА III.

Когда бояринъ Василій Борисовичь Шереметевъ окончилъ свой разсказъ и переговорилъ обо всемъ съ дьякомъ Татариновымъ, въ палату вошелъ Сеферъ-Гази-ага. Государевы ли поминки воздѣйствовали на ближняго человѣка, но только онъ сталъ относиться къ Шереметеву даже съ нѣкоторымъ почтеніемъ и предупредительностію. Войдя въ палату, и выславъ изъ нея всѣхъ своихъ людей, ага «велѣлъ боярину Василью Борисовичу сѣсть, а посланнику сѣсть не велѣлъ». Такъ записано въ статейномъ спискѣ Татаринова, какъ нѣчто необычное. Въ разговорѣ, Шереметевъ спросилъ Сеферъ-Гази-агу, почему до сихъ поръ не даютъ отвѣта, ни на грамоту присланную отъ великаго государя къ Мухаммедъ-Гирею царю, ни на

рѣчи посланника Татаринова на посольствѣ. Тотъ отвѣчалъ: «О чемъ царское величество писалъ къ Мухаммедъ-Гирею, и о томъ у царя съ ближними людьми еще думы не было; а какъ дума будетъ, и въ то время отвѣтъ учинятъ». Потомъ Василій Борисовичь заговорилъ о своихъ личныхъ нуждахъ, о нестерпимомъ положеніи своемъ на царевѣ дворѣ, въ сейменской избѣ. «Велѣно мнѣ—говорилъ Шереметевъ — дать моихъ боярскихъ людей дву человѣкъ, и тѣхъ людей мнѣ и по ся мѣста не дано; а я терплю всякую нужу: ѣсть варю самъ, живу въ Ногайской избѣ. Приказалъ бы царь тѣхъ людей дать, для моей нужи, и меня бы велѣлъ вывесть въ Жидовскій городокъ или въ иной дворъ перевесть».

Сеферъ-Гази-ага, внимательно выслушавъ боярина, сказалъ: «Чаялъ я, что давно тѣхъ дву человѣкъ нурадинъ Муратъ-Гирей-царевичь къ тебѣ прислалъ, и то я царю скажу, и всякое добро тебѣ, боярину, дѣлать буду». Съ этими словами онъ всталъ, и велѣлъ Шереметеву ѣхать на царевъ дворъ, а Татаринову—къ себѣ на подворье.

Черезъ три дня, 29 января, Сеферъ-Гази-ага послалъ съ своимъ человѣкомъ Дилаве-

ромъ грамоту къ нурадину-царевичу, въ которой было написано, чтобы нурадинъ-царевичь прислалъ къ боярину Василью Борисовичу двухъ людей его. «А боярину-де,—сказано въ грамотѣ,—безъ людей быть нельзя, и ему-де, царевичу, пожаловать, для его, аги, прошенья, того не учинить, что къ боярину дву человѣкъ не прислать; а его царевичева доброта у боярина въ забытьѣ не будетъ; а что за нихъ окупу, и онъ-де, ага, съ боярина возметъ и ему отдастъ».

Сеферъ-Гази-ага приказалъ посланцу своему Дилаверу, что если нурадинъ-царевичь изволитъ спросить про Московскаго посланника, то ему говорить: «Московскій-де посланникъ пріѣхалъ съ добрымъ дѣломъ. Московскій-де государь хочетъ казну давать и въ братской дружбѣ жить, попрежнему, и къ брату его, царевича, Мухаммедъ-Гирею царю, въ грамотѣ написано тожъ; а Московскаго государя грамоту послали къ нему, царевичу, и онъ-де увидитъ самъ, что въ грамотѣ написано. А братъ-де его, царь, съ Московскимъ посланникомъ свои посланники отпуститъ, и ему бы, царевичу, пожаловать, посланника своего съ грамотою къ Москвѣ

приготовить. А за боярина-де окупъ будетъ немалой».

Нурадинъ-царевичь немедленно выслалъ къ Шереметеву двухъ его людей. А 19 февраля, приставъ Василья Борисовича, Белюбъ-Баша, прислалъ къ Татаринову сеймена сказать: «Противъ сего числа въ ночи, съ боярина Василья Борисовича кандалы снять велѣли и быть ему въ Жидовскомъ городкѣ; а въ Жидовскомъ городкѣ дворъ ему очистили добро».

Дѣйствительно, 21 февраля, бояринъ Василій Борисовичь, освобожденный на время отъ кандаловъ, переѣхалъ въ Жидовскій городокъ. По пути онъ побывалъ у ближняго человѣка Сеферъ-Гази-аги и «сидѣлъ у него долгое время». При выходѣ Шереметева изъ палаты, ближній человѣкъ говорилъ ему: «Какъ-де учнутъ посланника (Татаринова) отпускать, и онъ-де съ нимъ поговоритъ: посидитъ съ нимъ, дни два и три, и что надобно, о томъ переговорятъ». Шереметевъ заѣзжалъ, вмѣстѣ съ своимъ приставомъ, сейменскимъ головою Белюбъ-Башей, и къ Татаринову, которому сообщилъ свой разговоръ съ Сеферъ-Гази-агой. Какъ кажется, Василій

Борисовичь заѣзжалъ къ Татаринову главнымъ образомъ для того, чтобы какъ нибудь устроить того переводчика Ислама, который такъ добросовѣстно передалъ его рѣчь при Турецкомъ посланникѣ. «Есть-де у царя, — говорилъ Шереметевъ Татаринову, — переводчикъ Исламъ, который толмачилъ, какъ я былъ у ближняго человѣка, и хочетъ-де онъ великому государю нашему, его царскому величеству, службу свою и радѣніе показать и посланникамъ всякое добро дѣлать, и чтобы по него, Ислама, послать, и на государскую милость его обнадежить».

Однако, далеко не на радость ѣхалъ Василій Борисовичъ Шереметевъ въ свое новое мѣсто заключенія, «въ жидовскій городокъ, зовомой Кала́», какъ означали эту мѣстность въ нашихъ старыхъ статейныхъ спискахъ[28]. Это нынѣшнее мѣстечко Чуфутъ-Кале, Симферопольскаго уѣзда, въ трехъ верстахъ отъ Бахчисарая. Въ семъ загадочномъ городкѣ, на вершинѣ отдѣльной, кремнистой скалы, воз-

---

[28] Напримѣръ, въ статейномъ спискѣ стольника В. М. Тяпкина 1681 года (Записки Одесскаго общества исторіи и древностей. Томъ II. отдѣленіе 2. Одесса. 1850. стр. 588. столб. 1. стр. 615. столб. 2).

вышающейся надъ уровнемъ моря на 1835 футовъ, — съ пещерами и подземными ходами, съ запирающимися каждую ночь древними, желѣзными воротами на обоихъ концахъ единственной, чрезвычайно узкой улицы, и съ населеніемъ, состоявшимъ исключительно изъ евреевъ-караимовъ[29],—Крымскіе ханы обыкновенно держали болѣе важныхъ государственныхъ преступниковъ и знатныхъ плѣнныхъ. «Несчастныхъ подвергали пыткамъ: на каменныхъ нарахъ пещеры сдавливали тисками оконечности, сдирали кожу желѣзными когтями, вывертывали клещами суставы. Однихъ потомъ казнили, отсѣкая головы надъ каменной ванной, выдолбленной въ пещерѣ нижняго яруса, а тѣла выбрасывали черезъ окно въ глубокій оврагъ; другихъ томили голодомъ въ нижней пещерѣ»... третьихъ обваривали въ особыхъ углубленіяхъ кипяткомъ; четвертыхъ — сажали въ такъ называемые «каменные мѣшки»[30]. Въ такомъ-то страшномъ мѣстѣ непрестанныхъ

---

[29] Семеновъ. Географическо-статистическій словарь Россійской имперіи. Т. V. Спб. 1885. стр. 742.

[30] Вторая учебная экскурсія Симферопольской мужской гимназіи въ Бахчисарай и его окрестности. Симферополь. 1888. стр. 76 и 82.

воплей и страданій истязуемыхъ, двадцать лѣтъ томился въ позорной неволѣ у варваровъ нашъ знаменитый воевода бояринъ Василій Борисовичь Шереметевъ.

Осенью 1880 года, графъ Сергій Дмитріевичь Шереметевъ два раза посѣтилъ мѣсто заключенія своего многострадальнаго предка. Вотъ что онъ писалъ тогда, подъ живымъ впечатлѣніемъ видѣннаго: «Изъ Бахчисарая въ Чуфутъ-Кале переходъ рѣзкій. Вы взбираетесь на высочайшія скалы и на вершинѣ одной изъ нихъ лѣпится городъ, но городъ развалинъ. Все здѣсь разрушено, только два дома остались— два гнѣзда караимовъ: домъ Фирковича да синагога. А тюрьма еще возвышается надъ крутымъ обрывомъ... Здѣсь я съ особеннымъ чувствомъ взялъ камень въ память Василья Борисовича. Теперь только я понимаю, что̀ такое было это двадцатилѣтнее пребываніе въ Чуфутъ-Калѣ!.. Мѣсто тюрьмы едва-ли не самое возвышенное въ Чуфутъ-Калѣ... Вы спускаетесь ступень восемь въ первое отдѣленіе тюрьмы съ каменными столбами и отверстіями въ скалѣ, откуда открывается поразительный, но безотрадный видъ на голыя, безконечныя скалы и

на широкую, каменистую долину. За этимъ помѣщеніемъ — другое, нѣсколькими ступенями ниже; остальныя замурованы, но, по звуку, когда ударяешь объ полъ, можно заключить, что внизу пустота»[31].

Нужно, впрочемъ, замѣтить, что эта ужасная тюрьма не была постояннымъ мѣстомъ заключенія боярина Василья Борисовича Шереметева; онъ не томился непрестанно и въ описанной выше пещерѣ[32]. Но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ теченіе двадцатилѣтняго пребыванія въ Чуфутъ-Калѣ, Василій Борисовичъ многократно бывалъ, и въ пещерѣ, и въ тюрьмѣ. Въ одной отпискѣ 1677 года, онъ прямо говоритъ, что сидитъ въ Жидовской тюрьмѣ[33], то-есть, въ тюрьмѣ Жидовскаго городка. Крымскіе Татары, для вымоганія нужныхъ имъ свѣдѣній и ради иныхъ какихъ цѣлей, нисколько не стѣснялись пользоваться пытками и всевозможными истязаніями. Мы уже знаемъ о четырехсажен-

---

[31] Письма графа С. Д. Шереметева: изъ Севастополя, отъ 8 октября, и изъ Бахчисарая, отъ 12 ноября 1880 года.

[32] Вторая учебная экскурсія Симферопольской мужской гимназіи въ Бахчисарай и его окрестности. Симферополь. 1888. стр. 76.

[33] Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ: Крымскія дѣла 1677 года. Связка 62/в. № 1.

ной цѣпи, которую продѣвали въ кольцо кандаловъ Шереметева, навѣрное для какой-нибудь утонченной Азіатской пытки. Не даромъ Василій Борисовичь, въ той же отпискѣ, исполненный отчаянія, восклицаетъ: «Возсылаю ко Господу Богу жалобу свою со слезами, и слезы мои вопіютъ ко Господу Богу; да не токмо слезы мои вопіютъ ко Господу Богу, но и кровь моя вопіетъ ко Господу Богу»!

Пытки и истязанія, во всякомъ случаѣ, составляли исключеніе. Но и обычная жизнь нашего вязня въ Чуфутъ-Калѣ, вся его ежедневная обстановка были, по-истинѣ, ужасны. Шереметевъ содержался въ обыкновенномъ обывательскомъ дворѣ или, какъ онъ самъ говорилъ, въ «Жидовской палатѣ». Вотъ что писалъ Василій Борисовичь къ царю Алексѣю Михайловичу и къ думному дьяку Алмазу Иванову, о шести первыхъ годахъ своего Крымскаго плѣна: «Мухаммедъ Гирей царь мучилъ меня. Никого такъ никто не мучатъ, которые есть государевы люди у мурзъ, у агъ и у черныхъ Татаръ да и у Жидовъ есть, и они такъ не мучатъ, какъ меня мучатъ. Кайдалы на мнѣ больше полупуда четыре года безпрестанно; я жъ запертъ въ Жидовскую палату, окна за-

дѣланы каменьемъ, оставлено только одно окно, и свѣтъ вижу и вѣтръ проходилъ только въ то окно. На дворъ изъ избы пяди не бывалъ я шесть лѣтъ, и нужу всякую исполняю въ избѣ; и отъ духу и отъ нужи и отъ тѣсноты большія оцынжялъ и зубы отъ цынги повыпадали, и отъ головныя болѣзни вижу мало, а отъ кайдаловъ обезножилъ да и голоденъ»[34]. Кормъ, положенный Шереметеву въ Чуфутъ-Калѣ, былъ, дѣйствительно, весьма скудный. «Ему, вмѣстѣ съ попомъ и толмачемъ», давали въ день всего три фунта мяса, восемь маленькихъ хлѣбцевъ и фунтъ тарани[35]. Да и самая покупка припасовъ попала въ руки Жидовъ. «Что̀ лучитца купить мнѣ съѣсть,—писалъ Шереметевъ,—человѣка моего купить въ торгъ не пускаютъ не только въ Бахчисарай, ни въ Жидовскомъ городкѣ въ торгъ купить не пускаютъ; а покупать велятъ Жидомъ. И отъ Жидовъ я изубытченъ великими убытки: за что́ дадутъ двѣ деньги, а на мнѣ емлютъ денегъ по десяти и больше. И видя я отъ Жидовъ убыт-

---

[34] Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ: Крымскія дѣла 1666 г. Связка 56/а. № 2.

[35] Тара̀нь = вяленая рыба.

ки великіе, не куплю ничего и оттого голоденъ»[36].

Кромѣ тѣсноты матеріальной, Шереметева, во все время пребыванія его въ Крыму, нравственно угнетала обязанность участвовать въ переговорахъ Московскихъ посланниковъ съ ханскимъ правительствомъ. Это тяжкое и отвѣтственное положеніе посредника, котораго «приволакивали» на мѣсто переговоровъ нерѣдко ночью и почти всегда въ кандалахъ, утвердилось за Шереметевымъ съ самого пріѣзда дьяка Татаринова. Иногда Василью Борисовичу прямо поручали вѣдать извѣстное посольское дѣло и каждый разъ по особому указу. Онъ «благодарилъ Бога и государскую милость», когда такого указа не присылали, когда подобныхъ порученій на него не возлагали, ибо, — говоритъ Шереметевъ, — «въ государскихъ дѣлѣхъ, которыя онъ, бояринъ, вѣдалъ, имѣлъ отъ бусурмановъ великое подозрѣніе и убытки и невольныя трудности[37].

---

[36] Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ: Крымскія дѣла 1661 г. Связка 54/в. № 4; 1666 года. Связка 56/а. № 2.

[37] Записки Одесскаго общества исторіи и древностей. Т. II. отдѣленіе 2. Одесса. 1850. стр. 588. столб. 2.

Дьякъ Иванъ Татариновъ исправлялъ порученное ему государево дѣло вдвоемъ съ Васильемъ Борисовичемъ. А между тѣмъ, въ то время проживали въ Крыму, задержанные тамъ, прежніе Московскіе посланники Опухтинъ и Байбаковъ, а также Якушкинъ и Михайловъ. Первые двое присланы были изъ Москвы въ 1659 году, а послѣдніе двое—еще въ 1658 году. Всѣ они, вѣроятно по тайному наказу, были устранены Татариновымъ отъ участія въ переговорахъ съ ханскими ближними людьми. Обстоятельство это не только ставило посланниковъ въ неловкое положеніе, но даже сильно повредило имъ въ мнѣніи подозрительныхъ Крымскихъ сановниковъ. Опухтинъ и Байбаковъ, особенно добивавшіеся скорѣйшаго отпуска изъ Крыма, неоднократно посылали къ Татаринову своего довѣреннаго человѣка Татарина Измайлика, прося его переслать государеву грамоту и устроить свиданіе съ ними. Дьякъ Татариновъ упорно отмалчивался. За недѣлю до переѣзда Василья Борисовича Шереметева въ Жидовскій городокъ, именно ночью 14 февраля, Измайликъ опять пришелъ въ Бахчисарай, съ рѣшительнымъ намѣреніемъ

передать отписку посланниковъ въ собственныя руки дьяка Татаринова. На другой день онъ узналъ, что дьякъ находится у Сеферъ-Гази-аги. Измайликъ, дождавшись Татаринова во дворѣ аги, тайно отдалъ ему въ руки отписку Опухтина и Байбакова, а послѣ подходилъ къ подворью, гдѣ стоялъ Татариновъ, и черезъ толмача просилъ отпустить его, не задержавъ. Но дьякъ и на сей разъ не далъ государевой грамоты. Тогда, Измайликъ, розыскавъ на базарѣ толмача Терентья, что̀ былъ у боярина Василья Борисовича Шереметева, просилъ доложить обо всемъ этомъ боярину. Шереметевъ тотчасъ-же послалъ отъ себя къ Татаринову подполковника Григорья Васильевича Булгакова, который незадолго предъ тѣмъ, по просьбѣ Василья Борисовича у хана, былъ отпущенъ Келмаметомъ мурзой. Булгаковъ принесъ отъ Татаринова, и государевъ указъ, и отписку дьяка къ Опухтину и Байбакову. Шереметевъ, «высмотря» оба документа, «запечаталъ ихъ въ столпцѣ» и отправилъ съ Измайликомъ къ Опухтину и Байбакову. Вслѣдъ за тѣмъ, посланники обратились къ Шереметеву уже прямо съ жалобою на Тата-

ринова: «Онъ-де, по государеву указу, про дѣло къ намъ ничего не отпишетъ, все скрываетъ и дѣлаетъ великаго государя дѣло одинъ, мимо насъ; а великаго-де государя указъ онъ, бояринъ, видѣлъ, каковъ къ намъ присланъ». Шереметевъ отвѣтилъ посланникамъ собственноручнымъ письмомъ: «Государевъ-де указъ онъ видѣлъ, только тому нельзя быть, что вамъ быть всѣмъ у дѣла». Далѣе, Шереметевъ писалъ о своемъ личномъ дѣлѣ, что его переводятъ въ Жидовскій городокъ и кандалы снимутъ, что онъ былъ у аги и о государевѣ дѣлѣ говорилъ и что онъ, бояринъ, «по государской милости, даетъ за себя, сверхъ пятидесяти тысячъ, Гонсѣвскаго».

Опухтинъ и Байбаковъ рѣшились испробовать послѣднее средство: просить Сеферъ-Гази-агу, чтобы онъ позволилъ имъ видѣться съ нимъ, «для государскихъ дѣлъ». Посланникамъ нашимъ, навѣрное пришлось раскаиваться въ этомъ рѣшеніи своемъ, предоставившемъ ближнему человѣку случай высказать имъ такія вещи, которыхъ они, конечно, никакъ не могли ождать.

Посланцу Опухтина и Байбакова, приста-

ву ихъ Исупу, Сеферъ-Гази-ага на-отрѣзъ отвѣтилъ: «Видѣться со мною имъ, посланникамъ, не для чего, потому что они присланы обманомъ. Говорили, чтобы Черкасамъ не помогать а какъ бы ихъ слову повѣрили, не пошли бы, то-бъ многое у себя потеряли. И за тотъ обманъ ихъ приговорили было побить, и я, ударя (челомъ), упросилъ и побой отговорилъ. Пусть у Господа Бога просятъ, что по се число не отданы въ неволю. Коли государевъ дьякъ (Татариновъ) имъ не вѣритъ, и то мочно знать, что присланы съ обманомъ; а коли бъ не съ обманомъ, и тѣ рѣчи, что́ дьякъ со мною говорилъ, можно было писать; то дѣло не такое, тѣ дѣла мнѣ вѣдомы. Дьякъ изъ Москвы говоритъ одинъ, и къ нимъ, посланникамъ, не шлетъ указу для того, что съ неправдою присланы»[38].

---

[38] Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ: Крымскія дѣла 1659—1663 г. Связка 54/а. № 3.

ГЛАВА IV.

Между тѣмъ, въ Крымъ прибыли Польскіе посланники. Въ то время какъ Татариновъ только сулилъ казну, на-крѣпко торговался объ ея размѣрахъ и условіяхъ уплаты, на-половину деньгами, на половину соболями, — Польскіе посланники привезли хану казну за пять лѣтъ впередъ и отсчитали наличными двѣсти тысячъ ефимковъ[39]. Это произвело свое дѣйствіе на жадныхъ до денегъ Татаръ. О разрывѣ союза съ Поляками, главной цѣли посольства Татаринова, нечего было уже и думать. Сеферъ-Гази-ага вызвалъ къ себѣ изъ Жидовскаго городка Василья Борисовича Шереметева, и въ разговорахъ съ нимъ, очевидно подъ вліяніемъ

[39] Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ: Крымскія дѣла 1660 года. Связка 54/а. № 8.

Польскихъ пословъ, выражалъ сожалѣніе, что недружба межъ трехъ государей происходитъ изъ-за Черкасъ. «Царское величество, —говорилъ онъ Шереметеву,—принялъ Черкасъ и учинилась въ томъ съ нами недружба. Тѣ Черкасы своего Польскаго короля отстали да великому государю они измѣнили неодинова, а намъ тожъ измѣняютъ. А Польской въ своемъ государствѣ государь; великому государю мочно и помириться. А Черкасамъ вѣрить нечего, потому что они самовольные люди: нынѣ съ вами, а завтра съ нами, а послѣ будутъ съ Польскимъ королемъ. И имъ впредь вѣрить нечего. Какъ тѣхъ ссорщиковъ не будетъ, и межъ трехъ государей будетъ миръ и людемъ будетъ покой. А что вашихъ ратныхъ людей побито, и то все отъ нихъ Черкасъ. Правдѣ разрушенье учинилось потому: ханъ писалъ къ великому государю многажды на Донскихъ казаковъ, чтобъ ихъ унять, чтобъ они на Турскіе городы войною не ходили и не разоряли; а вы говорили, что тѣ казаки непослушны, воры; а нынѣ на Донъ прислано ратныхъ людей шесть тысячъ да приготовлены 500 струговъ итти на нашъ Крымъ и на Турскіе го-

роды, и они намъ ничего не учинятъ, только разоряютъ Турскіе городы. Не надобетъ было съ такимъ великимъ государемъ, съ Турскимъ салтаномъ, ссора чинить. Турскій салтанъ терпитъ отъ васъ много. А будетъ великій государь изволитъ казаковъ унять, и онъ тотчасъ уйметъ: не велитъ къ нимъ посылать запасовъ, и «они съ голоду помрутъ».

Шереметевъ отвѣчалъ: «Тѣ казаки воры, то вамъ самимъ вѣдомо. А то сказываютъ ложно, что великій государь ихъ жалуетъ и кормитъ. Великаго государя нашего повелѣнья имъ нѣтъ, что имъ ходить на Турскіе городы и разорять; на ваши улусы ходятъ они самовольствомъ. Больше того мнѣ говорить нечего, потому что великаго государя нашего указу мнѣ о томъ нѣтъ».

— «Повѣрь, — сказалъ на это ага, — что у васъ въ городахъ ни дѣлаютъ, у насъ то все вѣдомо; а что и у насъ дѣлается, и у васъ по тому-жъ вѣдомо». Съ этими словами Сеферъ-Гази-ага велѣлъ Шереметеву ѣхать назадъ, въ Жидовскій городокъ.

Къ сожалѣнію, въ дошедшихъ до насъ архивныхъ документахъ не встрѣчается рѣ-

шительно никакихъ свѣдѣній касательно переговоровъ дьяка Татаринова о выкупѣ Василья Борисовича Шереметева. Сохранилось только слѣдующее показаніе объ этомъ самого Василья Борисовича, въ его отпискѣ къ государю: «А что за меня окупу, и то, государь, на мѣрѣ не стало». Дѣло сіе представляется въ такомъ видѣ: Крымцы должны были получить за Шереметева ту сумму, которую остался имъ долженъ Польскій гетманъ Станиславъ Потоцкій, то-есть, 200.000 червонныхъ золотыхъ. Царь Алексѣй Михайловичь, черезъ своего посланника дьяка Татаринова, объявилъ, что онъ даетъ окупу за Шереметева, изъ своей государевой казны, до 50.000 рублей серебряными деньгами. А за посуленныя Польскимъ гетманомъ деньги,— что̀ онъ посулилъ, «не хотя платить казны», —сверхъ означенныхъ 50.000 рублей, велитъ отдать Гонсѣвскаго. Польскимъ посланникамъ очень легко было разстроить это дѣло: имъ стоило только заявить, что Рѣчь Посполитая не заплатитъ Крымцамъ ни одного червонца за гетмана Гонсѣвскаго. По всѣмъ вѣроятіямъ, они такъ и сдѣлали. Во всякомъ случаѣ, выкупъ Шереметева не состоялся.

Какъ кажется, объ этомъ не было и рѣчи на съѣздѣ мурзъ, происходившемъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1661 года. Очевидно, Крымцамъ не было никакого расчета выпускать изъ рукъ боярина Шереметева на тѣхъ условіяхъ, какія предлагало Московское правительство. Мы видѣли, что на первыхъ порахъ, они даже расчитывали получить за Шереметева Казань и Астрахань. Правда, Крымцы скоро поняли невозможность такого притязанія. Можетъ быть, тѣ же Поляки помогли имъ уразумѣть это. Но Крымцы никакъ уже не могли согласиться ограничить свои требованія по сему предмету 50.000 рублями, съ придачею къ нимъ гадательной получки за Гонсѣвскаго.

На съѣздѣ мурзъ только и говорилось о Донскихъ казакахъ, объ ихъ набѣгахъ на Турецкіе города и о необходимости заставить Московскаго царя унять ихъ. Того требовалъ Турецкій султанъ, верховный повелитель Крымскаго юрта. Мурзы и главнымъ образомъ Ширинъ-беи, настаивали на скорѣйшемъ отпускѣ дьяка Татаринова въ Москву, на отправленіи туда посольства съ ханскою грамотою къ Московскому царю и на посылкѣ

къ нему особаго гонца отъ боярина Шереметева.

28 марта, Сеферъ-Гази-ага объявилъ дьяку Татаринову, что отпускъ его къ великому государю будетъ вскорѣ. Въ тотъ же день, ага велѣлъ приставу Исупу сказать посланникамъ Опухтину и Байбакову, чтобы они, по случаю отъѣзда дьяка Татаринова, готовили письма къ великому государю и просили бы его «прислать имъ свой государскій указъ на всѣ дѣла и указалъ бы имъ подать хану грамоты съ поминками, и въ то-де время имъ и повѣрятъ». Ага приказалъ изготовленныя Опухтинымъ и Байбаковымъ письма прислать съ приставомъ Исупомъ и отдать ихъ переводчику Абдулу.

На другой же день, 30 марта, Опухтинъ и Байбаковъ послали къ Татаринову двѣ отписки: одну тайно, съ Татариномъ Измайликомъ; а другую явно, съ приставомъ Исупомъ[40].

Къ дьяку же Татаринову доставлены были также двѣ отписки къ великому государю по-

---

[40] Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ: Крымскія дѣла 1659—1663 г. Связка 54/а. № 3. Къ сожалѣнію, самихъ отписокъ въ дѣлахъ не сохранилось.

сланниковъ Якушкина и Михайлова. На послѣднихъ, повидимому, возложено было порученіе вести дѣла объ окупѣ нашихъ плѣнныхъ. Въ одной изъ отписокъ ихъ, присланныхъ къ дьяку, читаемъ: «Полоняниковъ, — которые твои, великаго государя, ратные люди въ полонъ взяты на бояхъ подъ Конотопомъ и подъ Лохвицею, въ 167 году, и которые взяты нынѣ въ Черкасскихъ городахъ, съ бояриномъ Васильемъ Борисовичемъ Шереметевымъ, — провѣдываемъ. А для договору объ окупѣ, мурзы и Татаровя и Арменя и Жиды, на станъ къ намъ, безъ царева приказу, полоняниковъ не везутъ. Да сказывалъ намъ размѣнный князь Маметша: Многіе-де полоняники, дворяне и дѣти боярскіе, княземъ и мурзамъ и агамъ сулятъ за себя окупы большіе, по тысячи рублевъ, по двѣ тысячи и по три тысячи и больше; и мимо-де тѣхъ ихъ договоровъ, которые полоняники сами за себя сулятъ окупы большіе, съ нами, посланниками, на стану окупомъ договариваться не станутъ; а безъ нашихъ-де посланничьихъ кабалъ на размѣну тѣхъ полоняниковъ не повезутъ. А мы въ такихъ большихъ окупахъ, противъ ихъ договоровъ, безъ твоего, великаго государя, ука-

зу, кабалъ на себя давать не смѣемъ. И о томъ намъ, какъ ты, великій государь, укажешь»[41]?

Отпускъ Татаринова изъ Крыма состоялся 3 апрѣля 1661 года, а выѣхалъ онъ 5 числа, вмѣстѣ съ Крымскими гонцами Маметомъ-имельдешемъ съ товарищами. Въ самый день ихъ отъѣзда, Якушкинъ и Михайловъ нашли способъ тайно вручить Татаринову еще одну отписку на имя государя, слѣдующаго содержанія: «Апрѣля 5 дня послали къ тебѣ, великому государю, къ Москвѣ, Крымской Магметъ-Гирей царь и калга и нуралинъ, гонцовъ Мамета съ товарищи, и тѣ гонцы повезли съ собою для покупки товаровъ мѣдныя деньги; а покупали государевы мѣдныя деньги въ Крымѣ дешевою цѣною: за Крымскую серебряную деньгу по десяти копѣекъ и больше. И мы о томъ посылали размѣнному князю Маметшѣ Сулешеву говорить: будетъ Магметъ-Гирей царь прикажетъ ему, Маметшѣ, на размѣнномъ мѣстѣ, у твоихъ, великаго государя, ближнихъ людей за полоняниковъ въ окупъ имать мѣдныя деньги, и онъ бы размѣнный князь и Крым-

[41] Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ: Крымскія дѣла 1661 года. Связка 54/в. № 1.

скимъ нынѣ гонцомъ велѣлъ съ собою къ Москвѣ мѣдныя деньги везть. И размѣнный князь намъ сказалъ: на размѣнномъ-де мѣстѣ за полоняниковъ окупу мурзы и Татаровя и Арменя и Жиды мѣдными деньгами имать не станутъ. А что-де Крымскіе гонцы везутъ съ собою къ Москвѣ мѣдныя деньги для покупки товаровъ, и въ томъ-де вольно тебѣ, великому государю. Будетъ-де у тѣхъ Крымскихъ гонцовъ на Москвѣ и въ городѣхъ, по твоему указу, торговые люди за товары мѣдныхъ денегъ имать не станутъ, и они, гонцы, тѣ мѣдныя деньги назадъ въ Крымъ привезутъ. А будетъ учнутъ имать мѣдныя деньги, и впредь твоихъ, великаго государя, серебряныхъ денегъ изъ Крыму къ Москвѣ не повезутъ, для того, что нынѣ въ Крымѣ мѣдныхъ денегъ много; закупаютъ ихъ Татары, Арменя и Жиды: хотятъ ихъ посылать впредь съ послы и гонцы къ Москвѣ и къ размѣнному мѣсту, для покупки товаровъ. И о томъ, какъ ты, великій государь, укажешь»[42]?

Съ разрѣшенія хана Мухаммедъ-Гирея, вмѣстѣ съ Татариновымъ, отправленъ былъ

---

[42] Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ: Крымскія дѣла 1661 года. Связка 54/в № 1.

въ Москву и гонецъ отъ Василья Борисовича Шереметева, одинъ изъ его сподвижниковъ, подполковникъ Григорій Васильевичь Булгаковъ. Онъ находился въ аманатахъ у Ширинскаго мурзы Келмамета и былъ отпущенъ Ширином для поѣздки въ Москву, съ ручательствомъ Шереметева, что возвратится назадъ, въ Крымъ.

Василій Борисовичь поручилъ Булгакову, какъ очевидцу, устно доложить государю о всемъ, что̀ дѣлалось у него въ обозѣ и кромѣ того, послалъ съ нимъ свою отписку къ царскому величеству.

Вотъ содержаніе этой первой отписки Василья Борисовича Шереметева изъ Крымскаго плѣна[43]:

«Государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всеа великия и малыя и бѣлыя Росиі самодержцу, холопъ твой, отданной отъ неприятелей и отъ клятвопреступниковъ в Крымъ в вязни, Васка Шереметевъ, челомъ бьетъ. Исполняя, государь,

---

[43] Документъ сей, хранящійся въ Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ (Крымскія дѣла 1661 года. Связка 54/в № 4), въ нѣсколькихъ мѣстахъ подгнилъ и эти испорченныя, непрочитанныя мѣста, мы означаемъ точками.

повелѣнье и указъ твой, великаго государя, хотя вседушно дѣлать какъ тебѣ, великому государю, годно, ходилъ я с Киева противъ корунныхъ гетмановъ, а со мною товарыщи мои, сходные воеводы: ис Переславля—князь Осипъ Ивановичь Щербатой, ис Умани — князь Григорей Козловской. Да со мною жъ посылалъ гетманъ Юрье Хмелницкой полковниковъ Черкаскихъ с Черкасы: Переславскаго Тимоѳѣя Цецюрю, Киевскаго Василья Дворецкова, Мирогороцкаго Павла Апостола; и Прилуцкой и Лубенской со мною были жъ. А сколко, государь, Черкасъ было, и о томъ к тебѣ, великому государю, писалъ я ис подъ Котелны с ротмистромъ с Григорьемъ Грецовымъ. А какъ, государь, в обозе у меня дѣлалось и отчево твоему, великаго государя, дѣлу поруха учинилась и какъ я в Крымъ отданъ, и про то про все будетъ тебѣ, великому государю, извѣстно: послалъ к тебѣ я, холопъ твой, Григорья Булгакова. А отданъ онъ, Григорей, былъ в аманаты Келмамету мурзѣ Ширину, и Келмаметъ отпустилъ ево, Григорья, за моею порукою, что ему с Москвы быть в Крымъ. А діака Ивана Татаринова отпустилъ к те-

бѣ, великому государю, царь Крымской апрѣля въ 3 день; а какъ твое, великаго государя, дѣло у него, Ивана, дѣлалось, и тебѣ извѣститъ онъ, Иванъ. А я, холопъ твой, с Иваномъ видѣлся у ближнева человѣка, у Сеѳеръ-Гази-аги, на дворѣ: привозили меня в телѣге, скована в кайдалахъ. И о твоихъ, великаго государя, дѣлехъ я с Иваномъ говорилъ, и отчево твоему, великаго государя, дѣлу у меня поруха учинилась, и какъ я в Крымъ отданъ, и про то про все Ивану сказывалъ, и Иванъ Татариновъ про все тебѣ, великому государю, извѣститъ. А подлинно про все не писалъ я, холопъ твой, для далнего проѣзду, чтобъ отписка моя не утерялась в частыхъ осмотрехъ. А до Крыму везли меня семь недѣль. Да товарыщь мой князь Юрья Борятинской не допустилъ до меня многихъ конныхъ ратныхъ людей полку товарыща моево околничего князь Осипа Ивановича Щербатова. Я, холопъ твой, и гетманъ Юрье Хмелницкой писали к нему, князь Юрью, чтобы шелъ намъ помогать, и онъ было и пошелъ, и отшедъ от Киева верстъ с семдесятъ, до меня и до гетмана не дошелъ малыхъ верстъ; поворотился назадъ,

пограбя местечка многие и деревни, а помочи гетману не учинилъ; а гетманъ ево ждалъ и надеженъ былъ на нево. Людей съ нимъ, князь Юрьемъ, было тысячь съ восемь. И толко ..... тому радъ былъ, какъ Юрье шелъ. А товарыщей моихъ, ни полковниковъ и головы стрелецкова Ивана Манастырева в Крымѣ нѣтъ: всѣ у Поляковъ. Какъ услышали у Поляковъ, что меня, холопа твоего, везутъ в Крымъ, всѣ от меня розбѣжались къ Полякамъ и бороды и головы побрили и чюпруны подѣлали, чтобъ имъ тѣмъ от Крыму отбыть. А со мною, холопомъ твоимъ, привезены въ Крымъ немногие, которые от меня не побѣжали: Прокоѳей Сатинъ, Иванъ Нарманской, Кузма Каржавинъ, Иванъ Суздолцовъ, Михайло Ивановъ сынъ Вырубовъ; да отъ Поляковъ ушли и в дороге меня угнали, какъ меня повезли в Крымъ: подьячей Ѳедоръ Набатовъ да попъ полковой, Симеономъ зовутъ, да толмачь Терешка Ѳроловъ. И всѣхъ ..... людей дворянъ и началныхъ людей привезено в Крымъ со мною, холопомъ твоимъ, человѣкъ со сто; а кто имяны, и ихъ имяна записаны у Ивана Татаринова. Да людишекъ моихъ,

холопа твоего, привезено в Крымъ одиннатцать человѣкъ. А Прокоѳей Сатинъ с товарыщи и людишка мои со мною розведены: Прокоѳей Сатинъ с товарыщи сидятъ в тюрмѣ в Козлове, а людишка мои — у нурадына-царевича. А какъ меня нурадынъ-царевичь отвезъ к царю, в Бахчисарай, и мнѣ далъ попа да толмача, а людишекъ моихъ мнѣ не далъ; а недавно прислалъ нурадынъ ко мнѣ дву человѣкъ, а упросилъ у него ближней человѣкъ Сеѳеръ-Гази-ага. Во всякихъ, государь, дѣлехъ Сеѳеръ-Гази-ага владѣтеленъ и дѣлаетъ, какъ хочетъ. А я, холопъ твой, ныне в Жидовскомъ городкѣ; а на цареве дворѣ, былъ я въ палатѣ посаженъ, и в кайдалахъ сидѣлъ три мѣсяца. А кайдалы с меня сняли и в Жидовской городокъ послали, по прошенью ближнева человѣка Сеѳеръ-Гази-аги. А корму мнѣ даютъ, вмѣстѣ с попомъ и с толмачемъ, по три гривенки на день мяса да по осми хлѣбовъ такихъ, какъ на Москвѣ купить по полуденге да тарану указано на день в вѣсъ по гривенке; а за хлѣбы и за таранъ даютъ мнѣ ..... на мѣсяцъ. Милости у тебя, великаго государя, прошу ..... холопа твоего, взыщи своею милостию .....

какъ тебѣ, великому государю, Богъ извѣститъ обо мнѣ, холопе твоемъ. А окромѣ Бога и тебя, праведнаго государя, помошника у меня нѣтъ. Надежа моя Господь Богъ да ты, государь праведной. А что, государь, за меня, холопа твоего окупу, и то, государь, на мѣрѣ не стало».

Покамѣстъ Крымскіе гонцы Маметъ-имельдешъ и товарищи его, вмѣстѣ съ дьякомъ Татариновымъ и подполковникомъ Булгаковымъ, будутъ совершать свой долгій и по времени года весьма трудный переѣздъ въ Москву, мы успѣемъ сказать нѣсколько словъ о томъ, какъ относилось Московское правительство къ несчастію, постигшему боярина Василья Борисовича Шереметева, перечислить родныхъ Крымскаго вязня, проживавшихъ въ Москвѣ, и ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ въ Малороссіи послѣ Чудновской катастрофы.

ГЛАВА V.

Еще въ началѣ декабря 1660 года, передъ тѣмъ, какъ отправлять дьяка Татаринова въ Крымъ, когда дядя по матери Юрья Хмельницкаго, наказной гетманъ Якимъ Сомко, въ отпискѣ къ царю Алексѣю Михайловичу, попытался было сдѣлать намекъ на то, что поруха государеву дѣлу въ Малороссіи учинилась по винѣ боярина Василья Борисовича Шереметева, будто бы выдавшаго войско Запорожское Татарамъ въ неволю[44],—

[44] Этотъ лукавый намекъ Сомка откликнулся въ политическихъ виршахъ, написанныхъ въ самомъ началѣ царствованія Екатерины II, подъ заглавіемъ: «Разговоръ Великороссіи съ Малороссіею». Авторъ виршей, Малороссійскій чиновникъ Семенъ Дѣвовичъ, прямо называетъ Василья Борисовича Шереметева измѣнникомъ .. Конечно, послѣ всего изложеннаго нами, не стоило бы даже и упоминать о нелѣпыхъ виршахъ, но, къ сожалѣнію, онѣ нашли мѣсто въ почтенномъ историческомъ журналѣ «Кіевская Старина» (1882 г. т. I. стр. 361 и т. III стр. 148). Да послужатъ отвѣтомъ на памфлетъ Дѣвовича нижепомѣщаемыя грамоты самого царя Алексѣя Михайловича наказному гетману Якиму Сомку.

Сомку отвѣтствовано было въ царской грамотѣ слѣдующее:

«Бояринъ нашъ Василій Борисовичь, будучи въ облеженьѣ, отъ великіе тѣсноты и нужи съ корунными гетманы учинилъ договоръ поневолѣ, по совѣту со всѣми ратными людьми. А въ договорныхъ статьяхъ, по ихъ казацкому хотѣнью, написано, что имъ, казакамъ, изъ боярскаго табору съ ружьемъ и съ хоругвями вытти напередъ. И по тому договору, бояринъ нашъ Василій Борисовичь казаковъ изъ обозу отъ себя съ ружьемъ и хоругвями выпустилъ. А бояринъ нашъ Василій Борисовичь съ товарыщи, съ нашими ратными людьми, противъ непріятелей ходили и церквей Божіихъ и городовъ и мѣстъ украинныхъ Черкаскихъ и домовъ вашихъ до разоренья не допустили, и кровь свою проливали, и головы свои складывали за васъ да за домы ваши. Бояринъ нашъ Василій Борисовичь войска вашего Запорожскаго Татарамъ въ неволю не отдалъ; а учинилося то боярину нашему Василью Борисовичу по самой конечной неволѣ, отъ большіе тѣсноты, измѣною Заднѣпрскихъ полковниковъ и гетмана Юрья Хмельницкаго. Какъ бояринъ нашъ Василій

Борисовичь сшелся съ корунными гетманы и съ Татары, и онъ съ нашими ратными людьми и съ войскомъ Запорожскимъ Ляхомъ и Татаромъ отпоръ давали, и бои у нихъ были многіе, и въ кое время отойти было ему, боярину нашему, съ нашими ратными людьми и съ войскомъ Запорожскимъ, при немъ будучимъ, отъ Ляховъ мошно, и въ то время гетманъ Юрье Хмельницкой присылалъ къ нему, боярину нашему, безпрестанно, чтобы онъ отъ гетмановъ не отступалъ, а онъ, гетманъ Юрье Хмельницкой, съ войскомъ къ нему на поклонъ идетъ. И по его гетманскому письму, бояринъ нашъ Василій Борисовичь, ожидая его, гетмана, съ войскомъ къ себѣ на посилокъ долгое время, учинился беззапасенъ, и отъ многихъ боевъ пороху и пуль не стало; а только бъ гетманъ Юрье Хмельницкой о походѣ своемъ съ войскомъ въ посилкѣ лестью не обнадеживалъ, и онъ бы, бояринъ нашъ, съ нашими ратными людми и съ войскомъ Запорожскимъ, отъ гетмановъ корунныхъ и отъ Татаръ отшелъ бы во-время оборонною рукою совсѣмъ вцѣлѣ. А какъ гетманъ Юрье Хмельницкой съ войскомъ Запорожскимъ пришелъ и сталъ отъ боярскаго обозу въ

трехъ миляхъ, и по заводу Заднѣпрскихъ полковниковъ, Выговскаго друзей, сослався съ Ляхами, учинили перемирье, а его, боярина нашего и воеводъ и нашихъ ратныхъ людей въ помочи выдали»[45].

Въ другой царской грамотѣ, посланной къ боярину и воеводѣ князю Юрью Алексѣевичу Долгорукову, съ сержантомъ солдатскаго строя Семеномъ Майковымъ, уже послѣ отъѣзда Татаринова, именно 30 числа того же декабря, читаемъ: «Вѣдомо намъ, великому государю, учинилось, что гетманъ Юшка Хмельницкій съ Заднѣпрскими Черкасы, намъ, великому государю, измѣнилъ: съ бояриномъ нашимъ и воеводами, съ Васильемъ Борисовичемъ Шереметевымъ съ товарищи не сшелся. А бояринъ нашъ въ сходъ къ нему, гетману, писалъ многажды, чтобъ имъ сойтись вмѣстѣ. И къ нему, боярину, писалъ гетманъ, что будто къ нему въ сходъ идетъ; и бояринъ нашъ и воеводы и наши государевы ратные люди его, гетмана, къ себѣ ждали многое время и съ Поляки и съ Татары бились безпрестанно, и большою

[45] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. V. Спб. 1867 г. № 22. Конца приведеннаго акта не сохранилось.

мосцью Польскіе и Крымскіе люди боярина нашего и воеводу осадили. И онъ, гетманъ, боярину нашему и воеводамъ и нашимъ государевымъ людемъ манилъ многажды и въ сходъ къ боярину и воеводамъ не бывалъ. И гетманы Потоцкій и Любомирскій, съ Польскими людьми и съ Крымскіе царевичи съ мурзы и съ Татары, видя ево, Юраскову, къ намъ, великому государю, измѣну, что онъ, Юшко, съ полковники и съ Черкасы измѣнилъ и присталъ къ Польскому королю, а Черкасы, которые были въ полку съ бояриномъ нашимъ съ Васильемъ Борисовичемъ, Переяславскій полковникъ Цецура да Кіевской полковникъ Васко и иные полковники съ Черкасы, изъ полку боярина и воеводы уѣхали къ нимъ, Польскимъ людямъ,—и Потоцкій и Любомирскій и Крымскіе царевичи, видя Черкаскую измѣну, учели боярину нашему и воеводамъ и нашимъ ратнымъ людемъ въ осадѣ тѣсноту чинить большую, и отъ того у нихъ учелся въ осадѣ голодъ большой. И бояринъ нашъ и воеводы съ гетманомъ Потоцкимъ и съ Любомирскимъ и съ Крымскими царевичи изъ осады договорились на то, что было имъ ево, боярина нашего и воеводъ,

и нашихъ государевыхъ ратныхъ людей изъ осады отпустить со всякимъ ружьемъ вцѣлѣ. И на то они, гетманы Потоцкій и Любомирскій, и многіе полковники присягали, а Крымскіе царевичи и мурзы по своей вѣрѣ шертовали. И послѣ того, спустя два дни, они, Потоцкій и Любомирскій, и полковники и Крымскіе царевичи и мурзы, на томъ на всемъ не устояли: присягу свою и шерть нарушили, боярина нашего Василья Борисовича съ товарищами и нашихъ ратныхъ людей побили, въ полонъ поимали»[46].

Изъ приведенныхъ царскихъ грамотъ достаточно ясно видно, что въ Москвѣ давно знали всѣ обстоятельства несчастнаго Чудновскаго дѣла и что Шереметева не только не считали виновникомъ порухи, но, напротивъ, были убѣждены, что онъ, съ своей стороны, сдѣлалъ все, что только можно было сдѣлать для поддержанія чести Русскаго оружія. Самъ Василій Борисовичъ, какъ можно заключить изъ его отписки къ государю и устнаго разсказа, записаннаго въ статейномъ спискѣ дьяка Татаринова, начальною причи-

[46] Московскій архивъ министерства юстиціи: Записная книга Московскаго стола. № 11. л. 95 на об.

ною Чудновской катастрофы признавалъ неожиданное прибытіе Татаръ, въ помощь Полякамъ: «Я шелъ—говоритъ Шереметевъ — противъ Поляковъ, а про нурадина-царевича не вѣдалъ». Второю причиною былъ недостатокъ продовольствія въ станѣ Шереметева, породившій голодъ и упадокъ дисциплины въ войскѣ. Мы видѣли, что дѣло дошло до того, что ратные люди нѣсколько разъ «съ большимъ шумомъ» врывались къ Шереметеву и требовали, чтобы онъ «съ Ляхами договоръ учинилъ и изъ обозу бы ихъ выпустилъ»; а начальные люди прямо заявили, что «съ Ляхами биться не хотятъ». Третьей и окончательной причиной катастрофы было странное поведеніе князя Юрья Никитича Борятинскаго: «не дошедъ немногихъ верстъ» до Шереметева, онъ вдругъ поворотилъ назадъ и, вмѣсто того, чтобы помочь ему, принялся грабить окрестныя села и мѣстечки. А между тѣмъ, съ княземъ Борятинскимъ былъ отрядъ въ восемь тысячъ человѣкъ. Съ этимъ свѣжимъ войскомъ, Шереметевъ легко пробился бы къ Кіеву, и кто̀ знаетъ, можетъ быть даже перешелъ бы въ наступленіе и разгромилъ бы изможденное трудными переходами

и всевозможными лишеніями Польско-Татарское войско.

Въ предыдущей главѣ мы не безъ причины привели цѣликомъ отписку Василья Борисовича Шереметева къ царю Алексѣю Михайловичу. Кто прочтетъ этотъ документъ отъ начала до конца, тотъ самъ увидитъ, на сколько справедливъ былъ Соловьевъ, сказавъ въ своей Исторіи, будто бы Шереметевъ воспользовался даннымъ ему разрѣшеніемъ писать въ Москву, «чтобъ отомстить Борятинскому, сложивши на него всю вину Чудновскаго несчастія»[47]. Ни въ отпискѣ, ни въ устномъ разсказѣ Шереметева, незамѣтно ни малѣйшаго желанія, съ его стороны, оправдываться или складывать вину на другого. Въ этомъ не было никакой надобности. Слишкомъ много было свидѣтелей его распорядительности и прямо геройскихъ подвиговъ, и изъ своихъ, и изъ чужестранцевъ. А если бы и нужно было въ чемъ либо оправдываться, то совсѣмъ достаточно было бы указать на Юрья Хмельницкаго и его казаковъ, измѣна коихъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Но

---

[47] Исторія Россіи. Т. XI. Спб. 1861. стр. 122.

Шереметевъ ни однимъ словомъ не промолвился даже и объ этомъ, и, разумѣется, не потому только, что онъ истинно презиралъ Юрья Хмельницкаго, открыто называя его «гетманишкомъ», которому бы «гусей пасти, а не гетмановать». Шереметеву просто не въ чемъ было оправдываться. Не было причины и умалчивать о дѣйствительно странномъ поведеніи князя Борятинскаго. Послѣдній, конечно, могъ бы быть весьма полезнымъ въ заключительномъ дѣйствіи кровавой, безпримѣрной драмы, погубившей нашего воеводу, котораго даже иностранцы называли «истиннымъ полководцемъ»[48] и приравнивали его къ знаменитому герою XVI вѣка, герцогу Пармскому[49].

Мы знаемъ, какъ высоко цѣнилъ Шереметева и царь Алексѣй Михайловичь. Знаемъ также, что Чудновская катастрофа нисколько не умалила его во мнѣніи государя, чѣмъ и объясняется та спѣшность, съ которою отправленъ былъ въ Крымъ дьякъ

---

[48] Journal de ce qui s'est passé, entre l'armée des Polonois et celle des Moscovites. Paris. 1660.

[49] Zieleniewicius. Memorabilis victoria de Szeremetho. Cracoviae. 1668. стр. 82.

Татариновъ для договора о выкупѣ Шереметева на государственныя средства.

У насъ изстари смотрѣли на освобожденіе плѣнныхъ вообще, какъ на дѣло всенароднаго христіанскаго милосердія. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ оно получаетъ свое окончательное устройство и становится уже дѣломъ прямо государственнымъ. Въ Уложеніи тишайшаго царя находится особая глава, подъ названіемъ: «О искупленіи плѣнныхъ», которая начинается съ того, что бы: «полоняникомъ на окупъ, збирать денги ежегодъ» со всѣхъ людей Московскаго государства, отъ двухъ до осьми денегъ съ двора. Уложеніе, предупреждая, «что бы въ томъ денежномъ зборѣ, никто въ избылыхъ не былъ», въ такихъ сильныхъ словахъ объясняетъ религіозное значеніе выкупа: «Таковое искупленіе общая милостыня нарицается, и благочестивому царю и всѣмъ православнымъ христіяномъ за то великая мзда отъ Бога будетъ, якоже рече праведный Енохъ: не пощадите злата и сребра, брата ради, но искупите его, да отъ Бога сторицею пріимете. И пророкомъ рече Богъ: не пощади сребра, человѣка ради. Христосъ же, не токмо сребра,

но и душу свою повелѣваетъ по братіи положити; больши бо тоя, рече, любве никтоже не имать, аще кто душу свою положитъ по братіи своей. И того ради Христова слова, благочестивымъ царемъ и всѣмъ православнымъ христіяномъ, не токмо плѣнныхъ окупати, но и душу свою за нихъ полагати достойно, да сторичныя мзды во онъ день сподобятся»[50].

Теперь является вопросъ, дѣйствительно ли не пощадили сребра и злата на искупленіе изъ плѣна Василья Борисовича Шереметева? Проживавшій въ то время въ Москвѣ Польскій плѣнникъ Павелъ Потоцкій, двоюродный братъ извѣстнаго намъ короннаго гетмана Станислава Потоцкаго, отвѣчаетъ на выставленный вопросъ отрицательно. Въ своихъ извѣстныхъ характеристикахъ вельможъ и знатныхъ людей царствованія Алексѣя Михайловича, Потоцкій говоритъ: «Московское правительство, съ одной стороны, назначило Шереметева на роковую должность, отъ которой отказывались всѣ его товарищи; съ другой стороны, отнеслось къ

[50] Уложеніе царя Алексѣя Михайловича. Изд. 1737 г. Глава осьмая. стр. 21.

нему недостаточно внимательно и поскупилось освободить его отъ бѣдствія, которому подвергся онъ, доблестно сражаясь за Русское государство»[51].

Какъ извѣстно, Павелъ Потоцкій пользовался большимъ расположеніемъ царя Алексѣя Михайловича, который и женилъ его на дочери своего любимца, Петра Михайловича Салтыкова, Еленѣ Петровнѣ Салтыковой[52]. Благодаря такому выгодному положенію, Потоцкій имѣлъ случай близко узнать тогдашній Московскій дворъ, и его показанія о вельможахъ того времени и разныхъ придворныхъ отношеніяхъ, заслуживаютъ полнаго вниманія, какъ первоисточникъ. Потоцкій, отзываясь съ большимъ уваженіемъ о Васильѣ Борисовичѣ Шереметевѣ, объ его воинской храбрости, «какъ бы наслѣдственной въ его знаменитомъ родѣ», даетъ ясно понять, что Шереметева не любили при Московскомъ дворѣ. «Не было бы предѣловъ — говоритъ онъ—проявленію отличныхъ воин-

---

[51] Potocki, Paulus. Opera omnia. Varsaviae. 1748. p. 195.

[52] Родная тетка Прасковьи Ѳедоровны Салтыковой, впослѣдствіи царицы, супруги царя Ивана Алексѣевича и матери императрицы Анны Ивановны.

скихъ доблестей Шереметева, если бы не Московскій дворъ. Подвигамъ и дѣятельности сего великаго мужа полагались многія преграды. Московскій дворъ слишкомъ превратный цѣнитель великаго духа и славныхъ дѣяній; въ большинствѣ случаевъ, онъ оказывается болѣе склоннымъ къ невоинственнымъ паразитамъ, чѣмъ къ мужамъ, рожденнымъ для великихъ подвиговъ»[53].

Таково біографическое показаніе современника-очевидца, котораго ни въ какомъ случаѣ нельзя заподозрить въ пристрастіи къ Шереметеву. Потоцкій, возмущенный вопіющею несправедливостію къ сему послѣднему, даже сравниваетъ Москву съ погибавшимъ въ порокахъ Римомъ, согласившимся скорѣе изгнать Камилла, своего избавителя отъ Галловъ, нежели почтить его торжественнымъ тріумфомъ. Для насъ становится несомнѣннымъ, что Василій Борисовичь Шереметевъ палъ жертвою безпощадной зависти, — этого страшнаго недуга, извѣчно присущаго роду человѣческому. Самъ Шереметевъ, въ порывѣ отчаянія отъ ниспавшихъ на него бѣдствій,

---

[53] Potocki, Paulus. Opera omnia. Varsaviae. 1748. p. 195.

восклицаетъ: «А за что́ непріятство ко мнѣ братіи моей, про то не вѣдаю я, убогій человѣченка; развѣ будетъ съ ненависти, что видѣли государскую милость ко мнѣ превелику»[54].

Чтобы представить себѣ, на сколько недоброжелательствовали Василью Борисовичу Шереметеву въ высшемъ правительственномъ кругѣ, достаточно вспомнить, что первенствовавшій въ Разрядѣ думный дьякъ Семенъ Ивановичь Заборовскій позволялъ себѣ бросать отписки Шереметева подъ столъ и не докладывалъ объ нихъ государю[55]. Василій Борисовичь, не находя поддержки и въ самомъ начальникѣ Разряднаго приказа, своемъ тестѣ, Иванѣ Аѳанасьевичѣ Гавреневѣ, вынужденъ былъ просить государя, чтобы ему дозволили писать о всякихъ дѣлахъ, мимо Разряда, прямо въ Приказъ тайныхъ дѣлъ. Царь Алексѣй Михайловичь, по вниманію «къ вѣрной и многолѣтней службѣ» Шереметева, разрѣшилъ ему посылать отписки въ Приказъ тайныхъ дѣлъ, но съ тѣмъ, чтобы

---

[54] Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ: Крымскія дѣла 1667 года. Связка 56/а. № 2.

[55] Родъ Шереметевыхъ. Кн. V. стр. 288.

онъ, попрежнему, писалъ о томъ же и въ Разрядъ, которому приказано было по отпискамъ Шереметева докладывать государю и указы чинить безволокитно.

Это среднее рѣшеніе, въ сущности нисколько не улаживало дѣла. Докладчикомъ по отпискамъ Шереметева все-таки остался Разрядъ, тотъ же думный дьякъ Заборовскій; а Шереметеву лишній разъ сказано было государево милостивое слово объ его вѣрной и многолѣтней службѣ, по вниманію къ которой ему разрѣшалось посылать отписки и въ Приказъ тайныхъ дѣлъ. Царь Алексѣй Михайловичь, при всѣхъ своихъ высокихъ качествахъ, по природѣ былъ слишкомъ мягокъ. Онъ постоянно уклонялся отъ прямыхъ, твердыхъ рѣшеній въ пользу той или другой стороны, хотя бы дѣло касалось и близкаго къ нему лица. Тишайшій царь старался устраивать такъ, чтобы, по возможности, угодить обѣимъ сторонамъ. Только этимъ и можно объяснить его странныя отношенія между прочимъ и къ Василью Борисовичу Шереметеву. Онъ несомнѣнно любилъ Шереметева. Сгоряча, по влеченію своей доброй души, онъ назначилъ на выкупъ Шереметева весь-

ма крупную по тому времени денежную сумму 50.000 рублей, что́ составляло ровно третью часть годоваго государственнаго сбора полоняничныхъ денегъ[56]. Но этой суммы, приблизительно равнявшейся нынѣшнимъ 335.000 рублямъ[57], оказалось недостаточно: Татары требовали бо̀льшаго. Стоявшіе у государевой казны, бо̀льшаго не давали, ссылаясь постоянно на бе́зденежье, и царь Алексѣй Михайловичь, не видя вокругъ себя сочувствія къ Шереметеву, не настаивалъ, единственно для того, чтобы не опечалить враговъ его, чтобы не видѣть ихъ недовольныхъ лицъ. Самъ Шереметевъ былъ далеко, въ Крыму; а этихъ онъ встрѣчалъ ежедневно, съ утра до вечера. Но чтобы какъ нибудь угодить и Шереметеву, онъ всячески ласкалъ оставшагося въ Москвѣ его сына, а самому ему безпрестанно посылалъ утѣшительныя, милостивыя грамоты и разные поминки. А между тѣмъ, по слабости

---

[56] Котошихинъ. О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Изд. 2. Спб. 1859. стр. 72.

[57] Въ тогдашнемъ рублѣ и послѣ 1657 года, когда допущены были въ оборотъ новые серебряные рубли, считалось 33 алтына двѣ деньги (М. Заблоцкій. О цѣнностяхъ въ Древней Руси. Спб. 1854. стр. 77). Нормальный алтынъ равняется нынѣшнему двугривенному. Слѣдовательно, нормальный рубль описываемаго времени приблизительно равняется теперешнимъ 6 рублямъ 70 копѣйкамъ.

характера, никакъ не могъ отважиться на какія либо рѣшительныя мѣры къ освобожденію Шереметева во что бы то ни стало отъ ужаснаго плѣна у невѣрныхъ, столь желаннаго недругамъ Василья Борисовича. Точно также поступалъ царь Алексѣй Михайловичь и съ своимъ «сòбиннымъ пріятелемъ» патріархомъ Никономъ: предавъ его на растерзаніе враговъ, онъ въ то же время старается увѣрить его въ своемъ доброжелательствѣ.... Это была слабая сторона царя Алексѣя Михайловича. А по вѣрному замѣчанію историка Соловьева, «слабость государей имѣетъ иногда тѣ же слѣдствія, какъ и тиранство»[58].

---

[58] Исторія Россіи. Т. XII. М. 1862. стр. 347.

ГЛАВА VI.

Не менѣе странными представляются отношенія къ Василью Борисовичу Шереметеву его родственниковъ. Неужели же и они недоброжелательствовали ему?

Къ сожалѣнію, область бытовыхъ, семейныхъ отношеній нашихъ предковъ весьма мало доступна для изслѣдованія. Намъ не оставленъ ключъ отъ нея. Не говоря уже о болѣе отдаленной эпохѣ, даже и отъ XVII столѣтія мы почти совсѣмъ не имѣемъ, ни частныхъ писемъ, ни фамильныхъ записокъ. Но этотъ важный пробѣлъ иногда удается въ извѣстной степени восполнять біографическимъ матеріаломъ, случайно находимымъ, отчасти въ уцѣлѣвшихъ тяжебныхъ дѣлахъ, отчасти въ разныхъ отпискахъ и челобитныхъ. Такъ и теперь насъ выручаютъ най-

денныя въ архивныхъ дѣлахъ показанія самого Василья Борисовича Шереметева. Оказывается, что родные Василья Борисовича, Шереметевы, были именно враждебно настроены, и къ нему самому, и къ его семьѣ, которая вслѣдствіе того, въ отсутствіе Василья Борисовича, претерпѣвала всевозможныя лишенія. И это обстоятельство несомнѣнно усугубляло горе несчастнаго Крымскаго плѣнника.

Какъ извѣстно, собственная семья Василья Борисовича Шереметева была весьма малочисленна. Кромѣ мачихи, вдовой боярыни Ульяны Петровны, она состояла всего изъ трехъ лицъ: второй жены Василья Борисовича, болѣзненной и увѣчной Прасковьи Васильевны, сына отъ перваго брака, стольника Ивана Васильевича, и дочери отъ втораго брака, дѣвицы Аѳимьи Васильевны.

Можно было бы надѣяться, что несчастіе, постигшее Василья Борисовича, привлечетъ участіе по крайней мѣрѣ къ его семьѣ, особенно со стороны родныхъ. Но вышло совсѣмъ иначе. Безсердечіемъ людскимъ она доведена была до ужаснаго состоянія полнаго разоренія. «И отъ того разоренія — писалъ

Василій Борисовичь государю, — женишка моя и сынишка и бѣдная моя дочеришка голодны и живутъ безъ меня съ великою нужею: хлѣбъ и дрова покупаютъ дорогою цѣною и отъ того одолжяли». Въ другомъ мѣстѣ отписки Василій Борисовичь, говоря о своемъ сынѣ, прямо указываетъ на своихъ родныхъ, какъ на виновниковъ бѣдствія его семьи: «А сынишка мой человѣченка молодой и безсемеенъ и пустъ, родителей старыхъ никово нѣтъ, а и есть свои, и онѣ не добры, тѣснятъ сынишка моего деревенскою тѣснотою безъ меня, видя мой упадокъ великой и одиночество»[59].

При такомъ положеніи дѣла, Василью Борисовичу разумѣется нечего было расчитывать на помощь со стороны своихъ родныхъ. Онъ хорошо это зналъ и до конца имѣлъ упованіе лишь на милость государя, котораго постоянно просилъ внести недостающую для выкупа денежную сумму. Василій Борисовичь обѣщалъ, по возвращеніи изъ плѣна, заплатить эту сумму, собравъ ее «у братіи своей, у Московскаго народу лю-

[59] Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ: Крымскія дѣла 1667 года. Связка 56/а. № 2.

дей». При этомъ присовокуплялъ съ грустію: «а нынѣ, безъ меня, збирать и просить въ окупъ мой въ прибавку, чего не достаетъ, некому»[60].

Съ прискорбіемъ приходится замѣтить, что въ родѣ Шереметевыхъ, со времени перваго раздѣла вотчинъ, во второй половинѣ XVI столѣтія,—семейные нелады стали дѣломъ довольно обычнымъ. Припомнимъ, какъ поступилъ родной дѣдъ Василья Борисовича, боярин Петръ Никитичь Шереметевъ, когда его дядя Ѳедоръ Васильевичь былъ взятъ въ Польскій плѣнъ: онъ отбилъ замки у его Московскихъ палатъ, пограбилъ его животы и самовольно владѣлъ его вотчинами въ теченіе четырехъ лѣтъ, пока тотъ не вернулся изъ плѣна[61]. Припомнимъ также насильственныя дѣйствія сыновей Петра Никитича противъ своего престарѣлаго дяди, боярина Ѳедора Ивановича Шереметева, изъ-за наслѣдства[62]. Не примѣчаются родственныя чувства и во внукахъ Петра Никитича, Ни-

---

[60] Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ: Крымскія дѣла 1667 года. Связка 56/а. № 2.

[61] Родъ Шереметевыхъ. Кн. I. стр. 505.

[62] Родъ Шереметевыхъ. Кн. III. стр. 293—295.

китѣ Ивановичѣ и Петрѣ Васильевичѣ Большомъ Шереметевыхъ, по крайней мѣрѣ, въ ихъ отношеніяхъ къ своему двоюродному брату, Василью Борисовичу. Занимая болѣе или менѣе видное служебное положеніе и постоянно находясь на глазахъ у государя, они, сколько до сихъ поръ извѣстно, какъ будто бы не показывали даже и желанія воспользоваться этими выгодами для облегченія тяжкой участи своего брата. На ихъ глазахъ, сына Василья Борисовича тѣснили «деревенскою тѣснотою», что́ прямо указываетъ на чьи-то насильственныя дѣйствія. Не даромъ же Василій Борисовичь именно въ описываемое время, то-есть, въ 1661 году, прислалъ изъ Крыма челобитную объ укрѣпленіи границъ своей Коломенской вотчины, села Чиркина, объ обмежеваніи ея. Очень можетъ быть, что это челобитье было вызвано какими-нибудь враждебными дѣйствіями родныхъ, можетъ быть ихъ попытками захватить ту вотчину или часть ея въ свою собственность.

По челобитной Василья Борисовича Шереметева, межеваніе Чиркинской вотчины произведено въ томъ же 1661 году, для чего

послана была изъ Помѣстнаго приказа въ Коломну, къ межевщику Дмитрію Бабину, выпись изъ писцовой книги, составленной еще при отцѣ Василья Борисовича, Борисѣ Петровичѣ Шереметевѣ, скончавшемся въ 1650 году. Въ архивѣ графа Сергія Дмитріевича Шереметева найденъ списокъ этой выписи. Оказывается, что въ пору составленія означенной писцовой книги, слѣдовательно до 1650 года, въ селѣ Чиркинѣ была «церковь каменна Покровъ Пречистые Богородицы да придѣлъ Василья Кесарійскаго; другой придѣлъ Андрѣя Крицкаго; третей придѣлъ Николы чюдотворца. Въ селѣ жъ дворъ вотчинниковъ да на церковной землѣ (дворъ) вдовой попъ Степанъ Евсевьевъ». Пашенной средней земли показано 40 четвертей, перелогу 100 четвертей, лѣсомъ поросло 60 четвертей въ полѣ, а въ двухъ по томужъ; сѣна «по Сухой Городенкѣ отъ Ѳоминскіе» 1200 копенъ. При селѣ деревни: Ивантѣева, подъ нею прудецъ; Щербинина, на рѣчкѣ Большой Городенкѣ и Орѣхова, подъ нею прудецъ. Выпись кончается такъ: «И всего за Борисомъ Петровичемъ Шереметевымъ село, да три деревни; а въ селѣ церковь каменная

съ тремя придѣлы, дворъ вдоваго попа, дворъ вотчинниковъ да 8 дворовъ крестьянскихъ, а людей въ нихъ 19 человѣкъ да дворъ пустъ крестьянскій. Пашни паханые середние земли 86 четьи, да перелогу 290 четьи, да лѣсомъ поросло 261 четьи; обоево пашни паханые и перелогу и лѣсомъ поросло 637 четьи въ поле а въ дву по томужъ; сѣна 1600 копенъ, лѣсу рощи 9 десятинъ, да непашеннаго лѣсу 6 десятинъ; лѣсу жъ въ длину на версту, а поперегъ на четверть версты. А по скаске боярина Василья Борисовича Шереметева человѣка ево Степана Бесчасного, та-де вотчина Бориса Петровича село Чиркино съ деревнями и съ пустошми ныне за сыномъ ево, за бояриномъ за Васильемъ Борисовичемъ Шереметевымъ..... А послана ся выпись съ государевою царевою и великаго князя Алексѣя Михайловича всеа великия и малыя и бѣлыя Россіі самодержца грамотою изъ Помѣсного приказу на Коломну къ межевщику къ Дмитрею Бабину для межеванья вотчины боярина Василья Борисовича Шереметева, по ево челобитью нынешнего 169 году».

Рядомъ съ этимъ, вновь открытымъ въ архивѣ графа Сергія Дмитріевича Шереметe-

ва, документомъ, мы должны указать на другой, болѣе ранній документъ, тоже относящійся къ Чиркинской вотчинѣ, но не рукописный, а напечатанный въ такомъ изданіи, которое долгое время находилось почему-то подъ спудомъ, въ положеніи недоступной рукописи. Рѣчь идетъ объ отпечатанной еще въ 1872 году, въ Петербургѣ, книгѣ подъ заглавіемъ: «Писцовыя книги Московскаго государства»[63]. Въ этомъ изданіи, между прочимъ, напечатана писцовая книга Коломенскаго уѣзда 1578 года, въ которой, на страницѣ 382, читаемъ слѣдующее: «За Ѳедоромъ Васильевичемъ Шереметевымъ старая ихъ вотчина: село Чиркино, на рѣчкѣ Городенкѣ, а въ немъ церковь Покровъ Пресвятыя Богородицы, каменна, да придѣлъ Василій Кисарѣ(й)скій, да другой придѣлъ Андрѣя Критцкаго, да третій Никола чюдотворецъ, почетъ дѣлать, а не свершенъ, каменъ». Пашенной средней земли показано 20 четвертей, да перелогу 130 четвертей, да перелогу же и ку-

[63] Изданіе императорскаго Русскаго географическаго общества, подъ редакціею Н. В. Калачова. Часть первая. Отдѣленіе I.—Говорятъ, причиною столь долгаго держанія подъ спудомъ этого важнаго изданія, было то, что къ нему готовилось ученое предисловіе, котораго, однако, такъ и не дождались.

старемъ поросло 50 четвертей въ полѣ, а въ двухъ по томужъ; сѣна «по Сухой Городенкѣ отъ Ѳоминскія» 1200 копенъ. При селѣ деревни: Ивантѣева, подъ нею прудецъ; Щербинина, на рѣчкѣ Большой Городенкѣ и Орѣхова, подъ нею прудецъ». Статья кончается слѣдующимъ образомъ: «И всего за Ѳедоромъ Шереметевымъ, въ Большомъ станѣ, село да три деревни; а въ нихъ церковь, пашни середеніе земли 157 четьи съ осминою, да перелогу 409 четьи съ осминою, да перелогу же и кустаремъ поросло 70 четьи и обоего пашни и перелогу и кустаремъ поросло 637 четьи въ полѣ, а въ дву потомужъ; сѣна 1600 копенъ, лѣсу рощи 9 десятинъ, да кустарю непашеннаго 6 десятинъ, лѣсу же въ длину верста, а поперегъ четверть версты».

Приведенные документы, вмѣстѣ съ другими вновь открытыми историческими данными, на которыя будетъ указано ниже, проливаютъ новый свѣтъ на исторію села Чиркина и его владѣльцевъ, извѣстную до сихъ поръ преимущественно по преданіямъ и догадкамъ, пущеннымъ въ обращеніе еще въ сороковыхъ годахъ, извѣстнымъ любителемъ отечественной старины и Коломенскимъ ста-

рожиломъ Иванчинымъ-Писаревымъ[64]. Является настоятельная необходимость разобраться въ накопившемся новомъ историческомъ матеріалѣ, касающемся излюбленной вотчины Василья Борисовича Шереметева, села Чиркина, мѣста его вѣчнаго упокоенья.

---

[64] Его извѣстная книга: Прогулка по древнему Коломенскому уѣзду. М. 1844.

ГЛАВА VII.

Село Чиркино, безъ сомнѣнія, есть одно изъ древнѣйшихъ помѣстій Шереметевыхъ. Уже въ 1578 году, въ оффиціальномъ документѣ, оно названо ихъ «старой вотчиной». По предположенію Иванчина-Писарева, до сихъ поръ ничѣмъ неопроверженному, село Чиркино было пожаловано праправнуку родоначальника Шереметевыхъ, Андрея Кобылы, Андрею Константиновичу Шереметю, за его участіе въ памятномъ походѣ великаго князя Ивана III на Великій Новгородъ, въ 1478 году. Въ приведенномъ выше документѣ 1578 года, мы впервые встрѣчаемъ прямое указаніе на то, что въ селѣ Чиркинѣ имѣется церковь, Покровская, строеніемъ каменная, а въ ней придѣлы: Василья Кесарійскаго, другой — Андрея Критскаго, а

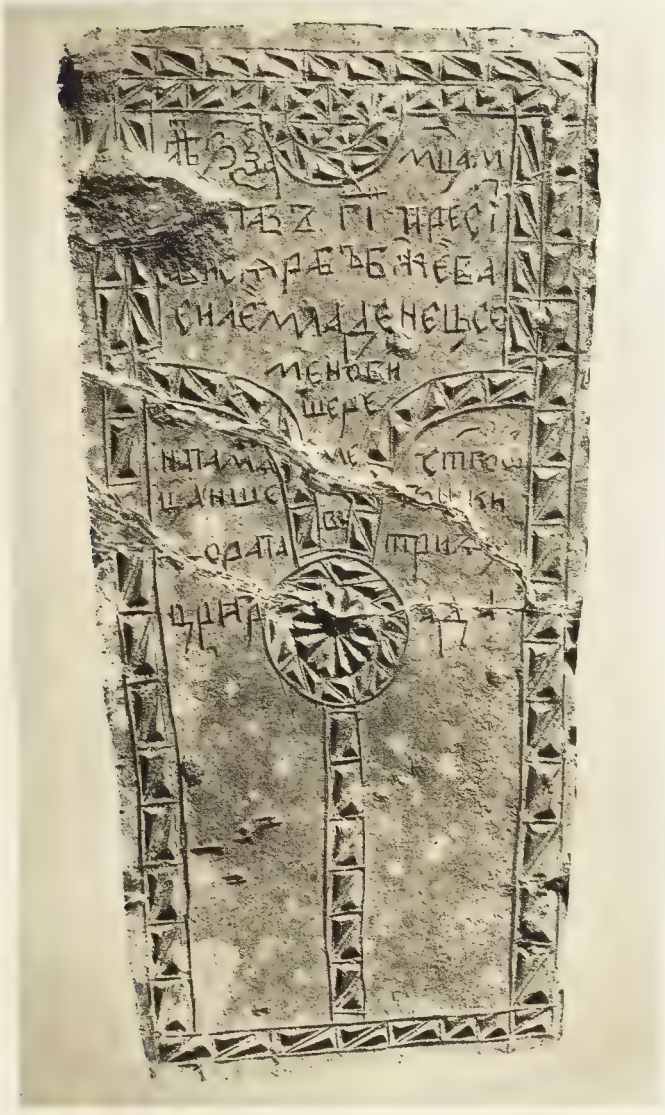
третій — Николая чудотворца, «почетъ дѣлать, а не свершенъ». Иванчинъ-Писаревъ, говоря о Чиркинской Покровской церквѣ, замѣчаетъ, что «все ручается за ея древность: окна узкія и вверху сводообразныя; алтарь раздѣленъ на три части, какъ въ первобытныхъ храмахъ»[65]. Когда же именно и кѣмъ построена эта церковь? Нашъ извѣстный архитекторъ-археологъ Николай Владиміровичь Султановъ, полагаетъ, что Чиркинская Покровская церковь «никакъ не старше самаго конца XVII вѣка»[66]. Но мы знаемъ документально, что она существовала въ настоящемъ ея видѣ уже въ 1578 году. Такъ какъ нигдѣ нѣтъ свѣдѣній о пожарахъ въ Чиркинѣ, то мы имѣемъ право не останавливаться и на этомъ годѣ. Лѣтомъ 1889 года, самому же Султанову посчастливилось найти въ Чиркинѣ, у Покровской церкви, надгробный камень[67] съ такою надписью: «Лѣта ҂зѯа (7061=1553) мц҃а мар | та въ гі (13) день пре-

---

[65] Прогулка по древнему Коломенскому уѣзду. М. 1844. стр. 70.

[66] Памятники древняго зодчества въ Коломенскомъ и Бронницкомъ уѣздахъ, Московской губерніи. Спб. 1884 г. стр. 7 (отдѣльный оттискъ журнала «Зодчій» 1884 г.).

[67] При семъ прилагается точный снимокъ съ лицевой стороны этого камня.



фототипія С. Соловьева, бывшая Н. Индутнаго. Сергіевская ул., № 20.

ста | вися рабъ Божей Ва | силей младенецъ Се | меновичь | Шере | метевъ | на память святого от | ца нашего Ники | фора патриарха | Царяграда»[68].

Фактъ погребенія въ 1553 году, при Покровской Чиркинской церкви младенца Василья Шереметева, прямо указываетъ на существованіе въ томъ году и самой церкви. А если принять въ соображеніе общую примѣту, что первый придѣлъ въ храмахъ чаще всего посвящался храмоздателемъ своему ангелу, а слѣдующій — ангелу своего родителя, то, въ виду того порядка, въ которомъ перечислялись, въ 1578 году, придѣлы Покровской Чиркинской церкви, Василья Кесарійскаго и Андрея Критскаго, можно заключить, что строителемъ этой церкви былъ сынъ Андрея Шереметя и наслѣдственный владѣлецъ села Чиркина, бояринъ Василій Андреевичь Шереметевъ, жизнь и дѣятельность коего относятся къ первой половинѣ XVI вѣка.

Намъ извѣстны обстоятельства жизни Василья Андреевича Шереметева. Она про-

[68] Вертикальными чертами означены предѣлы строкъ.

текла въ непрестанныхъ походахъ и бояхъ, то съ Казанцами, то съ Крымцами, то съ Литовцами, до самаго 1538 года, когда, за кончиною правительницы государства великой княгини Елены Васильевны и малолѣтствомъ ея сына, будущаго грознаго царя Ивана, настало державство бояръ. Въ эту страшную пору борьбы двухъ партій, Шуйскихъ—представителей потомковъ бывшихъ удѣльныхъ князей и старыхъ Московскихъ боярскихъ родовъ, съ Бѣльскими и Глинскими — представителями Литовскихъ выходцевъ, имѣвшими на своей сторонѣ и малолѣтняго великаго князя, Василій Андреевичь Шереметевъ, державшійся Шуйскихъ, вынужденъ былъ уйти въ монастырь. Впослѣдствіи самъ Грозный говорилъ, что онъ «неволею, отъ бѣды, постригся»[69].

Бояринъ Василій Андреевичь постригся въ Троице-Сергіевомъ монастырѣ съ именемъ Вассіана, а скончался въ 1548 году инокомъ Николаевскаго Антоніева Краснохолмскаго монастыря, гдѣ и погребенъ. Село Чиркино онъ отдалъ своему младшему сыну,

---

[69] Акты историческіе. Т. I. Спб. 1841. стр. 384. столб. 1.

Ѳедору Васильевичу Шереметеву, который такъ и называлъ эту вотчину «благословеніемъ» отца своего.

Ѳедоръ Васильевичь, не имѣя дѣтей, рѣшилъ отдать послѣ своей смерти село Чиркино Кирилло-Бѣлозерскому монастырю, на поминъ души своей, а также родителей своихъ: отца, матери и дѣда. Очень можетъ быть, жертвователь имѣлъ при этомъ въ виду обойти наслѣдствомъ своихъ племянниковъ, особенно Петра Никитича Шереметева, съ которымъ постоянно неладилъ. Въ 1575 году, онъ составилъ данную слѣдующаго содержанія: «Се язъ, Федоръ Васильевичь Шереметевъ, далъ есми Пречистой Богородицѣ и преподобному чюдотворцу Кирилу въ домъ, игумену Козмѣ да старцу Никодиму еже о Христѣ съ братьею, вкладомъ вотчину свою, отца своего благословенье, въ Коломенскомъ уѣздѣ, въ Большомъ стану, село Чиркино съ пашнею и съ деревнями: деревня Вантѣево, деревня Орѣхово, деревня Щербинино; другое сельцо Оксиньино, въ Маковскомъ стану, купленное, съ пашнею и съ пустошми: пустошь Оламово да пустошь Телегино да пустошь Хлынино съ селищи и съ займищи и

съ отхожими пашнями и съ луги и съ лѣсы и съ сѣнными покосы и съ пруды и со всѣми угодьи, что̀ къ тѣмъ селамъ и деревнямъ и пустошамъ изстари потягло, куды ходила соха и коса и топоръ, по старымъ межамъ. И за то имъ даяніе, отца моего и матерь мою и дѣда моего и меня, по смерти по моей, въ сенадики во всядневные, въ литейной и въ вѣчной и въ большой, безъ выгладки написати и кормъ кормить: по отцѣ по моемъ, по Васильѣ инокѣ Васьянѣ, по два корма въ году кормить: за упокой, на Васильевъ день, а другой кормъ кормити на Полуехтовъ день. А по матери по моей, по старицѣ Еупраксіѣ —на Едокіинъ день, а другой въ великой четвергъ. По дѣдѣ по моемъ, Андрѣѣ, кормить: на память Андрѣя Крицкаго, а другой кормъ какъ имъ Богъ поможетъ. А Богъ по душу по мою сошлетъ, и имъ кормити по моей душѣ по два корма въ году: кормъ—на память святаго великомученика Ѳеодора стратилата, февраля въ 8 день, а другой кормъ—на преставленіе мое. А поминати имъ меня и родители мои, по монастырскому обычаю, во вѣки, безъ выгладки, доколѣ и монастырь стоитъ. А нынѣ, при животѣ при моемъ, за меня имъ

кормы кормити заздравные и на молебенехъ... поминати. А владѣти мнѣ тою вотчиною до своего живота. А Богъ по душу мою пошлетъ, ино владѣти тою вотчиною по моемъ животѣ игумену Козмѣ или кто по немъ иной игуменъ будетъ и старцомъ еже о Христѣ съ братьею, по сей мой данной во вѣки, безъ выкупа. А племянникомъ моимъ и всему роду моему и племени въ тою вотчину мою не вступатися ни которыми дѣлы. А данную писалъ Федора человѣкъ Васильевича Шереметева Гриша Шу (бинъ?) лѣта ,з восемьдесятъ третьяго (7083 = 1575)». Позади данной написано: «Къ сей данной язъ Федоръ руку приложилъ»[70].

Власти Кирилловскіе, не взирая на то, что Чиркинская вотчина, по точному смыслу данной, должна была поступить въ ихъ владѣніе лишь по кончинѣ жертвователя, и что данная не была подписана свидѣтелями, поспѣшили въ томъ-же 1575 году, занести ее въ монастырскую Кормовую книгу[71]. А меж-

[70] По списку съ данной, сообщенному коммиссіонеромъ императорскаго общества любителей древней письменности Самарскимъ купцомъ Петромъ Васильевичемъ Шибановымъ.

[71] Записки отдѣленія Русской и Славянской археологіи императорскаго археологическаго общества. Т. I. Спб. 1851. отд. 3. стр. 67.

ду тѣмъ, по особеннымъ обстоятельствамъ, село Чиркино никакъ не могло остаться во владѣніи монастыря.

Четыре года послѣ написанія данной на село Чиркина, именно въ 1579 году, Ѳедоръ Васильевичь Шереметевъ, при осадѣ Литовцами крѣпости Сокола, попалъ къ нимъ въ плѣнъ и былъ выкупленъ лишь въ октябрѣ 1583 года, за пять безъ малаго мѣсяцевъ до кончины Грознаго. Отсутствіемъ Ѳедора Васильевича и его злоключеніями воспользовался родной племянникъ его, Петръ Никитичь Шереметевъ. Онъ самовольно завладѣлъ всѣмъ достояніемъ плѣненнаго дяди и въ томъ числѣ селомъ Чиркинымъ. По возвращеніи Ѳедора Васильевича Шереметева изъ плѣна, Петръ Никитичь, по приговору судебнаго мѣста, былъ «выданъ ему головою, за грабежъ». Между тѣмъ, скончался царь Иванъ Грозный. Въ новое царствованіе, когда Борисъ Годуновъ прокладывалъ себѣ путь къ кормилу правленія, Ѳедоръ Васильевичь Шереметевъ оказался на сторонѣ противниковъ царскаго шурина. Замѣшанный въ заговорѣ Шуйскаго противъ Годунова, онъ былъ высланъ, въ мартѣ 1585 года, изъ Москвы въ Новгородъ,

подъ благовиднымъ предлогомъ исправленія тамошнихъ укрѣпленій, а за тѣмъ, по примѣру отца, можетъ-быть, тоже неволею, удалился въ монастырь. Онъ постригся въ 1589 году, въ мѣстѣ упокоенія своего родителя, инока Вассіана, въ Николаевскомъ Антоніевомъ Красно-Холмскомъ монастырѣ, принявъ въ постригѣ имя Ѳеодорита. Петръ Никитичь Шереметевъ поспѣшилъ воспользоваться и этимъ обстоятельствомъ. Призванный къ участію въ такъ называемомъ Ругодивскомъ походѣ, онъ, по свидѣтельству своего двоюроднаго брата, Ѳедора Ивановича Шереметева, «взялъ грабежемъ въ вотчинахъ своего дяди, инока Ѳеодорита, 170 коней и на тѣхъ лошадехъ пошелъ на службу подъ Ругодивъ».

Ѳедоръ Васильевичь Шереметевъ, съ своей стороны, поспѣшилъ сдѣлать окончательныя распоряженія относительно своихъ вотчинъ. Въ 1590 году, онъ, между прочимъ, составилъ новую данную на село Чиркино, въ которой, повторивъ содержаніе данной 1575 года, присовокупилъ: «И нынѣ есми тѣ села и деревни и пустоши со всѣми угодьи, по прежней своей данной, въ домъ Пречистой Богородицы и преподобному чюдотворцу Ки-

риллу, игумену Марку еже о Христѣ съ братьею, отдалъ въ прокъ, безъ выкупа. И впредь мнѣ, старцу Федориту, и племянникомъ моимъ и всему роду моему и племени, въ тое вотчину не вступатися никоторыми дѣлы; а игумену и старцомъ, дѣда моего и отца моего и матерь мою и меня и старицу мою, по смерти по моей, въ сенадики написати». Позади данной собственноручно подписано: «Къ сей данной язъ Ѳедоритъ чернецъ руку приложилъ»[72].

Петру Никитичу Шереметеву нетрудно было доказать неправильность распоряженія своего престарѣлаго дяди, инока Ѳеодорита. Достаточно было указать на соборное опредѣленіе 15 января 1580 года, которымъ прямо воспрещалось вотчинникамъ отдавать монастырямъ по душамъ вотчины: «А отъ сего дни впередъ, съ генваря пятого на десять дня, вотчинникомъ вотчинъ своихъ по душамъ не давати, а давати за нихъ въ монастыри денги, которое село чего судитъ; а село

---

[72] Приведенные списки съ данныхъ на село Чиркино 1575 и 1590 годовъ склеены въ одинъ свитокъ. На оборотѣ, по склейкамъ, надпись: «Къ симъ спискамъ Кириллова монастыря строитель чернецъ Варфоломѣй руку приложилъ».

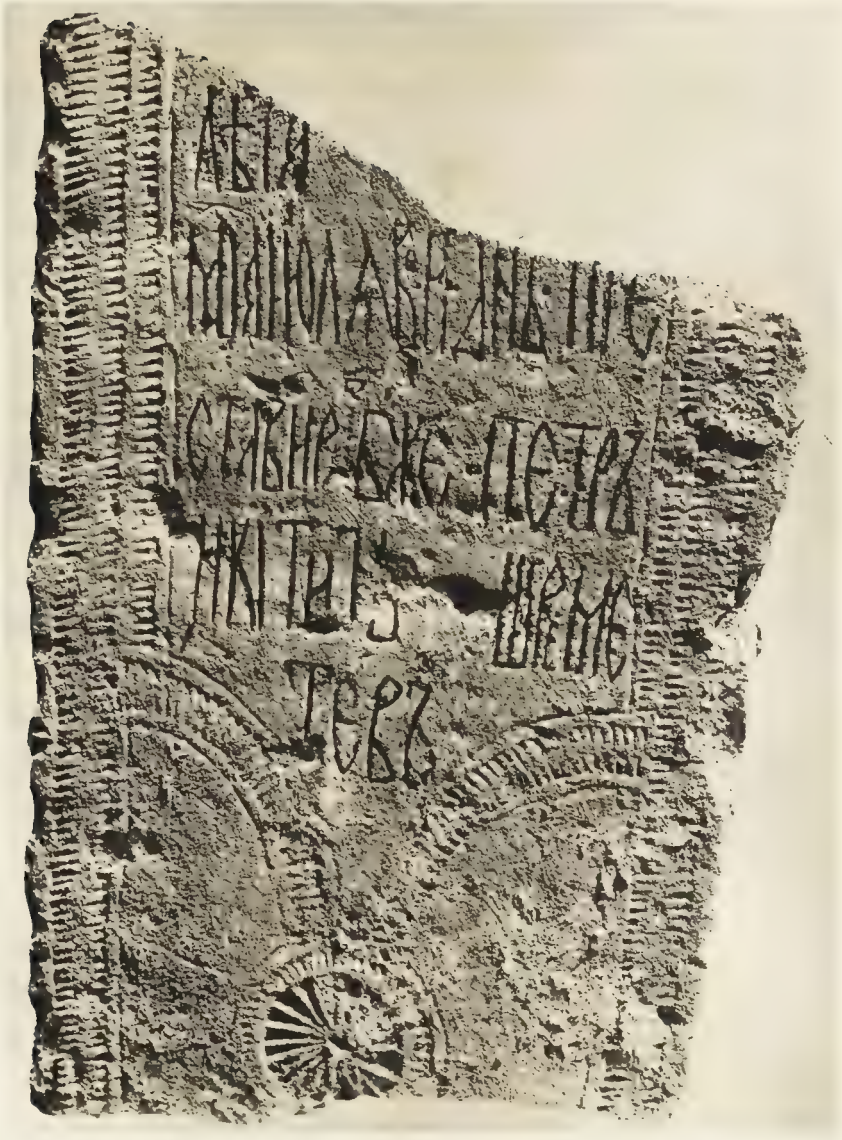
имати вотчинникомъ, хотя кто и далеко къ роду. А будетъ у кого роду не будетъ, ни далнего, и та вотчина имать на государя, а денги за нее платити изъ казны»[73]. Но Петръ Никитичь не удовольствовался этимъ. Въ 1593 году, тотчасъ-же по возвращеніи въ Москву съ государевой службы въ Новгородской области, онъ далъ извѣтъ, будто бы дядя его, Ѳедоръ Васильевичь, при отобраніи имуществъ у лицъ, замѣшанныхъ въ заговорѣ противъ Годунова, утаилъ у себя «животы» князя Ивана Петровича Шуйскаго. Въ обитель Антоніеву нагрянули сперва холопи Петра Никитича, потомъ подъячіе. Животы старца Ѳеодорита «взяты были всѣ безъ остатку на государя царя Ѳедора Ивановича, да въ животахъ же взяты правыя и безмѣстныя грамоты, и разряды, и родословцы, и духовныя, и всякія крѣпости». Разгромъ сей вѣроятно ускорилъ кончину старца Ѳеодорита, а мстительный племянникъ его, Петръ Никитичь Шереметевъ, какъ законный наслѣдникъ родовыхъ его вотчинъ, остался владѣльцемъ и села Чиркина. И онъ облюбилъ это красивое,

[73] Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ. Ч. I. М. 1813. стр. 585. столб. 1.

пріютное мѣсто. Кажется вѣроятнымъ, что именно при Петрѣ Никитичѣ Шереметевѣ положено было основаніе обширной Чиркинской усадьбы, на горѣ, около Покровской церкви, и вровень съ послѣднею. По крайней мѣрѣ, при Ѳедорѣ Васильевичѣ не было въ Чиркинѣ вотчинникова двора, какъ это видно изъ писцовыхъ книгъ. Вѣроятность существованія въ Чиркинѣ усадьбы при Петрѣ Никитичѣ Шереметевѣ, усиливается мѣстнымъ преданіемъ, записаннымъ Иванчинымъ-Писаревымъ, что царь Борисъ Годуновъ гостилъ въ Чиркинѣ, «укрываясь въ немъ отъ моровой язвы и бунта»[74]. Это могло быть въ 1601 году, такъ сказать наканунѣ страшной смуты, преждевременно низведшей въ могилу царя Бориса, а за тѣмъ и Петра Никитича. Здѣсь не мѣсто повторять подробности относительно мятежа во Псковѣ и распространяться объ обстоятельствахъ мученической кончины тамошняго воеводы боярина Петра Никитича Шереметева. Мы можемъ сказать новаго только то, что Петръ Никитичь погребенъ былъ не въ Псково-Пе-

---

[74] Прогулка по древнему Коломенскому уѣзду. М. 1844. стр. 82.



Фототипія С. Соловьева, бывшая Н. Индутнаго. Сергіевская ул., №20.

черскомъ монастырѣ, какъ полагали прежде[75], а въ своемъ Коломенскомъ селѣ Чиркинѣ, при тамошней Покровской церкви. Тѣло страдальца, очевидно, привезено было сюда находившимся при немъ во Псковѣ младшимъ сыномъ, Борисомъ Петровичемъ Шереметевымъ, отцомъ Василья Борисовича. Лѣтомъ 1888 года, при разборкѣ, подъ руководствомъ архитектора Султанова, контръ-форсовъ, прилаженныхъ, въ началѣ текущаго столѣтія, къ наружной алтарной стѣнѣ Чиркинской подколоколенной церкви, оказалось, что эти контръ-форсы сложены, между прочимъ, и изъ древнихъ надмогильныхъ плитъ, очевидно взятыхъ тутъ-же съ погоста. На одной изъ такихъ плитъ съ отбитымъ правымъ угломъ[76], по расчисткѣ толстаго слоя сильно присохшей извести, вполнѣ выяснилась слѣдующая надпись:

«Лѣта ..... | мц̑а іюля въ г̑ день пре | ставися рабъ Божей Петръ | Никитичь Шереме | тевъ».

Быть можетъ, еще болѣе счастливые по-

---

[75] Родъ Шереметевыхъ. Кн. II. стр. 150.

[76] При семъ прилагается точный снимокъ съ лицевой стороны этой плиты.

иски откроютъ когда-нибудь надгробные камни также сына Петра Никитича, его наслѣдника по владѣнію Чиркинымъ, Бориса Петровича Шереметева и жены послѣдняго Екатерины Никитишны. Что оба они дѣйствительно погребены въ Чиркинѣ, при Покровской церкви, въ этомъ удостовѣряетъ слѣдующее мѣсто изъ духовнаго завѣщанія ихъ сына, Василья Борисовича Шереметева, отъ 21 апрѣля 1682 года: «По смерти моей, тѣло мое грѣшное погрести въ вотчинѣ моей, идѣже родители наши погребены, въ Коломенскомъ уѣздѣ, въ селѣ Чиркинѣ, при церкви Покрова Пресвятые Богородицы».

По Борисѣ Петровичѣ Шереметевѣ осталась память въ Чиркинской Покровской церкви, это—потиръ съ дискосомъ, данный имъ, въ 1648 году, вкладомъ по женѣ своей Екатеринѣ Никитишнѣ. Весьма вѣроятно, что Борисъ Петровичь подолгу живалъ въ Чиркинѣ, преимущественно въ льготныя полугодія своей стольничьей службы. Очень можетъ быть, онъ и былъ главнымъ устроителемъ Чиркинской усадьбы, основаніе коей могло быть положено еще Петромъ Никитичемъ. Судя по размѣрамъ усадебнаго мѣ-

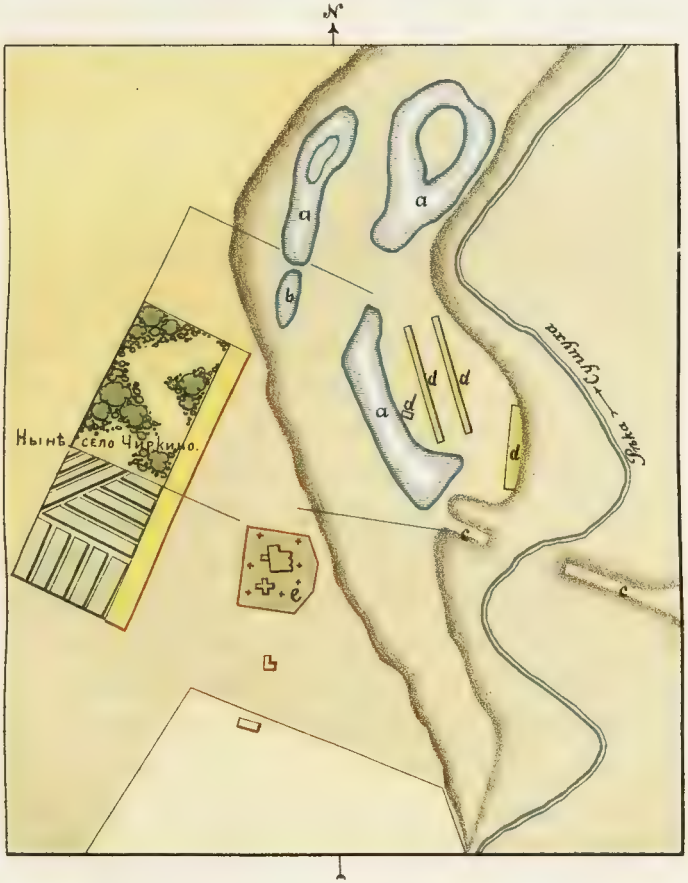
ПЛАНЪ

БЫВШЕЙ ГОСПОДСКОЙ УСАДЬБЫ

ПРИ СЕЛѢ ЧИРКИНѢ

Снятъ съ натуры въ 1891 г.

Частнымъ Землемѣромъ Кавыкинымъ.



Масштабъ $\frac{1}{4200}$.

a. . . Мѣста бывшихъ прудовъ.
b. . . . . Существующій прудъ.
c. . . . . Земляныя насыпи бывшей плотины.
d. . . . Слѣды построекъ.
e. . . . Церковь.
— Канавы.
Мѣсто бывшей усадьбы обведено канавой.

Хромо-литографія Н. Индутнаго. Сергіевская ул., №20.

ста въ Чиркинѣ, явственно обозначающимся остатками окружающаго его земляного вала съ канавой и рытвинами отъ строеній, а также по сохранившимся слѣдамъ большого фруктоваго сада и прудовъ[77], можно полагать, что на этомъ мѣстѣ нѣкогда жили широкою боярскою жизнію и далеко не одно поколѣніе Шереметевыхъ. Чиркинское усадебное мѣсто давнымъ-давно запахано и бы́ліемъ поросло. Единственнымъ свидѣтелемъ минувшей жизни Чиркинскихъ владѣльцевъ осталась построенная ими Покровская церковь. Мѣрный колокольный бой ея старинныхъ часовъ до сихъ поръ, какъ и при нихъ, возвѣщаетъ о каждомъ часѣ, отшедшемъ въ вѣчность.

Мы уже знаемъ, въ какомъ видѣ село Чиркино перешло отъ Бориса Петровича Шереметева къ его сыну, Василью Борисовичу. Въ пору этого перехода, то-есть, въ 1650 году, въ селѣ Чиркинѣ былъ дворъ вотчинниковъ и единственная церковь, Покровская, строеніемъ каменная, съ тремя придѣлами: Василья Кесарійскаго, Андрея Критскаго и

---

[77] При семъ прилагается планъ нынѣшняго усадебнаго мѣста при селѣ Чиркинѣ съ обозначеніемъ слѣдовъ бывшихъ прудовъ, земляныхъ насыпей, построекъ и проч.

Николая чудотворца. О подколоколенной Васильевской церкви еще нѣтъ и помину, да и не могло быть, ибо она построена, какъ увидимъ впослѣдствіи, въ концѣ XVII столѣтія, уже по смерти Василья Борисовича. Такъ что предположеніе Иванчина-Писарева, что Чиркинскій подколоколенный Васильевскій храмъ могъ быть построенъ царемъ Борисомъ Годуновымъ, въ память своего пребыванія въ Чиркинѣ[78], должно быть отвергнуто безусловно.

---

[78] Прогулка по древнему Коломенскому уѣзду. М. 1844 г. стр. 89 (въ выноскѣ).

ГЛАВА VIII.

Единственный сынъ Василья Борисовича Шереметева, стольникъ Иванъ Васильевичь Шереметевъ, и послѣ несчастія, постигшаго его отца, оставался почти неотлучно при особѣ государя, будучи его возницей въ разныхъ походахъ, и богомольныхъ, и потѣшныхъ. Такъ, въ 1661 году, онъ былъ возницей у государя 2 февраля, когда тотъ ходилъ въ Дорогомилову слободу, встрѣчать образъ Спасовъ, находившійся на службѣ въ Литвѣ, съ бояриномъ княземъ Юрьемъ Алексѣевичемъ Долгоруковымъ. Онъ же былъ возницей, 13 февраля, когда государь ходилъ къ Троицѣ въ Сергіевъ монастырь, молиться. Тоже самое 19 февраля, во время шествія государя въ село Семеновское, на тамошній потѣшный дворъ, и такъ далѣе. За государевымъ сто-

ломъ, Иванъ Васильевичь Шереметевъ обыкновенно наряжалъ вина, какъ это было, напримѣръ, 10 февраля[79]. Не смотря, однако, на такую близость ко двору, стольникъ Иванъ Васильевичь Шереметевъ, какъ мы видѣли изъ отписки его отца, претерпѣвалъ всевозможныя бѣдствія въ своемъ домашнемъ быту. Василій Борисовичь, въ отпискѣ государю, горько сѣтовалъ на то, что у его сына «родителей старыхъ никого нѣтъ, а и есть свои, и они не добры». Кто же именно были эти свои, то-есть, родные, недоброхотствовавшіе сыну и вообще семейству Василья Борисовича Шереметева? При заглавномъ листѣ настоящей книги помѣщенъ точный снимокъ современной родословной росписи потомства Андрея Кобылы и въ томъ числѣ рода Шереметевыхъ. Это старѣйшая по времени поколѣнная роспись рода Шереметевыхъ, писанная въ 1665 году, приложена здѣсь собственно какъ образецъ подобнаго рода актовъ половины XVII вѣка[80]. Въ рос-

[79] Дополненія къ тому III-му Дворцовыхъ разрядовъ. Спб. 1854. столб. 251—255.

[80] Роспись эта извлечена изъ рукописи библіотеки Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ № $^{173}/_{78}$. На первомъ листѣ рукописи читаемъ слѣдующую надпись: «Родословіе ве-

писи, кромѣ самого Василья Борисовича, указаны всѣ другіе четыре внука боярина Петра Никитича Шереметева, дѣти давно умершихъ сыновей его, Ивана и Василья Петровичей, а именно: Василій Ивановичь, Никита Ивановичь, Петръ Васильевичь Большой и Матвѣй Васильевичь Шереметевы. Изъ нихъ, Василій Ивановичь скончался еще въ 1652 году, а Матвѣй Васильевичь убитъ въ бою въ 1657 году. Оставались на лицо только два двоюродныхъ брата Василья Борисовича: стольникъ Никита Ивановичь и боринъ Петръ Васильевичь Большой Шереметевы. Изъ слѣдующаго поколѣнія Шереметевыхъ, въ росписи показанъ только сынъ Василья Борисовича, стольникъ Иванъ Васильевичь. А между тѣмъ, послѣ Василья Ивановича, остался сынъ Петръ Васильевичь Меньшой Шереметевъ, родившійся въ 1650 году, слѣдовательно, въ пору составленія росписи ему шелъ 15-й годъ. У Петра-же Васильевича Большаго Шереметева въ то время было уже

ликихъ князей и иныхъ родовъ многихъ, изъ 80 главъ состоящая. Сія книга писана на большихъ Александрійскихъ листахъ весьма тщательно съ кружками и обводками 1665 году. Подарена надворнымъ совѣтникомъ Павломъ Евреиновымъ, въ 1814 году». Наша роспись помѣщена въ 40 главѣ, на листѣ 218.

четыре сына, изъ нихъ старшій, Борисъ Петровичь Шереметевъ, родившійся въ 1652 году, имѣлъ 13 лѣтъ; младшій Василій, родившійся въ іюлѣ 1659 году, — 6 лѣтъ. Годы рожденія среднихъ сыновей, Ѳедора Петровича и Ивана Петровича, неизвѣстны; но такъ какъ они во всѣхъ родословныхъ стоятъ выше Василья Петровича, то годы ихъ рожденія надлежитъ отнести къ промежутку времени съ 1652 по 1659 годъ. Слѣдовательно, изъ всѣхъ названныхъ лицъ новаго поколѣнія Шереметевыхъ, въ роспись могъ попасть только Петръ Васильевичь Меньшой Шереметевъ; если же этого не случилось, то конечно потому, что въ 1665 году, во время составленія росписи, онъ еще не былъ на государевой службѣ.

Въ росписи отсутствуютъ также лица женскаго пола. По старшинству лѣтъ, первою должна быть названа остававшаяся еще въ живыхъ дочь Ѳедора Ивановича Шереметева, княгиня Евдокія Ѳедоровна Одоевская. Уже отцу Василья Борисовича Шереметева она приходилась троюродною сестрою. Родство отдалялось все больше и больше. Тѣмъ не менѣе, княгиня Евдокія Ѳедоровна постоянно

считала Шереметевыхъ, и въ позднѣйшихъ поколѣніяхъ, своими кровными, и впослѣдствіи, составляя духовное завѣщаніе, всѣхъ ихъ надѣлила иконами. Она доживала свой вѣкъ, окруженная большимъ почетомъ, какъ старѣйшая пріѣзжая боярыня царицы Маріи Ильинишны. Казалось бы, княгиня Евдокія Ѳедоровна могла употребить свое вліяніе при дворѣ и въ обществѣ въ пользу Василья Борисовича Шереметева и его бѣдствовавшей семьи. Но тутъ все зависѣло отъ того, въ какихъ отношеніяхъ были Шереметевы къ ея мужу и дѣтямъ, князьямъ Одоевскимъ. Отношенія эти были далеко не дружелюбны. Мы знаемъ, что отецъ княгини Евдокіи Ѳедоровны, бояринъ Ѳедоръ Ивановичь Шереметевъ, былъ на столько враждебно настроенъ противъ отца Василья Борисовича, а своего двоюроднаго племянника, Бориса Петровича, и противъ братьевъ послѣдняго, Ивана и Василья Петровичей Шереметевыхъ, что даже рѣшилъ-было вовсе устранить всѣхъ троихъ отъ наслѣдства, въ пользу своихъ излюбленныхъ внуковъ, князей Одоевскихъ. Шереметевы, почитая себя единственными законными наслѣдниками, по крайней мѣрѣ, родовыхъ

вотчинъ Ѳедора Ивановича, не имѣвшаго дѣтей мужескаго пола, приступили къ престарѣлому дяди съ требованіями отдать принадлежащее имъ по закону, при чемъ всячески поносили его и даже угрожали разорить весь его домъ. Старецъ долженъ былъ уступить. Шереметевы получили родовыя вотчины. Все же остальное, бо̀льшая и лучшая часть достоянія Ѳедора Ивановича, отошло въ родъ князей Одоевскихъ. Такой исходъ дѣла долженъ былъ только усилить въ Шереметевыхъ злобное чувство къ князьямъ Одоевскимъ, запавшее въ нихъ еще раньше, во время мѣстническихъ стычекъ. Иванъ Петровичъ Шереметевъ даже сидѣлъ въ тюрьмѣ за споръ о мѣстѣ съ мужемъ Евдокіи Ѳедоровны, княземъ Никитой Ивановичемъ Одоевскимъ[81].

Послѣ княгини Евдокіи Ѳедоровны Одоевской, слѣдуетъ мачиха Василья Борисовича Шереметева, вдовая верховая боярыня Ульяна Петровна, рожденная княжна Пронская. Отношенія ея къ пасынку, Василью Борисовичу Шереметеву, и къ семьѣ его какъ-то ускользаютъ отъ наблюденія. Это и понятно.

---

[81] Родъ Шереметевыхъ. Кн. III. Спб. 1883. стр. 292.

Ульяна Петровна Шереметева, по своему служебному положенію, какъ мама царевны Маріы Алексѣевны, всецѣло принадлежала царской семьѣ и, конечно, жила въ самомъ дворцѣ. Въ монастырскомъ затишьѣ царскихъ теремовъ, она неустанно берегла здравіе ввѣренной ея попеченію царевны и, при тогдашней крайней замкнутости царицына быта, едва-ли могла имѣть много общенія съ оставшеюся въ Москвѣ семьею Василья Борисовича Шереметева.

Въ такомъ же точно положеніи находилась и вдова убитаго въ бою со Шведами любимаго стольника царя Алексѣя Михайловича, Матвѣя Васильевича Шереметева, Анастасья Ѳедоровна. Она была мамой другой царевны, Екатерины Алексѣевны[82], родившейся 27 ноября 1658 года.

Далѣе слѣдуютъ: 1) вдова умершаго въ 1652 году стольника Василья Ивановича Шереметева, его вторая жена, Евфимія, мачиха Петра Васильевича Меньшого Шереметева, и 2) жена стольника Никиты Ивановича Шереметева, Евдокія Ѳедоровна. Обѣ, въ пору

[82] Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ. 1847 г. Кн. 5. смѣсь. стр. 53.

составленія приложенной къ настоящей книгѣ родословной, то-есть, въ 1665 году, состояли въ штатѣ пріѣзжихъ боярынь царицы Марьи Ильинишны[83], не смотря на стольничій чинъ ихъ мужей. Мы не знаемъ отцовскихъ фамилій Евфиміи и Евдокіи Ѳедоровны Шереметевыхъ. А такъ какъ главнымъ условіемъ назначенія въ чинъ пріѣзжей боярыни было родство государево или царицыно, то изъ этого слѣдуетъ, что названныя жены стольниковъ Василья Ивановича и Никиты Ивановича Шереметевыхъ, по родителямъ своимъ, были родственницами или самого государя или царицы Марьи Ильинишны. «Только одни родственныя лица — говоритъ Забѣлинъ — пользовались правомъ пріѣзда къ царицѣ, по назначенію, въ извѣстные праздничные или торжественные дни. Не родственныя боярыни, хотя бы жены, дочери или вдовы первыхъ чиновъ, не приглашались во дворецъ къ царицынымъ столамъ и могли представляться царицѣ только на ея богомольныхъ выходахъ»[84]. Вотъ почему мы не

---

[83] Забѣлинъ. Домашній бытъ Русскихъ царицъ. М. 1869. стр. 351 и 345 (выноска).

[84] Тамъ-же, стр. 347.

видимъ въ штатѣ пріѣзжихъ боярынь, ни жены боярина Василья Борисовича Шереметева, Прасковьи Ивановны, рожденной Третьяковой, ни жены боярина Петра Васильевича Большого Шереметева, Анны Ѳедоровны, рожденной Волынской.

Для полноты списка лицъ женскаго пола рода Шереметевыхъ слѣдуетъ отмѣтить, что у Никиты Ивановича Шереметева была еще сестра, дѣвица Анна Ивановна Шереметева. О ней извѣстно только то, что она владѣла въ Нижегородскомъ уѣздѣ, въ Закудемскомъ и Березопольскомъ станахъ, ста четвертями земли при селѣ Слободскомъ съ деревней и починкомъ; да въ Кашинскомъ уѣздѣ, въ Пудѣцкомъ станѣ, 68 четвертями при селѣ Новосельѣ съ пустошами[85].

Остается упомянуть о женѣ стольника Ивана Васильевича Шереметева. Время женитьбы его въ точности неизвѣстно. Иванъ Петровичъ Сахаровъ прямо ставитъ 1661 годъ[86]. Но самъ Василій Борисовичъ, въ от-

---

[85] Московскій архивъ министерства юстиціи: дѣла Вотчинной коллегіи, по городу Москвѣ, старыхъ лѣтъ. Книга 98. дѣло № 90. лл. 16 и 17.

[86] Русскій архивъ 1873 г. столб. 981.

пискѣ къ государю 1666 года, называетъ своего сына безсемейнымъ. Впрочемъ, можетъ-быть, тутъ выраженіе это употреблено въ смыслѣ бездѣтности. У насъ безсемейнымъ называютъ и холостого, и бездѣтнаго женатаго[87]. Какъ бы то ни было, Иванъ Васильевичь Шереметевъ, дѣйствительно неимѣвшій дѣтей, былъ женатъ на родной внучкѣ знаменитаго князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго, княжнѣ Евдокіѣ Петровнѣ[88].

Шереметевы были въ свойствѣ и съ другимъ представителемъ рода князей Пожарскихъ, героемъ Конотопской битвы, воспѣтымъ въ народной пѣснѣ, окольничимъ княземъ Семеномъ Романовичемъ Пожарскимъ, который былъ женатъ на родной сестрѣ Прасковьи Васильевны Шереметевой, Авдотьѣ Васильевнѣ. Другая сестра ея, Ксенья Васильевна, была за роднымъ братомъ Ульяны

---

[87] Даль. Толковый словарь живого Великорусскаго языка. М. 1863 г.

[88] Такъ показывалъ и князь П. В. Долгоруковъ, въ своихъ «Сказаніяхъ о родѣ князей Долгоруковыхъ» (Спб. 1840. Приложенія и примѣчанія, стр. 212). Но тотъ же князь Долгоруковъ, въ «Россійской родословной книгѣ» (Ч. IV. Спб. 1857. стр. 499. № 14), по ошибкѣ, называетъ княжну Евдокію Петровну Пожарскую женою не Ивана Васильевича, а Ивана Петровича Шереметева. Ошибка эта повторена всѣми послѣдующими родословами, исключая Сахарова (См. Русскій архивъ 1873 г. столб. 981).

Петровны Шереметевой, княземъ Иваномъ Петровичемъ Пронскимъ[89], занимавшимъ, какъ извѣстно, важный постъ дядьки-воспитателя наслѣдника престола, царевича Алексѣя Алексѣевича.

И такъ, предъ нами всѣ родные Василья Борисовича Шереметева,—прямые отвѣтчики за бѣдственное положеніе семейства Крымскаго плѣнника. Самъ Василій Борисовичь достаточно ясно опредѣлилъ ихъ словами: «А и есть свои, и они недобры». Кто же именно изъ нихъ тѣснилъ сына Василья Борисовича «деревенскою тѣснотою»? Вѣроятнѣе всего сосѣди его по имѣнію, каковыми были: Петръ Васильевичь Большой Шереметевъ и любимый сынъ княгини Евдокіи Ѳедоровны Одоевской, князь Яковъ Никитичь Одоевскій. Оба они владѣли смежными съ Чиркинской вотчиной селами: Петръ Васильевичь—Ѳедоровскимъ и Мещериновымъ, а князь Одоевскій—селомъ Городнею.

Каковы бы ни были отношенія Петра Васильевича Большого Шереметева къ род-

---

[89] Архивъ графа С. Д. Шереметева: дѣло 1691 года о родовыхъ и выслуженныхъ вотчинахъ боярина Василья Борисовича Шереметева (по старой описи № 32, л. 11).

нымъ, онъ, благодаря своимъ способностямъ, все больше и больше выдвигался на служебномъ поприщѣ. Государь уже намѣтилъ его на службу въ Малороссію, исподволь подготовлялъ его къ занятію труднаго, отвѣтственнаго поста Кіевскаго воеводы. Въ теченіе всего 1661 года, Петръ Васильевичь Шереметевъ оставался въ Москвѣ. Какъ старшій въ родѣ, онъ сидѣлъ въ думѣ, ежедневно пріѣзжалъ во дворецъ, ежедневно видѣлъ пресвѣтлыя очи государя и нерѣдко бывалъ у царскаго стола. Только въ присутствіи князя Алексѣя Никитича Трубецкого да князя Якова Куденетовича Черкасскаго, двухъ первостатейныхъ вельможъ двора царя Алексѣя Михайловича, онъ занималъ второе мѣсто за столомъ, какъ это было, напримѣръ, 17 марта, въ государевъ ангелъ, и 14 апрѣля, въ великъ день[90]. Петръ Васильевичь Шереметевъ сидѣлъ на первомъ мѣстѣ, между прочимъ, 1 февраля 1661 года, когда у государя былъ столъ въ Передней палатѣ. Въ записной книгѣ отмѣчено, что у стола были: бояринъ Петръ Васильевичь Шереме-

[90] Дополненія къ III-му тому Дворцовыхъ разрядовъ. Спб. 1854. столб. 257 и 260.

тевъ, начальникъ Разряднаго приказа окольничій Иванъ Аѳанасьевичь Гавреневъ и знаменитый дѣлецъ Разряда думный дьякъ Семенъ Ивановичь Заборовскій[91]. И личный составъ царскихъ сотрапезниковъ, и самое мѣсто государева стола — Передняя палата, въ которой чаще всего засѣдала боярская дума, даютъ право предполагать, что до обѣда происходило какое либо совѣщаніе по дѣламъ государственнымъ. А состоявшееся, вслѣдъ за тѣмъ распоряженіе объ отправленіи въ городъ Нѣжинъ стольника и воеводы Семена Даниловича Змѣева «со многими государевыми ратными конными и пѣшими людьми»[92], прямо указываетъ на то, что предметомъ того совѣщанія была Малороссія. И въ день отпуска Змѣева (10 февраля), за государевымъ столомъ въ той-же Передней палатѣ, у котораго велѣно быть и Змѣеву, за большимъ столомъ опять сидѣли: бояринъ Петръ Васильевичь Шереметевъ и начальникъ Разряда Иванъ Аѳанасьевичь Гавре-

---

[91] Московскій архивъ министерства юстиціи: Записная книга Московскаго стола, № 11, л. 119 на оборотѣ.

[92] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. V. Спб. 1867. стр. 45. столб. 2.

невъ. При чемъ вина наряжалъ сынъ Крымскаго вязня, боярина Василья Борисовича Шереметева, стольникъ Иванъ Васильевичь Шереметевъ[93].

---

[93] Дополненія къ III тому Дворцовыхъ разрядовъ. Спб. 1854. столб. 252.

ГЛАВА IX.

Отправленіе вспомогательнаго войска въ Малороссію было вызвано тѣмъ бѣдственнымъ положеніемъ, въ которое она была повергнута измѣною Юрья Хмельницкаго и послѣдствіемъ сего — плѣненіемъ главнокомандующаго Московской рати, боярина Василья Борисовича Шереметева. По выраженію Украинскаго писателя, эта несчастная страна, «чрезъ несогласіе умовредныхъ и властолюбивихъ синовъ своихъ, пришла въ повторное, якъ и за Виговскаго року 1658 было, въ раздраніе и раздвоеніе»[94]. Малороссія раздѣлилась Днѣпромъ на двѣ враждебныя стороны: правая, западная, тогобочная, «знову уся

---

[94] Величко. Лѣтопись событій въ югозападной Россіи въ XVII вѣкѣ. Т. II. Кіевъ. 1851. стр. 19.

зостала за королемъ Польскимъ»[95]; лѣвая, восточная, сегобочная, осталась за царемъ. Наиболѣе надежными мѣстами въ лѣвобережной Украйнѣ, въ которыхъ, дѣйствительно, еще держалась царская власть, были: Переяславль, Нѣжинъ и Черниговъ съ волостями. Лѣтописецъ-самовидецъ объясняетъ это тѣмъ, что въ тѣхъ городахъ оставались на своихъ мѣстахъ царскіе воеводы[96], а именно: въ Переяславлѣ—князь Василій Богдановичь Волконскій, въ Нѣжинѣ—князь Семенъ Ивановичь Шаховскій и въ Черниговѣ — Иванъ Іевлевичь Загряжскій. Къ сожалѣнію, дѣятельность этихъ воеводъ значительно ослаблялась и не могла получить полнаго развитія, вслѣдствіе малочисленности бывшаго въ ихъ распоряженіи войска и по причинѣ междоусобицы въ средѣ казачьей старшины. Въ ту пору, какъ тогобочная Украйна, поголовно передавшаяся съ Юрьемъ Хмельницкимъ Польскому королю, на Корсунской радѣ заново избрала себѣ гетманомъ Хмельницкаго, получившаго при томъ гетманскую булаву уже изъ рукъ королевскаго агента Бенёвскаго,—

---

[95] Лѣтопись самовидца. Кіевъ. 1878. стр. 63.

[96] Тамъ-же.

сегобочная Украйна переживала гибельное междугетманство. Съ обѣихъ сторонъ Днѣпра и съ Запорожья появлялись здѣсь искатели полнаго гетманства, развращавшіе населеніе вербовкою сторонниковъ себѣ, безпрестанно уличавшіе другъ друга предъ Московскимъ правительствомъ въ измѣнѣ. Борьба неудовлетворенныхъ самолюбій и честолюбій нѣсколькихъ лицъ мутила цѣлый край, порождала общую сумятицу и путаницу во всѣхъ дѣлахъ. На первыхъ порахъ казалось, что самымъ благовиднымъ искателемъ гетманской булавы былъ шуринъ Богдана Хмельницкаго, Переяславскій полковникъ, заступившій Цецюру, Якимъ Семеновичь Сомко. Онъ еще при Юрьѣ Хмельницкомъ назначенъ былъ наказнымъ гетманомъ и на самомъ дѣлѣ управлялъ всею лѣвобережною Украйною. По отзыву лѣтописца-самовидца, Сомко, «не щадячи здоровья своего, добримъ приводцею (вожакомъ) войска билъ»[97]. Хотя онъ и называлъ себя безграмотнымъ, однако, славился въ Украйнѣ письменностію и зналъ нѣсколько языковъ[98]. Но Сомку вредило во-

[97] Лѣтопись самовидца. Кіевъ. 1878. стр. 68.

[98] Маркевичь. Исторія Малороссіи. Т. II. М. 1842. стр. 75.

первыхъ то, что онъ находился въ родствѣ съ измѣнникомъ Юрьемъ Хмельницкимъ и во-вторыхъ, его слабость къ горѣлкѣ. Соперникомъ Сомка былъ Нѣжинскій полковникъ Василій Никифоровичь Золоторенко (или Васюта). Этотъ самъ по себѣ не былъ опасенъ ему, ибо считался человѣкомъ недалекаго ума, «простакомъ», но его долгое время поддерживалъ всесильный Нѣжинскій протопопъ Максимъ Филимоновичь, изъ зависти и давняго недоброжелательства къ Сомку. Протопопъ Максимъ и Золоторенко проживали вмѣстѣ въ Нѣжинѣ. По ихъ-то настоянію и былъ высланъ изъ Москвы стольникъ Змѣевъ съ вспомогательнымъ отрядомъ, какъ для поддержанія царской власти въ краѣ, такъ и для отраженія Польско-Татарскаго войска, которое, послѣ неудачной осады Переяславля, подступило къ Нѣжину.

Какъ бы то ни было, но Сомко и Золоторенко были представителями городовыхъ казаковъ, собственно казаковъ значныхъ. Третій искатель гетманской булавы явился со стороны Запорожцевъ. Съ этимъ нужно было посчитаться. То былъ Запорожскій кошевой Иванъ Мартыновичь Брюховецкій,

бывшій когда-то слугою Богдана Хмельницкаго.

Ни Сомко, ни Брюховецкій, конечно, не могли забыть случая, бывшаго у нихъ еще при Богданѣ Хмельницкомъ, когда Сомко былъ Прилуцкимъ полковникомъ. На одномъ собраніи казачьихъ старшинъ въ Гадячѣ, старый гетманъ, говоря о какомъ-то важномъ дѣлѣ, вдругъ спросилъ у стоявшаго при немъ слуги Мартынца, что̀ скажетъ онъ на вопросъ Сомка? Послѣдній обидѣлся и сказалъ гетману: «Стараго пса непристойно бы мѣшать въ нашу бесѣду». Мартынецъ, молча, вышелъ. Въ ту-же ночь, Сомко, пробужденный чьими-то шагами, вскочилъ съ постели и схватилъ занесенную надъ собою руку Мартынца, вооруженную огромнымъ ножемъ. Мартынца съ обритой чуприной продержали нѣсколько дней у столба на рынкѣ, а въ базарный день посадили на свинью лицомъ къ хвосту и такъ провезли чрезъ весь Гадячъ[99]. Съ тѣхъ поръ много воды утекло. Старый слуга гетмана Богдана, уѣхавшій въ Запорожье, дослужился тамъ до кошевого, разбогатѣлъ и изъ Мартынца

[99] Маркевичъ. Исторія Малороссіи. Т. II. М. 1842. стр. 75.

сдѣлался паномъ Иваномъ Мартыновичемъ Брюховецкимъ. И вотъ, онъ сталъ теперь лицомъ къ лицу съ своимъ давнимъ обидчикомъ, полковникомъ Сомкомъ, полный злобы къ нему и неутоленной мести.

Хитрый, пронырливый Брюховецкій, задавшись мыслію добиться гетманской булавы, прежде всего поспѣшилъ сблизиться съ Нѣжинскимъ протопопомъ Максимомъ. По словамъ лѣтописца-самовидца, онъ «запобѣглъ къ нему подарунками и обетницами розними, яко то люде звыкли дарами уводитися» (прельщаться)[100]. Къ несчастію, въ эту бѣдственную пору всевозможныхъ козней и борьбы казачьихъ старшинъ изъ-за гетманской булавы, далеко не было благополучно и въ самомъ Кіевѣ. Съ удаленіемъ Василья Борисовича Шереметева, онъ сдѣлался поприщемъ возмутительныхъ безпорядковъ и открытой распри оставшихся тамъ царскихъ воеводъ: князя Юрья Никитича Борятинскаго и Ивана Ивановича Чаадаева. Послѣдній жаловался въ Москву на «наглое озорничество» князя Борятинскаго, что онъ только и ищетъ того, чтобы «корыстоваться

[100] Лѣтопись самовидца. Кіевъ. 1878, стр. 73.

и богатѣть», и даже «церкви Божіи вездѣ выграбилъ». Какъ на противоположность сему, Чаадаевъ указывалъ на порядки, бывшіе при Шереметевѣ. «А какъ былъ въ Кіевѣ бояринъ Василій Борисовичь Шереметевъ,—писалъ государю Чаадаевъ, — и куды бывали посылки ратнымъ людемъ изъ Кіева въ войну, въ Черкасскіе городы и въ мѣстечка, и заказъ былъ ратнымъ людемъ крѣпкой, подъ смертною казнью, чтобъ церквей Божіихъ не грабили и ничего отъ нихъ не имали, и хотя малая на кого улика бывала, и имъ за то бывало жестокое наказанья; а онъ, князь Юрья, нынѣ людемъ своимъ велитъ и самъ церкви грабить»[101].

Положимъ, Чаадаевъ былъ озлобленъ на князя Борятинскаго за то, что тотъ устранялъ его отъ всякихъ воеводскихъ дѣлъ; но вотъ какія ужасныя вещи вынужденъ былъ открыть государю и Кіево-Печерскій архимандритъ Иннокентій Гизель, постоянно пребывавшій съ Шереметевымъ въ добромъ совѣтѣ и нерѣдко выручавшій его въ трудныя минуты оскудѣнія царской казны: «Обидъ и

[101] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. VII. Спб. 1872. № 111, столб. 325.

насилій нашихъ, яже ратные люди Кіевскіе розними времяны обители святой Печерской починили, и описати намъ невозможно. Сіе есть многимъ извѣстно, что многіе преже вотчины и хуторы пресвятыя Богородицы отъ нихъ есть разорены, церкви разрушены, престолы опровержены. Тайны пресвятыя съ сосудовъ пометаны, священники обнажены, иноки за выю связаны біены, порублены, а иные и на смерть побиты, и подданные наши отъ убожества и нажитковъ своихъ разорены и иные помучены и попечены, а инымъ руки и ноги отсѣчены; прочіи же на смерть побиты.... Отселѣ намъ вѣдомо есть, что по изволенію начальныхъ своихъ, ратные люди то чинятъ, и по нашему челобитью ихъ не наказуютъ и управы святой не чинятъ». Въ заключеніе, Иннокентій Гизель, привыкшій за время Шереметева къ добрымъ отношеніямъ царскихъ воеводъ и прочихъ начальныхъ людей, съ отчаяніемъ восклицаетъ: «Не вѣмы, откуду ненависть сія и вражда отъ начальныхъ людей на обитель святую и на насъ возста и престати не можетъ»[102].

[102] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. V. Спб. 1867. № 36.

Только послѣ такого посланія уважаемой духовной особы, князь Борятинскій былъ, наконецъ, удаленъ изъ Кіева и замѣщенъ воеводой Иваномъ Андреевичемъ Ржевскимъ. Казалось, при такомъ положеніи дѣлъ, чего бы легче было Полякамъ воспользоваться царившею въ краѣ бузурядицей и возстановить королевскую власть на обѣихъ сторонахъ Днѣпра. Тѣмъ болѣе, что царскаго войска почти не было въ Украйнѣ, а въ Москвѣ думали лишь о самооборонѣ, готовились къ вторженію Польско-Татарскаго войска въ самые предѣлы Московскаго государства, остававшіеся беззащитными. Татары открыто похвалялись «подъ царствующій градъ Москву войною итти»[103]. Говорятъ, доходило до того, что во дворцѣ уже начали было опять собираться къ отъѣзду царя въ Ярославль или Нижній[104]. Но на сей разъ тревога оказалась напрасною. Насъ опять выручили изъ бѣды сами-же Поляки. Коронное войско, не получая жалованья, по обычаю своему, взбунтовалось. Оно отказалось пови-

---

[103] Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ: Крымскія дѣла 1661 г. Св. 54/в. № 5.

[104] Соловьевъ. Исторія Россіи. Т. XI. Спб. 1861. стр. 123.

новаться своимъ начальникамъ и самовольно разойдясь по домамъ, выбивало свою недоимку отъ Польскихъ крестьянъ. Между тѣмъ, внутренняя смута въ лѣвобережной Украйнѣ разгоралась съ каждымъ днемъ все больше и больше; увеличивалось число искателей гетманской булавы, то изъ среды городовыхъ казаковъ, то изъ Запорожцевъ. Украинское поспольство стонало отъ своеволія старшинъ. Оно совсѣмъ сбилось съ толку и не знало, кому вѣрить. Замѣчательно, однако, что даже озорничество Кіевскаго воеводы и его ратныхъ людей не въ состояніи было умалить обаянія царя! До такой степени накипѣла у Украинцевъ злоба на своихъ старшинъ, на свою же братію! Простые казаки прямо высказывали, что имъ никакого гетманства не нужно и что все ихъ спасеніе, вся защита ихъ—въ сильной власти Московскаго царя и въ его воеводахъ. Бывшій въ то время въ Малороссіи дьякъ Иванъ Песковъ самъ слышалъ отъ многихъ изъ нихъ такія разсужденія: «Великая бѣда чинится отъ старшихъ и намъ разоренье: нашъ же братъ мужикъ учинится старшимъ, наѣстся хлѣба и великаго государя жалованьемъ, и свобо-

ды поищетъ, похочетъ быть великимъ паномъ, и съ Ляхами и съ ханомъ Крымскимъ будетъ ссылаться, и измѣнитъ. Изволилъ бы великій государь насъ держать подъ своею, великаго государя, высокою державою и беречь своимъ государевымъ воеводамъ. А нынѣ гетману и быть не у чего; да гетманскимъ полководствомъ и не уберечь Черкаскихъ городовъ, и никогда безъ ратныхъ великаго государя людей противъ непріятелскихъ людей не будетъ стоять; крѣпки мы будемъ, какъ надъ нами вѣдаютъ великаго государя воеводы и съ нами всегда ратные люди»[105].

Даже и Брюховецкій, такъ настойчиво добивавшійся гетманской булавы, одно время, очевидно подлаживаясь къ такому настроенію огромнаго большинства Украинцевъ, говорилъ: «Намъ не о гетманствѣ надобно стараться, толко о князя Малороссійскаго отъ его царьского величества, на которое княжество желаю Ѳедора Михайловича (Ртищева) имѣти, чтобъ порядокъ лутшый былъ и обереженье всякое, чтобъ людъ служылой былъ готовъ на встрѣчю непрія-

[105] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. VII. Спб. 1872. стр. 334. столб. 2.

телю. Намъ всими силами надобно будетъ и крѣпко его царьского величества держатися, то будетъ славно и здорово намъ»[106].

Въ Москвѣ и не торопились избраніемъ гетмана, опасаясь попасть на новаго измѣнника. Къ тому же представлялась нѣкоторая возможность устроиться съ Юрьемъ Хмельницкимъ, брошеннымъ Поляками на произволъ судьбы и уже подсылавшимъ въ Москву съ просьбами принять его, попрежнему, въ подданство царскаго величества. Хмельницкій увѣрялъ, что въ Слободищахъ перешелъ на королевскую сторону по неволѣ. Говорятъ, онъ даже предлагалъ Сомку и Брюховецкому сдѣлать на него, подобно Любомирскому въ Слободищахъ, примѣрное нападеніе съ Московскимъ войскомъ, и тѣмъ дать ему способъ оправдаться предъ Поляками, что былъ-де вынужденъ покориться силѣ Московскаго оружія[107]. Какъ бы то ни было, съ прощеніемъ Хмельницкаго и возстановленіемъ его въ полномъ гетманствѣ, казалось, можно было надѣяться, по крайней мѣрѣ, на то, что вся

---

[106] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. V. Спб. 1867. стр. 101. столб. 1.

[107] Соловьевъ. Исторія Россіи. Т. XI. Спб. 1861. стр. 135 и 136.

тогобочная Украйна безъ пролитія крови будетъ возвращена подъ Московскую державу. Но правительство, наученное горькимъ опытомъ, не могло вполнѣ вѣрить льстивымъ изъясненіямъ измѣнника Юраски. Чтобъ не повторить ошибки, признано было необходимымъ сперва заручиться человѣкомъ, отъ котораго можно было бы получать точныя свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ краѣ. Составилось убѣжденіе, что въ Малороссіи такимъ довѣреннымъ отъ правительства лицомъ долженъ быть отнюдь не Великороссіянинъ, а непремѣнно кто-нибудь изъ мѣстныхъ жителей, Малороссіянъ, человѣкъ вліятельный, хорошо знающій людей, стоявшихъ во главѣ высшаго Малороссійскаго общества, а потому имѣющій возможность не только давать вѣрнѣйшія свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ странѣ, о значеніи различныхъ партій, но и руководить ими къ выгодѣ правительства.

Выборъ палъ на извѣстнаго намъ Нѣжинскаго протопопа Максима Филимоновича, оказавшаго такъ много услугъ правительству въ бытность Василья Борисовича Шереметева въ Кіевѣ.

Протопопа Максима вызвали въ Москву.

Въ Успенскомъ соборѣ, въ присутствіи государя, онъ былъ рукоположенъ блюстителемъ патріаршаго престола Питиримомъ во епископа Мстиславскаго и Оршанскаго, при чемъ нареченъ Меѳодіемъ[108], и назначенъ блюстителемъ Кіевской митрополіи. Нужно помнить, что митрополитъ Кіевскій Діонисій Балабанъ, измѣнившій царю вмѣстѣ съ Выговскимъ, былъ еще живъ и что Кіевская митрополія принадлежала тогда къ области Константинопольскаго патріарха. Такимъ образомъ, съ поставленіемъ Меѳодія въ чуждую церковную область, къ политической смутѣ, терзавшей Малороссію, присоединялась еще смута церковная.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1661 года, вслѣдъ за отъѣздомъ въ Малороссію вновь поставленнаго епископа Меѳодія, въ Москву въѣхали гонцы Крымскаго хана, Маметъ съ товарищами, сопровождаемые дьякомъ Татариновымъ и посланцемъ отъ Василья Борисовича Шереметева, подполковникомъ Григорьемъ Булгаковымъ.

---

[108] Дополненія къ тому III-му Дворцовыхъ разрядовъ. Спб. 1854. столб. 263.

ГЛАВА X.

Крымскіе послы и гонцы пріѣзжали въ Москву едва-ли не ежегодно. Не даромъ память о Крымскихъ пріѣздахъ еще до сихъ поръ живетъ въ названіяхъ Московскихъ урочищъ: Крымскій бродъ, Крымокъ у Крымскаго моста, Крымскій лугъ, Крымскій дворъ, Крымскія бани, Крымскіе лужники[109]. Нынѣшняя Крымская улица, въ Замоскворѣчьѣ, которая тянется отъ Крымскаго моста къ Калужскимъ воротамъ, получила названіе отъ стоявшаго тамъ еще въ 1700 году обширнаго, обнесеннаго стоячимъ тыномъ, деревяннаго двора для пріѣзда Крымскихъ пословъ и гонцовъ[110]. Послѣдніе издавна пользовались

---

[109] Снегиревъ. Москва. Т. I. М. 1865. стр. 114.

[110] А. Мартыновъ. Названія Московскихъ улицъ и переулковъ. Изд. 3. М. 1888. стр. 112.

именно тѣмъ преимуществомъ предъ Калмыцкими и Ногайскими послами, что по пріѣздѣ въ Москву, прямо шли на свой Крымскій дворъ, тогда какъ тѣ останавливались гдѣ имъ укажутъ[111]. Но на сей разъ, гонцы, Маметъ съ товарищами, были сравнены въ чести съ Калмыками и Ногайцами. Крымскимъ гонцамъ не было никакой встрѣчи и помѣстили ихъ, по назначенію, въ обывательскомъ домѣ. А между тѣмъ, они привезли къ великому государю весьма горделивую грамоту своего повелителя. Въ грамотѣ той Мухаммедъ-Гирей выговаривалъ царю Алексѣю Михайловичу, что онъ, «желая чужого государства, ходилъ на Польскаго короля и нѣсколькими городами завладѣлъ и что въ Черкасскихъ городахъ, въ Кіевѣ, Переяславлѣ, Нѣжинѣ, ратныхъ людей держитъ». Ханъ просилъ царя, «въ Днѣпровскихъ казаковъ не вмѣшиваться и въ казачьи городки не вступаться; изъ Кіева, Переяславля и Нѣжина ратныхъ людей вывести и взятые у Польскаго короля городы отдать назадъ». Далѣе, Крымскій ханъ, въ грамотѣ своей, выражалъ неудо-

[111] Котошихинъ. О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Изд. 2. Спб. 1859. стр. 56. пунктъ 17.

вольствіе на то, что царь Алексѣй Михайловичь, «называясь великаго юрту и многаго войска государемъ, и, надѣясь на множество войскъ, помышляетъ государство Крымское взять, для чего повелѣлъ сдѣлать 500 струговъ и прислалъ на Донъ воеводъ съ ратными людьми, и тѣ-де воеводы и ратные люди приходили подъ новые городки, которые поставлены вновь на Донскомъ устьѣ». Мухаммедъ-Гирей совѣтовалъ великому государю, «прислати на Донъ, въ Черкаскій городокъ, повелѣніе, и воеводъ и ратныхъ людей и казаковъ всѣхъ велѣть вывести»[112].

14 мая, Крымскіе гонцы были вызваны въ Посольскій приказъ, «на разговоры».

Какъ гонцы вошли въ палату, думный дьякъ Алмазъ Ивановъ съ ними «хорошѣвался» и спрашивалъ о здоровьѣ: «Здорово ль дорогою ѣхали, не было ль имъ, дорогою ѣдучи, въ государевыхъ городѣхъ какія нужи»? Гонцы отвѣтили, что «они дорогою ѣхали здорово и нужи имъ никакія нигдѣ не было».

---

[112] Всѣ подробности о пребываніи въ Москвѣ Крымскихъ гонцовъ Мамета съ товарищами взяты изъ Крымскихъ дѣлъ 1661 года Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, связка 54/в. № 5.

За тѣмъ начались самые «разговоры».

Крымскіе гонцы говорили, что «шерти нарушеніе учинилось отъ царскаго величества», именно тѣмъ, что договорено было «пословъ и гонцовъ принимать и отпускать честно», а между тѣмъ, «Крымскихъ троихъ гонцовъ, отпустя изъ украинныхъ городовъ, на степи побили».

Алмазъ Ивановъ отвѣчалъ: «Говорите вы, что шерти нарушенье учинилось будто съ царскаго величества стороны. А царскому величеству учинился недругъ Польскій король, и царское величество Польскаго короля неправды царю объявлялъ и писалъ, чтобъ онъ, по своей шерти, царскаго величества другу былъ другомъ, а недругу—недругомъ и Польскому королю ничѣмъ не помогалъ. И царь, забывъ свою шерть, сослався съ Польскимъ королемъ, царскаго величества на ратныхъ людей приходилъ войною и многое починили кроворазлитіе и украинные городы повоевали и тѣмъ шерти нарушенье учинено съ царевы стороны».

Много говорили о Донскихъ казакахъ, по поводу ихъ хожденій въ море для разоренія Турецкихъ и Крымскихъ мѣстъ. «Царскаго

величества въ грамотахъ—говорили гонцы—писано, что Донскіе казаки воры и царскаго величества велѣнья не слушаютъ. А нынѣ-де присланы на Донъ, къ Донскимъ казакамъ, государевы воеводы со многими ратными людьми, и тѣ ратные люди съ Донскими казаки приходили подъ Азовъ и подъ новые городки, которые городки поставилъ царь на Донскомъ устьѣ, и тѣ городки разоряютъ и многихъ людей побиваютъ».

На это Алмазъ Ивановъ отвѣчалъ: «Царскаго величества воеводы съ ратными людьми на Донъ посланы для обереганья украинныхъ городовъ, что царь, наруша свою шерть, ходилъ на государевыхъ ратныхъ людей и украинные города повоевалъ. А новые городки на Донскомъ устьѣ царь поставилъ и тѣсноту учинилъ государевымъ людемъ, а прежъ сего на томъ мѣстѣ городковъ не бывало».

— «Городки на Донскомъ устьѣ для того царь и построилъ, что Донскіе казаки тѣми мѣсты ходятъ стругами на море и Турскаго салтана городы воюютъ, и Турскій-де салтанъ къ царю пишетъ съ кручиною, что онъ Турскихъ городовъ и мѣстъ не оберегаетъ и Донскихъ казаковъ на море пропускаетъ. И

царь-де съ ними, гонцы, нынѣ о томъ наказалъ говорить: буде царское величество поволитъ съ царемъ прежнюю дружбу и любовь обновить и шерть подтвердить и быть попрежнему въ дружбѣ, и царское бъ величечество Донскихъ казаковъ съ Дону велѣлъ свесть, и изъ Кіева и изъ Переяславля и изъ Нѣжина и изъ иныхъ городовъ ратныхъ людей вывести, и Черкасскіе городы всѣ очистить, и Польскому королю взятые его городы всѣ ему отдать, для того что у царя съ Польскимъ королемъ учинена вѣчная дружба и любовь. И буде царское величество то учинитъ, и на томъ-де межъ ихъ, государей, и миръ будетъ; а буде того учинить не изволитъ, и безъ того миру никогда не будетъ».

Крымскіе гонцы прибѣгали даже къ угрозамъ. Такъ, прося отпустить ихъ въ Крымъ, не задержавъ, къ празднику рамазану, который-де будетъ въ понедѣльникъ, мая въ 20 день, они присовокупили какъ бы мимоходомъ: «А царь изъ Крыму пойдетъ въ войну послѣ праздника на четвертый день, а имъ-де велѣлъ себя встрѣтить у Перекопи, а буде тутъ его не застанутъ, и онъ-де велѣлъ себя съѣзжать у Днѣпра».

Алмазъ Ивановъ отвѣчалъ уклончиво: «У царскаго величества съ Польскимъ королемъ нынѣ о миру ссылка есть; а городы у Польскаго короля царское величество поималъ свои. А война учинилась съ Польскимъ королемъ за его королевскіе и пановъ рады нестерпимыя неправды, и о тѣхъ неправдахъ царское величество къ царю писалъ».

Послѣ того гонцы спросили объ ихъ Крымскихъ послахъ, задержанныхъ въ Москвѣ: «А послы тѣ нынѣ на Москвѣ-ль или индѣ гдѣ, про то они-де не вѣдаютъ; а въ Крымѣ-де вѣдомо имъ было, что послы ихъ съ Москвы свезены были въ дальній городъ и сидѣли въ тюрьмѣ». Впрочемъ, — прибавили послы,— «то дѣло не новое, что послы во время войны бываютъ въ тюрьмѣ».

Алмазъ Ивановъ поспѣшилъ объяснить гонцамъ, что «они по времени съ послами увидятся». Что же касается до того, что они сидѣли въ тюрьмѣ, то вѣдь и «царскаго величества посланники Иванъ Опухтинъ съ товарищи въ Крымѣ скованы въ кайдалы и засажены въ тюрьму».

Гонцы возражали: «Иванъ Опухтинъ съ товарищами посаженъ-де въ городокъ Ман-

купъ, а не въ тюрьмѣ; а посаженъ онъ въ тотъ городокъ для того: какъ-де побили Крымскихъ гонцовъ, а Иванъ Опухтинъ пріѣхалъ въ Крымъ послѣ того побою, и на Ивана Опухтина съ товарищами били челомъ царю всѣмъ Крымомъ, чтобъ вмѣсто тѣхъ побитыхъ Крымскихъ гонцовъ, его, Ивана съ товарищи, въ Крымѣ побить до смерти; и царь-де имъ побить ихъ не далъ для того, что ни въ которыхъ государствахъ того не ведется, чтобъ пословъ и посланниковъ побивать, и велѣлъ его сослать въ тотъ городокъ».

Потомъ гонцы просили думнаго дьяка, «чтобъ великій государь указалъ поставить ихъ на прежнемъ Крымскомъ дворѣ и лошадямъ бы ихъ ходить на прежнемъ Крымскомъ лугу».

Въ заключеніе всего гонцы подали Алмазу Иванову письмо къ великому государю отъ царева ближняго человѣка Сеферъ-Гази-аги о томъ, что онъ «съ бояриномъ Васильемъ Борисовичемъ Шереметевымъ и съ дьякомъ Иваномъ Татариновымъ о миру съ его царскимъ величествомъ говорили и о дружбѣ обоихъ великихъ государей, и что онъ, ага,

о тишинѣ обоихъ государствъ радѣетъ» и впредь «радѣти будетъ».

17 мая Крымскіе гонцы Маметъ съ товарищами были у великаго государя на дворѣ, на пріѣздѣ. Впереди гонцовъ, слѣдовавшихъ вмѣстѣ съ приставомъ, головою Московскихъ стрѣльцовъ Григорьемъ Власьевымъ Астафьевымъ, ѣхало десять конюховъ на государевыхъ лошадяхъ. Гонцы и ихъ люди были въ своемъ платьѣ, ибо на сей разъ, вопреки обычаю, имъ не было послано «встрѣчнаго платья».

На Красной площади были выстроены стрѣльцы трехъ приказовъ, безъ пищалей, въ «чистомъ платьѣ», то-есть, въ новомъ или мало поношенномъ.

При въѣздѣ «въ городъ», то-есть, въ Кремль, у Посольской палаты, Крымскіе гонцы ссѣли съ лошадей и вошли въ палату. Здѣсь они хорошевались съ посольскими дьяками и сѣли всѣ по мѣстамъ. Думный дьякъ Алмазъ Ивановъ, опять поговоривъ съ гонцами о дѣлахъ и осмотрѣвъ привезенныя ими грамоты, отправился съ докладомъ къ великому государю. Черезъ нѣсколько времени, гонцамъ дали знать, что великій государь

велѣлъ имъ быти къ себѣ въ Верхъ, и они отправились къ царскому двору пѣши, площадью, мимо Архангельскаго собора, и поднялись середнею лѣстницею. Въ сѣняхъ и по крыльцу стояли дворяне изъ городовъ, дѣти боярскіе, подъячіе и дворовые люди въ чистомъ платьѣ.

Гонцовъ ввели въ середнюю Золотую подписную палату. Царь Алексѣй Михайловичь сидѣлъ на тронѣ въ повсядневномъ одѣяніи, въ ферези. Окольничій князь Иванъ Дмитріевичь Пожарскій объявилъ ему гонцовъ, а тѣ, увидя государя, поклонились ему въ землю. Царь, не вставая съ мѣста и не снимая шапки, молвилъ гонцамъ: «Братъ нашъ Мухаммедъ-Гирей царь и калга и нурадинъ по здорову-ль»?

Гонцы, сказавъ про царево и про калгино и про нурадиново здоровье, подали привезенную ими грамоту «въ золотномъ мѣшкѣ, незапечатану». Государь велѣлъ принять грамоту думному дьяку Алмазу Иванову и вмѣстѣ съ тѣмъ дьяки Казеннаго приказа возложили на гонцовъ жалованныя государемъ «шубы, атласъ цвѣтной на соболехъ, пуговицы серебряны, и шапки лисьи». Вслѣдъ за симъ,

царь повелѣлъ гонцамъ итти къ своей рукѣ. По установленному чину, государь не далъ Крымцамъ цѣловать своей руки, а только полагалъ ее на головы ихъ. Послѣ того гонцамъ указано было сѣсть «отъ окольничаго мѣста съ сажень». Посидѣвъ мало, царь подалъ знакъ и гонцамъ поднесли государево жалованье, ковши съ романеей и вишневымъ медомъ. По поводу этихъ ковшей находимъ весьма любопытное показаніе у Котошихина. Онъ говоритъ: «Иные изъ тѣхъ пословъ, выпивъ романею и медъ, суды берутъ къ себѣ и кладутъ за пазуху; а говорятъ они послы: когда-де царь пожаловалъ ихъ платьемъ и питьемъ, и тѣмъ судамъ годится быти у нихъ же. И у нихъ тѣхъ судовъ царь отнимати не велитъ, потому что спороваться съ бусурманомъ въ стыдъ; и для такихъ безстыдныхъ пословъ дѣланы нарочно въ Аглинской землѣ сосуды мѣдные, посеребряные и позолочены» [113].

Послѣ угощенія романеей и медомъ, государь велѣлъ думному дьяку Алмазу Иванову говорить рѣчь гонцамъ, и онъ, отъ имени цар-

[113] О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Изд. 2. М. 1859. стр. 57.

скаго величества, сказалъ Мамету съ товарищами слѣдующее: «Великій государь (малый титулъ) велѣлъ вамъ говорити: подали есте намъ, великому государю, нашему царскому величеству, брата нашего Мухаммедъ-Гирея грамоту, и мы, великій государь, наше царское величество, ту грамоту велѣли у васъ приняти и велимъ ту грамоту перевесть и выслушаемъ; и о которыхъ дѣлехъ къ намъ, великому государю, братъ нашъ Мухаммедъ-Гирей царь, въ грамотѣ своей писалъ, и мы на тѣ дѣла велимъ вамъ отвѣтъ учинить нашими приказными людьми инымъ временемъ».

За симъ, по приказанію царя, Алмазъ Ивановъ сказалъ гонцамъ государево жалованье, «въ стола мѣсто кормъ», и отпустилъ ихъ на подворье.

Просьба Крымскихъ гонцовъ объ отпускѣ къ празднику рамазану, то-есть, къ 20 мая, не могла быть исполнена. Лишь 24 мая была изготовлена отвѣтная грамота государя и въ тотъ же день гонцамъ было указано быть у царскаго величества на отпускѣ. Царь Алексѣй Михайловичь писалъ хану Мухаммедъ-Гирею: «Всчалася война межъ нами вели-

кимъ государемъ и Польскимъ королемъ за многіе и нестерпимые его королевскіе и пановъ рады неправды. Мы не желали его государства, но ходили за Божіею помощію мстить его королевскія и пановъ рады неправды. И за нашу правду, а за ихъ многія неправды поручилъ намъ всемогущій Богъ городы, которые у предковъ нашихъ, у великихъ государей, отъ Московскаго государства Польскіе короли неправдою отлучили. А нынѣ у насъ, великаго государя, съ Польскимъ королемъ Яномъ-Казимеромъ о миру ссылка есть: посланы къ Польскому королю наши царскаго величества посланники, чтобы на урочные годы учинити перемирье и рати и война на обѣ стороны задержать; а въ тобъ перемирное время учинити съ обѣ стороны съѣздъ великими послы. А какъ наши царскаго величества и королевскаго величества великіе послы съѣдутся, и на съѣздѣ о Днѣпровскихъ казакѣхъ и о городѣхъ Малыя Россіи и о взятыхъ Литовскихъ городѣхъ великіе послы договоръ учинятъ по нашимъ обоихъ великихъ государей указомъ. А до перемирья и до съѣзду съ обѣ стороны великихъ пословъ того учинити немочно».

Далѣе, царь Алексѣй Михайловичь, въ отвѣтъ на упрекъ, будто бы онъ, надѣясь на множество войскъ, помышляетъ взять Крымское государство, отвѣчалъ: «Мы, великій государь, всегда надѣемся на милость всемогущаго Бога, а не на множество войскъ. Свидѣтельствуемся Богомъ, что у насъ о государствѣ вашемъ и въ мысляхъ ничего не бывало. А струги сдѣланы и наши царскаго величества воеводы и съ ними ратные люди посланы на Донъ не для задоровъ и войны и не помышляя на государство ваше, но оберегая государства своего и украинныхъ нашихъ городовъ».

Въ заключеніе царское величество просилъ хана, «вспамятовавъ Бога и свою шерть, быти съ нимъ, великимъ государемъ, въ братской дружбѣ и любви, быть другу его другомъ, а недругу-недругомъ навѣки неподвижно; непріятельскимъ подсылкамъ къ ссорѣ не вѣрить, прежнюю братскую дружбу и любовь обновити и шерть подтвердить и на его, великаго государя, украинные городы войною не ходить». Только при этихъ условіяхъ, царь обѣщалъ хану, «съ Дону воеводъ своихъ и ратныхъ людей свесть и Донскимъ каза-

комъ заказъ учинить крѣпкій, подъ смертною казнью, на море стругами не ходить и Турскихъ поморскихъ и Крымскихъ мѣстъ не воевать и задоровъ никакихъ не чинить».

Царская грамота была вручена отправленнымъ съ Крымскими гонцами станичникамъ Данилѣ Потапову и Григорью Волошенинову, которые повезли съ собою также легкіе поминки хану и царевичамъ, а ближнимъ людямъ—государево жалованье. Сверхъ того, царь Алексѣй Михайловичь послалъ съ станичниками милостивую грамоту къ Сеферъ-Гази-агѣ, въ которой похвалялъ его за службу и радѣніе къ нему, великому государю, и выражалъ увѣренность, что онъ будетъ и впредь такъ служить и царя и царевичей на всякое доброе наводить, чтобы на украинные городы не ходили и Польскому королю помочи не чинили. Грамота къ агѣ заключена такъ: «А служба твоя у насъ, великаго государя, въ забвеньи не будетъ, а нынѣ къ тебѣ сверхъ нашего жалованья не послано для того, что посылка учинилась въ скорѣ и для степного проѣзду съ малыми людьми послать страшно. А какъ доброе дѣло совершится и размѣна будетъ, и наше жа-

лованье съ посланники нашими, которые въ Крымъ посланы будутъ, за твою службу, прислано будетъ немалое».

Крымскіе гонцы Маметъ съ товарищи были свидѣтелями пышныхъ церемоній встрѣчи и пріема пословъ Римскаго цесаря Августа Мейерберга и Горація Кальвуччи. Посольство это было полною неожиданностію для нашего правительства. Но подозрительные Азіаты не могли повѣрить этому и, при тогдашнихъ обостренныхъ отношеніяхъ Турціи съ Римскою имперіей изъ-за Венгріи, конечно, уѣхали изъ Москвы съ тѣмъ впечатлѣніемъ, что Московскій царь сносится съ врагами Турецкаго султана, ихъ верховнаго повелителя; а это могло послужить еще къ бо̀льшему сближенію хана съ Польскимъ королемъ. Такой тонкій дипломатъ, какъ дьякъ Алмазъ, не могъ не имѣть этого въ виду, и отсюда понятно слѣдующее мѣсто въ отвѣтной грамотѣ царскаго величества къ Крымскому хану: «А Польской король какову дружбу и правду намъ, великому государю, показалъ, такову и вамъ, брату нашему, дружбу и правду дѣлаетъ: съ вами, братомъ нашимъ, будто дружбу и братство имѣетъ, а къ цесарю

Римскому, противъ Турскаго Магметъ салтанова величества ратныхъ людей, свои Польскіе многіе войска послалъ да и къ Юрью Хмельницкому онъ, Польскій король, писалъ, чтобы онъ прислалъ къ нему четыре полка Черкасъ, а тѣмъ полкомъ быти противъ Турскихъ же ратныхъ людей. И такую его, Польскаго короля, дружбу и братство, вамъ, брату нашему, надобно разсудить; а хотя онъ вамъ нынѣ и сулитъ много, а исправленья отъ него въ томъ не бывало и впредь не будетъ».

ГЛАВА XI.

Настоящая причина посольства Римскаго цесаря Леопольда I, дѣйствительно, составляла загадку для самого Посольскаго приказа. Таковою остается она и до сего дня. Правда, въ Москвѣ имѣли извѣстіе отъ воеводы Лифляндскихъ порубежныхъ городовъ, думнаго дворянина Аѳанасья Лаврентьевича Ордина-Нащокина, что цесарскіе послы идутъ будто бы «для посредства миру съ Польскимъ королемъ»[114]. Но такое доброе намѣреніе Римскаго цесаря «прекратить—какъ выражался самъ Мейербергъ — жалостное кровопролитіе между Христіянами, и водворить тишину во всемъ сѣверномъ краѣ, при

[114] Свѣдѣнія о пріѣздѣ въ Россію Мейерберга извлечены главнымъ образомъ изъ Памятниковъ дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными. Т. IV. Спб. 1856. столб. 1—224. Другіе источники будутъ указаны подъ строкою.

посредствѣ Австрійскаго орла»[115], принято было у насъ съ большимъ недовѣріемъ. Казалось страннымъ, что послы, идя устраивать миръ между Московскимъ царемъ и Польскимъ королемъ, обошли Польскія владѣнія. Царь Алексѣй Михайловичь, «устраняючися отъ дальняго крови христіанской пролитія, явственно показывалъ преклоненіе свое и желаніе къ миру съ королемъ Польскимъ». Но не было никакихъ основаній поручиться за то, что въ такомъ же мирномъ настроеніи находился и король Янъ-Казиміръ. Тѣмъ не менѣе, пословъ Римскаго цесаря встрѣчали и принимали съ подобающими имъ честію и торжественностію.

Отъ пограничнаго замка Кокенгаузена до Москвы пословъ сопровождалъ дорожный приставъ дворянинъ Иванъ Аѳанасьевичь Желябужскій. Сперва назначено было послѣднему подхожему стану быть въ селѣ Никольскомъ, принадлежавшемъ боярину князю Якову Куденетовичу Черкасскому[116]. Но

---

[115] Путешествіе въ Московію барона Августина Мейерберга (въ Русскомъ переводѣ А. Н. Шемякина). М. 1874. стр. 9.

[116] Село Никольское находится въ 9 верстахъ отъ Москвы, отъ Тверской заставы, по С.-Петербургскому тракту.

оказалось, что въ томъ селѣ усадьба боярина, со времени остановки въ ней, въ 1655 году, цесарскаго же посла Аллегрети[117], пришла еще въ бо́льшее разрушеніе: уже нельзя было войти въ хоромы, ибо «крыльцо погнило». Осмотрѣли сосѣднюю усадьбу, стольника Григорья Ѳедоровича Бутурлина, въ селѣ Аксиньинѣ, съ версту вправо отъ Никольскаго. По досмотру, Аксиньинская усадьба оказалась въ такомъ видѣ: на помѣщичьемъ дворѣ «изба бѣлая съ сѣньми погнили; да людскихъ четыре избенки, да конюшнишко худо; погребовъ и поварни нѣтъ». Тогда рѣшено было устроить подхожій станъ въ открытомъ полѣ. Выбрано было самое «угодное» мѣсто, въ 5 верстахъ отъ Москвы, по правую сторону большой дороги, на берегу рѣчки Ходынки. Тамъ раскинуты были для цесарскихъ пословъ присланные отъ царскаго двора два шатра, одинъ красный, другой зеленый[118]. Стоянка въ шатрахъ, вызванная, какъ мы видѣли, крайнею нуждою, объяснена была посламъ заботливостію о нихъ вели-

---

[117] Родъ Шереметевыхъ. Кн. IV. Спб. 1884. стр. 201.

[118] Ѳ. Аделунгъ. Баронъ Мейербергъ и путешествіе его по Россіи. Спб. 1827. стр. 140.

каго государя, который-де приказалъ такъ устроить для того, что узналъ, съ какою неохотою они останавливались дорогой въ крестьянскихъ избахъ, всегда натопленныхъ, какъ въ лѣтнее, такъ и въ зимнее время[119].

Цесарское посольство прибыло на послѣдній подхожій станъ 13 (23) мая. Оно не могло сейчасъ же воспользоваться приготовленными шатрами. Наступившій вдругъ сильнѣйшій дождь съ громомъ и молніей заставилъ пословъ пріютиться въ бесѣдкѣ сосѣдственной помѣщичьей усадьбы[120]. Лишь 15 числа посольство имѣло торжественный въѣздъ въ Москву. Изъ Шереметевыхъ только стольникъ Никита Ивановичь участвовалъ въ посольской встрѣчѣ. Онъ былъ головою второй стольничьей сотни. Эти стольничьи сотни Мейербергъ называетъ «отрядомъ боярскихъ и княжескихъ дѣтей и придворныхъ чиновъ». По его описанію, «всѣ лица, составлявшія сей отрядъ, сидѣли на прекрасныхъ, великолѣпно убранныхъ, Персид-

---

[119] Путешествіе въ Московію барона Августина Мейерберга. М. 1874. стр. 55.

[120] Ѳ. Аделунгъ. Баронъ Мейербергъ и путешествіе его по Россіи. Спб. 1827. стр. 140.

скихъ и Арабскихъ коняхъ, въ богатыхъ кафтанахъ, нѣсколько похожихъ на Польскіе, и, не взирая на теплую погоду, въ епанчахъ, подбитыхъ и опушенныхъ мѣхомъ. Лошади обвѣшаны серебряными цѣпями, гремящими при каждомъ движеніи»[121]. Встрѣча происходила за Тверскими воротами, у Гонной слободы. Когда послы, привѣтствуемые барабаннымъ боемъ и игрою въ трубы, проѣхали мимо вытянутыхъ вдоль дороги встрѣчныхъ сотень, Шереметевъ, какъ и всѣ прочіе головы, опередивъ съ своею сотнею посольскій поѣздъ, поскакалъ впередъ, чтобъ занять назначенное ему по пути слѣдованія пословъ мѣсто, «въ переулкѣ, что̀ къ Никольской улицѣ, который противъ Введенскаго переулка»[122].

Затѣмъ, 18 и 20 мая, во время пріема пословъ въ Грановитой и Меньшой Золотой Палатахъ[123], Никита Ивановичь Шереметевъ въ одѣяніи изъ серебряной парчи, съ золотыми цѣпями, на крестъ сложенными на спи-

---

[121] Ѳ. Аделунгъ. Баронъ Мейербергъ и путешествіе его по Россіи. Спб. 1827. стр. 143.

[122] Дворцовые разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 532 и 534.

[123] Тамъ-же, столб. 532 и 534, и въ Дополненіяхъ къ III тому Дворцовыхъ разрядовъ. Спб. 1854. столб. 267 и 269.

нѣ и на груди, въ высокой шапкѣ изъ драгоцѣннаго мѣха и съ серебряной сѣкирой на плечѣ, стоялъ у царскаго трона въ рындахъ съ двумя родными братьями, стольниками Никитой и Львомъ Андреевичами Вельяминовыми-Зерновыми[124] и съ стряпчимъ Григорьемъ Владиміровичемъ Новосильцовымъ. Рынды были замѣчены главнымъ посломъ, Мейербергомъ. Въ своемъ извѣстномъ описаніи путешествія въ Московію, онъ говоритъ о нихъ такъ: «Передъ тономъ стояли четверо княжескихъ сыновей, всѣ въ бѣлыхъ кафтанахъ, въ шапкахъ и съ сѣкирами въ рукахъ»[125]. Но въ средѣ этихъ блестящихъ рындъ, сотоварищей Никиты Ивановича Шереметева, принятыхъ за княжескихъ сыновей, случилось нѣкоторое домашнее приключеніе, оставшееся, конечно, неизвѣстнымъ любознательному иноземцу. Дѣло въ томъ, что вслѣдъ за объявленіемъ церемоніала, отецъ стряпчаго Григорья Владиміровича

---

[124] Въ разрядной книгѣ они названы просто Вельяминовыми, а на самомъ дѣлѣ были Вельяминовы-Зерновы, потомки извѣстнаго мурзы Чета (Князь П. В. Долгоруковъ. Россійская родословная книга. Ч. IV. стр. 80. №№ 131 и 134).

[125] Мейербергъ. Путешествіе въ Московію. Въ Русскомъ переводѣ А. Н. Шемякина. М. 1874. стр. 65.

Новосильцова подалъ государю челобитье такого содержанія: «Велѣно-де сынишкѣ его, Григорью, быть въ рындахъ при Нѣмецкихъ и цесарскихъ послахъ меньше Вельяминовыхъ[126], а сыну-де его, Григорью, по ихъ счету, меньше Вельяминовыхъ быти немочно, потому что они, Вельяминовы, передъ ними, люди обычные: родители ихъ были въ головахъ, и въ сотникахъ стрѣлецкихъ, и въ губныхъ старостахъ, и въ иныхъ худыхъ чинѣхъ».

По выслушаніи челобитной и случаевъ, думный дьякъ Алмазъ Ивановъ объявилъ Владиміру Новосильцову государевъ указъ, что сыну его, Григорью, «въ рындахъ быть попрежнему». Но Новосильцовъ, во время шествія государя въ Грановитую палату, «билъ челомъ вдругорядь, что сыну его меньше Вельяминовыхъ нигдѣ, ни которыми дѣлы быти немочно». Государь велѣлъ стряпчаго Григорья Новосильцова взять на Казенный дворъ и одѣть въ платье рынды неволею. «И Григорій—сказано въ Запискѣ отеческихъ дѣлъ—государева указа не послушалъ, въ

[126] Четвертое, послѣднее, мѣсто по наряду.

бѣлое платье не одѣвался многое время; и на Григорьѣ платье ободрано и одѣтъ въ бѣлое платье неволею. А за ослушаніе его указалъ государь отца его, Григорьева, бить батоги»[127].

Цесарскихъ пословъ помѣстили въ томъ же домѣ, въ которомъ помѣщалось и посольство Аллегрети, въ знакомомъ намъ «Князь-Львовскомъ дворѣ Шляковскаго», въ Китаѣ-городѣ. Этотъ просторный каменный домъ, принадлежавшій нѣкогда пресловутому князю Шлякову-Чешскому, зятю Петра Васильевича Большого Шереметева, давно уже перешелъ въ казну и отводился чужеземнымъ посламъ, а иногда и Малороссійскимъ посланцамъ.

Изъ Шляковскаго дома, съ этого срединнаго пункта Москвы, Мейербергъ, въ теченіе цѣлаго года, наблюдалъ жизнь столицы Московскаго государства, нравы и обычаи ея обитателей, весь домашній бытъ Москвичей. Главный, можно сказать исключительный, интересъ цесарскаго посольства заключается именно въ результатахъ этихъ наблюденій

[127] Московскій архивъ министерства юстиціи: Записная книга Московскаго стола. № 11. л. 343 и 344.

его представителя, Мейерберга. Почти все, что находится въ его Запискахъ[128] о нашей вѣрѣ, о религіозныхъ воззрѣніяхъ и обрядахъ нашихъ предковъ, о нравахъ и свойствахъ Русскаго человѣка, къ сожалѣнію, исполнено желочи и явной неправды. Преувеличенія Мейерберга, его превратныя толкованія разныхъ явленій нашей общественной жизни часто бываютъ даже смѣшны до наивности. Но и съ этой стороны Записки Мейерберга важны для насъ потому, что даютъ ясное понятіе о томъ, какъ смотрѣли на насъ Европейцы въ XVII столѣтіи, какими казались мы имъ въ то время. Положительныя же достоинства Записокъ Мейерберга заключаются въ свѣдѣніяхъ, сообщаемыхъ имъ относительно географіи и статистики нашего Отечества, а также о жизни Московскаго двора и о самомъ царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Все это дѣйствительно заслуживаетъ большого вниманія. Слышна жизненная правда, напримѣръ, въ слѣдующемъ описаніи наружности тишайшаго царя: «Але-

[128] Путешествіе въ Московію барона Августина Мейерберга... Изданіе императорскаго общества исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ. М. 1874.

ксѣй, статный мужъ, средняго роста, съ кроткой наружностью, бѣлъ тѣломъ, съ румянцемъ на щекахъ; волосы у него бѣлокурые и красивая борода; онъ одаренъ крѣпостью тѣлесныхъ силъ, которой впрочемъ, повредитъ замѣтная во всѣхъ его членахъ тучность, если съ годами она все будетъ увеличиваться и пойдетъ, какъ обыкновенно, въ животъ; теперь онъ на 36 году жизни»[129].

Мейербергъ, съ первыхъ же дней пребыванія въ Москвѣ, привлеченъ былъ къ участію во всѣхъ событіяхъ Московскаго двора, и радостныхъ, и горестныхъ. Такъ, 30 мая (8 іюня), «на самомъ разсвѣтѣ,—пишетъ онъ въ своихъ Запискахъ,—когда мы еще лежали въ постелѣ, прибылъ къ намъ, со множествомъ провожатыхъ, дьякъ Дементій Башмаковъ, великокняжескій любимецъ, и отъ имени великаго князя увѣдомилъ насъ, какъ посланниковъ любезнѣйшаго его брата, императора Римскаго Леопольда, что у него родился сынъ, нареченный Ѳеодоръ».

Въ современной родословной книгѣ, о

---

[129] Царь Алексѣй Михайловичь родился 10 марта 1629 года; слѣдовательно, 36-й годъ его жизни упадаетъ на 1665-й годъ,—время написанія Записокъ Мейерберга.

рожденіи царевича Ѳеодора, будущаго царя Ѳеодора Алексѣевича, записано такъ: «169 (1661) году, мая въ 30 день, родился государь царевичь и великій князь Ѳеодоръ Алексѣевичь всеа Русіі, въ четвергъ, въ послѣднемъ часу дни, на память святаго преподобнаго отца нашего Исаакія Далматскаго, а имя ему, государю, дано въ предь, въ 8 день мѣсяца іюня, въ день святаго великомученика Ѳеодора стратилата»[130].

Запись эта можетъ служить доказательствомъ хронологической точности Мейерберга. Мы должны, однако, разстаться съ его любопытными Записками, такъ какъ въ нихъ, къ сожалѣнію, не встрѣчаемъ ничего, относящагося лично къ Шереметевымъ. Мейербергъ говоритъ въ двухъ-трехъ мѣстахъ, и то совершенно случайно, мимоходомъ, только о Васильѣ Борисовичѣ. Онъ называетъ его плѣнъ «позорнымъ», а самое Чудновское дѣло объясняетъ общими причинами, между прочимъ, врожденной гордостію Москвитянъ, пренебрегавшихъ наставленіями иностран-

[130] Библіотека Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ: Родословіе великихъ князей и иныхъ родовъ. № 173/78. стр. 7.

цевъ и устранявшихъ послѣднихъ отъ начальства надъ войскомъ[131].

Дорожный приставъ цесарскихъ пословъ дворянинъ Желябужскій, вмѣстѣ съ другими документами, доставилъ въ Посольскій приказъ также письмо къ пограничному воеводѣ Аѳанасью Лаврентьевичу Ордину-Нащокину отъ Магдалины Гонсѣвской съ просьбою о содѣйствіи къ освобожденію изъ Московскаго плѣна ея мужа, напольнаго гетмана Литовскаго и короннаго подскарбія Вицентія Гонсѣвскаго. «На прилежный листъ мой,— писала вельможная подскарбиня, — о освобожденіи пана мужа моего, не обдержавъ по ся мѣста отвѣту, поновляю сіе мое къ вашей милости прошеніе о челобитной и заступленіи къ его царской милости, чтобъ по милости своей государской, изволилъ на свое большое и совершеннѣйшее услуженіе свободити своего вязня, а моего мужа, за котораго смѣю истинно ручатися, что егда на свободѣ и вольности будетъ пребывати, тогда всякихъ и совершенныхъ употребитъ образцовъ къ благодарному услуженію его царскому величе-

[131] Путешествіе въ Московію. М. 1874. стр. 182 и 183.

ству»[132]. Ординъ-Нащокинъ получилъ уже нѣсколько такихъ писемъ Гонсѣвской, чрезъ посредство герцога Якова Курляндскаго, и тотчасъ-же пересылалъ ихъ въ Посольскій приказъ. А въ Москвѣ отвѣта не давали, ибо вовсе не желали выпускать изъ рукъ Гонсѣвскаго иначе, какъ подъ условіемъ освобожденія изъ Крымскаго плѣна боярина Василья Борисовича Шереметева. Магдалина Гонсѣвская не даромъ писала мужу: «Хотя бъ мнѣ и на концѣ свѣта искать способу, чтобъ тебя освободить, искала бъ, како же и ищу»[133]. Для освобожденія своего мужа, она предложила внести денежный выкупъ за Василья Борисовича Шереметева. А такъ какъ, въ то время, между Московскимъ царемъ и Крымскимъ ханомъ былъ полный разладъ, то Гонсѣвская, для устройства сего дѣла, для обезпеченія его успѣха, обратилась съ ходатайствомъ непосредственно къ Польскому королю, который, напротивъ того, пребывалъ тогда въ дружбѣ и любви съ ханомъ. Но Янъ-Казиміръ отнюдь не былъ расположенъ дѣй-

---

[132] Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными. Т. IV. Спб. 1856. столб. 20.

[133] Тамъ-же, столб. 22.

ствовать въ пользу Шереметева, похвалявшагося привести его въ оковахъ къ Московскому царю. Польскій король воспользовался предложеніемъ Гонсѣвской только для того, чтобы выгоднѣе сбыть находившихся у него въ плѣну пятерыхъ Московскихъ воеводъ, и запуталъ все дѣло такъ, что трудно было разобраться въ немъ. Это видно изъ слѣдующаго наставленія, даннаго въ Варшавѣ, 29 января (8 февраля) 1662 года, стольнику Полоцкому Павлу Тетерѣ, посланцу королевскому къ Юрью Хмельницкому: «Его королевская милость поручаетъ благородному стольнику Полоцкому переговорить рѣшительно съ благороднымъ гетманомъ Запорожскимъ объ освобожденіи вельможнаго великаго короннаго подскарбія и гетмана польнаго великаго княжества Литовскаго, и такимъ образомъ, чтобы тотъ же благородный гетманъ Запорожскій условился съ ханомъ Крымскимъ въ обмѣнѣ плѣнниковъ, пяти воеводъ, находящихся у его милости короля, и кромѣ того, еслибы ханъ захотѣлъ какой нибудь придачи за Шереметева, то въ замѣнъ его можно освободить того же подскарбія и гетмана великаго княжества Литовска-

го. А если бы это было невозможно, то вельможная подскарбиня, супруга его, обязывается предложить денежный выкупъ за того же Шереметева изъ Крыма, въ замѣнъ котораго могъ бы пойти тотъ-же вельможный подскарбій и гетманъ великаго княжества Литовскаго»[134].

Въ концѣ концовъ вышло такъ, что Гонсѣвскій былъ освобожденъ изъ плѣна, а вмѣсто Шереметева, выпустили изъ Польскаго плѣна пятерыхъ Московскихъ воеводъ и въ томъ числѣ трехъ товарищей-сподвижниковъ Василья Борисовича, а именно: князя Осипа Ивановича Щербатова, князя Григорья Аѳанасьевича Козловскаго и дворянина Ивана Павловича Акинѳіева[135].

Между тѣмъ, и посольство Мамета съ товарищами не только не улучшило отношеній нашихъ съ Крымскимъ юртомъ, но, напротивъ того, обострило ихъ до послѣдней крайности; а это, въ свою очередь, всегда тяжко отзывалось на положеніи нашего несчастнаго вяз-

---

[134] Памятники, изданные временною коммиссіею для разбора древнихъ актовъ. Т. IV. Кіевъ. 1859. Отдѣлъ 3. стр. 150.

[135] Дополненія къ тому III-му Дворцовыхъ разрядовъ. Спб. 1854. столб. 316.

ня, Василья Борисовича Шереметева. Ханъ остался недоволенъ, и разговоромъ Посольскихъ дьяковъ съ его гонцами, и пріемомъ послѣднихъ съ значительными умаленіями чести, и самою грамотою великаго государя. Недовольство Крымскаго хана выразилось искони обычнымъ образомъ: набѣгомъ на южно-Русскую украйну.

ГЛАВА XII.

Съ первыхъ же дней 1662 года, Москва была встревожена вѣстями о Татарскихъ полчищахъ, черною тучею надвигавшихся къ самому центру государства. 10 января, государь получилъ слѣдующее донесеніе изъ Сѣвска, отъ боярина князя Григорья Семеновича Куракина: «Генваря въ 6 день пришли въ Сѣвской уѣздъ Крымскіе воинскіе большіе люди и Сѣвской уѣздъ воюютъ, села и деревни жгутъ, и людей сѣкутъ и въ полонъ емлютъ; а изъ Сѣвска чаять ихъ приходу въ иные твои, государевы, городы, къ Тулѣ и къ Серпухову, вскорѣ»[136].

Въ Москвѣ поднялась страшная тревога. Немедленно посланъ былъ Серпуховскому

---

[136] Полное собраніе законовъ Россійской имперіи. Собраніе первое. Т. I. Спб. 1830. стр. 566. столб. 2.

воеводѣ Соймонову указъ, чтобы онъ распорядился тотчасъ-же, безъ всякаго мечтанья, собрать въ Серпуховъ, въ осаду, «уѣздныхъ всякихъ людей съ женами и съ дѣтьми и съ животы и съ хлѣбными запасы»; высыльщиковъ, Серпуховскихъ пушкарей, затинщиковъ и разсыльщиковъ многихъ людей велѣно было послать въ Серпуховской уѣздъ во всѣ станы, въ ближнія и дальнія мѣста, а Московскихъ всякихъ чиновъ людей, Серпуховскихъ помѣщиковъ и вотчинниковъ со всею службою и съ запасами—выслать, безъ малѣйшаго промедленія, въ Москву[137].

По счастію, стремительное движеніе хищниковъ было остановлено двумя рѣшительными пораженіями, нанесенными имъ царскими войсками. Въ Москву прискакали, одинъ за другимъ, два сеунщика. Изъ Путивля, отъ боярина князя Ивана Ивановича Лобанова-Ростовскаго, прибылъ полуполковникъ рейтарскій Елизарій Матвѣевичь Пушкинъ съ сеунчемъ, что «приходилъ къ Путимлю Крымскій ханъ со многими Крымскими людьми, и онъ, бояринъ и воевода, съ го-

[137] Полное собраніе законовъ Россійской имперіи. Собраніе первое. Т. I. Спб. 1830. стр. 566. стоб. 2.

сударевыми ратными людьми, прося у Бога помощи, выходилъ изъ Путимля, и съ Крымскими людьми былъ бой. И, милостію Божіею и государевымъ счастьемъ, Крымскихъ людей побили и языки поимали; а въ языцѣхъ взято 70 человѣкъ. И Крымскій ханъ со многими Крымскими людьми послѣ бою отшелъ отъ Путимля»[138]. Еще болѣе радостную вѣсть привезъ другой сеунщикъ, стряпчій Алексѣй Толбузинъ. Онъ былъ присланъ изъ Сѣвска, отъ боярина князя Григорья Семеновича Куракина, съ такимъ сеунчемъ: «Приходилъ въ Сѣвскіе и Карачевскіе мѣста Ширинской князь со многими Крымскими людьми, и уѣзды повоевалъ и полонъ многой Руской поималъ. И онъ, бояринъ и воевода, прося у Бога милости, посылалъ на Ширинскаго князя и на Крымскихъ людей товарища своего, воеводу Григорья Федорова сына Бутурлина, съ государевыми ратными людьми. И, милостію Божіею, а государевымъ счастіемъ, воевода Григорій Бутурлинъ съ государевыми ратными людьми Ширинскаго кня-

---

[138] Дополненія къ тому III-му Дворцовыхъ разрядовъ. Спб. 1854. столб. 307.

зя побилъ[139] и самого Ширинскаго князя взялъ и языки многіе поималъ и полонъ Руской, которой было Татаровя поимали, весь отбили, тысячъ съ двадцать»[140].

Царь Алексѣй Михайловичь, сохранявшій всю свою жизнь особенную вѣру въ силу предстательства преподобнаго Саввы Сторожевскаго, на другой же день по полученіи сеунча отъ князя Куракина, именно 20 января[141], удалился на благодатныя Сторожевскія горы, помолиться у раки Саввы чудотворца, по случаю избавленія царствующаго града отъ нашествія иноплеменныхъ.

Три дня спустя, въ Москву привезенъ былъ взятый въ бою Ширинскій князь, котораго у насъ называли такъ: «Ширинскій княжій сынъ, хановъ зять, мурза Катлушъ»[142].

По приказанію государя, знатный плѣнникъ былъ отданъ, за пристава, на дворъ

---

[139] «Въ Сѣвскомъ уѣздѣ на Пруткахъ» (Изборникъ Славянскихъ и Русскихъ сочиненій и статей, внесенныхъ въ хронографы Русской редакціи. Собралъ и издалъ Андрей Поповъ. М. 1869. стр. 249).

[140] Дополненія къ тому III-му Дворцовыхъ разрядовъ. Спб. 1854. столб. 306.

[141] Тамъ-же.

[142] Мальгинъ. Чиновникъ Россійскихъ государей. Спб. 1792. стр. 98.—Описаніе Крымскихъ хановъ (Древняя Россійская вивліоѳика. Изд. 2. Ч. XVI. М. 1791. стр. 241).

дворянину Давыду Корнильевичу Дерябину, что̀ бывалъ въ дьякахъ во Дворцѣ[143].

Ширинскіе князья принадлежали къ древнѣйшему и вліятельнѣйшему въ Крымскомъ юртѣ роду ШирInовъ. О знатности и высокомъ положеніи Ширинскихъ мурзъ можно судить по тому, что старѣйшій представитель ихъ, имѣвшій обыкновенно титулъ бея или князя, подобно хану, имѣлъ своего калгу и своего нурадина[144]. Ханы состояли въ союзѣ съ Ширинскими мурзами, которые во время войны слѣдовали со всѣми своими людьми при стремени хана, составляя его личную охрану[145]. Въ описываемое время, Ширинскіе мурзы, по родству съ ханомъ Мухаммедъ-Гиреемъ и вліянію на него, имѣли особенное значеніе и это отражалось на Крымской внѣшней политикѣ. Строго держась преданій старины, Ширины, въ виду ослабленія Польши и замѣтнаго возрастанія Московскаго государства, употребляли всѣ зависѣвшія отъ

---

[143] Дополненія къ тому III-му Дворцовыхъ разрядовъ. Спб. 1854. столб. 307.

[144] Вельяминовъ-Зерновъ. Изслѣдованія о Касимовскихъ царяхъ и царевичахъ. Т. II. Спб. 1863. стр. 416.

[145] Смирновъ. Крымское ханство подъ верховенствомъ Оттоманской порты. Спб. 1887. стр. 323 и 511.

нихъ мѣры къ поддержанію Польши. Василій Борисовичь Шереметевъ, въ одной отпискѣ къ государю писалъ, между прочимъ: «А что государь короля Польскова воюетъ, и о томъ умираетъ Ширинъ бей; онъ то дѣлалъ, что Магметъ-Гирей царь королю Польскому помогалъ»[146]. Въ этомъ дѣлѣ Ширинскимъ беемъ руководила именно завѣтная традиція Крымской политики, а вовсе не личное сочувствіе къ Польскому народу. Соперничество Польши и Московскаго государства, ихъ вѣковая тяжба изъ-за старыхъ земель, отбитыхъ у насъ въ годину Татарскаго ига, составляли всю силу Крымскаго хана, условіе самого существованія Крымскаго ханства. Нужно было не допускать Поляковъ и Русскихъ, одинаково ненавистныхъ Татарамъ, до преобладанія другъ надъ другомъ, всячески раздувать ихъ взаимныя недоразумѣнія, держать и тѣхъ и другихъ въ постоянной необходимости обращаться за помощью въ Крымъ. При такомъ положеніи дѣла Крымскіе ханы всегда имѣли возможность вмѣшиваться въ отношенія двухъ тяжущихся сто-

[146] Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ: Крымскія дѣла 1667 года. Связка 56/а. № 2.

ронъ, вступать въ союзъ то съ Москвою, то съ Польшею, смотря по тому, кто больше дастъ поминковъ, и въ то же время безпрестанно грабить то Московскую, то Польскую украйны и уводить оттуда сотни и тысячи христіанскаго народа. Такая политика тяготѣла надъ обоими государствами вплоть до паденія Польши. Съ прекращеніемъ тяжбы двухъ единоплеменныхъ государствъ, пало и Крымское ханство, жившее на счетъ этой тяжбы [147].

Но возвратимся къ Ширинскому бею, привезенному въ Москву. Плѣненіе такой важной особы Крымскаго юрта, зятя ханскаго, представляло новый случай къ освобожденію Шереметева. Почти навѣрное можно сказать, что оба плѣнника были бы обмѣнены другъ на друга. Но и тутъ не посчастливилось Василью Борисовичу. Ширинскій князь прожилъ въ Москвѣ всего десять дней. Онъ умеръ 3 февраля [148].

На другой день, 4 февраля, царь Алексѣй

---

[147] М. Н. Бережковъ: Русскіе плѣнники и невольники въ Крыму (Труды VI Археологическаго съѣзда въ Одессѣ. Т. II. Одесса. 1888. стр. 343).

[148] Дополненія къ тому III-му Дворцовыхъ разрядовъ. Спб. 1854. столб. 307.

Михайловичь праздновалъ чудотворцу Алексію, митрополиту Московскому, ангелу своего наслѣдника, царевича Алексѣя Алексѣевича. Память Святого Алексія празднуется 12 февраля, но такъ какъ въ томъ году это число пришлось въ великій постъ, то празднованіе перенесено было на 4 февраля. Въ этотъ день у государя былъ столъ въ Золотой палатѣ, а за столомъ сидѣли: царевичи Сибирскіе и Касимовскій, Крутицкій митрополитъ Питиримъ и прочія власти; при чемъ въ большой столъ смотрѣлъ стольникъ Никита Ивановичь Шереметевъ, а въ кривой столъ—стольникъ Иванъ Васильевичь Шереметевъ. Ту же самую придворную службу оба они исполняли и 17 марта, въ день ангела самого государя[149]. Ровно за недѣлю передъ тѣмъ, 11 марта, престарѣлый князь Григорій Семеновичь Куракинъ, вызванный изъ Сѣвска еще 31 января, былъ назначенъ воеводою въ Казань, а на его мѣсто указано «быть на государевѣ службѣ, отъ приходу Крымскаго хана, съ полкомъ въ Сѣвску», боярину и воеводѣ Петру Васильевичу Ше-

[149] Дополненія къ тому III-му Дворцовыхъ разрядовъ. Спб. 1854. столб. 310 и 323.

реметеву Большому[150]. Въ товарищи къ нему опредѣлены были: стольникъ Иванъ Андреевичь Полевъ и дьякъ Никифоръ Бакунинъ[151]. Объ этомъ назначеніи Шереметева, въ царской грамотѣ къ Стародубскому полковнику Петру Рославцу, отъ 25 апрѣля 1662 года, сказано было такъ: «Для приходовъ Крымскихъ и измѣнниковъ Заднѣпрскихъ Черкасъ на государевы Черкаскіе и украинные городы, велѣно быти въ Сѣвску боярину и воеводамъ Петру Васильевичу Шереметеву съ товарищи»[152].

Избраніе на постъ воеводы въ Сѣверскую Украйну такого способнаго человѣка и испытаннаго дипломата, каковымъ былъ Петръ Васильевичь Шереметевъ, а также распоряженіе о вступленіи въ Черкаскіе города Бѣлогородскаго воеводы князя Григорья Григорьевича Ромодановскаго съ государевыми «ратными многими людьми, съ конными и пѣшими»[153], явно указывали на рѣшимость

---

[150] Дополненія къ тому III-му Дворцовыхъ разрядовъ. Спб. 1854. столб. 322.

[151] Московскій архивъ министерства юстиціи: Дѣла Московскаго стола 1662 г. (Записная книга № 12. л. 147).

[152] Акты историческіе. Т. IV. Спб. 1842. № 167. стр. 322. столб. 2.

[153] Тамъ-же.

правительства пристальнѣе заняться Малороссіей. Казалось, что время къ тому было самое благопріятное. Со стороны Швеціи правительство обезпечило себя заключеніемъ съ нею въ Кардисѣ договора о вѣковѣчномъ мирѣ. Слова нѣтъ, миръ этотъ сто́илъ намъ довольно дорого: Шведамъ возвращены были всѣ завоеванные у нихъ Ливонскіе города. Но уступка эта избавляла насъ отъ худшаго зла—войны съ Швеціей, которая связала бы насъ по рукамъ и ногамъ.

Что же касается до Польши, то она находилась тогда въ состояніи полной анархіи. Разнузданные жолнеры поклялись не слушать ни короля, ни гетмановъ, пока имъ не выдадутъ заслуженнаго жалованья. На чрезвычайномъ сеймѣ, созванномъ 10 февраля 1662 года, въ Варшавѣ, депутаты бунтовавшихъ войскъ заговорили не объ одномъ только недоданномъ жалованьѣ, но уже и о преобразованіяхъ всего строя Рѣчи-посполитой. Бунтовщики, въ поддержку своихъ депутатовъ, оцѣпили Варшаву и не пускали сенаторовъ съ сейма, пока по тому или другому государственному вопросу не полагалось опредѣленіе, согласное съ желаніемъ войска.

Впрочемъ, Поляки, терзаемые домашними безпорядками, все еще были достаточно сильны, благодаря союзу съ Крымскими Татарами, которые, въ видахъ возстановленія нужнаго имъ равновѣсія двухъ государствъ,— ихъ кормильцевъ, учащали свои опустошительные набѣги на Московскую украйну именно въ то время, когда Польша, истощенная продолжительными войнами, изнемогала подъ бременемъ внутренней безурядицы и была не въ силахъ выступить на войну.

Правда, эти самыя войны истощили и насъ до полнаго денежнаго провала. Государственная казна опустѣла, брать налоги было уже не съ кого и не съ чего. Ратные люди, не получая жалованья, толпами бѣжали изъ полковъ. Торговля остановилась. Въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ, правительство, изыскивая способы поправить дѣло, остановилось на мѣрѣ, предложенной, какъ полагаютъ, окольничимъ Ѳедоромъ Михайловичемъ Ртищевымъ. Оно выпустило мѣдныя деньги съ нарицательною цѣнностію серебряныхъ. Сначала онѣ дѣйствительно и ходили, подобно ассигнаціямъ нашего столѣтія, какъ серебряныя. По словамъ Котоши-

хина, «ходили тѣ денги съ серебряными заровно, и возлюбили тѣ денги всѣмъ государствомъ, что всякіе люди ихъ за товары принимали и выдавали»[154]. Къ несчастію, «на Москвѣ и въ городахъ объявилися въ мѣдныхъ деньгахъ многія воровскія». По дешевизнѣ матеріала, поддѣлка представлялась дѣломъ чрезвычайно выгоднымъ и потому соблазнительнымъ. Курсъ на мѣдныя деньги быстро упалъ. Дошло до того, что за одинъ серебряный рубль надобно было давать двѣнадцать мѣдныхъ! Во многихъ мѣстностяхъ, преимущественно въ Малороссійскихъ городахъ, безусловно отказывались брать мѣдныя деньги. Настала небывалая дороговизна. Дѣло разразилось, наконецъ, извѣстнымъ бунтомъ въ Москвѣ. Но это печальное событіе случилось уже послѣ отъѣзда въ Сѣвскъ боярина Петра Васильевича Шереметева, который, будучи назначенъ на Сѣвское воеводство еще 11 марта 1662 года, былъ у государя на отпускѣ, у руки, лишь 4 іюля, въ тотъ самый день, когда государь получилъ изъ Малороссіи, отъ наказнаго гетмана Якима

[154] О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Изд. 2. Спб. 1859. стр. 82.

Сомка и лѣвобережныхъ полковниковъ отписку съ повторительною просьбою прислать, для обороны отъ непріятелей, ратныхъ людей. Черезъ два дня, 6 іюля, Шереметевъ выступилъ, наконецъ, въ Сѣвскъ, а вслѣдъ за тѣмъ, Сомка и полковниковъ извѣстили царскою грамотою, что «бояринъ Петръ Васильевичь Шереметевъ съ товарыщи, съ конными и пѣшими ратными людьми, отъ великаго государя, съ Москвы, въ украинные городы, для непріятельскихъ приходовъ, посланъ»[155].

Петра Васильевича сопровождали три приказа Московскихъ стрѣльцовъ съ ихъ головами: Иваномъ Дмитріевичемъ Зубовымъ, Владиміромъ Ѳедоровичемъ Скрябинымъ и Матвѣемъ Захаровичемъ Шишкинымъ[156]. Припомнимъ, что четыре года назадъ, Василья Борисовича Шереметева, при слѣдованіи его на воеводство въ Кіевъ, сопровождалъ только одинъ стрѣлецкій приказъ того же самаго Зубова. Уже одно то, что Петру Васильевичу назначили цѣлыхъ три

---

[155] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. V. Спб. 1867. стр. 119. столб. 2.

[156] Дополненія къ тому III-му Дворцовыхъ разрядовъ. Спб. 1854. столб. 341 и 342.

приказа, указываетъ на важность вновь возложеннаго на него порученія.

Въ описываемое время, Сѣвскъ съ уѣздомъ имѣлъ большое значеніе, между прочимъ, какъ сборный пунктъ ратныхъ людей, предназначаемыхъ, какъ для охраненія предѣловъ государства отъ набѣга Крымскихъ Татаръ, такъ и для поддержанія Малороссіянъ, оставшихся вѣрными царю. Сѣвскъ былъ главнымъ городомъ Сѣвскаго полка или разряда, точнѣе говоря, всей Сѣверской украйны или Сѣверщины, столь памятной по событіямъ Смутнаго времени. Если допустить, что предѣлы вѣданія провинціальныхъ столовъ Разряда вполнѣ соотвѣтствовали районамъ полковъ имъ подвѣдомственныхъ, то, судя по сохранившимся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи книгамъ Сѣвскаго стола, составлявшаго отдѣленіе Разряднаго приказа, въ составъ Сѣвскаго полка, кромѣ самого Сѣвска, входили слѣдующіе подвѣдомственные ему города: Болховъ, Брянскъ, Воротынскъ, Козельскъ, Карачевъ, Кромы, Курскъ, Мѣщовскъ, Мценскъ, Недрыгайловъ, Новгородъ-Сѣверскій, Обоянь, Орелъ, Почепъ, Путивль, Рославль,

Рыльскъ, Серпейскъ, Стародубъ, Трубчевскъ и даже Черниговъ. Приблизительно таковъ былъ районъ порученнаго Шереметеву воеводства. По приведенному перечню городовъ, Сѣвскій полкъ граничилъ: съ юго-востока съ Бѣлогородскимъ полкомъ, съ юга и юго-запада—съ райономъ Малороссійскаго приказа и Кіевскаго стола, съ сѣверо-запада — съ райономъ Смоленскаго приказа, съ сѣвера—съ райономъ Владимірской Четверти[157].

Если трудно опредѣлить съ точностію границы Сѣвскаго полка, то еще труднѣе обозначить предѣлы власти Петра Васильевича Шереметева, какъ Сѣвскаго воеводы. Къ сожалѣнію, данный ему наказъ не дошелъ до насъ. Несомнѣнно, однакоже, что ратное

---

[157] Профессоръ Загоскинъ, изъ превосходнаго изслѣдованія коего (Столы Разряднаго приказа, по хранящимся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи книгамъ ихъ. Казань. 1878) заимствованы нами перечень городовъ Сѣвскаго полка и опредѣленіе границъ послѣдняго (стр. 36), указываетъ на трудность составленія твердаго списка городовъ Сѣвскаго полка: «Постоянно встрѣчаемъ мы подвѣдомственными Сѣвскому столу лишь центральные города района Сѣвскаго полка; подвѣдомственность же городовъ, расположенныхъ по окраинамъ его района, подвергалась весьма замѣтнымъ колебаніямъ». Такъ, иногда города, входящіе въ составъ Бѣлогородскаго стола (Новосиль, Хотмыжскъ, Чернь и другіе), значатся въ книгахъ Сѣвскаго стола, и наоборотъ: города Сѣвскаго стола (Курскъ, Брянскъ, Рыльскъ, Черниговъ и другіе) упоминаются въ книгахъ Бѣлогородскаго стола, какъ подлежащіе вѣданію послѣдняго (стр. 25 и 36).

дѣло на всемъ пространствѣ полка было на полной отвѣтственности Шереметева и что онъ имѣлъ еще особыя полномочія по веденію дипломатическихъ переговоровъ, ибо, по посольскому обычаю, ему приданъ былъ почетный титулъ намѣстника Смоленскаго[158]. Ему поручено было отъ себя отписать въ государевы Черкасскіе городы, къ наказному атаману Сѣрку и къ полковникамъ: «Какія у нихъ вѣсти будутъ и о дѣлехъ учнутъ писать къ великому государю, и они бъ съ тѣми посланцы своими писали и къ нему, Шереметеву»[159]. За тѣмъ, по указу государя, Петру Васильевичу велѣно было въ городы, къ воеводамъ въ отпискахъ, и въ Сѣвску, къ осаднымъ воеводамъ въ памятехъ, и во всякихъ государевыхъ дѣлехъ, писать одно свое имя съ товарищи; а товарищевъ своихъ именъ писать не велѣть, чтобъ межъ ими въ томъ ссоры не было»[160].

---

[158] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. V. Спб. 1867. № 59.

[159] Тамъ-же.

[160] Московскій архивъ министерства юстиціи: Дѣла Московскаго стола. Записная книга 1662 г. № 12. л. 230.

ГЛАВА XIII.

Городъ Сѣвскъ, мѣсто новаго служенія Петра Васильевича Шереметева, расположенъ былъ, какъ и теперь, на лѣвомъ высокомъ берегу рѣки Сѣвы, при впаденіи въ нее рѣчки Марицы. Надъ всѣмъ господствовали два острога, большой и малый, срубленные, по обыкновенію, изъ дубоваго лѣса. Большой острогъ высился на крутомъ мысу, между Сѣвой и Марицей[161]. Можетъ-быть, тамъ былъ и воеводскій дворъ, а также разрядная изба, составлявшая мѣстную особенность. До сихъ поръ извѣстно, что такія избы были еще только въ Бѣлгородѣ, Курскѣ, Кіевѣ и Твери[162]. Въ пору назначенія въ Сѣвскъ

[161] Щекатовъ. Словарь географическій Россійскаго государства. М. 1807. Ч. 5. столб. 1286.

[162] Н. Н. Оглоблинъ. Обозрѣніе историко-географическихъ матеріаловъ XVII и начала XVIII вв., заключающихся въ книгахъ Разряднаго приказа. М. 1884. стр. 3.

Петра Васильевича Шереметева, Сѣвскіе остроги, вѣроятно, были уже очень ветхи, ибо, двѣнадцать лѣтъ спустя, въ 1674 году, вынуждены были разобрать ихъ и «по городовой старой осыпи» воздвигнуть новыя укрѣпленія со всѣми новѣйшими усовершенствованіями[163]. Сѣвскъ находился на торномъ пути изъ Москвы въ пограничный городъ Путивль, и его большая улица, едва-ли не единственная въ то время, въ актахъ такъ и называлась «большою Путивльскою проѣзжею Московскою улицею»[164]. Отъ Москвы считалось 515 верстъ, отъ Путивля — всего 85 верстъ.

Настойчивая просьба наказнаго гетмана Сомка и полковниковъ о присылкѣ ратныхъ людей, конечно, ускорила отпускъ Шереметева изъ Москвы. Къ отъѣзду его не успѣли приготовить, ни наказа, ни списка назначенныхъ съ нимъ на службу дворянъ и дѣтей боярскихъ. И то, и другое было выслано къ Петру Васильевичу уже потомъ, въ Сѣвскъ,

---

[163] Дополненія къ актамъ историческимъ. Т. IX. Спб. 1875. стр. 248. столб. 2.

[164] Н. Н. Оглоблинъ. Обозрѣніе историко-географическихъ матеріаловъ XVII и начала XVIII вв., заключающихся въ книгахъ Разряднаго приказа. М. 1884. стр. 51. столб. 1.

съ стольникомъ Михаиломъ Ивановичемъ Глѣбовымъ[165]. Да и прочія распоряженія о снабженіи Шереметева всѣмъ необходимымъ по воеводскому положенію, начиная съ опредѣленія содержанія товарищамъ Сѣвскаго воеводы и ратнымъ людямъ, дѣлались уже по выступленіи его изъ Москвы. Даже указы въ города о высылкѣ въ Сѣвскъ, въ полкъ Шереметева, «Московскихъ чиновъ людей и городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ и иныхъ чиновъ служилыхъ людей», посланы были лишь 19 августа. Товарищамъ Шереметева велѣно было дать въ Сѣвскѣ государева жалованья, всякихъ хлѣбныхъ запасовъ, въ Московскую таможенную мѣру: стольнику Полеву 40 четвертей, а дьяку Бакунину 10 четвертей. Дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ разныхъ городовъ, назначеннымъ въ полкъ Петра Васильевича, государь велѣлъ дать своего государева жалованья по 50 рублей каждому. Пожалованную на этотъ предметъ денежную сумму, въ количествѣ 30.000 рублей, тоже выслали уже потомъ, прямо въ Сѣвскъ. Въ Большой Приходъ послана была

---

[165] Дополненія къ тому III-му Дворцовыхъ разрядовъ. Спб. 1854. стр. 347. столб. 1.

изъ Разряда память объ отпускѣ въ полкъ, къ боярину и воеводамъ Петру Васильевичу съ товарищи, десяти стопъ писчей бумаги. 12 іюля, по указу государя, отправлены къ нему же, въ Сѣвскъ, «четыре знамени камчатныхъ да пятьдесятъ знаменъ дорогильныхъ, розные цвѣты». Всѣ эти знамена, возвращенныя въ Разрядъ прежнимъ Сѣвскимъ воеводой, княземъ Григорьемъ Семеновичемъ Куракинымъ, выданы были теперь подъ роспись подъячему Исаю Иванову, которому приказано доставить ихъ въ Сѣвскъ и самому остаться тамъ, «для письма»[166]. Сохранилось описаніе изображеній на большомъ воеводскомъ знамени, бывшемъ на службѣ въ Сѣвскѣ съ бояриномъ Петромъ Васильевичемъ Шереметевымъ: «Спасовъ Образъ, на престолѣ сидящій; писанъ по желтой камкѣ; въ моленіи—Сергій и Никонъ»[167].

Петръ Васильевичь Шереметевъ слѣдовалъ къ мѣсту своей службы весьма медлен-

---

[166] Московскій архивъ министерства юстиціи: Дѣла Московскаго стола (Записная книга 1662 г. № 12. лл. 196, 197 на оборотѣ, 202, 221, 226, 228.

[167] Древности Россійскаго государства, дополненіе къ III отдѣленію: Русскія старинныя знамена, соч. Лукіана Яковлева. М. 1865. въ Приложеніяхъ, стр. 9. столб. 1. № 101.

но, съ продолжительными остановками и распросами относительно появившагося въ Сѣвскомъ уѣздѣ конскаго падежа, о которомъ было уже извѣстно и въ Москвѣ. Въ государевой грамотѣ, посланной Шереметеву 29 іюля, читаемъ: «Вѣдомо великому государю учинилось, что въ Сѣвску, въ слободахъ и въ Комарицкой волости, во многихъ селехъ и въ деревняхъ, лошади падутъ пострѣломъ». Шереметеву велѣно было «въ Сѣвескъ послать про конской падежъ провѣдать мотчею; и будетъ въ Сѣвску и въ Сѣвскомъ уѣздѣ конской падежъ есть, и ему въ Сѣвескъ ходить не велѣно; съ ратными людьми сбираться въ Бѣлевѣ. А будетъ въ Сѣвску и въ Сѣвскомъ уѣздѣ конскаго падежу нѣтъ, и ему велѣно, по прежнему государеву указу, итти въ Сѣвескъ и съ ратными людми збираться и быть въ Сѣвску до государева указу»[168].

На дорогѣ же, Карачевскій пушкарь Петрушка Клестовъ вручилъ Петру Васильевичу Шереметеву другую царскую грамоту, которая должно-быть очень смутила его своимъ содержаніемъ. Въ грамотѣ этой, подписанной

[168] Московскій архивъ министерства юстиціи: Дѣла Московскаго стола (Записная книга 1662 г. № 12. л. 214 на оборотѣ).

26 числомъ іюля, возвѣщалось, для объявленія всякихъ чиновъ людямъ Сѣвскаго полка, о событіяхъ въ Москвѣ памятнаго дня 25 іюля 1662 года, сильно огорчившихъ государя. «Въ нынѣшнемъ во 170 году, іюля въ 25 день,— гласитъ грамота, — въ нашемъ царствующемъ градѣ Москвѣ, собрався воры розныхъ чиновъ, худые людишка, учинили мятежъ и учали было домы грабить, а иные пришли къ намъ, великому государю, въ село Коломенское, и учели бить челомъ съ большимъ невѣжствомъ. А наши, великаго государя, всякихъ чиновъ ратные и торговые и земскіе люди къ тому ихъ воровству никто не пристали, и... били челомъ намъ, великому государю, въ селѣ Коломенскомъ,.. всякихъ чиновъ служилые люди.... чтобъ мы, великій государь, пожаловали ихъ, указали тѣхъ воровъ и мятежниковъ переимать, чтобъ тѣ воры бо̀льшаго дурна не учинили. И мы, великій государь, видя ихъ воровство, и по челобитью нашихъ царскаго величества бояръ и думныхъ людей (и такъ далѣе), велѣли тѣхъ воровъ, которые приходили къ намъ, великому государю, съ невѣжствомъ, и которые на Москвѣ учали было грабить, переимать, и

за ихъ воровство пущихъ воровъ и заводчиковъ казнить смертью, а инымъ чинить жестокое наказанье безъ пощады и сослать въ дальные городы, на вѣчное житье»[169].

Московскій бунтъ, какъ мы уже объясняли, вызванъ былъ денежнымъ разстройствомъ, породившимъ страшную дороговизну и голодъ. Простонародье одинаково негодовало, и на купцовъ, воспользовавшихся общественнымъ бѣдствіемъ для своей наживы, и на ближнихъ людей царя, именно на Милославскихъ и Ѳедора Михайловича Ртищева, которыхъ считали виновниками перемѣнъ въ денежномъ дѣлѣ. Этихъ лицъ даже заподозривали въ сношеніяхъ съ Польскимъ королемъ. «Царствующаго града народное множество людей,—говоритъ лѣтописецъ,—по дѣйству діаволю, возмутися и многи домы купецкихъ людей пограбиша и въ походъ къ великому государю, въ село Коломенское, многолюдно и безчинно, обезстрашевъ, бить челомъ ходили, будто на измѣнниковъ его цар-

[169] Московскій архивъ министерства юстиціи: Дѣла Московскаго стола (Записная книга 1662 г. № 12. л. 208). Грамота эта дословно напечатана въ Полномъ собраніи законовъ Россійской имперіи. Собраніе 1, т. I. Спб. 1830. № 325; а также въ Собраніи государственныхъ грамотъ и договоровъ. Ч. 4. М. 1828. № 23.

скаго величества на ближнихъ людей, на кого въ томъ и помыслить невозможно, и тѣмъ своимъ неистовымъ безстрашіемъ великаго государя на гнѣвъ привели, и указалъ ихъ государь многихъ казнить смертью, а иныхъ сослать въ ссылку»[170].

Мирное село Коломенское представляло страшное зрѣлище: на глазахъ благодушнаго царя, больше семи тысячъ мятежниковъ были изрублены и переловлены стрѣльцами; человѣкъ сто и больше, спасаясь отъ меча, бросались въ Москву-рѣку и тамъ находили свою могилу. Изъ оставшихся въ живыхъ, полтораста человѣкъ были вздернуты на висѣлицы, поставленныя вокругъ села; прочихъ топили, пытали, жгли; у нѣкоторыхъ клеймили на правой щекѣ раскаленымъ желѣзомъ «буки», сирѣчь «бунтовщикъ», для того, чтобы «были до вѣку признатны»[171].

Московскій бунтъ былъ грознымъ предвозвѣстіемъ грядущихъ бѣдъ. Говорили о ка-

---

[170] Изборникъ Славянскихъ и Русскихъ сочиненій и статей, внесенныхъ въ хронографы Русской редакціи. Собралъ и издалъ Андрей Поповъ. М. 1869. стр. 250.

[171] Котошихинъ. О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Изд. 2. Спб. 1859. стр. 85.—Соловьевъ. Исторія Россіи. Т. XI. Спб. 1861. стр. 271. — А. Корсаковъ. Село Коломенское. М. 1870. стр. 23.

кихъ-то загадочныхъ листахъ и подстрекателяхъ. Еле показавшійся огонь былъ не потушенъ, а скрылся подъ пепломъ. Постепенно раздуваемый, онъ воспрянулъ, наконецъ, бурнымъ всесокрушающимъ пламенемъ, ярко освѣтивъ зловѣщимъ заревомъ послѣдніе годы царствованія Алексѣя Михайловича. Но, до этого было еще далеко. Противуобщественные элементы, загнѣздившіеся на Дону, были отвлекаемы отъ своего разрушительнаго дѣла борьбою съ Крымцами, которые, сами того не вѣдая, съ году нагодъ отодвигали нависшее надъ нами бѣдствіе. По обстоятельствамъ, наше правительство, какъ мы видѣли, даже помогало Донскимъ казакамъ, договаривалось, считалось съ ними, и тѣмъ самымъ какъ-бы узаконяло ихъ антиправительственную вольницу. Но что же было дѣлать, когда въ то время Донскіе казаки, съ ихъ беззавѣтною удалью, являлись для насъ единственнымъ дѣйствительнымъ средствомъ вредить Крымцамъ, пріудерживать ихъ отъ бѣдственныхъ набѣговъ на южно-Русскую Украйну. Мухаммедъ-Гирей царь вынужденъ былъ самъ ходить съ войскомъ подъ Азовъ, смирять Дон-

цовъ, отваживать ихъ отъ морскихъ наѣздовъ на Турецкія и Крымскія мѣста, приводившихъ въ трепетъ окрестное населеніе.

Изъ-подъ Азова, ханъ возвратился въ Бахчисарай 6 февраля 1662 года, а 13 февраля Василья Борисовича Шереметева «изъ Жидовскаго городка, въ ночи, оковавъ, въ телѣгѣ, возили къ Акъ-Мечети», въ нынѣшній Симферополь, постоянное мѣстопребываніе калги-султана. Объ этой таинственной ночной поѣздкѣ Шереметева къ первому сановнику Крымскаго юрта, сообщали въ Москву наши посланники Иванъ Даниловичъ Опухтинъ и Ѳирсъ Ѳедоровичъ Байбаковъ, которыхъ все еще не выпускали изъ Крыма. Они, попрежнему, содержались въ древней крѣпости Мангупѣ, расположенной на неприступной скалѣ, въ 50 верстахъ отъ Акъ-Мечети. Лишь послѣ упомянутой поѣздки Шереметева къ калгѣ, посланникамъ объявили, наконецъ, что ихъ отпустятъ въ Москву. 28 апрѣля ихъ вывели изъ Мангупа на станъ къ нашимъ постояннымъ посламъ при ханѣ, дворянину Якову Ивановичу Якушкину и подъячему Гаврилѣ Михайлову. При этомъ Опухтину и Байбакову возвратили отобран-

ныя у нихъ оружіе и рухлядь, но въ какомъ видѣ, можно судить по слѣдующему показанію посланниковъ: «А отобранное ружье и всякую рухлядь отдали переломану и то не всю; многая распропала и у сабель и у лядунокъ поясы и оправы обрѣзаны»[172].

Таково было первое дѣйствіе обычнаго обряда отпуска Русскихъ пословъ и посланцевъ изъ Крыма. Далѣе слѣдовали, такъ называемые, «разговоры» у главнаго аги, Крымскаго верховнаго визиря.

На седьмомъ «разговорѣ», происходившемъ 16 іюля, ближній человѣкъ Сеферъ-Гази-ага сказалъ Опухтину и Байбакову: «Присланы отъ великаго государя гонцы; васъ отпустимъ и во всемъ радѣть станемъ; а какъ грамоты выслушаемъ, и велимъ къ себѣ быть боярину Василью Шереметеву и вамъ, посланникамъ, вмѣстѣ, и отвѣтъ на все учинимъ». Въ заключеніе, ага велѣлъ имъ повидаться съ Васильемъ Борисовичемъ. «И мы—пишутъ посланники—были у боярина, въ Жидовскомъ городкѣ, того жъ числа»[173].

---

[172] Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ: Крымскія дѣла. 1659—1663 г. Связка 54/а. № 3.

[173] Тамъ-же.

24 іюля, Опухтина и Байбакова вызвали къ Сеферъ-Гази-агѣ, на рѣчку Качу. Они вошли въ съѣзжій шатеръ ближняго царева человѣка вмѣстѣ съ послами Яковомъ Ивановичемъ Якушкинымъ и Гаврилой Михайловымъ. Аги не было въ шатрѣ. Тамъ сидѣли: бояринъ Василій Борисовичь Шереметевъ и размѣнный князь Маметша Сулешевъ. Черезъ нѣсколько времени, вошелъ Сеферъ-Гази-ага и послѣ «поздравленья», обратился къ собравшимся съ такими словами: «Царскую великаго государя грамоту мы выразумѣли, и сверхъ грамоты, словесный приказъ къ вамъ есть ли? А мы писали къ великому государю о трехъ статьяхъ, и въ грамотѣ отписано не противъ нашего хотѣнья; а писано къ вамъ, и о дѣлехъ велѣно говорить боярину Василью Борисовичу, что онъ человѣкъ честнòй, и вамъ, посланникамъ, вмѣстѣ. И чтò у васъ дѣлъ есть, объявляйте».

На это Шереметевъ сказалъ: «Милостію Божіею и великаго государя нашего жалованьемъ, я, Василій, бояринъ; а ужъ изволеніемъ Божіимъ, за вѣроломствомъ Польскихъ гетмановъ и за нарушеніемъ шерти нурадина царевича, взятъ я въ Крымъ въ вязни, и

о дѣлехъ великаго государя нашего, безъ указу, говорить мнѣ нельзѣ; а велѣно о государевыхъ дѣлехъ говорить дворянамъ Ивану Опухтину да Якову Якушкину съ товарищи, и вамъ бы, ближнимъ людямъ, въ томъ меня не неволить».

— «И сами мы то знаемъ, — промолвилъ Сеферъ-Гази-ага,—что ты, бояринъ, вязень, и говорить тебѣ неволею не заставливаемъ; а что́ посламъ велѣно говорить, и то бъ они объявили».

Опухтинъ и Якушкинъ, съ своей стороны, просили агу объявить имъ, о какихъ именно статьяхъ писалъ ханъ къ великому государю.

Ага отвѣчалъ: «Первая статья о мирѣ съ Польскимъ королемъ, другая — о Запорожскихъ Черкасахъ, чтобъ за нихъ не стояли, третья—о Донскихъ казакахъ».

Опухтинъ и Якушкинъ отвѣтили, что имъ наказано говорить о дружбѣ, по старому, а объ остальномъ пусть сносятся съ самимъ великимъ государемъ.

Ага началъ выходить изъ себя. Послушайте же — сказалъ онъ — и моихъ словъ: «Государь вашъ великъ и государство Московское пространно; только бы тебѣ, боя-

рину (обращаясь къ Василью Борисовичу), слова мои были не досадны, что̀ я стану говорить».

Сеферъ-Гази-ага отличался вызывающею дерзостью[174]. Василій Борисовичь хорошо зналъ это и, можетъ-быть, уже не разъ останавливалъ агу, чѣмъ и объясняется, что тотъ обратился къ нему, какъ-бы съ извиненіями.

Шереметевъ, не стѣсняясь своимъ подневольнымъ положеніемъ, съ горячностью заявилъ агѣ: «Хотя я у васъ въ Крымѣ и въ вязняхъ, а если учнешь говорить непригожія слова про великаго государя нашего, и мнѣ будетъ за его государскую честь стоять и говорить, хотя здѣсь въ шатрѣ умереть, а не молчать».

— «Да я и не стану говорить тебѣ, боярину, а стану говорить посланникамъ».

Опухтинъ и Якушкинъ, одушевляемые примѣромъ доблестнаго боярина, тоже сказали агѣ: «Хочешь ты намъ рѣчь износить про великаго государя нашего, и если станешь говорить непристойныя слова про государскую честь, и мы вамъ молчать не будемъ;

---

[174] В. Д. Смирновъ. Крымское ханство подъ верховенствомъ Отоманской порты. Спб. 1887. стр. 567.

а великаго государя нашего Богъ одарилъ умомъ, и разумомъ, и дородствомъ, и храбростію, и ко всѣмъ людямъ милостію».

Разумѣется, переговоры кончились ничѣмъ. Опухтинъ нашелъ, однако, возможнымъ въ заключеніе всего заявить агѣ, что когда его съ товарищемъ отпустятъ изъ Крыма, то чтобы сказали имъ про окупъ боярина Василья Борисовича и всѣхъ полоняниковъ, дабы имъ про то царское величество извѣстить. «Отъ царскаго величества—говорили посланники — отпущены съ Москвы, въ четырехъ посылкахъ, къ Мухаммедъ-Гирею царю, Татаровя знатные люди безъ окупу и безъ мѣны; такожъ бы и Мухаммедъ-Гирей царь велѣлъ къ царскому величеству отпустить, для начинанія братскія дружбы и любви, дворянъ знатныхъ людей».

Безъ малаго мѣсяцъ спустя, 22 августа, на нашъ посольскій станъ пріѣхалъ размѣнный князь Маметша Сулешевъ, «говорить о государевыхъ дѣлехъ, на чемъ бы ихъ въ совершеніе привести». Опухтинъ и Байбаковъ, потерявъ всякую надежду на успѣшный исходъ переговоровъ, прямо сказали размѣнному князю, что если ближній человѣкъ Се-

феръ-Гази-ага послужитъ въ этомъ дѣлѣ великому государю, то будетъ ему государево жалованіе 2000 ефимковъ, а ему князю, 500 ефимковъ.—«А есть ли у васъ тѣ ефимки?» —Посланники отвѣтили: «Здѣсь намъ ефимковъ взять негдѣ; а если ага государей въ дружбу и любовь приведетъ, и тѣ ефимки ему съ гонцами пришлютъ».

Князь Маметша Сулешевъ передалъ весь этотъ разговоръ агѣ. Тотъ призвалъ посланниковъ Опухтина и Байбакова и на-отрѣзъ сказалъ имъ: «Только вы барабашенковъ[175] не отступитесь, государевымъ дѣламъ въ совершеньи не быть; не возьмемъ и пяти сотъ тысячъ ефимковъ»[176].

---

[175] Такъ называли тогда въ Крыму казаковъ.

[176] Московскій архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ: Крымскія дѣла 1659—1663 г. Связка 54/а. № 3.

ГЛАВА XIV.

Рѣшительное слово, сказанное Сеферъ-Гази-агой относительно барабашенковъ, во всякомъ случаѣ было искренно. Онъ былъ изъ тѣхъ, которые были дѣйствительно убѣждены въ томъ, что въ тяжбѣ изъ-за Малороссіи, правда была на сторонѣ Польши. Ага и прежде въ разговорахъ съ царскими посланниками прямо высказывалъ требованіе, чтобы «великій государь чужихъ государствъ не доступалъ, владѣлъ бы своимъ и учинилъ рубежъ, по-прежнему»[177]. А въ письмахъ къ Московскому правительству, съ свойственною ему рѣзкостію, корилъ Московскаго царя въ томъ, что «онъ на много странъ простеръ руку», что «ему не слѣдъ вмѣшиваться

[177] Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ: Крымскія дѣла 1659—1663. Связка 54/а. № 3.

въ Польскія и казацкія владѣнія» и что онъ напрасно величаетъ себя «государемъ восточнымъ и западнымъ, ибо на западѣ есть еще семь подобныхъ ему христіанскихъ вѣнценосцевъ, а большинство странъ восточныхъ подвластны падишаху Османскому»[178].

Въ сущности таковъ былъ взглядъ и прочихъ ближнихъ людей Крымскаго хана. Очевидно, ихъ страшило возраставшее могущество Московскаго государства. Они напрягали всѣ свои силы къ поддержанію Польши, чтобы тѣмъ самымъ ослабить Москву. И дѣйствительно, въ то время, отписки боярина Петра Васильевича Шереметева изъ Сѣвска были наполнены извѣстіями объ опустошеніяхъ, производимыхъ Татарами на лѣвомъ берегу Днѣпра. Отъ 16 августа 1662 года, онъ писалъ, что «Татаровя и измѣнники Черкасы около Лубенъ, Лохвицъ и Гадяча воевали, жгли, били и въ полонъ брали». Отъ 22 сентября: «Крымцы Карачъ-бей и Ширинъ-бей, на сей сторонѣ Днѣпра, около Переяславля и иныхъ Черкасскихъ городовъ, воевали, многихъ людей побили и пои-

[178] В. Д. Смирновъ. Крымское ханство подъ верховенствомъ Отоманской порты. Спб. 1887. стр. 567.

мали»[179]. Чѣмъ дальше, тѣмъ тревожнѣе были вѣсти. Шереметевъ, не ограничиваясь тѣми извѣстіями, которыя, въ силу государева указа, доставляли ему изъ Малороссіи казацкіе полковники, посылалъ туда и своихъ рейтаръ, «для провѣдыванья вѣстей» у царскихъ воеводъ въ Кіевѣ, Переяславлѣ и Нѣжинѣ. По этимъ посылкамъ, 20 декабря, Шереметевъ получилъ изъ Кіева, отъ думнаго дворянина Ивана Ивановича Чаадаева, изъ Переяславля—отъ князя Василья Волконскаго и изъ Нѣжина — отъ князя Семена Шаховскаго, извѣстія, сводившіяся къ тому, что Татары «многіе прибылые люди пришли въ измѣнничьи Черкасскіе Заднѣпрскіе городы» къ находившимся уже тамъ съ десятитысячнымъ войскомъ Крымскимъ султанамъ: Селимъ-Гирею и Мехметъ-Гирею; что Хмельницкій писалъ во всѣ Черкасскіе Заднѣпрскіе города, чтобы готовились съ запасами и, не мѣшкавъ, собирались итти войною на государевы Черкасскіе и украинные города, какъ только придутъ Поляки, въ числѣ 18.000, и что послѣдній срокъ выступленія

[179] Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ: Крымскія дѣла 1658—1665. Связка № 53.

въ походъ назначенъ Хмельницкимъ и султанами въ Богоявленьевъ день 1663 года. Царскіе воеводы въ Малороссіи, въ свою очередь, собирали вѣсти, бо̀льшею частію, черезъ торговыхъ людей. Одинъ изъ послѣднихъ сообщилъ, что Хмельницкій, чтобы закрѣпить дружбу съ Татарами и удержать ихъ, поднесъ султану мису червонныхъ золотыхъ[180].

Поляки, ободряемые поддержкой Крымцевъ, и слышать не хотѣли о перемиріи съ Россіей. Стольникъ Нестеровъ, котораго посылали въ Варшаву съ предложеніемъ перемирія на время мирныхъ переговоровъ, возвратился въ Москву съ рѣшительнымъ отвѣтомъ Польскихъ сенаторовъ, что перемирія не будетъ[181].

Въ тревожныхъ ожиданіяхъ новой ожесточенной войны проходилъ 1662 годъ, наиболѣе тяжкій для Василья Борисовича Шереметева и для всѣхъ прочихъ Крымскихъ вязней. Татары вымещали свои неудачи въ Сѣверской Украйнѣ не только на нихъ, но и

---

[180] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. VII. Спб. 1872. № 120.

[181] Соловьевъ. Исторія Россіи. Т. XI. Спб. 1861. стр. 165.

на царскихъ посланцахъ, которыхъ произвольно задерживали въ Крыму, подвергая ихъ всевозможнымъ оскорбленіямъ. Примѣромъ сему могутъ служить Опухтинъ и Байбаковъ. Первый изъ нихъ такъ и не дождался отпуска. Въ посольскомъ статейномъ спискѣ читаемъ: «Сентября 17 дня (1662 года), въ ночи, Ивана Опухтина не стало; лежалъ долгое время». Товарищъ усопшаго, Байбаковъ, 26 октября, опять «былъ на разговорѣ, у ближняго человѣка, объ отпускѣ». Онъ просилъ, чтобы этотъ «отпускъ былъ честенъ, быть бы ему у царя, у калги и нурадина и съ бояриномъ Васильемъ Борисовичемъ видѣться бы, и чтобъ тѣло Опухтина свезти ему на Русь».

Сеферъ-Гази-ага отвѣчалъ: «Отпускъ тебѣ будетъ, съ бояриномъ увидишься; а тѣло везти по степи теперь нельзя, проѣздъ тѣсенъ и телѣгѣ быти непристойно; а быть бы ему до размѣны».

Байбаковъ: — «Нужный путь Богъ правитъ; только ты, ближній человѣкъ, къ Ивану и по смерти добродѣтель учини: тѣло его не оставь, позволь мнѣ его вывезти».

Ага: «Мнѣ тебя жъ жаль, также и своихъ

гонцовъ, чтобъ отъ телѣжнаго слѣду головы ваши не погибли».

Байбаковъ:—«Безъ Божіей воли ничто не чинится; а будетъ по вѣстямъ никоими мѣрами Иванова тѣла въ телѣгѣ на степь везти нельзя, и я велю сдѣлать носилки и повеземъ на верховыхъ лошадяхъ, а для того возмемъ запасныя лошади».

Ага: «Какъ знаешь, будетъ запасныя лошади есть, и ты повези».

27 октября, Байбаковъ былъ наконецъ у хана на отпускѣ. Пріемъ происходилъ въ саду. Мухаммедъ-Гирей сидѣлъ въ креслахъ, на «чистомъ мѣстѣ», неподалеку отъ шатра. Всѣ ближніе люди стояли кругомъ, а подлѣ царева мѣста стояло пять человѣкъ въ пансыряхъ, потому,—поясняется въ статейномъ спискѣ,—что царь изготовился ѣхать въ поле, тѣшиться». На Байбакова надѣли два кафтана: одинъ предназначенъ былъ покойному Опухтину, другой—ему лично.

7 декабря, Байбаковъ былъ въ Жидовскомъ городкѣ, у боярина Василья Борисовича Шереметева. Объ этомъ свиданіи, въ статейномъ спискѣ Байбакова записано такъ: «Бояринъ билъ челомъ великому государю

со слезами, чтобы пожаловалъ, для своего государскаго многолѣтняго здоровья, велѣлъ его окупить, какъ ему, милосердому великому государю, Богъ извѣститъ; а кромѣ-де Бога и великаго государя, помощи ниоткуды не имѣетъ»[182].

Василій Борисовичь не забывалъ и своихъ сотоварищей по плѣну, дѣлая все, что отъ него зависѣло, для ихъ искупленія, и въ этомъ случаѣ высказывалось все благородство его души. Онъ близко видѣлъ страданія плѣнныхъ соотечественниковъ, своихъ сподвижниковъ, особенно тѣхъ, которые томились вмѣстѣ съ нимъ въ Жидовскомъ городкѣ. Положеніе этихъ несчастныхъ было ужасно, въ полномъ смыслѣ этого слова. Какъ было сто лѣтъ назадъ, такъ и теперь, военно-плѣнные почитались у Татаръ невольниками. «Тѣхъ, которые были по-сильнѣе, если не дѣлали кастратами, то клеймили на лбу и на щекахъ, и связанныхъ или скованныхъ мучили днемъ на работѣ, ночью — въ темницахъ. Жизнь ихъ поддерживалась небольшимъ количествомъ пищи, состоявшей изъ мяса дохлыхъ

[182] Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ: Крымскія дѣла 1659—1663 г. Связка 54/а. № 3.

животныхъ, гнилого, покрытаго червями, отвратительнаго даже для собакъ»[183]. Шереметевъ писалъ государю въ томъ же 1662 году: «А нынѣ твоихъ, великаго государя, людей моего полку рейтаръ и стрѣльцовъ Московскихъ и солдатъ и драгуновъ со мною, холопомъ твоимъ, въ Жидовскомъ городкѣ, мучатся и погибаютъ человѣкъ съ сорокъ. И Татарове и Жиды людей твоихъ, великаго государя, почели продавать на каторги, а многихъ и распродали, а иные бусурманятся бояся каторги[184]. Яковъ Якушкинъ въ окупахъ не ручается, Татаромъ и Жидомъ отказываетъ. И я, холопъ твой, видя отъ твоихъ, великаго государя, людей плачъ и слезы, и погибель ихъ великую, а отъ слабыхъ людей отлученія отъ христіанскія вѣры, что они, бояся каторгъ, бусурманятся, говорю я Жи-

---

[183] Михалонъ Литвинъ. О нравахъ Татаръ, Литовцевъ и Москвитянъ (По извлеченіямъ изъ этого сочиненія, напечатаннымъ въ Архивѣ историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи. Книги второй, половина 1. М. 1854. Отдѣл. V. стр. 21).

[184] Ка̀торга = мореходное гребное судно, гале́ра. Плѣнные, попадавшіе на Турецкую галеру или каторгу, приковывались цѣпями къ скамейкамъ. Тяжелыми веслами они приводили въ движеніе галеру, вдоль которой расхаживалъ ключникъ галерскій и ударами бича возбуждалъ послѣднія силы невольниковъ (Бережковъ. Русскіе плѣнники и невольники въ Крыму. Труды VI Археологическаго съѣзда въ Одессѣ. Т. II. Одесса. 1888 г. стр. 353).

домъ и ручаюся по твоихъ, великаго государя, людехъ для тово, чтобъ твои, великаго государя, люди не пропадали и на каторги ихъ Жиды не продавали, а иные, бояся каторги, не бусурманились. А окуповъ Жиды хотятъ за твоихъ, великаго государя, людей, которые въ Жидовскомъ городкѣ, небольшихъ: за лутчихъ людей больши дву сотъ рублевъ не просятъ. И видя погибающихъ людей твоихъ, великаго государя, а братью свою, православныхъ христіанъ, мнѣ, холопу твоему, надѣяся на твою милость, не ручаться по нихъ нельзя будетъ мнѣ. Непріятели вѣрить будутъ мнѣ. Голова моя убогая такъ ненадобна, какъ твои, великаго государя, люди, видя къ тебѣ, великому государю, службу ихъ и кровь. И въ томъ твоя, великаго государя, воля. Милости у тебя, великаго государя, прошу, умилосердися надъ погибающими и безпомошными холопи своими, какъ тебѣ, великому государю, Богъ извѣститъ. А окромѣ Бога и тебя, у бѣдныхъ и у безпомошныхъ холопей твоихъ помошника никово нѣтъ. Все упованіе у бѣдныхъ и у безнадежныхъ холопей твоихъ на Бога и на твою великую милость и на твое, великаго государя,

жалованія. А окромѣ Бога и твоей, великаго государя, милости, бѣдныхъ и безнадежныхъ призрить и избавить отъ бѣдъ некому»[185].

Татары и Жиды вѣрили въ силу ручательства Шереметева. Послѣдній это зналъ и никому не отказывалъ въ своей порукѣ, не смотря даже на то, что ему извѣстно было, что выкупленіе изъ плѣна его лично затрудняли, между прочимъ, эти самые плѣнные соотечественники, внушавшіе Татарамъ, что если Шереметевъ будетъ отпущенъ, то послѣ того не будетъ, ни размѣна, ни окупа остальныхъ плѣнныхъ[186].

Къ отъѣзду Байбакова, Василій Борисовичь подготовилъ освобожденіе изъ плѣна двухъ взятыхъ съ нимъ ротмистровъ Ларіона Зыкова и Исая Бѣленихина. За каждаго изъ нихъ потребовали окупныхъ 300 рублей. Зыковъ, за порукою Шереметева, занялъ эти деньги въ Крыму, а за Бѣленихина Василій Борисовичь поручился, что его окупныя деньги будутъ высланы изъ Москвы. Понятное

---

[185] Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ: Крымскія дѣла 1666 г. Связка 56/а. № 2.

[186] М. Н. Бережковъ. Русскіе плѣнники и невольники въ Крыму (Труды VI Археологическаго съѣзда въ Одессѣ. Т. II. Одесса. 1888. стр. 366).

дѣло, Шереметевъ, для поддержанія довѣрія у Татаръ и Жидовъ къ своей порукѣ, наблюдалъ за точнымъ исполненіемъ обязательствъ, утвержденныхъ его подписью, и каждый разъ, въ отпискахъ своихъ въ Москву, напоминалъ, что если обязательства эти будутъ въ точности исполняться, то и «впредь государевыхъ людей изъ Крыму отпускать станутъ». Но, какъ увидимъ ниже, въ Москвѣ тяготились денежными ручательствами Шереметева. Тамъ добивались обоюднаго обмѣна плѣнныхъ безъ всякихъ денежныхъ придачь.

Байбаковъ, вмѣстѣ съ освобожденными изъ плѣна ротмистрами Зыковымъ и Бѣленихинымъ, выѣхавъ изъ Крыма 13 декабря, прибылъ въ Царевъ-Борисовъ городокъ 5 января 1663 года. А въ іюлѣ мѣсяцѣ этого же года, въ Крымъ прибыли станичники: толмачъ Посольскаго приказа Никонъ Панарьинъ и Михайло Степановъ. Они привезли двѣ царскія грамоты: одну къ хану, другую—къ Василью Борисовичу Шереметеву. Станичники прежде всего явились къ послу Якову Ивановичу Якушкину. Тотъ сейчасъ-же отправился къ хану Мухаммедъ-Гирею, испросить позволеніе повидаться съ Шере-

метевымъ, и ему самому, и прибывшимъ станичникамъ. Но ханъ, «Якову видѣться и станичникамъ быть у Шереметева не велѣлъ, а приказалъ Якову, подъ смертною казнью, чтобы съ бояриномъ не ссылался и письмомъ не списывался; а будетъ кѣмъ Яковъ сошлется или спишется, а тѣхъ людей поимаютъ, и онъ, ханъ, велитъ убить до смерти тѣхъ людей». Не взирая, однако, на такой строгій запретъ самого хана, Якушкинъ нашелъ способъ тайно переслать Шереметеву, черезъ Татарина Батыршу, царскую грамоту, о содержаніи коей узнаемъ изъ слѣдующей собственноручной отвѣтной отписки къ государю Василья Борисовича: «Праведному и пресвѣтлому и милосердому великому государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу (титулъ), убогой и заточенный вязень, холопъ твой Васка Шереметевъ, челомъ бьетъ. Присланы отъ тебя, великаго государя, съ твоею грамотою, въ Крымъ, къ хану, станишники Никонъ Панарьинъ да Михайла Степановъ. Съ тѣми же станишники прислана твоя, великаго государя, грамота и ко мнѣ. А въ твоей, великаго государя, грамотѣ писано: пожаловалъ ты, великій госу-

дарь, взыскалъ своею государскою премногою милостью и своимъ государевымъ жалованьемъ меня, убогова и заточеннова холопа своего, указалъ ты, государь, посылать мнѣ въ Крымъ свое государево жалованья триста золотыхъ червонныхъ. И я, убогой холопъ твой, на твоей премногой милости и на твоемъ государевѣ жалованьѣ челомъ бью. Только бъ, государь, не твоя пресвѣтлова великова государя премногая милость и не твое государева жалованья, и я бъ, будучи у непріятеля босурманскова закону и немилосердова народу, отъ великой тѣсноты и отъ нужи скончался и отъ кандаловъ замучился и съ голоду умеръ. Живъ Богъ мой и твоя государская милость сіяетъ, какъ пресвѣтлая солнце ко мнѣ, холопу твоему. Жива и душа моя грѣшная, и нечальное мое убогоя[187] сердце обрадуетца, видя твою государскую премногую милость. А твою, великаго государя, грамоту прислалъ ко мнѣ, холопу твоему, Яковъ Якушкинъ тайно»[188].

Назначеніемъ Шереметеву постояннаго

---

[187] Сохраняемъ здѣсь всѣ особенности правописанія подлинника.

[188] Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ: Крымскія дѣла 1666 г. Связка 56/а. № 2.

денежнаго жалованья, въ размѣрѣ 300 золотыхъ червонныхъ, какъ бы устраивалось нѣкоторое удобство въ его пребываніи въ Крыму. А между тѣмъ, главное дѣло, то-есть, его выкупъ, оставалось все въ томъ же положеніи. Царь Алексѣй Михайловичь упорно стоялъ на своемъ: и толмачу Панарьину приказано было сказать Якушкину, чтобы онъ давалъ въ окупъ за Шереметева все тѣ же 50.000 рублей[189].

Толмачу Панарьину велѣно было также доставить Василью Борисовичу 300 рублей окупныхъ денегъ за ротмистра Бѣленихина. Но Татаринъ Батырша, которому Якушкинъ довѣрилъ передать эти деньги Шереметеву, предпочелъ оставить ихъ у себя.

По поводу означенныхъ окупныхъ денегъ, въ той же царской грамотѣ къ Шереметеву сказано было, чтобы ему «впредь великаго государя взятыхъ людей окупомъ не уговариваться и въ окупѣ ни по комъ не ручаться, а уговариваться бъ великаго государя взятыми людьми на ихъ взятыхъ Крымскихъ Татаръ, которые взяты въ великаго государя

[189] Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ: Крымскія дѣла 1667 г. Связка 56/а. № 2.

сторону, и чтобъ полоняниковъ везли на размѣну».

На это Василій Борисовичь отвѣчалъ государю слѣдующее: «Что я ручался по Исаѣ Бѣленихинѣ, и въ томъ твоя, великаго государя, воля. Только бъ я по Исаѣ въ окупу ево не поручился, и ево бъ продали на каторгу. Былъ онъ у Жида, а Жиды покупали твоихъ, великаго государя, людей не для размѣны, чтобъ ихъ на размѣну везть и на Татаръ отдавать; покупали Жиды твоихъ, великаго государя, людей у Татаръ для своей прибыли, чтобъ за нихъ имать окупы. И только бъ я не поручился по Исаѣ, и твоихъ бы, великаго государя, людей распродали Жиды на каторги всѣхъ; и какъ я по Исаѣ поручился въ окупу ево, и тѣмъ твоихъ, великаго государя, людей отъ продажи и отъ каторги поодержалъ въ Жидовскомъ городкѣ»[190].

Шереметевъ за-ранѣе приготовилъ свою отвѣтную отписку и ждалъ, когда толмачъ Панарьинъ будетъ отпущенъ изъ Крыма. Но ближніе люди хана всячески препятствовали

---

[190] Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ: Крымскія дѣла 1666 г. Связка 56/а. № 2.

Шереметеву ссылаться съ Москвою безъ ихъ вѣдома, безъ предварительнаго прочтенія его отписокъ. «И мнѣ, — писалъ Шереметевъ,— сказать про отпускъ толмачевъ и письма взять у меня, непріятель, по злости своей, не велѣлъ». Къ счастію, подобныя затрудненія почти всегда можно было обходить, благодаря продажности Татаръ и ловкости Жидовъ. Такъ и въ настоящемъ случаѣ, Якушкинъ опять изыскалъ способъ тайно увѣдомить Шереметева объ отпускѣ толмача Панарьина и взять у него отписку; но послѣдняя уже не застала толмача. «Съ отпискою моею, — писалъ Шереметевъ,—толмача у Якова Якушкина на стану не застали, а писалъ ко мнѣ Яковъ: присылалъ-де къ нему ближній человѣкъ хановъ человѣка своего ночью и толмача-де у него взяли скорымъ обычаемъ и повезли въ Перекопъ съ провожатыми, а съ отпискою-де моею толмача не застали. И я писалъ къ Якову, чтобъ онъ отписку мою держалъ у себя; а какъ будетъ отпускъ впредь, и онъ бы отписку послалъ къ великому государю» [191].

[191] Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ: Крымскія дѣла 1666 г. Связка 56/а. № 2.

Иногда такихъ отписокъ Шереметева скоплялось у Якушкина по три, по четыре, и онъ ждалъ оказіи, чтобы всѣ ихъ разомъ переслать въ Москву.

ГЛАВА XV.

Толмачу Панарьину лежалъ путь въ Москву черезъ Сѣвскъ. Но едва-ли онъ засталъ тамъ боярина Петра Васильевича Большого Шереметева. Если же и засталъ, то не иначе, какъ при самыхъ послѣднихъ сборахъ его къ отъѣзду въ Москву. 12 января 1663 года, государь указалъ боярину Петру Васильевичу Шереметеву, изъ Сѣвска быть къ себѣ, въ Москву; а товарищу его, стольнику и воеводѣ Ивану Андреевичу Полеву, — быть въ Сѣвскѣ полковымъ и осаднымъ воеводою. Въ тотъ же день, государь указалъ быть къ себѣ, къ Москвѣ, «на время», и Бѣлогородскому воеводѣ князю Григорью Григорьевичу Ромодановскому[192]. Оба они, 12 февраля, въ день

[192] Дополненія къ тому III-му Дворцовыхъ разрядовъ. Спб. 1854. столб. 365.

ангела царевича Алексѣя Алексѣевича, были у государя у руки и за тѣмъ трапезовали у государя, въ Передней палатѣ. Всѣмъ боярамъ и окольничимъ, приглашеннымъ къ столу, велѣно было сидѣть безъ мѣстъ. Двоюродный братъ Петра Васильевича Шереметева, стольникъ Никита Ивановичь Шереметевъ, смотрѣлъ въ большой столъ, а его племянникъ, стольникъ Иванъ Васильевичь Шереметевъ—въ кривой столъ[193].

Одновременный вызовъ въ Москву двухъ главнѣйшихъ дѣятелей Южно-Русской Украйны, Шереметева и князя Ромодановскаго, былъ слѣдствіемъ весьма дурныхъ вѣстей, приходившихъ въ Москву съ Польскаго рубежа. Съ одной стороны, ожидалось со дня на день отреченіе отъ гетманства тогобочной Украйны Юрья Хмельницкаго; съ другой стороны, въ Польшѣ улаживались отношенія короля къ своему войску. Въ Посольскомъ приказѣ и Разрядѣ заблаговременно обдумывали планъ дѣйствій на тотъ случай, когда вмѣсто слабоумнаго Юраски Хмельницкаго, въ гетманы былъ бы избранъ человѣкъ способный,

[193] Дополненія къ тому III-му Дворцовыхъ разрядовъ. Спб. 1854. столб. 367 и 368.

предпріимчивый, а Польскій король, найдя способы удовольствовать войско жалованьемъ, задумалъ бы походъ въ Украйну. При такихъ обстоятельствахъ, Шереметевъ и князь Ромодановскій были необходимо нужны, для полученія непосредственно отъ нихъ самихъ точнѣйшихъ свѣдѣній о положеніи дѣлъ въ краѣ и для совмѣстнаго установленія единства дѣйствій.

Собственно Шереметевъ понадобился въ Москвѣ еще по другому дѣлу, касавшемуся не его лично, а патріарха Никона. Небывалая на Руси распря царя съ патріархомъ, начавшаяся еще въ 1658 году, не только не прекращалась, но, благодаря разнымъ побочнымъ обстоятельствамъ, временами вспыхивала, къ общему соблазну, въ открытую вражду. Къ числу такихъ несчастныхъ обстоятельствъ или случаевъ принадлежало, между прочимъ, и такъ-называемое «Боборыкинское дѣло».

Ближайшій сосѣдъ Воскресенскаго, Новый Іерусалимъ именуемаго, монастыря, стольникъ Романъ Ѳедоровичь Боборыкинъ, подстрекаемый врагами Никона, самовольно завладѣлъ принадлежавшими обители земля-

ми, между прочимъ, Ивановскими лугами, а также Качебаровскою землею, купленною, въ 1656 году, самимъ патріархомъ Никономъ, у боярина Василья Петровича Шереметева. Когда пришло время уборки хлѣба и сѣна, Никонъ, хорошо зная, что правда на сторонѣ его и устраиваемой имъ обители, приказалъ монастырскимъ крестьянамъ снять хлѣбъ и сѣно со спорныхъ участковъ. Уступать Боборыкину не приходилось, ибо примѣру его послѣдовали бы и другіе землевладѣльцы, продавшіе или пожертвовавшіе монастырю свои земли, и тогда были бы отняты всѣ средства къ окончательному устройству обители, а этого только и добивались враги Никона. Боборыкинъ принесъ жалобу, а патріархъ Никонъ, въ поданной, 26 августа 1662 года, сказкѣ заявилъ, что о спорной землѣ «знаютъ прежніе вотчинники и старожилы, бояринъ Петръ Васильевичь Шереметевъ и стольникъ Иванъ Андреевичь Полевъ. И какъ-де они про ту землю скажутъ, и онъ, Никонъ патріархъ, тому и вѣритъ; по ихъ сказкамъ и межу учинитъ». Никонъ билъ челомъ государю, «чтобъ про ту землю тѣми вотчинники и старожилы и по писцовымъ книгамъ и по

крѣпостямъ розыскать». По сему челобитью государь приказалъ: «Покамѣстъ тѣ прежніе вотчинники и старожилы съ государевы службы пріѣдутъ, по то время земли не межевать»[194]. Но вмѣстѣ съ тѣмъ изъ Москвы отправили въ Воскресенскій монастырь подъячихъ съ наказомъ, произвести сыскъ противъ Никона и дать судъ Воскресенскимъ властямъ съ Боборыкинымъ. Никонъ послалъ сказать пріѣхавшимъ подъячимъ, что «простымъ людямъ нельзя судить людей Божіихъ, особенно освященныхъ». Тогда монастырскихъ крестьянъ, для допросовъ, потребовали въ Москву. Никонъ, раздраженный тѣмъ, что облыжнымъ челобитьямъ Боборыкина придаютъ больше вѣры, больше значенія, чѣмъ его показаніямъ, написалъ весьма рѣзкое письмо къ государю, въ которомъ задѣлъ и такіе предметы, которые вовсе не относились къ дѣлу о спорныхъ земляхъ. «Молимъ вашу кротость, — писалъ Никонъ къ государю, — престати отъ гнѣва, оставити ярость и не послушати лукавнующихъ. Откуда ты взялъ

---

[194] Записки отдѣленія Русской и Славянской археологіи императорскаго Русскаго археологическаго общества. Т. II. Спб. 1861. стр. 571.

такое дерзновеніе, чтобы сыскивать о насъ и судить насъ? Какіе законы Божіи велятъ тебѣ обладать нами, Божіими рабы? Не довольно тебѣ царствія міра сего, судить мірскихъ людей по правдѣ? И ни о семъ прилежиши. А еже повелѣніе твое, написанное въ наказѣ,—взять крестьянъ Воскресенскаго монастыря,—по какимъ то уставамъ? Надѣюсь, аще и поищеши, не обрящеши... Тѣмъ же паки молимъ, престани, Господа ради, гоня насъ и оскорбляя и вѣруя клеветникомъ. Не довольно ли тебѣ нашего бѣгства и оставленія? Еще ли твоему благородію годно, да бѣжу, отрясая и прахъ ногъ своихъ, ко свидѣтельству въ день судный? Уже ни великимъ государемъ не зовуся; и что тебѣ прекословно творю? Но всѣмъ архіерейскимъ рука твоя обладаетъ: и судомъ, и достояніемъ. Страшно сказать, однако терпѣть невозможно, что нами слышится: по твоему указу, и владыкъ посвящаютъ, архимандритовъ, игуменовъ и поповъ поставляютъ; а въ ставленныхъ грамотахъ пишутъ: по благодати святаго духа и по указу великаго государя. Не достаточно святаго духа, чтобъ посвятить безъ твоего указа!... Ты всѣмъ проповѣдуешь поститься, а

нынѣ невѣдомо кто не постится; скудости ради хлѣбныя, во многихъ мѣстахъ и до смерти постятся, понеже ѣсть нечего, и нѣсть кто бы помилованъ былъ: всѣ данями обложены тяжкими и неудобь искусными; вездѣ плачъ и сокрушеніе, вездѣ стенаніе и воздыханіе, и нѣсть никого веселящася во днѣхъ сихъ»[195].

Укорительное письмо Никона крайне разгнѣвало государя. Быть можетъ, это и было причиною, почему вызванный изъ полка бояринъ Петръ Васильевичь Шереметевъ, пробывшій въ Москвѣ до глубокой осени 1663 года, вовсе не былъ допрошенъ по Боборыкинскому дѣлу. «И какъ тѣ прежніе вотчинники съ государевы службы пріѣхали, — писалъ Никонъ,—и о томъ обо всемъ, въ тѣхъ спорныхъ земляхъ, у тѣхъ вотчинниковъ и старожиловъ, не допрашивано, и Помѣстнаго приказу писцовыми книгами не розыскивано; а велѣно думному дворянину Ивану Ивановичу Баклановскому да дьяку Василью Брехову та спорная земля размежевать безъ всякаго свидѣтельства и розыску, по Романову ложному челобитью, а не противъ патріарховы ссылки,

---

[195] Гиббенетъ. Историческое изслѣдованіе дѣла патріарха Никона. Ч. 2. Спб. 1884. стр. 46—48.

что про ту землю слалсе на старыхъ вотчинниковъ и старожиловъ»[196].

Князь Ромодановскій былъ отпущенъ въ Бѣлгородъ 14 марта[197], а Петра Васильевича Шереметева на нѣкоторое время задержали въ Москвѣ. 7 мая состоялся даже указъ о посылкѣ въ Сѣвскъ, на его мѣсто, боярина князя Ѳедора Ѳедоровича Куракина, но дѣло это не состоялось. Въ разрядной книгѣ отмѣчено, что объ означенномъ указѣ князю Куракину «сказано, а посылки не было»[198].

Въ эту побывку въ Москвѣ, Петру Васильевичу Большому Шереметеву, какъ старшему въ родѣ, пришлось вступиться за мѣстническую честь своего двоюроднаго брата, стольника Никиты Ивановича Шереметева. Дѣло было такъ. 9 іюня, у государя, въ Столовой избѣ, кушали царевичи Касимовскій и Сибирскіе, а также всѣ власти, которыя съѣхались въ Москву на соборъ по духовнымъ дѣламъ[199], и въ томъ числѣ извѣстный

---

[196] Записки отдѣленія Русской и Славянской археологіи императорскаго Русскаго археологическаго общества. Т. II. Спб. 1861. стр. 571.

[197] Дополненія къ тому III-му Дворцовыхъ разрядовъ. Спб. 1854. столб. 370.

[198] Тамъ-же, столб. 376.

[199] Распоряженіе о призывѣ на сей соборъ, смотри въ Актахъ археографической экспедиціи. Т. IV. Спб. 1836. № 140.

Газскій митрополитъ Паисій Лигаридъ, имѣвшій столь роковое вліяніе на рѣшеніе дѣла Никона. Государь приказалъ окольничему Ѳедору Михайловичу Ртищеву сказать: стольнику князю Юрью Петровичу Трубецкому, чтобы онъ смотрѣлъ въ большой столъ, а стольнику Никитѣ Ивановичу Шереметеву, чтобы смотрѣлъ въ кривой столъ. У сказки, Шереметевъ сказалъ Ртищеву, что «онъ воли государской не противенъ, съ князь Юрьемъ Трубецкимъ быть готовъ, и на князь Юрья Трубецкаго не бьетъ челомъ; только князь Юрья Трубецкой иноземецъ, а въ его Никитину версту, и хуже его отечествомъ по се время съ нимъ, князь Юрьемъ, никто не бывалъ. И будетъ кто, не зная мѣры своей, впредь на него, князь Юрья, станетъ бить челомъ, и чтобъ отъ тѣхъ его братей ему, Никитѣ, и отечеству его въ томъ порухи не было, и чтобъ про то доложилъ государю»[200].

Указаніе Никиты Ивановича Шереметева на иноземчество князя Юрья Петровича Трубецкаго, прапрадѣда по матери графа Нико-

[200] Дополненія къ тому III-му Дворцовыхъ разрядовъ. Спб. 1854. столб. 378.

лая Петровича Шереметева, во всякомъ случаѣ требуетъ поясненія.

Мы уже знаемъ, что знаменитый дѣятель Смутнаго времени, князь Дмитрій Тимоѳеевичь Трубецкой, умеръ, въ 1625 году, бездѣтнымъ. Его двоюродный братъ, князь Юрій Никитичь Трубецкой, женатый на дочери боярина Михаила Глѣбовича Салтыкова, еще въ 1611 году, бѣжалъ съ своимъ тестемъ въ Польшу, гдѣ и умеръ католикомъ, точно также какъ и два сына его, князья Петръ и Александръ Юрьевичи Трубецкіе. Такъ что у насъ болѣе пятидесяти лѣтъ оставался единственнымъ представителемъ княжескаго рода Трубецкихъ, братъ упомянутаго князя Юрья Никитича Трубецкаго, извѣстный вельможа двора царя Алексѣя Михайловича, князь Алексѣй Никитичь Трубецкой, которому государь, въ знакъ особеннаго благоволенія, пожаловалъ прародительскую вотчину его, городъ Трубчевскъ съ уѣздомъ. Въ началѣ описываемаго нами 1663 года умеръ и князь Алексѣй Никитичь Трубецкой, тоже бездѣтнымъ; а такъ какъ въ то время никого изъ Трубецкихъ не было въ Россіи, то предъ самою смертью онъ возвратилъ Трубчевскъ госу-

дарю. Вслѣдъ за кончиною князя Алексѣя Никитича, въ Россію прибылъ изъ Польши его внучатый племянникъ князь Юрій Петровичь Трубецкой, и не замедлилъ возвратиться къ православной вѣрѣ предковъ своихъ[201]. На князя Юрья Петровича Трубецкаго, отъ котораго происходятъ всѣ нынѣшніе князья Трубецкіе, на первыхъ порахъ, разумѣется, не могли смотрѣть иначе, какъ на иноземца, а потому совершенно понятенъ протестъ или отводъ Никиты Ивановича Шереметева, поставленнаго по наряду ниже сего Польскаго уроженца, который, можетъ быть, не въ состояніи былъ и объясниться, какъ слѣдуетъ, по-Русски.

Протестъ Никиты Ивановича Шереметева оставленъ былъ безъ послѣдствій. Государь, выслушавъ докладъ окольничаго Ртищева, приказалъ стольникамъ князю Трубецкому и Шереметеву, «въ столы смотрѣть попрежнему», то-есть, какъ было назначено. Никита Ивановичь и не противился волѣ государя; немедленнымъ же заявленіемъ о не-

---

[201] Князь Петръ Долгоруковъ. Россійская родословная книга. Ч. I. Спб. 1855. стр. 328.

вмѣстности наряда, хотѣлъ только оградить отъ порухи честь своей братьи, своихъ родичей, на тотъ конецъ, если бы впослѣдствіи кому-либо изъ нихъ довелось тягаться о мѣстѣ съ князьями Трубецкими.

Но это показалось недостаточнымъ боярину Петру Васильевичу Большому Шереметеву. Послѣ стола, когда государь пошелъ въ Верхъ, онъ встрѣтилъ его «за переградой» и, съ своей стороны, билъ ему челомъ за двоюроднаго брата. Онъ говорилъ, что «братъ его Никита воли его, государевой, не противенъ, съ князь Юрьемъ былъ, и на князь Юрья Трубецкаго въ отечествѣ они не бьютъ челомъ и впредь по отечеству родителей его, Трубецкихъ, быть съ нимъ готовы; только-де князь Юрья иноземецъ, а въ ихъ пору, и хуже ихъ никто съ нимъ, съ князь Юрьемъ, по се время не бывалъ. И будетъ кто, не зная мѣры своей, ихъ братья или хуже ихъ, впредь станутъ бить челомъ на него, князь Юрья, и въ томъ бы имъ и отечеству ихъ порухи не было, и чтобъ государь пожаловалъ, велѣлъ челобитье ихъ записать».

Тогда выступилъ съ челобитной и князь Юрій Петровичь Трубецкой. Онъ билъ че-

ломъ на Шереметевыхъ «о безчестьѣ, что они называли его иноземцомъ и чтобы государь пожаловалъ, въ его безчестьѣ велѣлъ на нихъ оборонь дать».

Дѣло рѣшилось не въ пользу Шереметевыхъ. 26 іюня, думный разрядный дьякъ Семенъ Заборовскій торжественно объявилъ у переграды Петру Васильевичу Шереметеву, что онъ обезчестилъ князя Юрья Трубецкаго, назвавъ его иноземцомъ. «Князья Трубецкіе —объяснялъ думный дьякъ Шереметеву—не иноземцы: старый родъ, честной; не токмо съ родители (то-есть, съ предками) князь Юрья, при прежнихъ великихъ государяхъ Россійскихъ многіе роды честные бывали, и съ дѣдомъ его меньшимъ, съ бояриномъ съ князь Алексѣемъ Никитичемъ Трубецкимъ, по милости блаженные памяти отца государева, великаго государя царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всеа Руссіи, и при немъ, великомъ государѣ, честные жъ роды бывали; а дѣдъ князь Юрьевъ Трубецкой, большой братъ боярина князь Алексѣя Никитича, и больши его тремя мѣсты. И государь царь и великій князь указалъ и бояре приговорили за то твое непристойное чело-

битье, что ты билъ челомъ не дѣломъ, назвалъ князь Юрья иноземцомъ, на тебѣ и на братѣ твоемъ Никитѣ доправить ему, князь Юрью, безчестье: дѣда его, боярина князь Алексѣя Никитича, окладу въ полы»[202].

Два дня спустя, наканунѣ Петрова дня, въ Москву прискакалъ изъ Малороссіи маіоръ рейтарскаго строя Василій Непейцинъ съ сеунчемъ отъ князя Данилы Степановича Великаго-Гагина объ избраніи на Нѣжинской радѣ въ полные гетманы Войска Запорожскаго Ивана Мартыновича Брюховецкаго[203].

Избранію сему, совершившемуся 18 іюня, будто бы «всѣми вольными гласы», какъ сказано въ оффиціальномъ актѣ[204], значительно способствовало то обстоятельство, что въ правобережной Польской Украйнѣ, на мѣсто отрекшагося отъ гетманства Юрья Хмельницкаго, былъ избранъ, въ январѣ 1663 года, мужъ его сестры Павелъ Тетеря. Послѣдній

---

[202] Дополненія къ тому III-му Дворцовыхъ разрядовъ. Спб. 1854. столб. 379. 380. 383 и 384.

[203] Тамъ-же, столб. 384.

[204] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. V. Спб. 1867. стр. 173. столб. 2.

былъ въ родствѣ и съ Сомкóмъ, братомъ первой жены стараго Богдана. Этого было достаточно для Брюховецкаго, чтобы набросить новую тѣнь на ненавистнаго Сомка, своего соперника. Сторонними путями онъ доводилъ до свѣдѣнія царскаго величества, что Юрій Хмельницкій съ умысломъ сдалъ гетманство Тетерѣ. Сомко зналъ-де объ этомъ, а не объявилъ великому государю въ той мысли, что какъ онъ обойметъ гетманство, такъ сейчасъ же и передастся Польскому королю[205]. Другого соперника, Золоторенку, какъ брата третьей жены Богдана Хмельницкаго, Брюховецкій выставлялъ единомышленникомъ Тетери и Сомка. Однимъ словомъ, дѣло было подстроено такъ, что изъ трехъ кандидатовъ на гетманство, самымъ подходящимъ для Московскаго правительства оказывался Брюховецкій. За него усердно хлопоталъ епископъ Меѳодій. Да и князь Григорій Григорьевичь Ромодановскій одобрительно отзывался о Брюховецкомъ. По тогдашнимъ обстоятельствамъ, достаточно было и этого. Необходимо нужно было поторопиться избраніемъ полна-

[205] Костомаровъ. Историческія монографіи. Т. XII. стр. 277 и 283.

го гетмана для сегобочной Украйны, въ виду угрожающаго положенія, принятаго Польскимъ королемъ.

ГЛАВА XVI.

Одновременно съ избраніемъ въ гетманы тогобочной Украйны Павла Тетери, въ Польшѣ нѣсколько уладились отношенія короля къ войску. Придумали отчеканить деньги самаго дурнаго качества, и изъ нихъ девять милiоновъ отпустили на уплату солдатамъ недоданнаго жалованья. Въ дѣлѣ умиротворенія войска важную услугу Рѣчи Посполитой оказали два прелата: князь Флоріанъ Чарторыжскій и Виленскій епископъ Юрій Бялозоръ. Послѣдній, напримѣръ, пожертвовалъ въ пользу Литовскаго войска церковное серебро[206].

Польскому королю показалось, что настало время попробовать счастія, снова помѣ-

[206] Бандтке. Исторія государства Польскаго. Т. II. Спб. 1830. стр. 329.

ряться съ Москвою на бранномъ полѣ. Только-что избранный гетманъ правобережной Украйны, Павелъ Тетеря, давалъ мудрый совѣтъ, не воевать съ Москвою, а напротивъ того, помириться съ нею. Тетеря понималъ дѣло со всею тонкостію іезуита. «Ваша королевская милость,—писалъ онъ королю, отъ 13 февраля 1663 года, — изволишь сдѣлать благое дѣло, если вступишь въ переговоры съ его милостію царемъ Московскимъ. Теперь, смотря на него, Заднѣпровье (то-есть, лѣвый берегъ) остается равнодушнымъ къ дѣлу присоединенія и не склоняется къ повиновенію вашей королевской милости. А если бы Господь Богъ даровалъ мирный конецъ, тогда и Заднѣпровцы, не надѣясь болѣе на Московское покровительство, волей-неволей должны были бы поклониться»[207]. Противъ войны съ Москвою былъ также извѣстный намъ польный гетманъ Юрій Любомирскій. Бой съ Васильемъ Борисовичемъ Шереметевымъ многому научилъ его. Любомирскій представлялъ, что нельзя довѣрять казакамъ, нельзя надѣяться на союзъ съ Татарами. Ни

[207] Памятники, изданные временною коммиссіею для разбора древнихъ актовъ. Т. IV. Кіевъ. 1859. Отдѣл. III. стр. 263.

Тетери, ни Любомирскаго не послушали. Въ мартѣ мѣсяцѣ 1663 года, думный дворянинъ Аѳанасій Лаврентьевичь Ординъ-Нащокинъ ѣздилъ къ королю, во Львовъ, съ мирными предложеніями[208], но успѣха не имѣлъ. Поляки требовали, чтобъ мы уступили имъ всѣ свои завоеванія послѣднихъ лѣтъ. Разумѣется, такое требованіе равнялось полному отказу устроить дѣло мирнымъ путемъ. Воззваніе короля о необходимости вырвать изъ рукъ Московскаго царя всю Украйну, эту, какъ онъ выразился, «зеницу ока короны Польской, яблоко златое», было принято весьма сочувственно сенаторами и панами рады[209]. Заднѣпровскій походъ былъ рѣшенъ. Король взялъ на себя главное начальство надъ войскомъ.

Въ августѣ, на берегахъ Днѣпра, подъ мѣстечкомъ Скварщовымъ, верстахъ въ 70 отъ Львова, собралось сорокатысячное Польское войско. Къ этой рати должны были присоединиться еще тысячъ двадцать Литовцевъ, да

---

[208] Акты археографической экспедиціи. Т. IV. Спб. 1836. стр. 197. столб. 2.—Gordon, Patrick. Tagebuch. T. I. M. 1849. стр. 333.

[209] Величко. Лѣтопись событій въ юго-западной Россіи въ XVII вѣкѣ. Т. II. Кіевъ. 1851. стр. 40.

около двадцати тысячъ правобережныхъ казаковъ Тетери. Такъ что, кромѣ союзныхъ Татаръ, въ распоряженіи короля оказывалась весьма значительная сила. Нужно при этомъ имѣть въ виду присутствіе въ войскѣ такихъ вождей, какъ Чарнецкій, который свирѣпою жестокостію наводилъ страхъ и ужасъ на непріятеля, при одномъ извѣстіи о своемъ приближеніи, или славный Янъ Собѣскій, будущій король Польскій, столь извѣстный своими воинскими дарованіями.

5 (15) сентября, Польское войско выступило изъ-подъ Скварщова тремя путями: первый отрядъ, подъ начальствомъ короннаго гетмана Станислава Потоцкаго, направился на Тарнополь; другой, подъ начальствомъ воеводы Чарнецкаго,—на Дубно; третій, подъ начальствомъ короннаго хорунжаго Яна Собѣскаго,—на Баръ. Въ послѣднихъ числахъ сентября, король Янъ-Казиміръ прибылъ въ Бѣлую-Церковь. Здѣсь, на военномъ совѣтѣ рѣшено было, коронному войску дѣйствовать въ Украйнѣ, а Литовское войско, подъ начальствомъ польнаго гетмана Паца, должно было итти на Шкловъ, Быховъ и Рославль, къ Русскимъ границамъ. Послѣ покоренія

всей Украйны, король располагалъ со всѣми силами вторгнуться въ предѣлы Московскаго государства и итти прямо на Москву. Ему уже грезились лавры Баторія и Владислава.

Московское правительство, своевременно предупрежденное о грозившей ему опасности, дѣятельно готовилось къ оборонительной войнѣ. Еще 12 мая 1663 года, Тетеря писалъ къ королю Польскому, что «Москва сильно вооружается и собирается»[210].

Разрядные и посольскіе дьяки зорко слѣдили за всѣми движеніями и распоряженіями Польскаго короля. Сообразно обстоятельствамъ и получаемымъ съ рубежа вѣстямъ, назначенія воеводъ въ города безпрестанно замѣнялись новымъ нарядомъ. Это видно изъ разрядныхъ книгъ того времени, въ которыхъ нерѣдко можно встрѣтить такую запись: тогда-то «указалъ государь быть на своей государевѣ службѣ воеводамъ» (такимъ-то), «а посылки не было». Тоже самое случилось и съ бояриномъ Петромъ Васильевичемъ Большимъ Шереметевымъ, задержаннымъ, какъ мы видѣли, въ Москвѣ. Для охраны западной

[210] Памятники, изданные временною коммиссіею для разбора древнихъ актовъ. Т IV. Кіевъ. 1859. Отд. Ш. стр. 312.

границы государства, царь указалъ, 30 іюня, быть на своей государевѣ службѣ, противъ Польскаго короля, въ Смоленскѣ, боярину и воеводѣ князю Якову Куденетовичу Черкасскому, а въ число сходныхъ къ нему воеводъ назначенъ Петръ Васильевичь Шереметевъ, которому велѣно было съ прибылымъ полкомъ стать въ Калугѣ[211]. Въ Сѣвскѣ-же, на время отсутствія Шереметева, оставили полковымъ воеводою окольничаго князя Данилу Степановича Великаго-Гагина[212], того самаго, который присутствовалъ при избраніи въ гетманы Брюховецкаго.

Но, ни князь Яковъ Куденетовичь Черкасскій, ни Петръ Васильевичь Шереметевъ, не поѣхали къ мѣстамъ своего новаго служебнаго назначенія: одинъ въ Смоленскъ, другой—въ Калугу. Оба оставлены были въ Москвѣ, безъ назначенія на ихъ мѣста другихъ лицъ. Только въ Смоленскъ, на время отсутствія князя Черкасскаго, послали потомъ князя Ѳедора Ѳедоровича Куракина[213].

---

[211] Дополненія къ тому III-му Дворцовыхъ разрядовъ. Спб. 1854. столб. 385.

[212] Тамъ-же, столб. 384.

[213] Тамъ-же, столб. 385.

Когда-же получилось извѣстіе, что Польскій король направилъ Литовское войско къ нашимъ границамъ, на Шкловъ, Быховъ и Рославль, Боярская Дума приговорила отправить, по первому зимнему пути, князя Якова Куденетовича Черкасскаго въ Смоленскъ, а Петра Васильевича Шереметева, на встрѣчу польнаго гетмана Паца, въ Рославль. Объ этомъ распоряженіи узнаемъ изъ протокола Боярской Думы, отъ 30 сентября 1663 года. Приводимъ текстъ этого протокола, какъ образецъ такого рода актовъ:

«Богъ мира и любве, Богъ святаго соединенія, единодушевно и единосердечно.

«Сколько собрать хлѣбныхъ запасовъ въ Смоленскъ съ двора, сверхъ стрѣлецкаго хлѣба? Помѣта: 172 сентября въ « » день, великій государь указалъ и бояре приговорили: хлѣбныхъ запасовъ взять съ двора по четверику ржи да по четверику овса». (Пропускаемъ другія, подобныя статьи и остановимся на тѣхъ, которыя имѣютъ отношеніе къ предмету нашего повѣствованія:)

«Боярину и воеводѣ князю Якову Куденетовичу Черкасскому съ товарищи, со всѣми ратными людьми, по первому пути, для доб-

роначатаго дѣла и за помощію Божіею, къ совершенію того дѣла, въ Смоленскъ иттить ли и къ которому числу? Помѣта: Боярину и воеводѣ со всѣми ратными людьми итти въ Смоленскъ по первому пути; а ратнымъ людемъ, по первому пути всѣмъ быть безъ мотчанья, и высыльщиковъ послать изъ походныхъ.

«Также прибылаго полку его жъ, боярина и воеводы князя Якова Куденетовича Черкасскаго, боярину жъ и воеводѣ Петру Васильевичу Шереметеву съ товарищи, полку его въ Калугу иттить ли и сбираться въ Калугѣ ль, или въ иномъ мѣстѣ? Помѣта: Прибылаго полку боярину и воеводѣ, не обождався изъ Смоленска подлинныхъ вѣстей, съ Москвы въ Калугу не ходить; а по зимнему пути итти и сбираться въ Рославлѣ.... А боярину и воеводѣ князю Якову Куденетовичу Черкасскому съ товарищи, со многими бояры и воеводы велѣно итти въ Смоленскъ противъ Польскаго короля, за его неправды и многіе въ миру обманы, по первому зимнему пути, безсрочно». За сими словами, такое окончаніе протокола: «Господи! Подаждь миръ свой святымъ своимъ церквамъ и Намъ грѣш-

нымъ, и бояромъ, и княземъ, и всей Думѣ, и всѣмъ православнымъ христіаномъ безъ крови радостно и весело скончати, молитвъ ради Пресвятыя Богородицы Матере Своея, общія Заступницы, и пресвятыхъ всѣхъ. Аминь»[214].

Петру Васильевичу Шереметеву такъ и не пришлось итти въ Калугу, хотя всѣ приготовленія къ сему были сдѣланы. Ему даже выдано было, именно для Калужской службы, полковое знамя, то самое, которое, въ 1661 году, находилось съ княземъ Григорьемъ Семеновичемъ Куракинымъ въ Сѣвскѣ. На этомъ знамени, по красной камкѣ, былъ написанъ образъ Спаса Нерукотвореннаго со ангелы[215].

Шереметеву не довелось быть и въ Рославлѣ, ибо польный гетманъ Пацъ, котораго онъ долженъ былъ встрѣтить тамъ, получилъ отъ Яна-Казиміра приказаніе приблизиться съ Литовскою ратью къ королевскому войску, для совмѣстнаго дѣйствія въ Украйнѣ.

Нужно замѣтить, что одушевленіе Поль-

---

[214] Полное собраніе законовъ Россійской имперіи. Собраніе первое. Т. I. Спб. 1830. № 352.

[215] Древности Россійскаго государства. Дополненіе къ III отдѣленію: Русскія старинныя знамена, соч. Лукіана Яковлева. М. 1865. Приложенія. № 4. стр. 8. столб. 2.

скаго короля, его мечтанія о Москвѣ, значительно ослабли со времени вступленія, 13 ноября 1663 года, въ нашу лѣвобережную Украйну. Ему навѣрное пришлось вспомнить слова Юрья Любомирскаго, что если уже рѣшиться на Заднѣпровскій походъ, такъ надлежитъ выступить не иначе, какъ съ весны. Польское войско, еле передвигавшееся по невообразимой грязи Украинскихъ дорогъ, много терпѣло также и отъ недостатка продовольствія. Поляки не запаслись, какъ слѣдуетъ, провіантомъ и фуражемъ, надѣясь найти все это въ избыткѣ въ плодоносной Украйнѣ; но ошиблись въ расчетѣ. Черкасы относились крайне враждебно къ королевскому войску. Они съ ожесточеніемъ нападали на Польскихъ кормовщиковъ и отнимали у нихъ добытые запасы. Въ войскѣ распространился голодъ. Лошади во множествѣ гибли отъ безкормицы. Къ вящшему бѣдствію Поляковъ, въ Украйнѣ появились невиданные ими Калмыки. Еще до перехода Польскаго войска черезъ Днѣпръ, Тетеря писалъ къ королю: «Явился въ Украйнѣ непріятель, никогда невиданный и неслыханный—Калмыцкій Татаринъ... Для лучшаго свѣдѣнія, посылаю

одного изъ нихъ къ вашей королевской милости... Не знаемъ, откуда и изъ какой фабрики явился столь неожиданный непріятель; доселѣ здѣсь объ немъ не было и слуху»[216]. По описанію Украинскаго лѣтописца[217], Калмыки «людъ отважній, а на взглядъ чорній, нѣкчемній[218], страшній, чарами бавятся, балвохвалцѣ»[219]. Очевидецъ говоритъ, что Крымскіе Татары, на которыхъ Поляки возлагали столько надеждъ, «боялись и тѣни Калмыцкой». Какимъ-нибудь пяти сотнямъ Калмыковъ не могла противустать вся сила Татарская, прибывшая на помощь къ Полякамъ. «Калмыки — писалъ Тетеря — стали такъ страшны, что Татары боятся ударить на нихъ и начать съ ними правильное дѣло; боятся же особенно потому, что нѣтъ никакой надежды на пощаду съ ихъ стороны: какъ только Калмыкъ схватитъ человѣка, хотя бы самаго знатнаго, ни на одну минуту не оставляетъ его въ живыхъ»[220].

---

[216] Памятники, изданные временною коммиссіею для разбора древнихъ актовъ. Т. IV. Кіевъ. 1859. Отд. 3. стр. 308—310.

[217] Лѣтопись самовидца. Кіевъ. 1878. стр. 88.

[218] Нѣкчемній = невидный, непредставительный.

[219] Балвохвальцы = идолопоклонники.

[220] Памятники, изданные временною коммиссіею для разбора древнихъ актовъ. Т. IV. Кіевъ. 1859. Отд. 3. стр. 335 и 346.

Мы уже знаемъ, что Калмыки, въ 1660 году, были приняты подъ высокую руку царскаго величества именно въ тѣхъ видахъ, чтобы помощью ихъ удерживать Крымцевъ отъ вмѣшательства въ наши дѣла съ Польшей и Украйной. Въ городѣ Царицынѣ держали особаго воеводу исключительно «для Калмыцкихъ дѣлъ». Въ описываемое время, должность эту занималъ бояринъ князь Григорій Сунчалеевичь Черкасскій; товарищемъ у него былъ думный дьякъ Замятня Ѳедоровичь Леонтьевъ[221]. Въ потребныхъ случаяхъ, Царицынскій воевода направлялъ Калмыковъ прямо на Крымскіе улусы. Въ Украйну же Калмыки дѣйствительно никогда не ходили. Теперь они были вызваны туда гетманомъ Брюховецкимъ, чтобы отогнать Крымцевъ отъ Поляковъ. Брюховецкій, какъ бы въ оправданіе такого распоряженія, писалъ государю слѣдующее: «Калмыки, хотя люди некрещеные и въ поступкахъ своихъ съ христіяны не сообщники, но желательствомъ своимъ къ вашему царскому пресвѣтлому величеству лучшіе отъ измѣнниковъ постав-

[221] Дополненія къ тому III-му Дворцовыхъ разрядовъ. Спб. 1854. столб. 396.

ляются; а намъ таковыхъ и потребно: лихаго недобрымъ казнити. Пусть нечистый съ поганымъ бьется, дабы чистымъ и законнымъ пространство отъ безбожныхъ было, а отчина вашего царскаго пресвѣтлаго величества, Русская земля, въ покоѣ и цѣлости пребывала»[222].

Кромѣ указанныхъ, неблагопріятныхъ для Поляковъ, обстоятельствъ, имъ пришлось еще имѣть дѣло съ такимъ искуснымъ и хитрымъ вождемъ Московскаго войска, каковымъ былъ князь Григорій Григорьевичь Ромодановскій.

Если приравниваютъ Заднѣпровскій походъ Казиміра, затѣянный въ столь широкихъ размѣрахъ и съ такими грозными замыслами, къ нашествію Наполеона на Россію, въ 1812 году[223], то и князя Ромодановскаго можно бы сравнить съ Кутузовымъ. При всей разницѣ въ характерахъ сихъ двухъ мужей, способъ ихъ дѣйствій былъ одинъ и тотъ-же. Князь Ромодановскій тоже, для усыпленія

---

[222] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. V. Спб. 1867. № 67. стр. 170. столб. 1.

[223] Павлищевъ. Польская анархія при Янѣ-Казимірѣ и война за Украйну. Ч. 2. Спб. 1878. стр. 318.

бдительности непріятеля, напустилъ на себя видъ вождя медлительнаго, мало искуснаго въ военномъ дѣлѣ. Онъ не двигался изъ Бѣлгорода на соединеніе съ гетманомъ Брюховецкимъ, и даже распустилъ свое войско по домамъ, какъ только узналъ о вступленіи Поляковъ въ лѣвобережную Украйну. Но у князя Ромодановскаго дѣйствительно былъ расчетъ хитрый и очень вѣрный. «Этотъ Московитинъ, — пишетъ о Ромодановскомъ Польскій писатель,—понялъ, что Полякъ горячъ, словно солома: скоро загорается и скоро сгораетъ и огня послѣ мало оставляетъ. Поэтому-то Ромодановскій и стоитъ съ войскомъ на одномъ мѣстѣ, разославши по сторонамъ отряды, чтобъ у насъ живность отнимать, и мы бы, въ чужой землѣ находясь, голодъ терпѣли»[224]. Брюховецкій, однако, не понялъ Ромодановскаго. Онъ нарочно посылалъ въ Москву гонца хлопотать о томъ, чтобы на выручку Малороссіи велѣно было итти «не токмо князю Ромодановскому, но и Петру Васильевичу Шереметеву, чтобъ многая войску прибавка была». Брюховецкій пробовалъ

[224] Костомаровъ. Руина. Историческая монографія. Спб. 1882. стр. 17.

даже навести тѣнь на князя Ромодановскаго. «То дивно,—писалъ онъ,—что князь Ромодановскій, будто свѣстясь съ непріятели, войско свое распустилъ». Въ другомъ письмѣ Брюховецкаго читаемъ: «Имѣю не по малу дивитися такому радѣнію князя Ромодановскаго, который совокупивши войско, все лѣто стоялъ на Бѣлѣгородѣ, а никуда не хотѣлъ итти и за пять верстъ... Во всю осень держалъ войско до котораго времени ему не дано вѣсти о приходѣ королевскомъ на Украйну; а какъ подлинно услышалъ приходъ, тотчасъ врознь все войско по домамъ распустилъ»[225].

По письму Брюховецкаго, Петръ Васильевичь Большой Шереметевъ, съ первымъ же зимнимъ путемъ, былъ посланъ изъ Москвы на свое воеводство въ Сѣвскъ.

Бояринъ Шереметевъ прибылъ въ Сѣвскъ въ то время, когда въ Малороссіи, по случаю наступившихъ жестокихъ морозовъ, Польское войско разведено было по зимнимъ квартирамъ. Самъ король расположился на зимовку въ предмѣстьѣ городка

---

[225] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. V. Спб. 1867. стр. 192.

Остра, въ хатѣ, нарочно для него построенной[226].

Лишь отдѣльные отряды Тетери, Чарнецкаго, Гуляницкаго и Богуна были отправлены вправо отъ Остра и тамъ безъ боя занимали разные беззащитные городки и мѣстечки. Поляки тщательно обходили маломальски крѣпкіе казацкіе города съ царскими ратными людьми, какъ обошли и раньше такіе укрѣпленные города, какъ Переяславль и самый Кіевъ, въ той увѣренности, что сами жители этихъ городовъ заставятъ Русскихъ сдаться, когда вся страна присягнетъ королю. Эта увѣренность не покидала Поляковъ и послѣ того, какъ большая часть Крымскихъ Татаръ, обогатившись ясыремъ, и заслышавъ, что Запорожцы съ Калмыками громятъ Крымскіе улусы, ускакали въ Крымъ, на защиту своихъ собственныхъ домовъ. Поляки много надѣялись на Литовское войско гетмановъ Паца, Сапѣги и Полубинскаго. Оно слѣдовало отъ Мстиславля и Рославля на соединеніе съ королевскимъ войскомъ и уже приближалось къ Сѣвску, когда туда

[226] Костомаровъ. Руина. Историческая монографія. Спб. 1882. стр. 21.

прибылъ изъ Москвы бояринъ Петръ Васильевичь Большой Шереметевъ. Къ Литовскому войску, приближавшемуся къ границамъ Украйны, пробивались на встрѣчу Польскіе отряды. Вспомоществуемые Татарами, они спѣшили завязать сообщеніе прибылаго войска съ главными королевскими силами, а по пути грабили, выжигали встрѣчныя села и деревни. 5 декабря, Петръ Васильевичь Шереметевъ доносилъ государю, уже изъ Сѣвска, что «2 декабря, въ селѣ Бахмичахъ объявились Татаровя многіе и то село учали раззорять, а то село отъ Батурина въ 10 верстахъ». По другому донесенію Шереметева, 14 и 15 декабря «Татаровя и Поляки многіе» приходили уже подъ Путивль, въ Терковскую слободу да въ село Бочекъ, въ 15 верстахъ отъ Путивля, и тамъ «людей побивали и въ полонъ имали»[227]. Изъ донесенія же Петра Васильевича Шереметева узнаемъ объ опустошеніяхъ, произведенныхъ въ то время Поляками и Татарами, въ Сѣвскѣ и Сѣвскомъ уѣздѣ, въ Комарницкой волости, въ Чемлижскомъ, Радогожскомъ, Гловненскомъ и Бра-

[227] Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ: Крымскія дѣла 1658—1665. Связка 53. № 14.

совскомъ станахъ а также въ Крупецкой волости. Въ этихъ мѣстахъ по 24 декабря побито и въ полонъ поимано: драгунъ, ихъ дѣтей, братьевъ и племянниковъ 746 душъ мужеска пола, 536 душъ женска пола; сожжено: 36 церквей, 3109 дворовъ и 2807 гуменъ; угнано: 1515 лошадей, 11.147 коровъ и 47.803 всякой мелкой животины. Хлѣба отнято: молоченаго 95.318 четвертей, немолоченаго въ скирдахъ и въ доньяхъ 501 копна; кромѣ того, молоченаго всякаго хлѣба 447 ямъ. А сколько въ этихъ ямахъ «четвертей хлѣба,—пишетъ Шереметевъ,—про то невѣдомо, сказать было некому: люди побиты и въ полонъ поиманы»[228].

---

[228] Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ: Крымскія дѣла 1658—1665 г. Связка 53. № 14.

ГЛАВА XVII.

Въ концѣ декабря 1663 года, бояринъ Петръ Васильевичь Шереметевъ, узнавъ, что король поднялся съ зимовки въ Острѣ, выступилъ въ Путивль, на встрѣчу королевскаго войска. Въ то самое время, гетманъ Брюховецкій, стоявшій въ Нѣжинѣ, передвинулся въ Батуринъ, куда долженъ былъ притти къ нему на соединеніе окольничій князь Григорій Григорьевичь Ромодановскій съ Бѣлогородскою ратью[229]. Такимъ образомъ, довольно значительная часть Польскаго войска, бродившая отдѣльными отрядами по Сѣверщинѣ, была отрѣзана отъ своихъ главныхъ силъ. Правда, нѣкоторымъ изъ этихъ отрядовъ удалось соединиться подъ Сѣвскомъ

---

[229] Gordon, Patrick. Tagebuch. T. I. M. 1849. стр. 337.

съ Литовскимъ войскомъ, но туда же приближался изъ Карачева бояринъ князь Яковъ Куденетовичь Черкасскій съ свѣжимъ войскомъ, подкрѣпляемымъ отъ времени до времени новыми присылками ратныхъ людей изъ Смоленска.

Сходились громовыя тучи, готовыя разразиться страшнымъ ударомъ. Изъ Москвы поспѣшили выслать въ полки Петра Васильевича Шереметева, князя Якова Куденетовича Черкасскаго и князя Григорья Григорьевича Ромодановскаго, лекарей, костоправовъ и лекарскаго дѣла учениковъ «для лечбы ратныхъ раненыхъ всякихъ чиновъ государевыхъ людей»[230].

Князь Ромодановскій, столь смущавшій Брюховецкаго напускною бездѣятельностію, нашелъ, что наступила пора дѣйствовать. Онъ на-скоро пошелъ въ Путивль, въ томъ расчетѣ, что королевскому войску необходимо нужно будетъ пробиться тутъ на соединеніе съ Литовскимъ войскомъ. И дѣйствительно, король Польскій изъ Остра подошелъ 15 января 1664 года къ Королевцу. Здѣсь

[230] Матеріалы для исторіи медицины въ Россіи. Вып. III. Спб. 1884. стр. 782—784.

онъ простоялъ съ недѣлю, то-есть, столько, сколько нужно было для сбора казацкихъ полковъ Тетери и Татаръ, а за тѣмъ, со всѣми силами двинулся къ Путивлю. Онъ пробовалъ взять городъ приступомъ, но безуспѣшно, и послѣ нѣсколькихъ сшибокъ съ ратными людьми полка боярина Петра Васильевича Шереметева, въ послѣднихъ числахъ января, устремился къ Глухову[231], въ которомъ сидѣлъ полковникъ Василій Дворецкій. Бывшій сподвижникъ Василья Борисовича Шереметева твердо рѣшилъ защищаться до послѣдней крайности[232].

Французскіе инженеры, бывшіе въ королевскомъ войскѣ, смѣялись надъ Глуховскою крѣпостью съ ея земляными валами; но съ первыхъ же выстрѣловъ по нимъ изъ пушекъ и мортиръ, убѣдились, что издѣвательства были напрасны. Земляные валы казацкой крѣпости, политые во время мороза водою, превратились въ ледяныя стѣны и стали неуязвимыми, тѣмъ болѣе что бо̀льшая часть снарядовъ Польской артиллеріи, по отдален-

---

[231] Павлищевъ. Польская анархія при Янѣ-Казимірѣ и война за Украйну. Ч. 2. Спб. 1878. стр. 315.

[232] Gordon, Patrick. Tagebuch. T. I. M. 1849. стр. 338.

ности ея расположенія, достигала до нихъ уже на отлетѣ. Отчаянные приступы непріятеля были отбиваемы съ большимъ уономъ для него. Всѣхъ приступовъ было двѣнадцать. Пущенныя въ городъ гранаты не зажигали строеній, покрытыхъ навозомъ. Не удавались и подкопы въ мерзлой землѣ. Непріятель съ большими затрудненіями устроилъ, наконецъ, два подземныхъ хода и вкатилъ туда нѣсколько десятковъ бочекъ съ порохомъ, но изъ нихъ взорвало только двѣ, да и тѣ мало повредили городу. Одна изъ минъ была подведена инженерами подъ главные крѣпостные ворота, но вмѣсто нихъ неожиданно взорвало часть вала. Поляки, разсвирѣпѣвшіе отъ неудачь, съ остервенѣніемъ бросились къ образовавшейся прорвѣ. Тутъ завязалась ожесточенная схватка съ осажденными. Поляки уже влѣзли на валъ, съ гордостью водрузивъ на немъ свою хоругвь, но мѣткая казацкая стрѣльба посбросала ихъ одного за другимъ «въ ровъ, какъ въ адъ». Случайно оставшіеся въ живыхъ разсказывали своимъ товарищамъ въ Польскомъ станѣ, что за палисадомъ, ограждавшимъ «адскій ровъ», они сами видѣли другой такой же

ровъ, а далѣе еще валъ, внутренній. Въ непріятельскомъ станѣ распространилась паника. Окружающіе короля совѣтовали ему бросить осаду, но тотъ и слышать не хотѣлъ объ этомъ. «Какъ!—говорилъ Янъ-Казиміръ — все Московское царство трепещетъ отъ насъ, а тутъ какой нибудь городишко будетъ похваляться, что мы ничего не могли ему сдѣлать»! Снятію осады еще болѣе воспротивился Чарнецкій. По его настоянію, снова принялись за подкопы, начали готовиться къ новому, рѣшительному приступу. Какъ вдругъ, разнеслась грозная вѣсть, что къ Глухову подходитъ гетманъ Брюховецкій съ казаками, вспомоществуемый княземъ Григорьемъ Григорьевичемъ Ромодановскимъ съ Великороссійскимъ войскомъ. Королю Яну-Казиміру пришлось принять открытый бой, и этотъ бой былъ жестокъ. Дрались обѣ стороны съ одинаковымъ ожесточеніемъ, съ равнымъ мужествомъ. Битва началась въ то время, когда по словамъ Украинскаго лѣтописателя, «въ Глуховѣ заиграно было въ дзвони на вечернее Православныхъ христіанъ пѣніе», а окончился въ сумерки. Поляки, сломленные свѣжими Великороссійскими войсками, вы-

нуждены были «съ великимъ стыдомъ» бросить весь свой обозъ, пушки и мортиры, и налегкѣ бѣжать съ королемъ Яномъ-Казиміромъ изъ-подъ Глухова на Новгородъ-Сѣверскій[233]. «Въ якой утѣчцѣ,—повѣствуетъ тотъ-же лѣтописатель,—много Поляковъ пропало и по рознихъ мѣсцахъ розбѣгшися погинуло, однакъ зъ королемъ своимъ немало ихъ ушло, бо нощь, тогда наступившая, не допустила казаковъ за Поляками болше гонити». Не столько ночь, сколько заманчивая добыча въ покинутомъ подъ Глуховымъ обозѣ, спасла Поляковъ отъ преслѣдованія и конечной погибели[234]. Тѣмъ временемъ, какъ казаки грабили Польскій обозъ, королевское войско успѣло добѣжать до Сѣвска и тамъ соединилось съ Литовскимъ войскомъ[235]. Положеніе Польскаго короля было ужасное, въ полномъ смыслѣ этого слова. Его войско отъ послѣд-

---

[233] Величко. Лѣтопись событій въ югозападной Россіи въ XVII вѣкѣ. Т. II. Кіевъ. 1851. стр. 81—83.—Костомаровъ. Руина. Историческая монографія. Спб. 1882. стр. 30—33.—Павлищевъ. Польская анархія при Янѣ-Казимірѣ и война за Украйну. Ч. 2. Спб. 1878. стр. 315.—Акты археографической экспедиціи. Т. IV. Спб. 1836. стр. 198. столб. 2.

[234] Величко. Лѣтопись событій въ югозападной Россіи въ XVII вѣкѣ. Т. II. Кіевъ. 1851. стр. 83 и 84.

[235] Gordon. Tagebuch. Т. I. Москва. 1849. стр. 339.

нихъ неудачь упало духомъ. Оно въ конецъ ослабло, и отъ непосильныхъ боевыхъ трудовъ, и отъ морозовъ, и отъ дурнаго помѣщенія, и отъ недостатка продовольствія[236]. Между тѣмъ, со всѣхъ сторонъ подвигались къ Сѣвску государевы ратные люди, а на правомъ берегу Днѣпра вспыхнуло возстаніе казаковъ противъ короля. Оставалось одно, обезпечить себѣ хотя сколько-нибудь сносное отступленіе черезъ Новгородъ-Сѣверскій на Почепъ и далѣе къ Литовскимъ границамъ. На военномъ совѣтѣ, въ Польскомъ лагерѣ, подъ Сѣвскомъ, рѣшено было отправить гетмана Полубинскаго съ Литовскимъ войскомъ и съ частію королевской конницы къ Карачеву, для удержанія сильно надвигавшагося оттуда князя Якова Куденетовича Черкасскаго. Въ Сомовской волости, Карачевскаго уѣзда, гетманъ Полубинскій встрѣтился съ высланнымъ противъ него товарищемъ князя Черкасскаго, бояриномъ и воеводою княземъ Иваномъ Семеновичемъ Прозоровскимъ. Польско-Литовское войско было опять разбито. Подробностей дѣла не знаемъ. Въ цар-

[236] Костомаровъ. Руина. Историческая монографія. Спб. 1882. стр. 32.

ской грамотѣ сказано только, что «по посылкѣ боярина и воеводы князя Якова Куденетовича Черкасскаго, товарищъ его, бояринъ и воевода князь Иванъ Семеновичь Прозоровскій, съ великаго государя ратными людьми, Польскихъ и Литовскихъ людей въ Сомовской волости побили и въ полонъ поимали многихъ; и послѣ того бою Польскій король и гетманы со всѣмъ войскомъ изъ-подъ Сѣвска пошли на Новгородъ-Сѣверскій, въ городы княжества Литовскаго»[237]. А въ одномъ хронографѣ сказано, что послѣ означеннаго боя, происходившаго въ февралѣ мѣсяцѣ 1664 года, король пошелъ въ Польшу и что «царскаго величества воеводы за нимъ гнали»[238].

Подъ Новгородъ-Сѣверскимъ, Польскаго короля настигъ князь Ромодановскій съ гетманомъ Брюховецкимъ, и у рѣки Десны разбилъ на-голову полкъ воеводы Чарнецкаго. Не смотря, однако, на это, Полякамъ все-таки удалось переправиться черезъ Десну. Коро-

---

[237] Акты археографической экспедиціи. Т. IV. Спб. 1836. стр. 198. столб. 1.

[238] Изборникъ Славянскихъ и Русскихъ сочиненій и статей, внесенныхъ въ хронографы Русской редакціи. Собр. и изд. Андреемъ Поповымъ. М. 1869. стр. 250.

левское войско, имѣвшее еще достаточно сильную конницу съ хорошими лошадьми, устремилось къ Погару и далѣе, на Почепъ. Въ это время князь Яковъ Куденетовичь Черкасскій съ главными силами подходилъ къ Брянску, а его товарищи, бояринъ князь Иванъ Семеновичь Прозоровскій и бывшій Кіевскій воевода окольничій князь Юрій Никитичь Борятинскій, преслѣдовали непріятеля по пятамъ. По выраженію Польскаго писателя, они «неустанно сидѣли на плечахъ» Поляковъ[239]. Съ другой стороны, бояринъ Петръ Васильевичь Большой Шереметевъ выступилъ изъ Королевца, въ которомъ онъ расположился послѣ отбитія Поляковъ отъ Путивля, и въ мѣстечкѣ Воронежѣ, въ 95 верстахъ отъ Глухова, соединился съ княземъ Григорьемъ Григорьевичемъ Ромодановскимъ и гетманомъ Брюховецкимъ, для совокупныхъ дѣйствій противъ Польско-Литовскаго войска[240]. А между тѣмъ, князья Прозоровскій и Борятинскій, продолжая преслѣдовать непріятеля, настигли его подъ

[239] Павлищевъ. Польская анархія при Янѣ-Казимірѣ и война за Украйну. Ч. 2. Спб. 1878. стр. 318.

[240] Gordon. Tagebuch. T. I. M. 1849. стр. 341.

Мглиномъ, гдѣ ему нанесено было новое пораженіе. Въ этомъ послѣднемъ бою, Прозоровскій и Борятинскій, какъ сказано въ царской грамотѣ, «Польскихъ и Литовскихъ людей побили многихъ, а въ полонъ взяли полковниковъ и иныхъ начальныхъ людей и рядовыхъ болши трехъ сотъ человѣкъ, и обозъ гетмана Михайла Паца взяли»[241].

Въ концѣ концовъ, король Янъ-Казиміръ и гетманы, «видя надъ собою свыше отъ Бога побѣду, за свою неправду, и неисполненіе замысловъ своихъ, изъ нашихъ украинныхъ городовъ пошли наскоро со многимъ стыдомъ и бѣгомъ, засѣкая засѣки позади себя, а обозы и пѣхоту всю потерявъ»[242]. Король ушелъ черезъ Кричевъ, Могилевъ и Минскъ въ Вильну, а гетманы возвратились въ Польшу. Положительно извѣстно, что въ тѣснинахъ между Мглиномъ и Кричевымъ, Польскій король едва не попался въ плѣнъ и что онъ избавился отъ бѣды лишь по оплошности князя Якова Куденетовича Черкасскаго[243].

---

[241] Акты археографической экспедиціи. Т. IV. Спб. 1836. стр. 198. столб. 1.

[242] Тамъ-же, стр. 198. столб. 2.

[243] Павлищевъ. Польская анархія при Янѣ-Казиміръ и война за Украйну. Ч. 2. 1878. стр. 318.

Въ Москвѣ были очень недовольны дѣйствіями этого воеводы противъ Польскаго короля. Князь даже получилъ выговоръ отъ государя «за стоянье безъ промысла». Объ этомъ царь Алексѣй Михайловичь посылалъ сказать тайно князю Юрью Алексѣевичу Долгорукову[244]. Государь очевидно щадилъ престарѣлаго воина и своего свойственника, ибо въ царской грамотѣ, отъ 11 мая 1664 года, князю Черкасскому отведено было почетное мѣсто въ ряду другихъ лицъ, дѣйствовавшихъ въ Польскую войну.

Въ означенной царской грамотѣ сказано, что король Янъ-Казиміръ, «изо Львова, собрався съ Польскими людьми и съ Заднѣпрскими (то-есть, правобережными) Черкасы и съ Крымскими Татары, приходилъ на Малороссійскіе городы и на Путивльскіе и на Брянскіе мѣста и повоевали пустое, потому что обереглися; и хотѣли приходить войною жъ и въ иные украинные городы и многохвальныя побѣды обѣщали всяко творить. Но, милостію всесильнаго Бога, бояря и воеводы князь Яковъ Куденетовичь Черкасскій

[244] Соловьевъ. Исторія Россіи. Т. XI. М. 1861. стр. 231 и 233.

съ товарыщи и съ нашими, великаго государя, ратными людьми отъ Болхова, бояринъ же и воеводы Петръ Васильевичь Шереметевъ съ товарыщи изъ Путивля, окольничій и воевода князь Григорій Григорьевичь Ромодановскій съ товарыщи изъ Бѣлогородскихъ украинныхъ городовъ, войска Запорожскаго гетмана Иванъ Брюховецкій съ Черкасы и съ нимъ стольники и воеводы Петръ Скуратовъ и Кирило Хлоповъ съ нашими, великаго государя, ратными людьми изъ Черкасскихъ городовъ, на Польскаго короля и на гетмановъ ходили». За тѣмъ, послѣ краткаго перечня боевъ съ непріятелемъ до пораженія, нанесеннаго ему подъ городомъ Мглиномъ, въ грамотѣ говорится слѣдующее: «И бояря наши и воеводы князь Яковъ Куденетовичь отъ Брянска, Петръ Васильевичь Шереметевъ отъ Черкасскаго города отъ Королевца, хотѣли итить на Польскаго короля и на гетмановъ, и король и гетманы, бояся на себя приходу бояръ нашихъ и воеводъ и ратныхъ людей, вскорѣ отъ Кричева пошелъ въ Могилевъ»[245].

---

[245] Акты, собранные археографическою экспедиціею. Т. IV. Спб. 1836. № 149. стр. 197 и 198.

Изъ отписки боярина Петра Васильевича Шереметева къ царю Алексѣю Михайловичу, полученной въ Москвѣ 16 мая 1664 года, мы узнаемъ еще объ одномъ споспѣшникѣ государеву дѣлу, имени котораго не встрѣчаемъ въ царской грамотѣ потому, что свѣдѣнія объ его заслугахъ получены были въ Москвѣ уже послѣ отправленія грамоты. Рѣчь идетъ объ извѣстномъ ученомъ іерархѣ, Черниговскомъ епископѣ Лазарѣ Барановичѣ. Оказывается, что въ то время, какъ Польскій король приходилъ войною въ Малороссійскіе города, епископъ Лазарь, «въ Малороссійскихъ городѣхъ Черкасъ утверждалъ и къ вѣрѣ приводилъ, чтобъ они великому государю измѣны не учинили и противъ короля Польскаго и его полковъ бились и стояли крѣпко; а какъ король Польскій приходилъ подъ Новгородъ-Сѣверскій, и онъ, епископъ Лазарь, въ Новгородѣ сидѣлъ въ осадѣ и Новгородскихъ жителей по тому жъ утверждалъ и къ вѣрѣ приводилъ, чтобъ города королю Польскому не сдали. И по его утвержденью, Новгородцы въ осадѣ сидѣли и противъ короля бились». Далѣе, бояринъ Шереметевъ въ отпискѣ своей объясняетъ слѣдующее: «А какъ

мы пришли въ Новгородокъ, и приказный человѣкъ Иванъ Перхуровъ и Новгородскіе жители намъ сказывали, что епископъ Лазарь тебѣ, великому государю, служилъ и работалъ, и въ приходъ короля Польскаго Малороссійскихъ жителей утверждалъ. А Сѣверскій монастырь раззоренъ, весь выженъ, и старая каменная церковь разбита во многихъ мѣстѣхъ, и монастырскія деревни по дорогѣ, гдѣ мы шли въ Новгородокъ, всѣ пожжены»[246].

Польскій историкъ, подводя итоги описаннаго похода, съ грустью говоритъ: «Ни къ чему не послужили, ни личная храбрость короля, ни отличное мужество Чарнецкаго. Съ одной стороны Днѣпра—возраставшее могущество Россіянъ, съ другой — мятежный духъ казаковъ, удерживали дальнѣйшія дѣйствія Польскаго оружія. Всѣ побѣды, увѣнчавшія Поляковъ славою, остались вовсе безполезными»[247].

Для Поляка-патріота очень много сказано въ приведенныхъ строкахъ. Тѣмъ не ме-

[246] Московскій архивъ министерства юстиціи: дѣла Малороссійскаго приказа. № 5869.

[247] Бандтке. Исторія государства Польскаго. Т. II. Спб. 1830. стр. 330.

нѣе, положеніе наше было весьма трудное. Неуспѣхъ короля Яна-Казиміра конечно поддержалъ спокойствіе въ Малороссіи, но за то разстройство государственной казны дошло до того, что царь Алексѣй Михайловичь вынужденъ былъ обратиться къ монастырямъ съ воззваніемъ о помощи. Онъ писалъ монастырскимъ властямъ: «И вамъ бы, пречестнымъ отцемъ, желая христіянскаго покою, учинить вспоможенье, прислати къ намъ, великому государю, нашимъ государевымъ ратнымъ людямъ на жалованья и на кормы, монастырскія денежныя казны съ радостію, также какъ и прежнимъ великимъ государемъ, для вспоможенья ратнымъ людемъ на жалованья, изъ монастырей денежною казною помочь чинили многую; и отъ того Московское государьство отъ непріятелей освободилося. А къ тому въ прибавку прислали бъ есте и въ займы, сколько возможно, памятуя Божественное писаніе: когда на православныхъ христіянъ бывали иноплеменныхъ нахожденія, и въ то время, недостатка ради казны, ратнымъ людемъ на жалованья велѣно и церковные сосуды раздробляти». Воззваніе царя не осталось втунѣ. Одинъ Соло-

вецкій монастырь немедленно выслалъ «съ великою радостію» монастырской казны двадцать тысячъ рублей да двѣсти червонныхъ золотыхъ[248].

Можетъ показаться страннымъ, что такіе чрезвычайные монастырскіе сборы производились въ то самое время, когда только и рѣчи было что о мирѣ, столь желанномъ для обѣихъ сторонъ. Но Московское правительство не вѣрило Полякамъ. Царь Алексѣй Михайловичь, согласившись на предложеніе Польскаго короля выслать коммиссаровъ, для договора о вѣчномъ мирѣ, на съѣздъ между Смоленскомъ и Могилевомъ, въ тоже самое время стягивалъ къ означенному пункту свои войска, «чтобъ Польскіе коммиссары обману и къ миру задержанья не учинили»[249].

---

[248] Акты, собранные археографическою экспедиціею. Т. IV. Спб. 1836. стр. 199.

[249] Тамъ-же.

ГЛАВА XVIII.

Въ Крыму громко осуждали Польскаго короля за неудачный походъ въ Украйну; осуждали тамъ и дѣйствія Московскаго войска. Всѣ эти пересуды доходили и до нашего боярина-страдальца Василья Борисовича Шереметева. Вотъ что онъ писалъ по этому поводу въ отпискѣ къ царю Алексѣю Михайловичу: «Босурманы говорятъ, какъ ходилъ король Польскій на твои, великаго государя, городы, а съ королемъ ходили три царевича, Кримъ-Гиреевы дѣти, и тому они дивятся, какъ царевичи и король ушли отъ твоихъ, великаго государя, людей! Сами-де король и царевичи пришли было въ руки къ твоимъ, великаго государя, людемъ. А какъ король побѣжалъ черезъ Десну, и только бъ поспѣшили твои, великаго государя, люди, и

короля бъ совсѣмъ взяли. А царевичи пришли въ Крымъ съ великимъ убыткомъ, на однѣхъ лошадяхъ; а кошъ весь взяли твои, великаго государя, люди да барабаши»[250].

Татары роптали на Поляковъ: «Какъ-де ханъ былъ въ миру съ Богданомъ Хмельницкимъ и воевалъ Ляховъ, и у нихъ было богатство великое, а на люди упадокъ былъ малой. А какъ онъ почалъ помогать королю, и имъ добычи никакой не бывало, а людей множество погибло». Жестокосердый Чарнецкій и королевскій гетманъ Тетеря, «за заплату», отдали Татарамъ въ плѣнъ многіе города и мѣстечки тогобочной Украйны съ женами и съ дѣтьми. Татары до конца разорили и пожгли всѣ эти города и мѣстечки и все-таки оставались неудовлетворенными. И ближніе люди, и черные Татары настойчиво говорили хану Мухаммедъ-Гирею, чтобы онъ съ великимъ государемъ учинился, попрежнему, въ братственной дружбѣ и въ любви, а войну бъ прекратилъ и королю Польскому не помогалъ. Ханъ, уступая общему требованію, въ апрѣлѣ 1664 года, отправилъ въ Москву, къ

[250] Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ: Крымскія дѣла 1666 г. Связка 56/а. № 2.

великому государю, своего посла, Алея мельдеша, «а по Русски, мамкина сына», съ грамотою о мирномъ постановленьи и чтобы полономъ размѣняться и быть, попрежнему, въ дружбѣ. Послу и его товарищамъ, всего 15 человѣкъ, велѣно было ѣхать степью съ великимъ береженьемъ, по ночамъ; а днемъ «стояли бъ въ крѣпкихъ мѣстѣхъ, въ черняхъ и камышахъ, чтобъ ихъ было не видно, опасаясь отъ Калмыковъ». Но, не взирая на всѣ предосторожности, Крымскіе послы были пойманы и перебиты Калмыками, рыскавшими по Крымской степи[251]. Обо всемъ этомъ, въ іюлѣ мѣсяцѣ 1664 года, разсказалъ въ Малороссійскомъ приказѣ плѣнный Перекопскій Татаринъ Алишъ-Батыръ. Онъ же въ распросѣ показалъ, что Турецкій султанъ присылалъ къ Крымскому хану гонца, съ требованіемъ выслать боярина Василья Борисовича Шереметева въ Царьградъ. Ханъ Мухаммедъ-Гирей хотѣлъ было послать Шереметева, но этому воспротивились думные люди и чернь. «Только-де—говорили они—боринъ Василій Борисовичь отданъ будетъ въ

[251] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. V. Спб. 1867. стр. 200. столб. 1; стр. 202.

Царьгородъ, и у нихъ съ великимъ государемъ миру нелзѣ быть и не станетца». Тогда ханъ, чтобы отдѣлаться отъ султана, приказалъ сказать ему, что «боярина Василья Борисовича не стало, а мертваго къ нему посылать нечего». Татаринъ поспѣшилъ присовокупить, что «бояринъ Василій Борисовичь и по-нынѣ въ Крыму, въ Жидовскомъ городкѣ, живъ» и что «тѣсноты ему большой нѣтъ»[252].

Ближній человѣкъ Сеферъ-Гази-ага настойчивѣе всѣхъ противился намѣренію хана отправить Василья Борисовича въ Царьградъ и на это были особенныя причины. Въ то время, ханскій ближній человѣкъ уже далъ слово сослужить службу Московскому царю: освободить Шереметева, тайнымъ образомъ выпустить его изъ Крыма.

Выше мы упоминали, что бояринъ князь Григорій Сунчалеевичь Черкасскій, женатый на родной внучкѣ боярина Ѳедора Ивановича Шереметева, княжнѣ Прасковьѣ Никитишнѣ Одоевской[253], проживалъ въ городѣ Царицынѣ и завѣдывалъ тамъ Калмыцкими

---

[252] Акты южной и западной Россіи. Т. V. Спб. 1867. стр. 202. столб. 2.

[253] Архивъ графа С. Д. Шереметева. № 157.

дѣлами. Неизвѣстно, по приказанію ли самого царя Алексѣя Михайловича, а можетъ быть и собственнымъ починомъ, по свойству или дружбѣ съ Васильемъ Борисовичемъ Шереметевымъ, но только онъ взялся освободить его изъ Крымскаго плѣна. Человѣкъ рѣшительный, безстрашный наѣздникъ и отчаянный рубака, дикарь въ душѣ, какъ описываетъ князя Черкасскаго современникъ[254], онъ всегда предпочиталъ взять, что̀ ему нужно, саблей или умычкой. Среди воинственныхъ Черкесскихъ племенъ родимаго Кавказа, у него еще много было родственниковъ и друзей и, между прочимъ, родной племянникъ его Кастабулатъ-мурза, именуемый въ нашихъ актахъ княземъ Каспулатомъ Муцаловичемъ Черкасскимъ. Князь Григорій Сунчалеевичь поручилъ племяннику развѣдать: «мочно ли какими нибудь мѣрами учинить, чтобъ боярина Василья Борисовича изъ Крыму вывезть тайнымъ обычаемъ»? Князь Каспулатъ Муцаловичь, въ свою очередь, просилъ объ этомъ своего двоюроднаго брата, Кабардинскаго князя Темиръ-Булата Алегу-

[254] Potocki, Paulus, comes. Opera omnia. Varsaviae. 1748. стр. 192.

кина сына, а этотъ послѣдній—Урака-мурзу, который изъ Терскаго городка послалъ въ Крымъ своего аталыка или побратима, имѣвшаго въ Крыму большія связи между ближними людьми хана. Посланный аталыкъ такъ искусно повелъ дѣло, что успѣлъ склонить на свою сторону самого Сеферъ-Гази-агу, который шепнулъ боярину Василью Борисовичу Шереметеву, что онъ готовъ «отпустить его изъ Крыму къ Москвѣ тайно». Послѣ переговоровъ, вѣроятно о размѣрѣ вознагражденія за исполненіе столь опаснаго предпріятія, Шереметевъ и ага рѣшили послать въ Москву, съ листомъ къ великому государю, одного изъ Русскихъ, взятыхъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ Васильемъ Борисовичемъ. Въ этомъ листѣ Сеферъ-Гази-ага писалъ государю, что онъ «отпуститъ къ нему, въ Москву, изъ Крыму тайнымъ дѣломъ боярина Василья Борисовича», и что покамѣстъ онъ, Сеферъ-Гази-ага, живъ будетъ, и на великаго государя украинные городы Крымскій ханъ войною ходить не учнетъ». Къ великому несчастію, посланный Русскій плѣнникъ встрѣтился на дорогѣ съ возвращавшимися изъ Украйны Крымскими Татарами.

Они привезли его къ хану вмѣстѣ съ листомъ Сеферъ-Гази-аги[255]. Тотъ велѣлъ прочесть листъ предъ собою и судьба ханскаго визиря была рѣшена. Мухаммедъ-Гирей не рѣшился, однако, открыто казнить его. Онъ сперва отставилъ его и сослалъ въ деревню Отары, Мангупскаго округа, а потомъ подослалъ двухъ Татаръ, которые, улучивъ время, когда Сеферъ-Гази-ага сидѣлъ одинъ дома, воровски напали на него и закололи чѣмъ-то въ родѣ вертела[256].

Открытіе замысла Сеферъ-Гази-аги, разумѣется, не могло обойтись безъ дурныхъ послѣдствій и для Василья Борисовича Шереметева. Только усилившимся надзоромъ за нимъ и можно объяснить, почему послѣ удаленія Сеферъ-Гази-аги, въ теченіе цѣлаго года слишкомъ, не встрѣчается въ дѣлахъ ни одной отписки Василья Борисовича. Лишь изрѣдка до пограничныхъ воеводъ доходили о немъ свѣдѣнія отъ проѣзжихъ людей. Такъ, въ одной воеводской отпискѣ мы находимъ

---

[255] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. V. Спб. 1867. стр. 208.

[256] Смирновъ, В. Д. Крымское ханство подъ верховенствомъ Отоманской порты. Спб. 1887. стр. 576.

такое извѣстіе, относящееся приблизительно къ іюлю мѣсяцу 1664 года: «А про боярина Василья Борисовича Шереметева Гречаня сказали, что сами они его не видали, а слышали, что онъ здоровъ»[257].

Греки могли слышать это только отъ Татаръ, а по словамъ послѣднихъ, въ Крымскомъ юртѣ всегда «все обстояло благополучно». На самомъ же дѣлѣ Василій Борисовичь Шереметевъ изнемогалъ отъ тѣсноты и всякой нужи, какъ это видно изъ его первой отписки къ царю Алексѣю Михайловичу, послѣ указаннаго промежутка времени его полнаго молчанія. Вотъ содержаніе этой отписки, отъ 14 іюня 1665 года, тайно пересланной Шереметевымъ посланнику Якову Якушкину: «Мнѣ, убогому холопу твоему, отъ непріятеля зло великое съ тѣснотою и нужею, и кайдалами замученъ я. Въ кайдалахъ мучюсь два года безпрестанно и посаженъ въ палату; свѣтъ вижу въ одно окно и съ голоду уморятъ. А прежнева ближнева человѣка Сеферъ-Гази-аги, Жида, нѣтъ. Какъ ево отставили, и онъ съѣхалъ на Отары, и къ нему

---

[257] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. V. Спб. 1867. стр. 209.

пріѣхали два Татарина и ево закололи до смерти. И нынѣ у хана ближній человѣкъ иной, Кайтасомъ зовутъ. Онъ меня мучитъ. Какъ къ тебѣ, великому государю, отпустили толмачей, и мнѣ про отпускъ сказать и письма взять не велѣлъ. А про отпускъ писалъ ко мнѣ Яковъ тайно. А какъ предъ отпускомъ Яковъ былъ у ближнева человѣка, и тотъ письма у меня взять не велѣлъ и толмачей ко мнѣ не пустилъ. И я, написавъ, къ тебѣ, великому государю, отписку[258], отослалъ къ Якову Якушкину тайно. А писалъ отписку я, своею рукою, и милости у тебя, великаго государя, прошу: будетъ описался, не положи гнѣву и опалы своей государской на холопа своево: писать мало умѣю и отъ тѣсноты непріятельской мало и вижу. А отписку отослалъ я къ Якову іюня въ четвертый на десять день, въ платкѣ вощинномъ зашита, сверчена въ столбецъ, для провозу, какъ бы мочно провезть тайно. Да милости у тебя, великаго государя, прошу, умилосердися, государь, помилуй холопа своего, какъ тебѣ, великому государю, Богъ извѣститъ о безпо-

[258] Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ: Крымскія дѣла 1666 г. Связка 56/а. № 2.

мощномъ холопѣ твоемъ. А надежда моя Богъ да ты, государь».

Но какъ ни взывалъ Василій Борисовичь о милости, дѣло объ его выкупѣ оставалось все въ томъ же положеніи. Уже одна попытка тайно вывезти Шереметева изъ Крыма, исходила ли она отъ царя Алексѣя Михайловича или отъ самого князя Черкасскаго, достаточно ясно указываетъ на то, что всѣ обычные, такъ-сказать, законные способы искупленія его, оказывались недѣйствительными. По-мимо установленнаго Уложеніемъ царя Алексѣя Михайловича общаго сбора полоняничныхъ денегъ со всего государства, отъ чего получалось около полутораста тысячъ рублей въ годъ [259], лично для Шереметева производился еще особый частный сборъ, между прочимъ и его женою; а въ Посольскомъ приказѣ сидѣлъ особый подъячій, Петръ Долгово, «у кого боярина Василья Борисовича окупъ вѣдомъ» былъ [260]. Всѣ собранныя лично для Шереметева деньги и мѣха хранились частію въ его домѣ, частію у

[259] Котошихинъ. О Россіи, въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Изд. 2. Спб. 1859. стр. 72.

[260] Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ: Крымскія дѣла 1670—1673 г. № 51. л. 616 на об.

названнаго подъячаго Посольскаго приказа. Трудно судить о размѣрахъ частныхъ пожертвованій на окупъ Василья Борисовича. До сихъ поръ мы знаемъ по документамъ лишь о двухъ случаяхъ такихъ пожертвованій. Такъ, боярину князю Никитѣ Ивановичу Одоевскому, по купецкимъ книгамъ Сибирскаго приказа, доводилось получить изъ государевой казны, за взятые у него указные товары, за поташъ и за пеньку, «за мѣдныя деньги по расчету противъ серебряныхъ денегъ на 2647 рублей собольми и мягкою рухлядью». Князь Никита Ивановичь подалъ государю такую челобитную: «Тесть мой, боринъ Ѳедоръ Ивановичь Шереметевъ, въ духовной своей написалъ, давать мнѣ, боярину князю Никитѣ Ивановичу, по душѣ его, боярина Ѳедора Ивановича, по 500 рублей на годъ полоненикомъ на окупъ десять лѣтъ. И по той духовной, тысячу рублей я, бояринъ князь Никита Ивановичь Одоевскій, въ Посольскій приказъ отослалъ и отпись мнѣ въ тѣхъ деньгахъ дана. А четырехъ тысячъ рублевъ, за разореніемъ своимъ и за службами и за посольскими съѣздами, я не платилъ. И великій государь пожаловалъ бы, велѣлъ тѣ

деньги или мягкую рухлядь, что довелось мнѣ взять за указные мои товары, на 2000 рублей отослать въ Посольскій приказъ, на окупъ боярина Василья Борисовича Шереметева; а достальныя деньги, 647 рублей, послать на размѣну, на окупъ людей моихъ, боярина князь Никиты Ивановича Одоевскаго, которые побраны на службахъ великаго государя; а будетъ людей моихъ на размѣну не привезутъ, и тѣми бъ деньгами окупить иныхъ полонениковъ, которые на размѣну привезены будутъ».

По указу великаго государя, человѣкъ боярина Василья Борисовича Шереметева, Алексѣй Бибиковъ, принялъ въ Посольскомъ приказѣ пересланные туда изъ Сибирскаго приказа въ уплату за товары князя Одоевскаго, «19 сороковъ соболей да 4 пары, да 11 юфтей шубъ бѣлыихъ хребтовыхъ съ рукавы, цѣною на 2647 рублей». Бибиковъ долженъ былъ доставить принятые имъ соболя и мягкую рухлядь завѣдывавшимъ размѣномъ плѣнныхъ окольничему Петру Дмитріевичу Скуратову и дьяку Ивану Олухову, которымъ посланъ былъ указъ великаго государя съ приказаніемъ, доставленную Биби-

ковымъ соболиную казну и мягкую рухлядь принять по ярлыкамъ, осмотря великаго государя казенныхъ печатей, по росписи. «А какъ, аже дастъ Богъ, будете на размѣнномъ мѣстѣ,—говорится далѣе въ указѣ,—и вы бъ изъ тѣхъ соболей и изъ мягкой рухляди дали въ окупъ за боярина нашего Василья Борисовича на 2000 рублей, а на достальные соболи и на мягкую рухлядь, на 647 рублей, окупили боярина нашего князь Никиты Ивановича Одоевскаго людей».

Другой случай пожертвованія на искупленіе Василья Борисовича Шереметева: боринъ князь Иванъ Алексѣевичь Воротынскій долженъ былъ получить изъ государевой казны за шесть бочекъ взятаго у него поташу, по расчету, серебряными деньгами, 109 рублей. Вмѣсто денегъ, ему велѣно было выдать изъ Сибирскаго приказа соболями: сорокъ—въ 70 рублей да сорокъ въ 30 рублей; пара—въ 5 рублей да пара—въ 4 рубля. Но князь Воротынскій,—сказано въ документѣ,—«тѣмъ взяткомъ поступился на окупъ боярина Василья Борисовича Шереметева»[261].

[261] Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ: Крымскія дѣла 1670—1673. № 51. лл. 612—616.

Судя по двумъ приведеннымъ случаямъ, пожертвованія на окупъ Шереметева собирались по большей части мѣхами, которые потомъ нужно было обращать въ деньги, ибо Татарамъ приходилось платить непремѣнно звонкой монетой и при томъ не по курсу, а на вѣсъ. Обращеніе же мѣховъ въ деньги производилось по оцѣнкѣ, подвергавшейся колебаніямъ и всевозможнымъ случайностямъ. Можетъ-быть, многіе, подобно князю Воротынскому, отказывались принимать уплату мѣхами, «поступаясь тѣмъ взяткомъ» на окупъ плѣнныхъ. Что бы составить себѣ приблизительное понятіе о томъ, что́ значила въ то время сумма въ 50 тысячъ рублей, которую царь Алексѣй Михайловичь вызывался заплатить Татарамъ за Шереметева, приведемъ для сравненія слѣдующее: Отецъ упомянутаго князя Воротынскаго, извѣстный богачъ, зять царицы Евдокіи Лукьяновны[262], князь Алексѣй Ивановичь Воротынскій, получившій отъ своего родителя больше семи тысячъ четвертей земли[263], при выдачѣ своей

---

[262] То-есть, мужъ ея сестры, Марьи Лукьяновны Стрѣшневой.

[263] Государственный архивъ: столбцы приказа Тайныхъ дѣлъ (разрядъ XXVII. № 32. пачка 5).

сестры, княжны Екатерины Ивановны, за князя Ѳедора Сунчалеевича Черкасскаго, далъ за нею богатое по тому времени приданое, которое однако оцѣнивалось всего въ 3800 рублей. Столь же знатный бояринъ князь Михаилъ Михайловичъ Темкинъ-Ростовскій, оставилъ послѣ своей смерти, въ 1661 году, наличный капиталъ, тоже считавшійся весьма значительнымъ, а между тѣмъ, онъ содержалъ въ себѣ всего только 7550 рублей[264].

На дороговизну тогдашнихъ денегъ, еще яснѣе указываютъ размѣры денежныхъ окладовъ служилыхъ людей и прибавокъ къ этимъ окладамъ за отличіе. Возьмемъ, для примѣра, придворную службу стольника Никиты Ивановича Шереметева. Съ 1651 года, онъ былъ постоянно на глазахъ у государя, неоднократно бывалъ въ рындахъ на посольскихъ аудіенціяхъ, а въ войнахъ 1654 — 1656 годовъ состоялъ даже въ числѣ подручниковъ (по нынѣшнему адъютантовъ) самого царя. При всемъ томъ, въ 1662 году, онъ получалъ

---

[264] Памятники древней письменности, издаваемые обществомъ любителей древней письменности, за 1880 годъ. Вып. I/VI. стр. 132 и 137.

государева жалованья, денежнаго оклада, всего 75 рублей въ годъ, а въ 1664 году ему прибавленъ, за отличіе, одинъ рубль съ полтиною. Бояринъ князь Яковъ Куденетовичь Черкасскій получалъ въ описываемое время 850 рублей. Тогда это былъ высшій денежный окладъ въ государствѣ. За княземъ Черкасскимъ слѣдовалъ бояринъ князь Никита Ивановичь Одоевскій, получавшій 730 рублей. Боярину Петру Васильевичу Большому Шереметеву выдавали по 400 рублей въ годъ. Тоже самое получалъ и бояринъ Василій Борисовичь Шереметевъ, имя котораго, во все время его Крымскаго плѣна, переносилось изъ года въ годъ въ окладные списки все съ тою же цыфрою денежнаго оклада, въ 400 рублей[265].

Скудость денежныхъ средствъ была такъ велика, что какіе нибудь десять тысячъ рублей, понадобившіеся для отправленія въ Англію пословъ, князя Петра Семеновича Прозоровскаго и Ивана Аѳанасьевича Желябужскаго, собирали съ большимъ трудомъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ и правитель-

[265] Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ: Книги боярскія 1661—1676 г. №№ 23—25, 28.

ство было не въ состояніи выдать сразу все жалованье и прогоны чинамъ посольства. По общему наказу, цѣль посольства князя Прозоровскаго и Желябужскаго заключалась въ поздравленіи короля Карла II-го со вступленіемъ на престолъ и въ выраженіи ему желанія великаго государя быть съ нимъ въ братской дружбѣ. Но дѣйствительная, правильнѣе сказать, главнѣйшая причина посольства скрывалась въ тайномъ наказѣ, данномъ Желябужскому. Этимъ наказомъ Желябужскому поручалось попросить у короля взаймы нѣсколько тысячъ ефимковъ съ тѣмъ, чтобы выплатить ихъ въ разсрочку пенькою и поташемъ, а также попытаться занять денегъ и у Англійскихъ купцовъ[266].

---

[266] Лодыженскій, А. Посольство въ Англію князя Прозоровскаго, дворянина Желябужскаго и дьяка Давыдова, въ 1662 году. Историческій очеркъ по документамъ Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Спб. 1880. стр. 5, 6 и 11.

ГЛАВА XIX.

Въ отвѣтъ на посольство князя Прозоровскаго и Желябужскаго, въ Москву прибылъ, 7 февраля 1664 года, знатный Англійскій посолъ, родственникъ короля Карла II, графъ Карлъ Карлейль. Онъ пріѣхалъ съ женою и семнадцатилѣтнимъ сыномъ. Въѣздъ въ Москву Англійскаго посла отличался чрезвычайною пышностію. За недѣлю до сего царь Алексѣй Михайловичь, самъ своею особою, сдѣлалъ на Дѣвичьемъ полѣ смотръ ратнымъ людямъ, назначеннымъ быть на посольской встрѣчѣ. На этомъ смотру участвовалъ, между прочимъ, и стольникъ Никита Ивановичь Шереметевъ. Онъ былъ головою второй сотни стольниковъ и имѣлъ особое знамя: «середина—тафта брусничная, опуш-

ка—тафта желтая; на сторонѣ—крестъ, на другой—ангелъ Господень»[267].

Всѣ бывшіе на смотру стольники, стряпчіе, дворяне Московскіе, жильцы и иныхъ чиновъ служилые люди, росписанные въ сотни, выѣхали на встрѣчу Англійскаго посла «въ цвѣтномъ въ ратномъ платьѣ, на аргамацѣхъ и на жеребцахъ и на конѣхъ на добрыхъ; а на лошадяхъ были чѣпи гремячіе и поводные и иные конскіе наряды добрые жъ». Встрѣчныя сотни выстроились «за Земляным валомъ, дорогою, ѣдучи изъ ямской Тверской слободы, направо, къ селу Сущеву»[268]. Графъ Карлейль, прибывшій въ Россію моремъ, къ Архангельску, въѣзжалъ въ Москву Ярославскою дорогою. Въ посольскомъ поѣздѣ насчитывалось 200 экипажей. Впереди ѣхали трубачи съ серебряными трубами. Англичане любовались царскими ратными людьми, выставленными для ихъ встрѣчи. Одинъ изъ членовъ Англійскаго посольства говоритъ въ своихъ Запискахъ: «Царскія

---

[267] Древности Россійскаго государства. Дополненіе къ III отдѣленію: Русскія старинныя знамена, соч. Лукіана Яковлева. М. 1865. стр. 55.

[268] Дворцовые разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 553 и 554.

войска, весьма хорошо одѣтыя, стояли по обѣимъ сторонамъ дороги; а трубачей и литаврщиковъ было такъ много, что мы совершили весь путь съ музыкою. Но всего болѣе удивило насъ множество бояръ и стольниковъ въ весьма богатыхъ парчевыхъ одеждахъ. Они были всѣ верхами и имѣли на головахъ высокія шапки изъ черныхъ лисицъ. Замѣчательно, что у лошадей, вмѣсто поводьевъ, были цѣпи»[269]. Царь Алексѣй Михайловичь съ царицей, дѣтьми и знатнѣйшими боярами смотрѣли на въѣздъ изъ тайника въ городскихъ воротахъ[270]. На встрѣчномъ мѣстѣ графъ Карлейль пересѣлъ въ государевы сани и посольскій поѣздъ двинулся кружнымъ путемъ, по лучшимъ Московскимъ улицамъ. Лишь позднимъ вечеромъ посольство достигло до отведеннаго ему помѣщенія «на Покровкѣ, на Давыдовскомъ дворѣ Николаева»[271].

Никита Ивановичь Шереметевъ участво-

---

[269] La relation de trois ambassades. Amsterdam. 1672. По Русскому переводу: В. Берха (Царствованіе царя Алексѣя Михайловича. Ч. I. Спб. 1831. стр. 165) и А. Ѳ. Бычкова (Отечественныя Записки 1885 года. Томъ CCLXXIII. № 11: Библіографическіе отрывки).

[270] Gordon. Tagebuch. T. I. M. 1849. стр. 341.

[271] Дворцовые разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 556.

валъ и въ другихъ церемоніяхъ пріема и угощеній Англійскаго посла. Такъ, 11 февраля, въ день представленія графа Карлейля государю, въ Золотой большой Грановитой палатѣ, онъ встрѣчалъ посла отъ имени самого царскаго величества, во второй встрѣчѣ, «середи сѣней»[272]. Англичане были поражены великолѣпіемъ нашего двора. Членъ посольства, безыменный авторъ вышеупомянутыхъ Записокъ, прямо говоритъ, что «ничего подобнаго нельзя видѣть ни въ какомъ другомъ государствѣ». Понятно, что все вниманіе иноземцевъ было устремлено на наружность самого царя Алексѣя Михайловича. По описанію Англичанина, Царю было около тридцати четырехъ лѣтъ; его взоръ величественъ, станъ красивъ, борода окладиста, но волоса на головѣ, по обычаю, обстрижены въ кружокъ и такъ высоко, что совершенно открывали уши. Московскій царь возсѣдалъ на тронѣ, изумившемъ иностранцевъ своимъ богатствомъ: онъ былъ весь серебряный, мѣстами вызолоченъ и украшенъ драгоцѣнными каменьями. По стѣнамъ палаты сидѣло болѣе

---

[272] Дворцовые разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 557.

двухсотъ бояръ въ парчевыхъ золотыхъ и серебряныхъ одѣяніяхъ[273].

По возвращеніи графа Карлейля въ посольскій дворъ, къ нему прибылъ отъ царскаго величества стольникъ Никита Ивановичь Шереметевъ со столовымъ кушаньемъ, состоявшимъ изо ста мясныхъ блюдъ, съ весьма значительнымъ количествомъ меда, вина и водки. Съ посломъ и его свитой сѣли за столъ: самъ Шереметевъ и приставы[274]. Заздравные предлагались по запискѣ отъ государя. Какъ только выпита была здравица въ честь Англійскаго короля, посолъ подарилъ Шереметеву свой опорожненный серебряный вызолоченный кубокъ[275].

13 февраля, во второй пріѣздъ Англійскаго посла ко двору, когда ему указали быть у бояръ въ отвѣтѣ, стольникъ Никита Ивановичь Шереметевъ опять былъ на второй встрѣчѣ, «середи сѣней».

Особенною торжественностію отличался

---

[273] Берхъ, В. Царствованіе царя Алексѣя Михайловича. Ч. I. Спб. 1831. стр. 167.

[274] Дворцовые разряды. Т. Ш. Спб. 1852. столб. 557 и Берхъ, В. Царствованіе царя Алексѣя Михайловича. Ч. I. Спб. 1831. стр. 168.

[275] Отечественныя Записки 1855 года. Т. СШ. № 11: Библіографическіе отрывки, А. Ѳ. Бычкова. стр. 61.

третій пріѣздъ ко двору графа Карлейля, 19 февраля, въ пятокъ сырной недѣли. Въ этотъ день онъ имѣлъ второе совѣщаніе съ боярами, а потомъ былъ приглашенъ къ государеву столу. На этотъ разъ встрѣча послу была на паперти Благовѣщенскаго собора, изъ Отвѣтной палаты, отъ думныхъ людей, назначенныхъ быть въ отвѣтѣ, а именно: отъ боярина князя Никиты Ивановича Одоевскаго, боярина князя Юрья Алексѣевича Долгорукова, окольничаго Василья Семеновича Волынскаго, думнаго дворянина Ивана Аѳанасьевича Прончищева и посольскаго думнаго дьяка Алмаза Иванова. Встрѣчали пословъ дьяки: Ѳедоръ Грибоѣдовъ и Тимоѳей Безсоновъ. Отъ Благовѣщенской паперти, графъ Карлейль, предшествуемый посольскими людьми, вошелъ въ Отвѣтную палату и просидѣлъ тамъ до полудня, когда къ нему явился стольникъ Никита Ивановичь Шереметевъ съ объявленіемъ, что великій государь, жалуя его, великаго посла, велѣлъ у своего государева стола быть. Столы были накрыты въ Грановитой палатѣ. Царь Алексѣй Михайловичь, одѣтый «въ бѣлую серебряную шубу», уже сидѣлъ на своемъ царскомъ мѣстѣ. При

немъ стояли съ мечами стольники: князь Петръ Ивановичь и князь Василій Петровичь Прозоровскіе. Тутъ-же были: крайчій князь Петръ Семеновичь Урусовъ и стольникъ Дмитрій Никитичь Наумовъ. Отъ дверей палаты, по обѣ стороны, на рундукахъ, стояли съ протазанами и алебардами жильцы, одѣтые въ терлики червчатые и объяринные, по 12 человѣкъ на сторонѣ. Англійскій посолъ, ударя челомъ великому государю, «сѣлъ за столъ, въ лавкѣ подъ другимъ окномъ, что̀ отъ Благовѣщенья». Съ посломъ въ скамьѣ были посажены: стольникъ Никита Ивановичь Шереметевъ и думный дворянинъ Иванъ Аѳанасьевичь Прончищевъ. Сынъ посла и королевскіе посольскіе чиновные люди сѣли за другимъ столомъ. За ближайшимъ къ царю большимъ столомъ сидѣли: бояринъ князь Никита Ивановичь Одоевскій, бояринъ князь Юрій Алексѣевичь Долгоруковъ, окольничій Василій Семеновичь Волынскій, думный дьякъ Алмазъ Ивановъ, стольники, дворяне и именитые люди: Ѳедоръ да Данило Строгоновы. Всѣ они были въ бѣлыхъ тафтяныхъ шубахъ. Посла Англійскаго и его сына потчивалъ стольникъ князь

Иванъ Петровичь Козловскій. Тарелки, ложки и ножи раскладывалъ князь Яковъ Семеновичь Борятинскій. Въ столовомъ нарядѣ, по обыкновенію, предусмотрѣно было все, до мельчайшихъ подробностей. Тарелки, ложки и ножи прежде всего полагались предъ посломъ и его сыномъ, потомъ предъ Никитой Ивановичемъ Шереметевымъ и Прончищевымъ, и уже послѣ нихъ,—предъ королевскими посольскими чиновными людьми. Скатерти, судки, солонки и калачи были положены на столы еще до посольскаго прихода.

Церемонія государева столоваго кушанья началась съ того, что окольничій Ѳедоръ Михайловичь Ртищевъ, вѣдавшій государевъ поставецъ, съ котораго отпускались кушанья лично государю, выступилъ къ царскому мѣсту и явилъ государю слѣдовавшихъ за нимъ по два человѣка въ рядъ 26 чашниковъ и 60 стольниковъ, бывшихъ «въ чинѣхъ при великомъ государѣ». Чашники должны были подавать питія государю, а стольники—ставить предъ нимъ кушанья. Всѣ эти чины были одѣты въ золото. Въ числѣ чашниковъ былъ сынъ нашего Крымскаго вязня, стольникъ Иванъ Васильевичь Шереметевъ. Рти-

щевъ, постоявъ предъ великимъ государемъ, пошелъ съ своими чашниками и стольниками «около столпа за поставецъ». Для боярскаго и посольскаго столовъ былъ особый поставецъ, которымъ вѣдалъ стольникъ Василій Григорьевичь Нечаевъ. Для разноски питій и кушаній въ эти столы былъ особый штатъ стольниковъ и стряпчихъ: въ боярскій столъ 70 человѣкъ, въ посольскій — 55 человѣкъ.

Стройными рядами слѣдовали стольники и стряпчіе, чинно разнося каждому изъ присутствовавшихъ на отдѣльномъ блюдѣ кушанія, непонятныя для насъ по тому порядку, въ которомъ онѣ слѣдовали одно за другимъ, а за-частую и по своему составу. Не говоримъ уже о поражающей численности перемѣнъ. Прежде всего было подано блюдо икры осенней, потомъ оладейка тѣльная, блюдо щучины, блюдо стерлядины, лещь росольной, окуня росольные, полголовы лосошьи подъ лимоны, схабъ бѣлужій, спина лосошья, стерлядь паровая, лещь паровой, спина бѣлой рыбицы, уха карасевая, уха пискаревая, уха линевая, караваецъ съ пирожками тѣльной, оладейка жаркая тѣльная, щука колотка, пол-

головы осетрины свѣжей, звѣно бѣлужины свѣжей просольной, щука голова живая. Мяса не было потому что тотъ день былъ постный. Англичане находили, что поданныя кушанья были «очень хороши». Обилію яствъ вполнѣ соотвѣтствовало и обиліе напитковъ. По росписямъ дворцовымъ, «за столомъ, про великаго государя, и про бояръ, и про Аглинскаго посла, и его чиновныхъ и посольскихъ людей», вышло, кромѣ пива и всевозможныхъ медовъ: «Винъ Фряскихъ государевы статьи, романеи, бастру, ренскаго, алкану, малвазеи, кинареи, вина церковнаго, Фрянцужскаго,— по третьнику. Про бояръ и въ столы: пять ведръ романеи лучшіе, десять ведръ романеи подъ тою, алкану, Фрянцужскаго,—по ведру; вина церковнаго—полъ два ведра; шесть кружекъ водки анисовые, три крушники водки коричные, три кружки водки изъ вина, три ведра воды брусничные поддѣльные, два ведра квасу яблочнаго». По свидѣтельству Англичанина-очевидца, присутствовавшихъ «не приневоливали пить, а только отъ времени до времени просили, не забывать выкушать на здоровье царское. Государь два раза торжественно пилъ про братскую любовь ко-

роля Англійскаго Карла: въ первый разъ изъ яшмовой чаши, а во второй разъ — изъ хрустальной. Оба раза графъ Карлейль билъ челомъ великому государю, вышедъ изъ-за стола. А предъ окончаніемъ стола, царь Алексѣй Михайловичь, подозвавъ къ себѣ графа Карлейля, выпилъ съ нимъ одинъ на одинъ еще нѣсколько кубковъ вина за здравіе Карла II и въ память родителя его, мученика Карла I.

Царская трапеза окончилась въ 9 часовъ вечера. Пословъ проводили до посольскаго двора съ вожженными свѣчами[276].

Намъ нѣтъ надобности продолжать разсказъ о дальнѣйшемъ пребываніи графа Карлейля въ Москвѣ, о дальнѣйшихъ торжествахъ въ честь его, равно какъ и объ неуспѣхѣ его представленій въ пользу возстановленія торговыхъ привилегій Англійскихъ купцовъ. Графъ уѣхалъ изъ Россіи въ состояніи полнаго раздраженія и неудовольствія, вслѣдствіе неудачи посольскихъ пере-

---

[276] Дворцовые разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 553 — 579.— Берхъ. Царствованіе царя Алексѣя Михайловича. Ч. I. Спб. 1831. стр. 170.—Отечественныя Записки 1855 года. Т. CIII. № 11: Библіографическіе отрывки, А. Ѳ. Бычкова. стр. 62—65.

говоровъ по разнымъ предметамъ. Послѣ описаннаго столоваго кушанія у государя, свѣдѣнія о службахъ Никиты Ивановича Шереметева прерываются на весьма значительное время, по крайней мѣрѣ, года на два съ половиною. Извѣстно только, что въ этотъ промежутокъ времени, Никитѣ Ивановичу прибавленъ былъ, въ 1664 году, денежный окладъ на одинъ рубль съ полтиною въ годъ[277]; а въ слѣдующемъ, 1665 году, ему пожаловано «въ окладъ» 185 четвертей земли при сельцѣ Никольскомъ, Ряжскаго уѣзда, Пехлецкаго стана[278]. Встрѣчаются также свѣдѣнія о женѣ Никиты Ивановича, «пріѣзжей боярынѣ» Евдокіѣ Ѳедоровнѣ Шереметевой, объ ея великоденскихъ и рождественскихъ поздравленіяхъ царицы и царевень, съ приношеніемъ имъ, по старому обычаю, перепечь или сдобныхъ крупитчатыхъ куличей. Каждый разъ она подносила по тридцати перепечь[279].

Есть еще извѣстіе о томъ, что осенью 1664

---

[277] Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ: книга боярская 1664 года. № 24. л. 52.

[278] Московскій архивъ министерства юстиціи: Вотчинной коллегіи, по городу Москвѣ старыхъ лѣтъ, книга № 98. дѣло № 20. л. 132.

[279] Забѣлинъ: Домашній бытъ Русскихъ царей. М. 1862. стр. 311 и Домашній бытъ Русскихъ царицъ. М. 1869. стр. 345.

года, Никита Ивановичъ Шереметевъ былъ боленъ и что лечилъ его извѣстный докторъ самого царя Алексѣя Михайловича, Самуилъ Коллинсъ, а также докторъ Симонъ Зоммеръ. Въ дѣлахъ Аптекарскаго приказа сохранились три записи объ отпускѣ Никитѣ Ивановичу лекарствъ, 20, 23 и 28 сентября 1664 года[280].

Мы проводимъ здѣсь дословный текстъ всѣхъ трехъ записей[281]:

1) «173 г. сентября въ 20 день, по росписи дохтура Самойла (Коллинса), здѣланы составы Микитѣ Шереметеву, а въ тѣ составы положено:

Экстрактумъ - панхимагогоми, полъ 2 зол.	Extractum panchymagogum = = Extractum rhei compositum = сложный ревенный экстрактъ (слабительное).	
Витріолiумъ - мартисъ, полъ зол.	Vitriolum martis = = желѣзный купоросъ.	Давали въ старину при кишечномъ катаррѣ.
Масла коричного, 4 капли.	Oleum cinnamomi.	

[280] Матеріалы для исторіи медицины въ Россіи. Вып. второй. Спб. 1883. стр. 278—280.

[281] Поясненія во второй колонкѣ сдѣланы знатокомъ старинной фармакологіи, достопочтеннымъ предводителемъ дворянства Можайскаго уѣзда, Алексѣемъ Константиновичемъ Варженевскимъ.

2-й составъ:	
Спиртусъ карнацерви, зол.	Spiritus Cornus Cervi = Ammonium carbonicum pyrooleosum solutum. Давали при судорожныхъ припадкахъ и при задержаніи высыпанія сыпей.
Масла коричного, 5 капель».	Oleum cinnamomi.

2) «173 г. сентября въ 23 день, по росписи дохтура Симона (Зоммера), дѣланы составы Микитѣ Шереметеву, а въ тѣ составы положено:

Масла дикапарибумъ, 12 зол.	?
Масла коричного } по 8 з.	Oleum cinnamomi.
Масла скарапіонова } по 8 з.	?
Мази діалтѣи } по 4 зол.	Unguentum de Althaea = Unguentum flavum. Раздражающая мазь, при язвахъ.
Мази попилемовы } по 4 зол.	Можетъ-быть, это Unguentum populeum = тополевая мазь (ароматическая). Ее давали какъ утоляющую боль.
И то все смѣшено.	
2-й составъ:	
Коры тамариси, фунтъ безъ четвер.	Cortex tamaricis—отъ растенія Tamarix indica.
Корени каптаромъ, фунтъ безъ четвер.	
Травы агримоніи, 10 горстей.	Herba agrimoniae Eupatoriae. Давалась отъ геморроя.

Цвѣту рамонова, 6 горстей».	Florés chamomillae romanae = = Римская ромашка. Давали при спазмахъ, желудочныхъ коликахъ, при перемежающейся лихорадкѣ.

3) «173 г. сентября въ 28 день, по росписи дохтура Самойла (Коллинса), здѣлано лекарство Микитѣ Шереметеву, а въ то лекарство положено:

Пороху стомагалисъ - перкманіи, 8 золот.	?
Духу изъ селитры, 4 зол.	?

По приведеннымъ рецептнымъ формуламъ, конечно, трудно опредѣлить съ точностію, какая именно болѣзнь была у Никиты Ивановича Шереметева. Составъ лекарствъ, прописанныхъ Шереметеву, какъ будто бы указываетъ на то, что онъ страдалъ нервнымъ разстройствомъ и переутомленіемъ желудка. И это было естественнымъ послѣдствіемъ участія его во всѣхъ церемоніяхъ пріема и угощеній Англійскаго посольства.

Пора, однако, возвратиться къ боярину Петру Васильевичу Большому Шереметеву.

ГЛАВА XX.

Послѣ удаленія Польскаго короля въ Литву, боярину Петру Васильевичу Большому Шереметеву велѣно было итти опять въ Сѣвскъ, съ тѣмъ, чтобы оттуда выступить съ государевыми ратными людьми въ ту мѣстность, въ которой назначено будетъ съѣзжаться нашимъ посламъ съ Польскими коммиссарами, для мирнаго договора. Но потомъ это послѣднее распоряженіе было отмѣнено, и Шереметевъ остался въ Сѣвскѣ. Къ мѣсту же съѣзда отправились съ войсками, «для страху Польскимъ коммиссарамъ», бояринъ князь Яковъ Куденетовичь Черкасскій, окольничій князь Юрій Никитичь Борятинскій и изъ Смоленска бояринъ князь Иванъ Андреевичь Хованскій[282].

[282] Акты археографической экспедиціи. Т. IV. Спб. 1836. стр 199. столб. 1.

На посольскій съѣздъ назначены были, съ нашей стороны: бояринъ князь Никита Ивановичь Одоевскій, бояринъ князь Юрій Алексѣевичь Долгоруковъ, думный дворянинъ Аѳанасій Лаврентьевичь Ординъ-Нащокинъ и думный дьякъ Алмазъ Ивановъ; а съ Польской стороны: великій канцлеръ Пражмовскій и гетманъ Станиславъ Потоцкій съ товарищами. Какъ извѣстно, мирные переговоры, начавшіеся 1 іюня 1664 года, въ деревнѣ Вейновѣ, Смоленскаго уѣзда, не привели ни къ чему. Бо̀льшая часть съѣздовъ прошла въ обоюдныхъ вычетахъ и перекорахъ, кто виноватъ въ нарушеніи вѣчнаго мира—Москва или Польша? Что̀ предлагала одна сторона, то отвергала другая. Въ самый разгаръ переговоровъ, недалеко отъ мѣста съѣзда, произошла даже стычка между Русскими войсками и Литовскими, изъ-за пустяшной ссоры людей, пасшихъ лошадей. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ переговоры были прерваны. Полномочные разъѣхались, положивъ съѣхаться вновь лѣтомъ слѣдующаго 1665 года, уже послѣ сейма[283].

---

[283] Соловьевъ. Исторія Россіи. Т. XI. М. 1861. стр. 229—236. — Павлищевъ. Польская анархія при Янѣ-Казимірѣ и война за Украйну. Ч. 2. Спб. 1878. стр. 319.

Бояринъ Петръ Васильевичь Шереметевъ возвратился въ Сѣвскъ, на свое воеводство, въ началѣ апрѣля 1664 года. Въ его отсутствіе, въ Сѣвскѣ начальствовалъ товарищъ его стольникъ Иванъ Андреевичь Полевъ, на имя котораго присылались за это время и царскіе указы, между прочимъ, указъ отъ 7 марта 1664 года, о пропускѣ въ Малороссію стольника Василья Петровича Кикина, назначеннаго на мѣсто стольника Кириллы Хлопова. Послѣдній состоялъ съ особымъ полкомъ при гетманѣ Иванѣ Брюховецкомъ, какъ бы въ качествѣ уполномоченнаго отъ царя Алексѣя Михайловича.

Судя по наказу, данному Кикину, должность его заключалась главнымъ образомъ въ блюстительствѣ выгодъ государева дѣла въ Малороссіи и находящихся тамъ государевыхъ ратныхъ людей, чтобъ имъ «гдѣ большого упадку не было». Кикину поставлялось въ обязанность «быти въ совѣтѣ» съ гетманомъ, и «о дѣлѣхъ великаго государя радѣти, и надъ непріятели, надъ Польскими и Литовскими и Крымскими и Ногайскими людьми и надъ измѣнники Черкасы, всякими мѣрами промыслъ чинить сопча», и быть «во вся-

кихъ великаго государя дѣлѣхъ неоплошно». Далѣе, Кикинъ обязанъ былъ всѣми мѣрами провѣдывать про всякія мѣстныя дѣла и вѣсти, и писать обо всемъ съ нарочными гонцами къ государю, чрезъ Малороссійскій приказъ или приказъ тайныхъ дѣлъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Кикину строго возбранялось вступаться въ войсковыя гетманскія дѣла и въ права мѣстнаго населенія[284].

Въ сущности тѣ же самыя обязанности по отношенію къ гетману Брюховецкому и Малороссіи лежали и на пограничномъ воеводѣ, боярине Петрѣ Васильевичѣ Шереметевѣ. Онъ зналъ обо всемъ, что дѣлалось въ Малороссіи и въ сосѣдней непріятельской странѣ; все видѣлъ своими глазами, обо всемъ слышалъ своими ушами. «А гдѣ,—по словамъ знаменитаго государственнаго мужа того времени, Ордина-Нащокина,—глаза видятъ и ухо слышитъ, тутъ бы и промыслъ держать неотложно». На дѣлѣ выходило иначе. Шереметевъ, имѣя всѣ способы дѣйствовать рѣшительно противъ свирѣпаго Чарнецкаго, облеченнаго отъ короля неограни-

[284] Синбирскій сборникъ. М. 1845: Родословная роспись рода Кикиныхъ, грамоты и наказы. № 26.

ченною властью распоряжаться въ Малороссіи по своему усмотрѣнію, не могъ держать промысла надъ нимъ, ибо обязанъ былъ на каждый шагъ, на каждую мѣру испрашивать указъ изъ Москвы. Такова была тогдашняя система государственнаго управленія, которую порицали сами современники. Тотъ-же Ординъ-Нащокинъ писалъ: «Во всѣхъ государствахъ надъ войсками гетманы или генералиссимусы на границахъ бываютъ даже и не въ военное время, а когда война, то и подавно съ войскомъ стоятъ на границахъ; рати къ нимъ идутъ и указы отъ нихъ получаютъ, а не они отъ кого-нибудь указовъ просятъ: отъ этого дѣло скорѣе дѣлается»[285].

Но въ Москвѣ, какъ будто бы, и не помышляли объ ускореніи дѣла возстановленія порядка въ Малороссіи. Возмущеніе казаковъ правобережной Украйны противъ гетмана Тетери, Польскаго ставленика, за измѣну его Московскому царю, прямо указывало на необходимость скорѣйшей присылки войска для поддержанія правобережныхъ казаковъ. Ка-

---

[285] Соловьевъ. Исторія Россіи. Т. XI. Спб. 1861. стр. 60.

залось бы, невозможно было разсчитывать на болѣе удобный случай показать Полякамъ, насколько несбыточны ихъ притязанія на обладаніе Малороссіей. Самъ Тетеря, отъ 2 мая 1664 года, доносилъ королю Яну-Казиміру, что «почти вся Украйна, за исключеніемъ немногихъ городовъ и полковъ, заразились язвою бунта и слѣпо прильнула къ Московскому покровительству»[286]. Москва же безмолвствовала, не смотря на безпрестанныя просьбы изъ Малороссіи о присылкѣ государевыхъ ратныхъ людей. Кромѣ полка Кикина, другаго Московскаго войска не было въ Малороссіи. На правой сторонѣ Днѣпра былъ еще отрядъ стольника Григорья Касогова, но онъ состоялъ всего изъ 180 человѣкъ, о которыхъ Касоговъ писалъ государю, что они «бѣдны, наги и боси и пѣши, промыслу надъ непріятели съ ними за безконствомъ чинить немочно»[287]. Малороссіяне, преданные царю, не видя поддержки, упадали духомъ и въ отчаяніи восклицали: «Ви-

[286] Памятники, изданные временною коммиссіею для разбора древнихъ актовъ, высочайше учрежденною при Кіевскомъ генералъ-губернаторѣ, Т. IV. Кіевъ. 1859. Отдѣлъ III. стр. 427.

[287] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. V. Спб. 1867. стр. 155. столб. 2.

дно наши города государю ненадобны[288]!... Если-де государской милости къ намъ не будетъ и ратныхъ великаго государя людей на оборону намъ прислано не будетъ, и намъ самимъ однимъ противъ Ляховъ и Орды не устоять и въ городахъ не удержаться»[289]! Вопли отчаянія смѣнились открытымъ ропотомъ, когда стало извѣстнымъ, что боярину Петру Васильевичу Шереметеву, на котораго возлагалось столько надеждъ, велѣно было «остановиться въ Сѣвскѣ и не ходить въ Малороссію»[290]. А между тѣмъ, Кіевскій полковникъ Василій Дворецкій, на допросѣ въ Малороссійскомъ приказѣ прямо говорилъ, что если бы государь милость свою показалъ, повелѣлъ ратнымъ людямъ, «что́ нынѣ въ Сѣвску съ бояриномъ съ Петромъ Васильевичемъ Шереметевымъ, надъ Чарнецкимъ промыслъ учинить, то бъ впредь война не продолжилась»[291]. Распоряженіе о воспрещеніи Шереметеву итти въ Малороссію было, ко-

---

[288] Соловьевъ. Исторія Россіи. Т. XI. Спб. 1861. стр. 186.

[289] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. V. Спб. 1867. стр. 155. столб. 1

[290] Соловьевъ. Исторія Россіи. Т. XI. Спб. 1861. стр. 187.

[291] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. V. Спб. 1867. стр. 204. столб. 2.

нечно, временное; оно было вызвано слухами о моровомъ повѣтріѣ, которое, къ довершенію всѣхъ бѣдъ, объявилось тогда въ Запорожьѣ[292]. 4 іюня 1664 года, къ Петру Васильевичу прибылъ вновь назначенный товарищъ его, стольникъ князь Константинъ Щербатовъ и привезъ выданное, по государеву указу, изъ Разряда, новое знамя для Сѣвскаго полка, которое велѣно было Шереметеву «держать у себя, для походовъ». Присланное знамя, въ царской грамотѣ описано было такъ: «Знамя, на немъ написанъ образъ чюдотворца Николы (Можайскаго), камка бѣлая; въ концѣ по черной камкѣ писаны звѣзды золотомъ; на древкѣ крестъ серебренъ, золоченъ; древко писано по золоту красками».

Старое знамя, съ изображеніемъ Нерукотвореннаго Образа Спасова, Шереметевъ отправилъ въ Москву, для сдачи въ Разрядъ. При чемъ, въ отпискѣ къ государю, объяснилъ слѣдующее: «Прежнее твое, великаго государя, знамя и крестъ и трубку, послалъ я къ тебѣ, великому государю, къ Москвѣ съ головою Московскихъ стрѣльцовъ съ Мат-

[292] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. V. Спб. 1867. стр. 154. столб. 2.

вѣмъ Шишкинымъ. А древко въ нынѣшній походъ изломлено. И то древко и токъ серебряной оставилъ я у себя»[293].

Вслѣдъ за присылкою знамени, Петръ Васильевичъ Шереметевъ получилъ наконецъ приказаніе выступить въ Переяславль. Прежде всего встрѣтились обычныя въ подобныхъ случаяхъ затрудненія относительно подводъ. 1 сентября, въ Разрядѣ получена была отписка Шереметева о томъ, что онъ для похода своего, для подводъ, посылалъ въ города дворянъ добрыхъ, но что изъ городовъ подводъ не прислали. На отпискѣ думный дьякъ Дементій Башмаковъ помѣтилъ: «Отписать къ боярину Шереметеву, чтобъ по прежнему великаго государя указу, въ походъ шелъ, не мотчавъ»[294]. Шереметевъ отвѣтилъ, что у него мотчанье въ походѣ чинится именно изъ-за подводъ. На этой новой отпискѣ, думный дьякъ Башмаковъ помѣтилъ: «Великій государь сей отписки

---

[293] Московскій архивъ министерства юстиціи. Столбцы разныхъ столовъ: Сѣвскаго стола, столб. 8524. — Древности Россійскаго государства, дополненіе къ III Отдѣленію: Русскія старинныя знамена, соч. Лукіана Яковлева. М. 1865, въ приложеніяхъ. № 4. стр. 9.

[294] Русская историческая библіотека, издаваемая Археографическою коммиссіею. Т. XI. Спб. 1889. стр. 1.

слушавъ, указалъ отписать къ боярину Шереметеву, чтобъ онъ на его государеву службу шелъ съ поспѣшеніемъ, а для сбору и высылки подводъ послалъ отъ себя въ городы кого пригоже; а за невысылку подводъ и за поноровку посадскимъ и уѣзднымъ людемъ, велѣлъ на воеводахъ править пени по своему разсмотрѣнью; и какъ пойдетъ, о томъ бы писалъ къ великому государю»[295].

Остановка была не за одними только подводами. Ратные городовые люди (дворяне и дѣти боярскіе) требовали денежнаго жалованья. Изъ Разряда сообщили Шереметеву, что государь указалъ послать изъ Москвы въ Сѣвскъ своей государевой денежной казны, на жалованье, десять тысячъ рублей. Но вслѣдъ за тѣмъ ему предписано было, чтобъ давалъ тѣ деньги «съ разсмотрѣньемъ, кому безъ жалованья никоторыми мѣрами служить не мочно; а кому служить мочно, тѣмъ бы не давалъ, чтобъ въ томъ денежной казнѣ истери не было»[296].

---

[295] Русская историческая библіотека, издаваемая Археографическою коммиссіею. Т. XI. Спб. 1889. стр. 14.

[296] Тамъ-же, стр. 1 и 14.

Но всѣ хлопоты Шереметева оказались напрасными. По случаю распространенія мороваго повѣтрія въ Малороссіи, походъ въ Переяславль былъ отмѣненъ. На третьей отпискѣ Петра Васильевича о томъ, что у него мѣшкота чинится за подводами, что онъ опять писалъ въ города, которые подвѣдомы Сѣвску, къ воеводамъ, чтобы выслали подводы, но что они чинятся непослушны, — 29 сентября 1664 года въ Разрядѣ положена была слѣдующая помѣта: «Отписать къ боярину Шереметеву, чтобъ съ городовъ подводъ сбирать для походу не велѣлъ для того, что ему въ Переяславль походу не будетъ»[297].

Въ тотъ же день, Петру Васильевичу Шереметеву посланъ былъ указъ, чтобъ «отъ непріятельскихъ приходовъ и отъ прихожихъ и отъ проѣзжихъ людей изъ моровыхъ мѣстъ жилъ съ большимъ береженьемъ и про воинскихъ людей и про моровое повѣтріе провѣдывалъ всякими обычаи и для вѣдома писалъ къ великому государю. А отъ моровыхъ мѣстъ велѣлъ бы береженье держать и на заставахъ письма переписывать, по преж-

[297] Русская историческая библіотека, издаваемая Археографическою коммиссіею. Т. XI. Спб. 1889. стр. 26.

нему великаго государя указу, какъ о томъ писано къ прежнимъ воеводамъ; что бъ отнюдь никто изъ моровыхъ мѣстъ чрезъ заставу не проходили и не проѣзжали и пивомъ (такъ!) и иного чего не провозили, о томъ на заставахъ учинить заказъ, подъ смертною казнью»[298].

Петръ Васильевичь Шереметевъ принималъ мѣры противъ распространенія губительнаго повѣтрія не только въ своемъ Сѣвскомъ полку, но и въ самой Малороссіи. Такъ, въ половинѣ октября, узнавъ отъ Кіевскаго полковника Василья Дворецкаго, что «за Днѣпромъ, въ Чигиринѣ, а на сей сторонѣ Днѣпра, въ Ромнѣ, на люди моровое повѣтріе есть»,—онъ тотчасъ же велѣлъ «отъ Ромна учинить заставы крѣпкія». А самого Дворецкаго, намѣревавшагося ѣхать въ Москву, остановилъ было въ Сѣвскѣ. Тотъ объявилъ, что ѣдетъ къ государю съ порученіями отъ гетмана Брюховецкаго по великимъ государевымъ дѣламъ, также съ письмами Крымскаго хана и что ему не ѣхать немочно. Шереметевъ предложилъ побыть въ Сѣвскѣ

[298] Русская историческая библіотека, издаваемая Археографическою коммиссіею. Т. XI. Спб. 1889. стр. 26.

по крайней мѣрѣ до государева указа. Но Дворецкій рѣшительно сказалъ, что если бояринъ не отпуститъ его изъ Сѣвска и подводъ не дастъ, то онъ поѣдетъ на своихъ наемныхъ подводахъ. Шереметевъ долженъ былъ сдаться. Опасаясь государевой опалы, онъ отпустилъ Дворецкаго въ Москву и далъ ему въ приставы Стародубца Анисима Гремякина, которому приказалъ, не доѣзжая до Москвы, остановить полковника на подхожемъ станѣ, въ селѣ Семеновскомъ, и ожидать тамъ указа государя о въѣздѣ въ столицу[299].

Распоряженія Петра Васильевича, объ учрежденіи заставъ въ Малороссійскихъ городахъ, вполнѣ согласовались съ видами Московскаго правительства. Въ царской грамотѣ на имя Шереметева съ товарищами, отъ 30 октября, читаемъ: «И вамъ бы велѣть, розвѣдать подлинно всякими мѣрами, какъ мочно: съ котораго времяни въ тѣхъ городѣхъ на люди моровое повѣтріе учинилось и въ иныхъ Малороссійскихъ городѣхъ нѣтъ ли гдѣ морового повѣтрія? А розвѣдавъ про то подлинно, велѣли поставить, гдѣ пристойно,

[299] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. V. Спб. 1867. стр. 219.

заставы крѣпкіе, и писма примать черезъ огонь и переписывать на новую бумагу не однижды, и о томъ велѣли бы отписать къ намъ, великому государю, къ Москвѣ, тотчасъ, съ нарочнымъ гонцомъ, а отписку велѣли подать къ Приказѣ Малыя Росіи, боярину нашему Петру Михайловичу Салтыкову да дьяку нашему Ивану Михайлову»[300].

Кромѣ мѣръ къ пресѣченію повѣтрія въ Малороссійскихъ городахъ, у Петра Васильевича Шереметева было очень много дѣла и по своему Сѣвскому полку. Записныя книги Московскаго стола, за 1664 и 1665 годы, переполнены свѣдѣніями о служебной дѣятельности его, какъ пограничнаго Сѣвскаго воеводы. Мы уже говорили, что городъ Сѣвскъ былъ сборнымъ мѣстомъ ратныхъ людей, предназначаемыхъ для дѣйствія на границѣ государства и въ Малороссіи. Здѣсь они провѣрялись по спискамъ, распредѣлялись по отрядамъ и снабжались жалованьемъ и всякимъ продовольствіемъ. Разрядъ входилъ во всѣ мельчайшія подробности по хозяйственной части и передвиженію войскъ. Воевода

[300] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. V. Спб. 1867. стр. 219. столб. 2.

не могъ предпринять рѣшительно ничего безъ разрѣшенія Разряда. Понятно, что гонцы за гонцами скакали изъ Москвы въ Сѣвскъ, съ разными хозяйственными распоряженіями, и обратно—съ отписками Шереметева. Въ половинѣ октября 1664 года, потребовались, по случаю наступившей стужи, шубные кафтаны для Малороссійскихъ городовъ. Шереметеву указываютъ закупить ихъ въ Сѣвскѣ и Рыльскѣ. Тотъ отвѣчаетъ: «тѣхъде кафтановъ вскорѣ въ тѣхъ городѣхъ купить не мочно, потому что отъ войны разорены». Разрядъ, не внимая сему доводу, вновь предписываетъ, чтобы «тѣ кафтаны собравъ, послалъ въ тѣ города тотчасъ»[301]. Вообще Разрядъ былъ чрезмѣрно требователенъ; во многихъ его распоряженіяхъ слышно было жесткое слово: «чтобъ было». На воеводъ возлагалась тяжкая отвѣтственность за все и малѣйшая оплошность влекла за собою выговоръ, большею частію весьма строгій, чему неоднижды подвергался и Петръ Васильевичь Шереметевъ. Такъ, напримѣръ, онъ, не имѣя свѣдѣнія о томъ, что городъ Путивль

[301] Русская историческая библіотека, издаваемая Археографическою коммиссіею. Т. XI. Спб. 1889. стр. 49.

переведенъ въ другой разрядъ, написалъ къ тамошнему воеводѣ, окольничему Ѳедору Васильевичу Бутурлину, о высылкѣ въ Сѣвскъ подводъ и объ разныхъ другихъ дѣлахъ. Тотъ отвѣтилъ съ товарищами, что «къ нимъ о вѣдомости (то-есть, о подчиненіи Путивля Сѣвскому воеводѣ) государева указу не бывало». Разрядъ отписалъ Шереметеву: «которыхъ городовъ вѣдать тебѣ не указано, въ тѣхъ бы и не вступался»[302] Еще рѣзче выговорено было Шереметеву по поводу годовой росписи. Петръ Васильевичь, представляя въ Разрядъ, въ январѣ 1665 года, смѣтныя книги, пояснилъ, что не представилъ годовой росписи денежной, зелейной и свинцовой казнѣ потому, что «для наряду винные покупки изъ Сѣвска въ Малороссійскіе городы послалъ тѣхъ людей, которые вѣдали государеву денежную казну и зелейную и свинцовую и хлѣбные запасы». Разрядъ отвѣтилъ Шереметеву, что «описывается не дѣломъ и дѣлаетъ непригожъ: у кого казна вѣдома, тѣхъ изъ городовъ отсылать не довелось; а будетъ бы и отослати, и у нихъ бы имать росписки

[302] Русская историческая библіотека, издаваемая Археографическою коммиссіею. Т. XI. Спб. 1889. стр. 27.

за ихъ руками; и онъ бы, Шереметевъ, впредь такъ не дѣлалъ, а дѣлалъ все съ остереганьемъ и великаго государя указъ исполнялъ тотчасъ, не дожидаясь о томъ на себя осуду и писалъ о всемъ къ великому государю тотчасъ, не описываясь впредь никакими затѣйными статьями»[303].

---

[303] Русская историческая библіотека, издаваемая Археографическою коммиссіею. Т. XI. Спб. 1889. стр. 139.

ГЛАВА XXI.

Съ наступленіемъ холодовъ, Малороссіяне избавились отъ мороваго повѣтрія. Но царскіе ратные люди, какъ бы не довѣряя сему, все еще не вступали въ Украйну. «Взглядомъ повѣтрея мороваго не потребно есть остерегатися, — писалъ Брюховецкій, 29 октября 1664 года, въ Бѣлгородъ, къ князю Борису Репнину,—понеже самъ я остерегъ бы, когда въ тутошнемъ краѣ отъ повѣтрея не опасно бъ было, или здѣ здорово. Только отъ Чигирина близкіе нѣкоторые на той сторонѣ Днѣпра городы позавѣтрились было. Я, сохрани Боже, не желаю, яко вѣрный его царского пресвѣтлого величества холопъ, ни малые пагубы ратнымъ его царскаго пресвѣтлаго величества людемъ, которые пусть отъ повѣтрея не опасаются; только прошу,

изволь ваша княжая милость оныхъ выслать вскорѣ»[304].

Брюховецкій настаивалъ на скорѣйшей присылкѣ государевыхъ ратныхъ людей потому, что находилъ то время самымъ благопріятнымъ для окончательнаго освобожденія отъ Поляковъ Малороссіи, которую онъ называлъ «преддверіемъ до Великороссіи»[305]. Для убѣжденія въ своевременности рѣшительныхъ дѣйствій, Брюховецкій, въ концѣ ноября, сообщалъ послѣднія извѣстія о положеніи Польскихъ дѣлъ. «Первое,—писалъ онъ,—цесарь Римской къ Ляхомъ прислалъ, чтобъ двадцать тысячъ войска или казны на столько тысячъ войскъ, Ляхи на наемъ противъ Турка дали; а только не дадутъ, тогда цесарь со всѣмъ войскомъ своимъ пойдетъ и крѣпость близко Кракова учинити хочетъ, чтобъ для войскъ съ Польши корму добывати. Второе, папа Римскій клятву на короля и на Ляховъ прислалъ за то, что Ляхи съ великимъ государемъ нашимъ, съ его царскимъ пресвѣтлымъ величествомъ, не помирились,

---

[304] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. V. Спб. 1867. стр. 227.

[305] Тамъ-же, стр. 236. столб. 2.

и что съ босурманами въ дружбѣ будучи, помѣшкою монархомъ христіанскимъ въ войнѣ на поганыхъ чинятца. Третіе, Рѣчь Посполитая Польская на Чарнецкаго за то гнѣвается, что думою своею короля на Украйну заведъ, до великіе и всего свѣта неславы учинилъ, о чемъ нынѣ на сеймѣ дня послѣдняго ноября починаютъ Рѣчь Посполитая сыскъ чинити и его судити хочетъ; для чего Чарнецкій въ великой печали пребываетъ»[306].

Не взирая на все это, Брюховецкій не получалъ изъ Бѣлгорода обѣщаннаго ему княземъ Репнинымъ отряда стольника князя Семена Ивановича Львова. Изъ Сѣвска же обѣщалъ быть самъ бояринъ Петръ Васильевичь Шереметевъ съ войскомъ, а вмѣсто того, оттуда прибылъ дворянинъ Ѳедоръ Васильевичь Протасьевъ только съ четырмя сотнями рейтаръ да и тѣ всѣ разбѣжались[307]. Между тѣмъ, въ Малороссію пришла вѣсть, что «о святкахъ Ляцкихъ, сеймъ въ Польшѣ разорвался». По свѣдѣніямъ, полученнымъ

---

[306] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. V. Спб. 1867. стр. 226. столб. 2.

[307] Тамъ-же, стр. 234. столб. 1.

епископомъ Меѳодіемъ, «межи Яномъ Казимеромъ, королемъ Польскимъ и межи Юрьемъ Любомерскимъ, маршалкомъ и гетманомъ польнымъ кореннымъ, большая ссора учинилася»[308]. Разъ сеймъ рушился, Чарнецкому уже никакъ нельзя было расчитывать на присылку къ нему войска, въ помощь. Брюховецкій съ часу на часъ ожидалъ прибытія государевыхъ ратныхъ людей, чтобы поскорѣе очистить Украйну отъ непріятеля. Тамъ еще оставалось Польскаго войска Чарнецкаго конныхъ и пѣшихъ людей тысячъ съ восемь, да Татаръ около четырехъ тысячъ[309]. Вмѣсто ожидаемыхъ ратныхъ людей, Брюховецкій вдругъ получаетъ приказаніе прибыть въ Москву. Онъ находилъ это рѣшительно невозможнымъ и 27 декабря 1664 года, писалъ войсковому писарю Степану Шубо слѣдующее: «Отъ души бы я радъ той дорогѣ былъ, когда бъ непріятель на Украйнѣ не зимовалъ; а какъ я поѣду изъ Канева, тотчасъ Умань и иные городы вѣры не додержатъ. А взявъ непріятель ту сторону, тот-

[308] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. V. Спб. 1867. стр. 236. столб. 1.

[309] Тамъ-же, стр. 216. столб. 1.

часъ на сю сторону пойдетъ, и чего король не учинилъ, то они бъ учинили: изъ Украйны въ Великую Россію со всѣми Татары пошли-бъ. Безъ Запорожцевъ и безъ вѣдома всего войско ѣхать мнѣ нельзя: тотчасъ бы сказали, что для своего, а не для войскового дѣла поѣхалъ, власти прибавливать. Конечно, и подумать нельзя теперь ѣхать: слово въ слово будто добровольно Украйна Ляхомъ въ руки отдается» [310].

Въ двадцатыхъ числахъ декабря, Брюховецкій отправилъ въ Москву, вмѣсто себя, Зиньковскаго полковника Василья Шимана и войсковаго писаря Степана Шубо съ трофеями, отбитыми у непріятеля и съ письмомъ къ государю, въ которомъ слезно просилъ его умилосердиться надъ народомъ христіанскимъ: ратными людьми изъ Бѣлгорода и Сѣвска оборонить церкви Божія и вѣрныхъ православныхъ христіанъ отъ жестокихъ Лятскихъ и бусурманскихъ рукъ. Въ томъ же письмѣ, Брюховецкій, по поводу новыхъ королевскихъ правъ, данныхъ Малороссійскимъ городамъ, писалъ государю слѣдую-

[310] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. V. Спб. 1867. № 104.

щее: «Польша дѣдичное панство себѣ надъ Малою Россіею почитаетъ, и во многихъ листѣхъ за дѣдичныхъ подданныхъ Украинскихъ людей имянуетъ. А Малая Россія крестомъ святымъ отъ святого предка вашего царского пресвѣтлого величества, блаженныя памяти отъ святого и равноапостольного царя Владимера, а не отъ короля Польского, просвѣтилась; отъ котораго блаженного Владимерова корени вы, великій государь, ваше царское пресвѣтлое величество, истинный наслѣдникъ, жезлъ прозябшій надъ нами, вѣрными и природными холопи своими, нынѣ, за помощію всесильнаго Бога, царствуете и царствовати, при помощи того же всесильного Бога, некому иному, только вашему царскому пресвѣтлому величеству, истинному монархіи Россійскіе дѣдичу подобаетъ. Понеже, хотя за умноженіемъ беззаконій и за невзгодою внутреннею, лукавыми сѣтей Ляцкихъ прелестми Малороссійскіе страны уловлены были, однакожъ Россійское государство своихъ природныхъ монарховъ отъ вѣка имѣвало и пространство границъ Россійскихъ, по Татры горы, съ немалою всего свѣта славою распростра-

нялось, о чемъ лѣтописцы свидѣтельствуютъ»[311].

Не смотря однако на такое широковѣщательное посланіе, въ Москвѣ не было оказано особеннаго вниманія къ посланцамъ Брюховецкаго. Быть можетъ, на это были особенныя причины, независимыя отъ того, на сколько довѣрчиво могли относиться тамъ къ вѣрноподданническимъ изъясненіямъ Малороссійскаго гетмана. Его посланцы прибыли въ Москву въ такое время, когда все пребывавшее на верхахъ правительственныхъ, находилось еще подъ живымъ впечатлѣніемъ изумленія отъ неожиданнаго пріѣзда въ Москву опальнаго патріарха Никона. Самъ царь Алексѣй Михайловичь писалъ: «Весь градъ и весь синклитъ смятеся о семъ необычномъ прилучаѣ»[312]

Дѣло происходило такъ. Въ ночь на 18 декабря 1664 года, въ Успенскомъ соборѣ, мѣстоблюститель патріаршаго престола митрополитъ Ростовскій Іона Сисоевичь, слу-

---

[311] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. V. Спб. 1867. стр. 243. столб. 2.

[312] Записки отдѣленія Русской и Славянской археологіи императорскаго Русскаго Археологическаго общества. Т. II. Спб. 1861. стр. 598.

жилъ заутреню. Около 3 часовъ утра, во время чтенія второй каѳизмы, вдругъ распахнулись сѣверныя двери и въ нихъ, какъ въ сонномъ видѣніи, входитъ патріархъ Никонъ, въ предшествіи Воскресенскихъ монаховъ, пѣвшихъ входное «Достойно есть». Приложившись къ иконамъ и мощамъ, Никонъ взялъ посохъ Петра митрополита и сталъ на патріаршемъ мѣстѣ. Властнымъ голосомъ онъ отдалъ приказаніе остановиться чтеніемъ псалтири, а соборному діакону велѣлъ читать эктенію. За тѣмъ самъ произнесъ молитву «Владыко многомилостиве», и позвалъ къ себѣ служившаго заутреню митрополита Іону. Тотъ, полный смущенія, подошелъ подъ благословеніе патріарха, за нимъ все соборное духовенство и міряне. Въ заключеніе всего, Никонъ послалъ митрополита Іону и Воскресенскаго архимандрита Герасима возвѣстить царю о своемъ пришествіи[313]. Развязка извѣстна: Никона заставили возвратить посохъ Петра митрополита,

---

[313] Субботинъ. Дѣло патріарха Никона. М. 1862. с. 98—102.—Макарій. Исторія Русской церкви. Т. XII. Спб. 1883. стр. 480 и слѣд.—Гиббенетъ. Историческое изслѣдованіе дѣла патріарха Никона. Ч. 2. Спб. 1884. стр. 116 и слѣд.

уѣхать назадъ, въ свой Воскресенскій монастырь, и тамъ ожидать суда вселенскихъ патріарховъ. Разумѣется, здѣсь не мѣсто входить въ подробности возникшаго за тѣмъ слѣдственнаго дѣла о боярине Зюзинѣ, который, какъ оказалось, вызвалъ Никона въ Москву, отъ имени самого государя. До сихъ поръ дѣло это остается неяснымъ, даже загадочнымъ, ибо, дѣйствительно нельзя съ достаточною твердостію сказать, что Никонъ пріѣхалъ безъ вѣдома царя Алексѣя Михайловича[314].

Въ такое то смутное время прибыли въ Москву посланцы гетмана Брюховецкаго, полковникъ Шиманъ и войсковой писарь Шубо. Ихъ помѣстили въ Китай-городѣ, на Вологодскомъ архіерейскомъ подворьѣ, неподалеку отъ Кизильбашскаго двора, въ которомъ проживали Персидскіе купцы или,

[314] Извѣстно, что патріархъ Іерусалимскій Нектарій, въ грамотѣ къ царю Алексѣю Михайловичу, отъ 20 марта 1664 года, прямо писалъ: «намъ кажется, что вы можете покончить дѣло мирнымъ образомъ. Пригласите однажды и дважды кира Никона, чтобъ онъ возвратился на свой престолъ»... Грамота эта, по словамъ царя Алексѣя Михайловича «зѣло поздо приспѣ». Она будто бы пришла въ Москву послѣ описаннаго случая въ Успенскомъ Соборѣ 18 декабря того-же года. Правдоподобно ли, чтобъ такой важный документъ, какъ грамота вселенскаго патріарха къ Московскому царю, могъ пробыть въ пути девять мѣсяцевъ!..

какъ ихъ называли тогда, Кизильбашскіе купчины.

Брюховецкій горько сѣтовалъ на пренебреженіе, съ которымъ относились въ Москвѣ къ Запорожскимъ посланцамъ. Онъ писалъ, отъ 2 марта 1665 года, къ своему покровителю ближнему окольничему Богдану Матвѣевичу Хитрово: «Посланцовъ моихъ на столицу, съ языками, знамены и съ литавры и съ иными непріятельскими знаками, кроваве на бою взятыми, на столицѣ не въ честь и неласкове пріимуютъ и окомъ презираютъ, что и листовъ моихъ въ руки свое нѣкоторые особы брати не хотятъ и посланцовъ моихъ на очи во дворехъ своихъ не припускаютъ, а изъ Приказу по достоинству корму не даютъ». Изъ письма Брюховецкаго можно заключить, что такъ бывало и прежде и что «казаки, пріѣзжаючи назадъ, скорбѣли о томъ зѣло, что лутчая честь и кормъ Грекомъ доходитъ, нежели казакомъ за кровь, на бояхъ за достоинство его царского пресвѣтлого величества разліянную»[315].

Разумѣется, такія отношенія къ Запорож-

[315] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. V. Спб. 1867. стр. 255. столб. 2.

скимъ посланцамъ имѣли свои причины. Шиманъ и Шубо не могли расчитывать на хорошій пріемъ уже и потому, что въ Москвѣ были весьма недовольны тѣмъ, что не пріѣхалъ самъ Брюховецкій: «Такимъ же де обычаемъ, и Выговскій, и Хмельницкій молодый, обѣщались быть въ столицу, а не исполня своего обѣщанія, измѣнили»[316]. Независимо отъ сего, самое поведеніе Запорожцевъ, ихъ озорничество, дѣйствительно, не могли внушать особеннаго уваженія къ нимъ. Достаточно привести такой случай. Вскорѣ послѣ пріѣзда посланцевъ гетмана Брюховецкаго, именно въ февралѣ 1665 года, Кизильбашскаго хана купчина Хоже Маметъ Зелебединовъ, подалъ государю слѣдующую жалобу: «Стоятъ-де близко ихъ купчинина двора, на Вологодскомъ подворьѣ, Запорожскіе Черкасы, а его-де купчинины люди ходятъ мимо ихъ въ торгъ и изъ торгу безпрестани; и тѣде Черкасы его купчининыхъ людей дразнятъ и бранятъ, и въ нихъ бросаютъ, и задоры безпрестанно чинятъ. И февраля-де въ 19 день, шли его купчинины люди изъ ряду: и

[316] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. V. Спб. 1867. стр. 256. столб. 2.

тѣ-де Черкасы, вышедъ изъ Вологодскаго подворья, тѣхъ его людей били ослопьемъ и одного-де человѣка, Усто Магметка, ухватили къ себѣ на дворъ и держали сутки, а два человѣка отъ тѣхъ побоевъ лежатъ при смерти; а бьючи-де, сняли съ тѣхъ людей денегъ тридцать шесть рублевъ». По сей жалобѣ, государь «указалъ, Черкаскому полковнику и Черкасомъ, которые стоятъ на Вологодскомъ подворьѣ, учинить заказъ крѣпкой, чтобъ они Кизильбашскаго шаха купецкихъ людей не дразнили и не лаяли и задоровъ съ ними не чинили, а деньги тридцать шесть рублевъ, что́ они, Черкасы, съ Кизилбашенъ сняли, сыскавъ, прислать въ Посольской приказъ»[317].

Посланцы Брюховецкаго были все-таки выслушаны въ Малороссійскомъ приказѣ. Согласно наказа, даннаго отъ гетмана, они усердно просили о помощи ратными людьми и даже предостерегали не доводить Украйну до упадка. Когда-де утеряете Украйну, черезъ неприсыланіе ратныхъ людей, тогда, сохрани Боже, неизбытная въ Россійской

[317] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. V. Спб. 1867. № 114.

землѣ война будетъ. Все лѣто, осень и зиму мы кроваво бились съ непріятелями, а помощи такъ и не дождались. Лѣтомъ, «коммиссія лукавая Лятская» удерживала; а нынѣ, послѣ коммиссіи, ссылаетесь на моровое повѣтріе, но оно, за милостію Божіею, давно уже усмирилось.

Посланцевъ успокоивали тѣмъ, что въ Кіевъ уже отпущенъ изъ Москвы окольничій и воевода князь Никита Яковлевичь Львовъ, а съ нимъ ратные люди, и что по нынѣшнему же зимнему пути придетъ туда же и изъ Сѣвска бояринъ Петръ Васильевичь Большой Шереметевъ съ ратными конными и пѣшими людьми[318].

Дѣйствительно, князь Львовъ былъ уже на пути въ Кіевъ. 11 марта 1665 года, онъ прислалъ изъ Калуги, съ Калужскимъ стрѣльцомъ, отписку о томъ, что ему велѣно взять въ Сѣвскѣ, для стрѣлецкихъ приказовъ, пушки, зелье и ядра, но что грамоты о семъ къ боярину и воеводѣ Сѣвскому Петру Васильевичу Шереметеву ему не дано. Съ тѣмъ-же стрѣльцомъ князю Львову отвѣтили изъ Раз-

[318] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. V. Спб. 1867. стр. 236. столб. 2.

ряда, что та грамота уже послана прямо къ Шереметеву[319].

Распоряженіе о высылкѣ въ Кіевъ войска зимнимъ путемъ поставило Сѣвскаго воеводу въ трудное положеніе. Онъ распустилъ изъ Сѣвска по домамъ дворянъ и дѣтей боярскихъ своего полка, именно до весны, о чемъ знали и въ Разрядѣ[320].

Извѣстно, съ какимъ трудомъ собирались тогда ратные люди на службу, даже къ срокамъ, назначеннымъ царскими указами. Не дальше какъ въ томъ же мартѣ мѣсяцѣ 1665 года, Козловскій воевода Иванъ Вельяминовъ, на государевъ указъ о высылкѣ на службу въ Бѣлгородъ рейтаръ и копейщиковъ, отвѣчалъ жалобою, что многіе изъ нихъ «ухараниваютца по лѣсомъ»[321].

Конечно, къ подобнымъ же средствамъ отдѣлаться отъ службы прибѣгали и ратные люди, назначенные быть въ Кіевѣ съ Петромъ Васильевичемъ Шереметевымъ. Увидимъ ниже, что и лѣто уже было на исходѣ,

---

[319] Русская историческая библіотека, издаваемая Археографическою коммиссіею. Т. XI. Спб. 1889. стр. 179.

[320] Тамъ-же, стр. 134. 136 и 173.

[321] Тамъ-же, стр. 174.

а ратные люди изъ городовъ все еще не бывали въ Сѣвскъ «ни одинъ человѣкъ»[322]. Судя по сохранившимся выдержкамъ изъ отписокъ Шереметева въ Москву, онъ долго не могъ добиться оттуда самаго существеннаго — денегъ. «По указу великаго государя, — писалъ онъ, отъ 17 мая 1665 года, — велѣно намъ въ Сѣвску строить полки, а на полковое строенья великаго государя денежной казны къ намъ не прислано»[323].

Шереметевъ долженъ былъ въ одно и тоже время и производить розыски бѣглыхъ ратныхъ людей, и заготовлять хлѣбные запасы для Кіева, и снаряжать ратныхъ людей для службы въ Малороссійскихъ городахъ, и собирать вѣсти о непріятелѣ, и принимать отъ гонцовъ царскія грамоты для пересылки ихъ въ Малороссію. Обо всѣхъ своихъ распоряженіяхъ Шереметевъ немедленно доносилъ въ Москву, при чемъ строгіе разрядные дьяки неукоснительно требовали мельчайшихъ подробностей. Такъ, Шереметевъ писалъ, что «для сыску бѣглыхъ рейтаровъ, ко-

---

[322] Русская историческая библіотека, издаваемая Археографическою коммиссіею. Т. XI. Спб. 1889. стр. 302.

[323] Тамъ-же, стр. 241.

торые сбѣжали изъ Канева въ городы, кои вѣдомы къ Бѣлугороду и къ Сѣвску, онъ писалъ къ воеводамъ, и какъ-де изъ городовъ воеводы, сыскавъ бѣглыхъ рейтаръ, къ нему, въ Сѣвскъ, пришлютъ, и онъ, учиня имъ за побѣгъ наказанье, вышлетъ въ Каневъ тотчасъ». На этой отпискѣ Шереметева положена слѣдующая помѣта думнаго дьяка Дементья Башмакова: «Отписать къ нему (то-есть, Шереметеву), что для сыску бѣглыхъ въ городы посылаетъ нарочно и къ воеводамъ пишетъ безпрестанно, а кто сколько сыщетъ и что̀ воеводы вышлютъ, или кто сколько не сыщетъ и не вышлетъ, о томъ имянно не пишетъ; и отъ такихъ высылокъ только высыльщикамъ корысть большая, а городовымъ и уѣзднымъ людемъ разоренья. И онъ бы впредь къ великому государю писалъ имянно, сколько котораго города ратныхъ людей въ бѣгахъ и какихъ чиновъ, и кто отколѣ сбѣжалъ, и сколько давно, и сколько были на службѣ, и сколь давно имъ государево жалованье дано, и кто сысканы и куда высланы, и въ которыхъ числѣхъ, тому бъ всему прислали роспись за дьячьею рукою; и на указанное мѣсто они дошли ли. А неподVI. 42

линно впредь къ великому государю не писалъ бы»[324].

Между тѣмъ, при такой требовательности Разряда, самъ Шереметевъ не только лишенъ былъ способовъ добывать на мѣстѣ требуемыя разрядными дьяками свѣдѣнія, но даже встрѣчалъ иногда открытыя противодѣйствія со стороны воеводъ. Напримѣръ, Петръ Васильевичь Шереметевъ жаловался, что посланному имъ въ Тулу, для сыску бѣглыхъ рейтаръ, ротмистру Никитѣ Корсакову, тамошній воевода Иванъ Ивашкинъ прямо отказалъ дать потребныхъ пушкарей, разсыльщиковъ, стрѣльцовъ и подъячаго для письма[325]. Въ другой разъ, Шереметевъ доносилъ въ Москву, что воеводы, даже тѣхъ городовъ, которые велѣно вѣдать къ Сѣвску, ни о чемъ не пишутъ къ нему[326]. А вновь назначенный Путивльскій воевода, окольничій Михаилъ Семеновичь Волынскій, дальній родственникъ жены Петра Васильевича Шереметева, на первыхъ же порахъ оказалъ ему

---

[324] Русская историческая библіотека, издаваемая Археографическою коммиссіею. Т. XI. Спб. 1889. стр. 146.

[325] Тамъ-же, стр. 139.

[326] Тамъ-же, стр. 184.

открытое непослушаніе. Шереметевъ приказалъ Волынскому, какъ подвѣдомому воеводѣ, отпустить князю Никитѣ Яковлевичу Львову, во время проѣзда его черезъ Путивль въ Кіевъ, «двѣ мѣдныя пушки, что̀ на станкахъ». Князь Львовъ сообщилъ Шереметеву, что Волынскій не далъ ему, ни пушекъ, ни пушкарей. По отпискѣ о семъ Шереметева, царь Алексѣй Михайловичь «указалъ отписать въ Путивль, къ окольничему Волынскому: о какихъ его государевыхъ дѣлѣхъ учнетъ къ нему писать изъ Сѣвска боринъ и воевода Петръ Васильевичь Шереметевъ, и онъ бы отписокъ его слушалъ, и тѣ дѣла, о чемъ онъ писать учнетъ, дѣлалъ не мотчавъ. А что онъ по его, боярина, отпискѣ учинилъ непослушанье, и за то его осудить»[327]. Къ пріѣзду-же боярина князя Никиты Яковлевича Львова, Шереметевъ приказалъ Трубчевскому воеводѣ Ѳедору Уракову приготовить подводы, но тотъ, по словамъ Шереметева, «въ подводѣхъ отказалъ и подводъ не прислалъ и тѣмъ, его, Шереметева, обезчестилъ». Рѣшеніе по этому дѣлу неиз-

[327] Русская историческая библіотека, издаваемая Археографическою коммиссіею. Т. XI. Спб. 1889. стр. 230.

вѣстно. На отпискѣ Шереметева видимъ только помѣту думнаго дьяка Дементья Башмакова: «Къ отпуску и выписать»[328].

---

[328] Русская историческая библіотека, издаваемая Археографическою коммиссіею. Т. XI. Спб. 1889. стр. 214.

ГЛАВА XXII.

Кромѣ всѣхъ хлопотъ и непріятностей, сопряженныхъ съ должностью пограничнаго воеводы, Петра Васильевича Шереметева не могло не смущать и самое приказаніе итти съ войскомъ въ Кіевъ въ то время, когда туда уже назначенъ былъ воеводою, на смѣну думнаго дворянина Ивана Ивановича Чаадаева, бояринъ князь Никита Яковлевичь Львовъ. Шереметевъ имѣлъ полное основаніе расчитывать на то, что постъ Кіевскаго воеводы поручатъ именно ему. Вмѣсто того, изъ Москвы присылаютъ человѣка, неимѣвшаго никакого отношенія къ Малороссійскимъ дѣламъ, при томъ престарѣлаго и болѣзненнаго. Князь Львовъ, до назначенія въ Кіевъ, былъ начальникомъ Ямского приказа. Судя по наказу, данному, 28 іюня 1665 года,

вновь назначенному Нѣжинскому воеводѣ Ивану Ивановичу Ржевскому, Шереметеву предоставлялось въ Кіевѣ положеніе совершенно независимое отъ князя Львова. Такъ, Ржевскій обязывался, послѣ пріема города Нѣжина, представить пріемные списки и росписи только въ Приказъ Малой Россіи да въ Кіевъ, боярину и воеводѣ Петру Васильевичу Шереметеву. О вѣстяхъ онъ долженъ былъ сообщать опять-таки въ Кіевъ, боярину Петру Васильевичу Шереметеву и гетману. О промыслѣ надъ непріятельскими людьми и о городовомъ береженьѣ — писать къ боярину же Петру Васильевичу Шереметеву, въ Кіевъ, и такъ далѣе[329].

Странно, однако, что въ наказѣ Ржевскому не упомянуто даже самого имени князя Львова. Тогда какъ онъ дѣйствительно былъ въ то время въ Кіевѣ. Шереметевъ же находился въ Сѣвскѣ и не дальше какъ 22 іюня въ Москвѣ получена была оттуда отписка его, о томъ, что въ Рыльскѣ «на лошади падежъ большой». Въ тотъ же самый день, изъ Сѣвска же получена была отписка и товари-

[329] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. V. Спб. 1867. № 135.

щей Шереметева, князя Константина Щербатова и Петра Измайлова, что они «государевъ указъ сказали ратнымъ людямъ, которымъ быть на службѣ великаго государя въ Кіевѣ». На эту отписку изъ Разряда отвѣтили князю Щербатову и Измайлову, что «они про то ратнымъ людемъ сказали, и то добро; и впредь бы имъ говорили, чтобъ они къ той службѣ были наготовѣ къ приходу боярина и воеводы Петра Васильевича Шереметева, а на жалованье имъ денежная казна послана съ нимъ бояриномъ и воеводою»[330]. Но мѣсяцъ спустя, именно 30 іюля, въ Москвѣ получена была изъ Сѣвска отписка самого Шереметева, что ратные люди изъ городовъ къ нему, въ Сѣвскъ, «не бывали еще ни одинъ человѣкъ»[331].

Такимъ образомъ, прошелъ и августъ мѣсяцъ. Гетманъ Брюховецкій уѣхалъ въ Москву, видѣть пресвѣтлые царскіе очи; а Шереметевъ все еще оставался въ Сѣвскѣ. Не смотря на это, по всѣмъ важнѣйшимъ дѣламъ Малороссіи, старшины обращались съ

---

[330] Русская историческая библіотека, издаваемая Археографическою коммиссіею. Т. XI. Спб. 1889. стр. 270.

[331] Тамъ-же, стр. 302.

ходатайствомъ предъ престоломъ царскаго величества не къ Кіевскому воеводѣ князю Львову, а въ Сѣвскъ, къ боярину Петру Васильевичу Шереметеву. Напримѣръ, вслѣдъ за отъѣздомъ въ Москву Брюховецкаго, вмѣстѣ съ ненавистнымъ для всѣхъ генеральнымъ писаремъ Захаромъ Шійкевичемъ, Шереметевъ получилъ слѣдующее письмо отъ Кіевскаго полковника Василья Дворецкаго: «Милостивый добродѣю нашъ, великій боярине! Просимъ покорне милости вашей со слезами, рачте до его царскаго пресвѣтлаго величества написать, же бы Захарку отъ гетмана отдалити, бо въ немъ есть злоба великая; хочай бы его на Москвѣ оставить, бо якъ онъ больше будетъ при гетманѣ жить, то не быть добру нѣгды. (Рачте написать) же бы его царское пресвѣтлое величество мѣста всѣ и села, будучіе на Вкрайнѣ, на себя взялъ, же бы больше нами гетманы не владѣли, бо отъ того псуются[332] вельми: великихъ скарбовъ набывши, не хотятъ быть никому послушными, але хотятъ быть великими монархами. Лучше будетъ, якъ будутъ

[332] Псоваться = портиться.

воеводы, жіючіе на Вкрайнѣ, владѣть всѣми маетностями; не потреба будетъ никому просить о хлѣбѣ для ратныхъ людей: въ рукахъ будетъ онъ у своихъ и вшелякіе[333] пожитки при хлѣбѣ будутъ. А въ нашихъ краяхъ никто тому дѣлу не будетъ спротивнымъ, только единъ Захарко тому дѣлу збѣгатель завше»[334].

Точно также, когда получено было извѣстіе о «великой бѣдѣ», причиняемой жителямъ города Котельвы начальными людьми, полковниками, ротмистрами и капитанами, изъ Нѣмцевъ и Ляховъ,—которые «не токмо стацыею[335] тягости дѣяли, но и женъ у мужей поотнимали и вдовъ опозорили»,—войсковой казначей Романъ Ракушка, обратился по этому дѣлу опять-таки не къ князю Львову, а къ Петру Васильевичу Шереметеву, прося послѣдняго смирить своевольниковъ. И Шереметевъ, дѣйствительно, посылалъ отъ себя, изъ Сѣвска, въ Гадячь, къ воеводѣ Ѳедору Протасьеву, чтобы онъ смирилъ на-

---

[333] Вшелякій = всякій.

[334] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. V. Спб. 1867. стр. 309. столб. 1.

[335] Стація = продовольствіе, содержаніе войска.

чальныхъ людей, «не допущая имъ той своей воли» [336].

Все это показываетъ, какъ высоко стоялъ бояринъ Петръ Васильевичь Шереметевъ во мнѣніи Малороссіянъ, какъ велико было довѣріе къ нему. На него одного была надежда въ такое трудное время, которое переживала тогда Малороссія. Смута въ правобережной Польской Украйнѣ тяжко отзывалась на жителяхъ лѣваго, нашего, берега Днѣпра. Положеніе дѣлъ было таково. Послѣ бѣгства Тетери, тогобочная Украйна осталась безъ гетмана. Грозный Польскій вождь Чарнецкій умеръ, а преемникъ его Яблоновскій не въ силахъ былъ удержать своего голодавшаго войска. Онъ ушелъ съ нимъ въ Польшу, чтобы принудить правительство выплатить недоданное жалованье. Оставлены были гарнизоны только въ Чигиринѣ, Корсунѣ и Бѣлой Церкви. Казалось бы, чего-же лучше. И можно ли было Малороссіи дождаться болѣе удобной поры окончательно освободиться отъ Польскаго ига и войти въ колею общей гражданской жизни, подъ властію единаго гетма-

[336] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. VI. Спб. 1869. стр. 33. столб. 1 и стр. 45. столб. 1.

на, поставленнаго Московскимъ царемъ. Но, къ несчастію, царскій ставленикъ, гетманъ Брюховецкій, далеко не пользовался расположеніемъ и довѣріемъ населенія, а самое главное, между казаками царила междоусобица. Появились новые честолюбцы—искатели гетманства въ правобережной Украйнѣ. При Тетерѣ, въ поспольствѣ, покрайней мѣрѣ ясно обозначались два теченія: одни тяготѣли къ Московскому царю, другіе—къ Польскому королю; одни ожидали содѣйствія отъ царскаго войска, другіе — отъ королевскаго. Съ удаленіемъ же Тетери все перепуталось. Польское войско выступило изъ Украйны, а царское войско не шло туда, не взирая на настойчивыя просьбы о томъ лицъ, преданныхъ Москвѣ. И вотъ, правобережная Украйна, брошенная на произволъ судьбы, шагнула, по выраженію Костомарова, «еще далѣе въ омутъ общественнаго разложенія»[337]. Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, наиболѣе смѣлый изъ предводителей многочисленныхъ ватагъ возстанцевъ противъ короля, казакъ Степанъ Опара, всею душею рвался къ Мо-

[337] Руина. Историческая монографія. Спб. 1882. стр. 89.

сквѣ, такъ что Тетеря въ одномъ письмѣ къ нему написалъ даже такую угрозу: «Будетъ-де онъ, Опара, для обереженія здоровья своего, къ Москвѣ съѣдетъ, станетъ-де столько радѣнія королева и его, Тетерина, хотя бы и Шереметева изъ Крыму выкупить, а его (Опару) за него (Шереметева), съ Москвы въ рукахъ своихъ будутъ имѣти»[338]. Теперь, тотъ-же Опара является уже въ другой роли. Онъ провозгласилъ себя гетманомъ тогобочной Украйны, увѣряя всѣхъ, что его поддерживаютъ Татары. Опара дѣйствительно просилъ Крымскаго хана объ утвержденіи его въ гетманскомъ достоинствѣ и уже хвалился овладѣть Кіевомъ, когда узналъ о вступленіи въ Украйну двухъ мурзъ, Камамбетъ-Батырши и Батыръ-Аги, съ тридцатитысячнымъ войскомъ. Но Опара ошибался. Татары пришли поддерживать болѣе счастливаго и надежнаго искателя гетманской булавы, извѣстнаго Петра Дорошенка. Въ этомъ Опара могъ убѣдиться 18 августа, когда онъ пріѣхалъ съ своею старшиною къ означеннымъ мурзамъ на совѣтъ. Наказной гетманъ Да-

[338] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. V. Спб. 1867. стр. 233. столб. 1.

нила Ермоленко разсказывалъ, что какъ только Опара вошелъ въ Татарскій станъ, «еще далече отъ наметовъ, стали Татаровя въ стрѣчахъ, и не припустя Опары къ наметомъ мурзинымъ, стали его грабить и всю его старшину, и въ однѣхъ рубахахъ къ мурзамъ повели; также его совѣтниковъ повязали, а ему, Опарѣ, аки Іюдѣ второму, подарку цѣпь на шею, а желѣзо на ноги. Воздавъ Опарѣ такую честь за его службу, стали Татаровя на него плевать и бранить». Все это было подстроено Дорошенкомъ. Онъ вручилъ Татарамъ перехваченный имъ листъ Опары, въ которомъ тотъ, уговаривая Брацлавскаго полковника Дрозда передаться къ нему, писалъ: «А какъ ты со мною будешь, и я тотчасъ съ тобою буду короля воевать». Татары, еще представлявшіеся вѣрными союзниками Польши, бросали листъ въ лицо Опары и кричали: «Ты королю и намъ присягалъ, а нынѣ хочешь воевать»! Дѣло кончилось очень дурно для Опары: его отправили въ оковахъ къ Польскому королю, а казаки, по требованію Татаръ, провозгласили, на погибель Украйны и вредъ Россіи, гетманомъ Петра Дорошенка, который тутъ-же присягнулъ мур-

замъ, добыть во что бы то ни стало лѣвобережную Украйну[339].

Въ Кіевѣ содрогнулись отъ такого неожиданнаго оборота дѣлъ. Съ дерзкимъ и предпріимчивымъ Дорошенкомъ шутить было нельзя. Онъ уже утвердился въ Чигиринѣ. Страшные союзники его, Татары, разбрелись въ стороны загонами. Они безъ всякаго милосердія жгли, грабили и забирали въ плѣнъ городскихъ и сельскихъ жителей, для того, чтобы принудить ихъ признать власть Дорошенки.

Понятно, съ какимъ нетерпѣніемъ ожидали благоразумные Малороссіяне прибытія въ Кіевъ боярина Петра Васильевича Шереметева.

Отъ 7 октября 1665 года, епископъ Меѳодій писалъ въ Москву, къ гетману Брюховецкому, изъ Нѣжина: «Я какъ прежъ сего къ великому государю нашему, его царскому пресвѣтлому величеству, писалъ, бьючи челомъ объ указѣ къ боярину, его милости, къ Петру Васильевичу Шереметеву, чтобъ вско-

---

[339] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. V. Спб. 1867. № 141. — Костомаровъ. Руина. Историческая монографія. Спб. 1882. стр. 82 — 91.

рѣ спѣшилъ въ Кіевъ, такъ и нынѣ о томъ же докучаю. И ваша милость, для Бога, всяко докучай, чтобъ поспѣшалъ бояринъ, его милость, Петръ Васильевичь Шереметевъ въ Кіевъ, ибо ко мнѣ хотя и пишетъ, что вскорѣ пойдетъ, а то скоро невѣдомо когда будетъ. А нынѣ на Украйнѣ безъ бытія вашей милости ничего добраго нѣтъ: всякъ въ свой носъ думаетъ. Когда бъ поспѣшилъ бояринъ, его милость, въ Кіевъ, все бъ посмирнѣе было. Бога для, потщися, ваша милость, чтобъ скоро бояринъ, его милость, изъ Сѣвска поспѣшалъ въ Кіевъ»[340]. Должно быть, въ то время, Ивану Мартыновичу Брюховецкому, возведенному царскою милостію въ санъ боярина, было не до ходатайствъ епископа Меѳодія. Что бы еще болѣе укрѣпиться при дворѣ Московскаго царя, онъ просилъ, чтобы великій государь пожаловалъ его, «велѣлъ женити на Московской дѣвицѣ, а не женя, не отпущалъ бы»[341]. По указанію ли государя или же по собственному выбору, но только Брюховецкій женился на княжнѣ Дарьѣ

---

[340] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. VI. Спб. 1869. № 6.

[341] Тамъ-же, стр. 9. столб. 2.

Долгоруковой, родной племянницѣ весьма вліятельнаго боярина князя Юрья-Софронія Алексѣевича Долгорукова[342].

Между тѣмъ, епископъ Меѳодій, не получая отвѣта отъ Брюховецкаго, рѣшился обратиться къ посредничеству его довѣреннаго лица, войсковаго казначея Романа Ракушки. Въ слѣдующемъ письмѣ къ послѣднему изъ Кіева, отъ 30 октября 1665 года, онъ не пожалѣлъ красокъ, чтобы изобразить полную непригодность для дѣла Кіевскаго воеводы князя Никиты Яковлевича Львова: «Пишу сей листъ своею рукою къ вашей милости, впрямъ слезами поливающе, понеже пріѣхалъ я въ Кіевъ впрямъ на тяжкіе, нестерпимые бѣды, когда отвсюды вѣсти непотѣшные. Тамо Дроздъ[343] бѣдной, въ Бряславлѣ, не стерпѣвъ, моглъ непріятелемъ сдатись;

---

[342] Бантышъ-Каменскій (Исторія Малой Россіи. Ч. 2. М. 1822. стр. 39), въ опроверженіе показанія Миллера, что гетманъ Иванъ Брюховецкій женился на дочери окольничаго князя Димитрія Алексѣевича Долгорукова, говоритъ, что «изъ дѣлъ Коллежскаго Архива видно, что Брюховецкій былъ женатъ на дочери *боярина Ѳедора Петровича Шереметева* (брата фельдмаршала). Это очевидное недоразумѣніе. Въ 1665 году, и самому то Ѳедору Петровичу Шереметеву было никакъ не больше двѣнадцати лѣтъ (См. «Родъ Шереметевыхъ». Кн. 5. стр. 240). Много лѣтъ спустя, Ѳедоръ Петровичъ женился на дочери гетмана Ивана Самойловича.

[343] Полковникъ Брацлавскій.

тутъ же Децыкъ[344] изъ Мотовиловки уступилъ, а что горшее, мѣста не зжегши. А сверхъ того, въ Кіевѣ ничего добраго не дѣется, ибо воевода нынѣшній Кіевскій—человѣкъ ни къ чему не пригодный: первое то, что человѣкъ древній, къ ратному дѣлу ни къ чему не подобенъ; второе же, болѣнъ ногами и не ходитъ, и чрезъ избу не перейдетъ. Опричь слезъ и худобы и воровства болши того въ Кіевѣ не сыщешь отнюдь. Какъ не поспѣшитъ бояринъ (Шереметевъ), или замедлитъ господинъ гетманъ на Москвѣ, сохрани Боже, злое съ Кіевомъ дѣятись будетъ и съ нашимъ Заднѣпріемъ, ибо понеже воевода то робкій, все только городъ страшитъ. Сохрани Боже, какъ не поспѣшитъ бояринъ, зло съ Кіевомъ учинится, или замедлитъ господинъ гетманъ въ Москвѣ. Бога ради, умилосердися, пиши, ваша милость, къ господину гетману, чтобъ билъ челомъ о скоромъ отпускѣ и спѣшилъ сюда, понеже безъ головы составы всѣ мертвы. Да и къ гетману наказному[345], хотя бы ужъ имѣлъ попеченіе о Каневѣ, чтобъ не утеряли; да и къ

[344] Полковникъ Овручскій.

[345] Къ Данилу Ермоленку, Переяславскому полковнику.

боярину, если имѣетъ итти, чтобъ шелъ; а когда не пойдетъ, то бъ отказалъ, чтобъ вѣдали да умышляли, что цѣлое лѣто идетъ, а все въ Сѣвску»[346].

Изъ послѣднихъ строкъ письма епископа Меѳодія, кажется, можно заключить, что Шереметевъ отчасти и самъ замедлялъ походъ въ Малороссію, выжидая болѣе точнаго опредѣленія своего положенія въ Кіевѣ. Положеніе это, во всякомъ случаѣ, было странное и неловкое, какъ для него самого, такъ и еще больше для князя Львова. Общее недоумѣніе разрѣшилось 25 ноября 1665 года, когда на имя боярина князя Никиты Яковлевича Львова прислана была царская грамота съ приказаніемъ, чтобы онъ «городъ Кіевъ съ государевыми ратными людьми и казною отдалъ боярину Петру Васильевичу Шереметеву съ товарищи и, росписався, ѣхалъ бы въ Сѣвскъ и былъ бы въ Сѣвскѣ на великаго государя службѣ съ стольникомъ и воеводою княземъ Юрьемъ Петровичемъ Трубецкимъ»[347].

---

[346] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. VI. Спб. 1869. стр. 36.

[347] Московскій архивъ министерства юстиціи: дѣла Малороссійскаго приказа. № 5870.

Такая же грамота была послана и къ Петру Васильевичу Шереметеву, который, тотчасъ же по ея полученіи, отдалъ приказъ о выступленіи въ Кіевъ. Это видно изъ показанія въ Приказѣ Малой Россіи рейтарскаго строя поручика Григорья Голощапова, который говорилъ: «Въ Сѣвскъ пріѣхалъ-де онъ ноября въ 25 день, а въ 26 числѣ сказка была всѣмъ ратнымъ людемъ, что походу боярскому быть въ Кіевъ ноября въ 29 день»[348].

При бояринѣ Петрѣ Васильевичѣ Шереметевѣ, какъ Кіевскомъ воеводѣ, оставленъ былъ весь составъ служащихъ, который 11 іюля назначенъ былъ къ его предмѣстнику, князю Львову, а именно: стольникъ Алексѣй Пантелѣевичь Чириковъ, стряпчій Матвѣй Яковлевичь Хрущовъ, пять дворянъ и десять жильцовъ. Кромѣ того, Шереметеву еще прибавили: двухъ стольниковъ, двухъ стряпчихъ и четырехъ дворянъ. Старшему изъ названныхъ чиновъ, составлявшихъ какъ бы свиту Кіевскаго воеводы, стольнику Чирикову, будущему свату Петра Васильевича Шереме-

[348] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. VI. Спб. 1869. стр. 49.

тева, пришлось жестоко поплатиться за то, что онъ опоздалъ, а можетъ быть и не хотѣлъ явиться на службу въ Кіевъ, къ князю Львову. Въ разрядной книгѣ мы находимъ объ этомъ слѣдующую запись: «Стольнику Алексѣю Пантелѣеву сыну Чирикову, за его вину, что онъ на государеву службу въ Кіевъ многое время не поѣхалъ, учинено наказанье: битъ передъ Разрядомъ батоги, ноября въ 23 числѣ, нынѣшняго 174 году, и отосланъ изъ Разряду въ Приказъ Малые Россіи съ подъячими Разряднаго приказу Иваномъ Невѣровымъ да съ Иваномъ Большимъ Оловенниковымъ»[349].

Мы не имѣемъ свѣдѣній, ни о походѣ Петра Васильевича Шереметева въ Малороссію на воеводство, ни о въѣздѣ его въ Кіевъ. Можемъ только сказать, со словъ посланца Нѣжинскаго воеводы въ Москву, стрѣльца Якушки Аникіева, что 28 декабря 1665 года, когда Аникіевъ выѣхалъ изъ Нѣжина, Петръ Васильевичь Шереметевъ былъ въ городѣ Острѣ, что онъ шелъ лѣсною дорогою и не заѣзжалъ въ Нѣжинъ и что, наконецъ, «Малороссійскихъ городовъ жители,

[349] Дворцовые разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 600—602.

видя такову государскую милость, что (съ Шереметевымъ) ратныхъ людей многія силы посланы въ Кіевъ, вельми обрадовались и отъ непріятелей учали быть безопасны, потому что учало быть вездѣ смирно»[350].

Радость Малороссіянъ выражалась въ обиліи приношеній вновь назначенному Кіевскому воеводѣ, напоминавшихъ «въѣзжее» временъ намѣстниковъ. О количествѣ и качествѣ такихъ приношеній можно судить по сохранившейся росписи поднесеннаго Шереметеву въ даръ Нѣжинскими мѣщанами. Такъ какъ Петръ Васильевичь не заѣзжалъ въ Нѣжинъ, то мѣщане тамошніе выслали своихъ райцъ Андрея Мниха и Романа Ѳилонеку встрѣтить его въ мѣстечкѣ Олишевкѣ. Здѣсь, 23 декабря 1665 года, Нѣжинскіе райцы ударили челомъ боярину Шереметеву: хлѣбами и калачами на три рубля, бочкою рыбы въ полтретья рубля, масломъ «ольвляновымъ» на два рубля безъ двухъ гривенъ, двойнымъ виномъ на десять рублей, двумя коровами добрыми, четырьмя баранами и тридцатью пятью четвертями овса.

---

[350] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. VI. Спб. 1869. № 28.

Въ томъ же году, уже по водвореніи Петра Васильевича въ Кіевѣ, Нѣжинцы опять прислали ему въ даръ: двухъ быковъ Волошскихъ, стоившихъ шестнадцать рублей; десять барановъ; двойного вина на десять рублей; тридцать пять четвертей солоду ячнаго на пиво и двѣнадцать аршинъ атласу на семнадцать рублей безъ двухъ гривенъ[351].

Нужно ли объяснять, что подобныя приношенія были освящены обычаемъ и что они отнюдь не могутъ быть поставлены въ укоръ воеводѣ. Изъ приносимаго ему, большая часть, поступала на ратныхъ людей. Въ тѣ времена, средства государства были такъ ничтожны, что по-неволѣ, и содержаніе ратныхъ людей, и расходы по воеводству вообще, должны были производиться на счетъ сбора съ мѣстнаго населенія, какъ деньгами, такъ и продуктами.

---

[351] Эйнгорнъ. Кіевскій воевода П. В. Шереметевъ и Нѣжинскій магистратъ (Кіевская Старина 1891 года, мѣсяцъ ноябрь. стр. 256).

ГЛАВА XXIII.

Позднею осенью 1665 года, за мѣсяцъ до выступленія боярина Петра Васильевича Шереметева изъ Сѣвска въ Кіевъ, жилецъ Иванъ Богдановъ съ двумя толмачами пробирался въ Крымъ съ государевыми грамотами къ хану Мухаммедъ-Гирею и къ боярину Василью Борисовичу Шереметеву. Съ жильцомъ шелъ также человѣкъ Василья Борисовича Михайло Старковъ. Онъ былъ посланъ изъ Москвы сыномъ боярина-вязня, стольникомъ Иваномъ Васильевичемъ Шереметевымъ, съ соболями государева жалованія и съ грамотками, вѣроятно отъ него самого и отъ родныхъ. Московскимъ посланцамъ оставалось всего два дня пути до Перекопа, когда на нихъ наѣхали Калмыки. Хищники отняли у гонца царскія грамоты и лошадей съ

вьюками, а у Старкова — соболи, государево жалованіе Шереметеву. Богданова съ толмачами и еще двухъ человѣкъ «побили до смерти»; Старкова же «пробили копьемъ насквозь, и онъ повалился межъ мертвыхъ и лежалъ до ночи». Когда все притихло, Старковъ, «вставъ, побрелъ, и прибрелъ къ Тонкимъ Водамъ». Здѣсь его взяли Татары и привезли къ хану, въ Перекопъ[352].

Ханъ Мухаммедъ-Гирей пришелъ въ Перекопъ въ сентябрѣ 1665 года и здѣсь собирался для наступленія на Ногайцевъ. Нужно сказать, что нѣкоторыя Ногайскія племена, кочевавшія въ низовьяхъ Днѣстра, тяготясь несносною зависимостію отъ Крымскаго хана и постоянными набѣгами Калмыковъ и казаковъ, приняли Турецкое подданство и просили Высокую Порту переселить ихъ на пустопорожнія мѣста въ окрестностяхъ Силистріи[353]. Ханъ Мухаммедъ-Гирей, лишаясь черезъ это установленной дани отъ Ногайцевъ, всячески противился такому переселенію.

---

[352] Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ: Крымскія дѣла 1666 г. Связка 56/а. № 2.

[353] Смирновъ. Крымское ханство подъ верховенствомъ Отоманской Порты. Спб. 1887. стр. 574.

Онъ ходилъ съ калгою, нурадиномъ и всѣми царевичами уговаривать Ногайцевъ остаться на своихъ мѣстахъ, угрожая, въ противномъ случаѣ, войною. Ногайцы не поддались угрозамъ и прямо говорили, что «покамѣстъ ханъ не помирится съ государемъ Московскимъ, и имъ на старыя кочевья не хаживать, для Калмыковъ и казаковъ, что ихъ разорятъ»[354]. Тогда Мухаммедъ-Гирей перешелъ отъ угрозъ къ дѣлу. Онъ вступилъ въ Бѣлгородъ, нынѣшній Аккерманъ, и въ иныя мѣста Турецкаго владѣнія, и «многимъ стояніемъ» чинилъ жителямъ, Ногайцамъ, разоренье. Турецкій султанъ отнялъ Бѣлгородъ у хана, запретилъ владѣть имъ и не велѣлъ посылать туда ханскихъ чиновниковъ, сборщиковъ дани; а бывшія въ тѣхъ мѣстахъ деревни Крымскихъ агъ и мурзъ приказалъ всѣ пожечь.

Ханъ Мухаммедъ-Гирей, предчувствуя большую бѣду себѣ отъ Высокой Порты, изъза Ногайцевъ, сталъ обдумывать планъ сближенія съ Москвою. Онъ отправилъ въ Бахчисарай человѣка боярина Василья Борисовича Шереметева, Михайла Старкова, пору-

[354] Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ: Крымскія дѣла 1666 года. Связка 56/а. № 2.

чивъ своему язычею съѣздить съ нимъ къ боярину, въ Жидовскій городокъ. Послѣ того, какъ Старковъ разсказалъ Василью Борисовичу о всѣхъ своихъ злоключеніяхъ, ханскій язычей сказалъ боярину: «Царь нашъ мириться хочетъ съ великимъ государемъ и за что́ они, Татары, стояли, и то нынѣ отставили». Вслѣдъ за тѣмъ, и приставъ Шереметева, Арсланъ Белюбъ-Баша, говорилъ ему: «Царь помирится съ великимъ государемъ и за барабашей стоять не будетъ. То-де вѣдомо, что барабаши нынѣ стоя́тъ крѣпко на томъ, что имъ быть подъ великаго государя высокою рукою на вѣки. А для подлиннаго договору посылаетъ царь къ великому государю мурзу, честнаго и думнаго человѣка». Потомъ приставъ спросилъ Шереметева: «Какъ-де царь помирится съ великимъ государемъ, и Калмыковъ великій государь задержать изволитъ-ли, чтобъ на Крымскую степь и подъ Перекопъ не ходили? А какъ ханъ похочетъ на Калмыковъ итти и къ великому государю писать будетъ, и великій государь изволитъ-ли помогать на Калмыковъ барабашемъ»? Приставъ, не дожидая отвѣта, поспѣшилъ предупредить Шереме-

тева, что онъ говоритъ съ нимъ «собою, а не по чьему либо велѣнью». Но Шереметевъ хорошо зналъ, что «собою» не говорятъ о государственныхъ дѣлахъ, особенно въ Крыму. Въ отпискѣ къ государю, по поводу означеннаго предупрежденія, Шереметевъ счелъ нужнымъ пояснить, что «приставъ говорилъ по засылкѣ». На сколько былъ остороженъ Шереметевъ въ разговорахъ съ Крымскими дѣльцами, можно судить по его отвѣту на вопросы Белюбъ-Баши. Вотъ что онъ сказалъ ему: «Какъ пошлетъ царь къ великому государю посланника, а съ нимъ о чемъ писать будетъ къ великому государю, и великій государь велитъ отвѣтъ учинить; а что въ великаго государя грамотѣ писано будетъ къ царю, и они въ тѣ поры вѣдать будутъ».

Во всякомъ случаѣ, политическіе подходы довѣренныхъ лицъ Крымскаго хана были на столько важны, что Шереметевъ не замедлилъ доложить о семъ государю. Содержаніе отписки Василья Борисовича извѣстно изъ предыдущаго. Приведемъ ея окончаніе, имѣющее нѣкоторое автобіографическое значеніе. «А твое государево жалованія, соболи,—писалъ Шереметевъ,—что послалъ ко мнѣ, съ

Мишкою Старковымъ, сынишка мой, Калмыки взяли и я, холопъ твой убогій, на твоей государской, премногой милости и на милосердомъ твоемъ государскомъ взысканьѣ челомъ бью. Хотя и не привезено твое, великаго государя, жалованія ко мнѣ, а слыша отъ человѣка своего про твою государскую, премногую милость и про твое государское жалованія, какъ, смотря на твое государево жалованія печальнымъ своимъ убогимъ сердчишкомъ, въ бѣдахъ своихъ и въ заточеньѣ обрадовался! Душа моя грѣшная питается, будучи въ непріятельскихъ рукахъ, и убогая голова моя цѣла отъ непріятельскихъ рукъ, по твоей, великаго государя, милости, твоимъ, государевымъ, жалованіемъ. Живъ Богъ мой и твоя, великаго государя, милость сіяетъ ко мнѣ, какъ пресвѣтлоя, великоя солнце. Жива и душа моя грѣшная»[355].

Между тѣмъ, 10 января 1666 года, ханъ Мухаммедъ-Гирей возвратился въ Бахчисарай и сейчасъ-же опять послалъ къ Шереметеву человѣка его, Михайлу Старкова. Возвращенія хана съ нетерпѣніемъ ожидалъ

[355] Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ: Крымскія дѣла 1666 года. Связка 56/а. № 2.

нашъ посланникъ Яковъ Якушкинъ. 20 января, онъ отправился къ ближнему человѣку, Кайтасу-агѣ, просить, чтобъ ханъ отпустилъ гонцовъ къ великому государю. Кайтасъ-ага отвѣтилъ, что ханъ отпуститъ гонцовъ, но упросилъ сроку на мѣсяцъ. «Нынѣ-де снѣга большіе, вскорѣ отпустить нельзя; а выждавъ мѣсяцъ, ханъ тотчасъ отпуститъ гонцовъ къ великому государю». Шереметевъ, узнавъ объ этомъ и опасаясь, что «непріятель, изъ злости», опять скроетъ отъ него объ отпускѣ гонцовъ, заблаговременно приготовилъ и тайнымъ образомъ отправилъ черезъ вязня къ Якушкину отписку къ государю того-же самаго содержанія, что и предыдущая. Эту новую отписку, составленную на случай утраты первой, Шереметевъ написалъ собственною рукою и заключилъ ее такъ: «И у тебя, великаго государя, милости прошу, будетъ гдѣ описался, не положи гнѣву своего государскаго и опалы на холопа своего: писать мало умѣю и отъ тѣсноты непріятельской мало вижу; тѣснитъ меня непріятель великою тѣснотою и кайдалами мучитъ полчетверти года. Безпрестанно мучюсь въ кайдалахъ. Злость свою непріятельскую испол-

няютъ, а меня до конца сокрушаютъ. Милости у тебя, праведнаго и милосердаго великаго государя прошу, отъ убогихъ убогій холопъ твой. Помилуй холопа своего, какъ тебѣ Богъ извѣститъ обо мнѣ, холопѣ твоемъ безсемейномъ. Все упованіе мое на Бога и на тебя великаго, милосердаго государя и на твою государскую милость»[356].

Къ утѣшенію Василья Борисовича Шереметева, 8 февраля 1666 года, въ Крымъ прибылъ новый гонецъ отъ государя, подъячій Семенъ Романовъ. Онъ тоже посланъ былъ изъ Москвы съ царскими грамотами, и къ хану, и къ Шереметеву. Стольникъ Иванъ Васильевичъ Шереметевъ воспользовался и этою оказіею: съ подъячимъ Романовымъ онъ отправилъ къ отцу своему человѣка его, Якова Лощелова, а съ нимъ государева жалованія сорокъ соболей.

Подъячій Романовъ, а также посланникъ Якушкинъ, во время представленія хану, просили, чтобы имъ дозволено было повидаться съ Васильемъ Борисовичемъ Шереметевымъ, быть у него, въ Жидовскомъ городкѣ. Ханъ

---

[356] Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ: Крымскія дѣла 1666 года. Связка 56/а. № 2.

отказалъ въ этой просьбѣ, сказавъ, что они могутъ повидаться съ Шереметевымъ у казначея. Объ этомъ свиданіи, въ отпискѣ Василья Борисовича Шереметева сказано только слѣдующее: «Февраля въ седьмой на десять день, волочили меня изъ Жидовскаго городка въ телѣгѣ, въ кайдалахъ, въ Бакчисарай, къ казначею на дворъ; и съ Яковомъ Якушкинымъ и съ подъячимъ я видѣлся и твою, великаго государя, грамоту принялъ»[357]. Нѣкоторыя подробности находимъ въ статейномъ спискѣ подъячаго Семена Романова. «Послѣ посольства, — читаемъ въ томъ спискѣ,—по цареву указу, видѣлись мы съ бояриномъ съ Васильемъ Борисовичемъ Шереметевымъ на дворѣ царева казначея, у Барай-Казы-аги. И какъ бояринъ вошелъ въ палату, и царевъ казначей со всѣми людьми изъ палаты вышелъ и оставилъ съ бояриномъ посланниковъ да его, Семена, однихъ. И я, Семенъ, подалъ боярину великаго государя грамоту, и бояринъ на государской милости билъ челомъ. И того жъ числа боярина отъ казначея съ двора отвезли въ Жидовскій го-

[357] Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ: Крымскія дѣла 1666 года. Связка 56/а. № 2.

родокъ. А привозили боярина на дворъ къ казначею въ телѣгѣ, въ кандалахъ. А рѣчей съ бояриномъ въ то время никакихъ посланникъ и онъ, Семенъ, не говорили, потому что вскорѣ въ палату царевъ казначей и съ нимъ многіе люди вошли»[358].

При Васильѣ Борисовичѣ, царевъ казначей и Ширинъ-беевъ имельдешъ[359] говорили Якову Якушкину, что имъ приказано говорить съ нимъ, Яковомъ, о томъ, что если великій государь изволитъ помириться съ королемъ Польскимъ и отдастъ ему города его и барабашей, тогда и ханъ помирится съ нимъ, великимъ государемъ. А когда Василій Борисовичь возвратился въ Жидовскій городокъ, къ нему явились посланцы отъ хана и спрашивали: Не присланъ ли къ нему указъ государевъ и не имѣетъ ли онъ что̀ говорить имъ по дѣлу о мирѣ? Въ грамотѣ, привезенной подъячимъ Романовымъ, царь Алексѣй Михайловичь писалъ боярину Василью Борисовичу, только то, что ему, великому государю, «вѣдомо, что онъ, бояринъ, въ Крымѣ,

---

[358] Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ: Крымскія дѣла 1667 года. № 44. л. 21.

[359] Имельдешъ = молочный братъ.

въ вязеньѣ, терпитъ нужу и тѣсноту большую и чтобы ему, боярину, о томъ упованіе возложить на всещедраго Бога, а на утѣшеніе печали вспоминалъ бы его государскую милость». А потому Шереметевъ рѣшительно отказалъ ханскимъ посланцамъ отъ всякихъ объясненій, сказавъ, что «ему, вязню, о великаго государя дѣлѣ говорить безъ государева указу не пристоитъ» и что по великаго государя указу, о томъ дѣлѣ будетъ говорить съ ними посланникъ Яковъ Якушкинъ»[360].

Но ханъ Мухаммедъ-Гирей напрасно хлопоталъ о заключеніи мира съ Московскимъ царемъ да еще съ условіемъ, чтобы мы уступили Польшѣ города, отвоеванные у нея. Мухаммедъ-Гирей уже не былъ хозяиномъ въ своемъ государствѣ.

Еще 9 января 1666 года, Нѣжинскій стрѣлецъ Яковъ Аникіевъ, на допросѣ въ Приказѣ Малой Россіи о походѣ въ Кіевъ, на воеводство, боярина Петра Васильевича Большого Шереметева, между прочимъ, сказалъ: «Есть-де слухъ въ Нѣжинѣ, что Татаръ въ Малороссійскихъ городѣхъ на той и на сей

[360] Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ: Крымскія дѣла 1666 года. Связка 56/а. № 2.

сторонѣ Днѣпра нѣтъ нигдѣ, пошли всѣ въ Крымъ, потому что учинилось у нихъ въ Крымѣ междоусобіе»[361]. Дѣйствительно, Татары, пособники Петра Дорошенки, выступили изъ Малороссіи, вынужденные къ тому смутой, поднявшейся въ Крыму изъ-за Ногайскаго дѣла. Василій Борисовичь Шереметевъ выражалъ удивленіе, что ханъ Мухаммедъ-Гирей, при такомъ затруднительномъ положеніи, еще какъ будто предписывалъ условія мира. Вотъ что писалъ Шереметевъ въ своей отпискѣ: «Какъ, государь, не сумнится непріятель о томъ, что Богъ учинилъ надъ нимъ! Межъ ихъ народу босурманскаго закону рознь и въ государствѣ его въ людехъ великой упадокъ есть. Лучшіе, государь, и надежные, многіе люди отошли, всѣ Ногайцы. А какъ ходилъ онъ (то-есть, ханъ) на Ногайцевъ, и онъ приволокъ съ собою Ногайцевъ убогихъ, худыхъ людей, которымъ было отойтить не на чемъ. И видя надъ собою волю Божію и упадокъ великой надъ государствомъ своимъ, еще отъ злой мысли и отъ хотѣнья своего не отбудетъ, чего ему

[361] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. VI. Спб. 1869. № 28.

Богъ не дастъ и твоего, великаго государя, на что̀ хотѣнья нѣтъ»[362]!

Въ пору пребыванія въ Крыму подъячаго Семена Романова, тамъ уже открыто говорили о полученномъ изъ Царьграда извѣстіи, что Турецкій султанъ шлетъ въ Крымскій улусъ новаго хана, Аадиль-Гирея.

Сверженіе Мухаммедъ-Гирея съ ханскаго престола было подготовлено прежде всего имъ самимъ. Со времени вторичнаго воцаренія въ Крымскомъ юртѣ, съ 1654 года, Мухаммедъ-Гирей, видя малолѣтство Турецкаго султана, Мухаммеда IV, и происходившую отъ того безурядицу въ государствѣ, сталъ относиться довольно небрежно къ верховенству Отоманской Порты надъ Крымскимъ ханствомъ. Въ дѣлахъ международныхъ онъ дѣйствовалъ по своему личному усмотрѣнію и конечно этимъ объясняется его необузданно-дерзкое, можно сказать разбойническое поведеніе относительно сосѣдей. Да и у себя, въ Крымскомъ улусѣ, онъ слылъ самодуромъ, скареднымъ себялюбцемъ и жаднымъ скопи-

---

[362] Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ: Крымскія дѣла 1666 года. Связка 56/а. № 2.

домомъ[363]. Все сходило съ рукъ жестокосердому Мухаммедъ-Гирею, пока въ Турецкомъ правительствѣ царилъ хаосъ, когда безпрестанно мѣнявшіеся верховные визири только и думали о томъ, чтобы по-скорѣе нажиться и насладиться властію. Но вотъ, въ санѣ визиря является наконецъ умный, дѣятельный Фазиль-Ахмедъ-паша, достойный сынъ своего отца и предмѣстника Кёпрюля-Мухаммедъ-паши. При верховномъ визирствѣ этихъ двухъ лицъ, Арнаутовъ по происхожденію, дѣло государственнаго управленія быстро обновилось, упорядочилось. Власть получила силу вступить во всѣ свои права. Между тѣмъ, ханъ Мухаммедъ-Гирей, слишкомъ избалованный самостоятельностію, не захотѣлъ, а можетъ-быть и не съумѣлъ приспособиться къ новому порядку вещей и продолжалъ дѣйствовать въ прежнемъ духѣ и направленіи. Мы уже видѣли образчикъ его отношеній къ Высокой Портѣ: когда она потребовала выслать въ Царьградъ Василья Борисовича Шереметева, Мухаммедъ-Гирей позволилъ себѣ прямо солгать, что Шереме-

[363] Смирновъ. Крымское ханство подъ верховенствомъ Отоманской Порты. Спб. 1887. стр. 571.

тевъ умеръ. Мало того, онъ какъ будто бы даже насмѣхался, объясняя: «А мертваго посылать нечего»[364]. Шереметевъ-же здравствовалъ и объ этомъ знали въ Царьградѣ, благодаря стороннимъ указаніямъ. На бѣду хана Мухаммедъ-Гирея, къ «Двери Счастія» нашелъ ходъ его заклятый врагъ, сгоравшій страстнымъ чувствомъ мести къ нему, это — Исламъ-ага, сынъ ближняго человѣка Сеферъ-Гази-аги, ограбленнаго и убитаго Мухаммедъ-Гиреемъ. Исламъ-ага, по мусульманскому обычаю, всецѣло отдался дѣлу мести за убіеніе своего отца. Для него было мало устроить сверженіе съ престола ненавистнаго Мухаммедъ-Гирея, постоянными указаніями на его промахи и явную непокорность верховенству Порты. Онъ задался мыслію принизить и самую династію Гиреевъ. Благодаря разнымъ благопріятнымъ обстоятельствамъ, Исламу-агѣ удалось провести въ замѣстители ханскаго престола Аадиль-Гирея, представителя побочной линіи Гиреевъ, извѣстной подъ именемъ Чабанъ-Гиреевъ, то-есть, пастуховъ-Гиреевъ. Происхожденіе но-

---

[364] См. выше, стр. 268.

ваго Крымскаго хана было, дѣйствительно, довольно темное. Говорили, что онъ былъ сынъ хана Фетхъ-Гирея отъ плѣнной Польки, но почему-то непризнанный своимъ отцомъ. Нѣкоторые полагаютъ, что эта Полька была не кто иная, какъ воспѣтая поэтами Бахчисарайская плѣнница Марія Потоцкая. Отвергнутаго мальчика пріютилъ у себя одинъ добрый человѣкъ, по имени Хаджи-Мустафа, жительствовавшій въ нынѣшнемъ Симферополѣ. Онъ назвалъ пріемыша Мустафой и опредѣлилъ у себя чабаномъ или пастухомъ. У чабана Мустафы было два сына: Кулъ-Болду и Чулъ-Болду. Ханъ Мухаммедъ-Гирей IV принялъ участіе въ несчастной судьбѣ чабана Мустафы. Онъ сопричислилъ его съ сыновьями къ своей ханской фамиліи, назвавъ самого Мустафу Девлетъ-Гиреемъ, а плебейскія имена его сыновей перемѣнилъ на болѣе благородныя: Фетхъ-Гирей и Аадиль-Гирей. До какой степени возмущены были этимъ распоряженіемъ прочіе члены фамиліи Гиреевъ можно судить по тому, что одинъ изъ нихъ, Халимъ-Гирей, въ Исторіи своихъ предковъ, прямо выразился: «Этимъ переименованіемъ какихъ-то батар-

довъ — одного въ Фетхъ-Гирея, а другого — въ Аадиль-Гирея, осквернили и унизили фамильное имя хановъ Крымскихъ»[365]. Но ханъ —деспотъ не стѣснялся этимъ. Онъ назначилъ Девлетъ-Гирея, вчерашняго пастуха, своимъ нурадиномъ. Старшій же сынъ Девлетъ-Гирея, Фетхъ-Гирей, былъ даже калгою у Мухаммедъ-Гирея IV, когда онъ царствовалъ въ первый разъ. При вторичномъ же воцареніи, Мухаммедъ-Гирей, питавшій затаенную ненависть къ своему верховному визирю Сеферъ-Гази-агѣ, сейчасъ-же отстранилъ отъ себя Фетхъ-Гирея, какъ только узналъ, что братъ послѣдняго, Аадиль-Гирей, женился на дочери верховнаго визиря. Фетхъ-Гирей вскорѣ умеръ, а семья его и братъ, Аадиль-Гирей, устрашенные гоненіемъ, воздвигнутымъ на нихъ ханомъ, убѣжали къ Абазамъ и Черкесамъ. Исламъ-ага поспѣшилъ взять свояка, Аадиль-Гирея, подъ свое особенное покровительство, какъ наиболѣе подходящаго для задуманнаго имъ дѣла.

Когда Мухаммедъ-Гирей вошелъ съ пред-

[365] Смирновъ. Крымское ханство подъ верховенствомъ Отоманской Порты. Спб. 1888. стр. 499—501.

ставленіемъ въ Порту о поголовномъ истребленіи Чабанидовъ, тамъ не приняли этого представленія и рѣшили ограничиться ссылкою ихъ. Исламъ-ага добился того, что Аадиль-Гирея и всѣхъ прочихъ Чабанидовъ, большихъ и малыхъ, сослали въ Родосъ. Только этого и нужно было Исламу-агѣ, положившему провести Аадиль-Гирея на ханскій престолъ, на мѣсто Мухаммедъ-Гирея. Извѣстно, что въ Родосъ ссылали лишь хановъ Чингизовой крови да кандидатовъ на ханство. Само собою разумѣется, что Чабанъ-Гиреи, ссылкою ихъ на островъ Родосъ, какъ бы узаконялись въ своихъ правахъ на ханскій престолъ. Такимъ образомъ, замѣститель Мухаммедъ-Гирея былъ уже готовъ. На лицо былъ и предлогъ для сверженія послѣдняго: упорное неисполненіе ханомъ высочайшихъ указовъ, не обижать и не притѣснять Ногайскія племена, принявшія подданство Отоманской Порты[366].

---

[366] Смирновъ. Крымское ханство подъ верховенствомъ Отоманской Порты. Спб. 1887. стр. 574. 578. 579.

ГЛАВА XXIV.

Но чѣмъ ближе подходило дѣло къ развязкѣ, тѣмъ упорнѣе стоялъ на своемъ ханъ Мухаммедъ-Гирей, тѣмъ ожесточеннѣе терзалъ онъ несчастнаго Василья Борисовича Шереметева. Онъ, какъ бы вымещалъ на немъ свои неудачи. Шереметевъ, полный отчаянія, излилъ свою скорбь въ собственноручной отпискѣ къ государю, отъ 1 марта 1666 года, въ которой онъ взываетъ объ освобожденіи отъ неволи не одного себя, но и прочихъ сотоварищей своихъ по страданію. «Милости у тебя, великаго государя, прошу, — писалъ Шереметевъ, — умилосердися надо мною убогимъ и безпомошнымъ холопомъ своимъ, и надъ всѣми своими, великаго государя, людьми, которые со мною въ Крымѣ мучатся и погибаютъ. Уже непріятель не ми-

рится съ тобою, великимъ государемъ. Укажи, государь, отписать въ своей грамотѣ и съ посланникомъ укажи поговорити, чтобы (ханъ) учинилъ такъ, какъ король Польской, многую размѣну учинилъ вязнями. И не помирясь, ты, великій государь, милосердый, пожаловалъ, многихъ вязней изволилъ отпустить въ королевскую сторону, а король отпустилъ твоихъ, великаго государя, людей. Нынѣ меня, холопа твоего, мучитъ непріятель. Да хотя будетъ и замучитъ, какая ему прибыль въ томъ будетъ, что меня убогаго замучитъ? Тѣмъ ему тебѣ, великому государю, недружбы не исполнить и въ твоемъ государствѣ въ людехъ умаленія не учинить мною, холопомъ твоимъ, и всѣми твоими, великаго государя, людьми, которые въ Крымѣ мучатся со мною».[367].

Въ то время, когда Шереметевъ писалъ эту отписку, Аадиль-Гирей былъ вызванъ изъ Родоса въ Стамбулъ и, 10 марта 1666 года, съ обычными церемоніями, провозглашенъ Крымскимъ ханомъ. При отпускѣ на ханство, онъ, въ благодарность за назначеніе, обѣ-

[367] Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ: Крымскія дѣла 1666 г. Связка 56/а. № 2.

щалъ собрать съ Татаръ двадцать тысячъ плѣнныхъ и прислать ихъ къ султану[368].

Аадиль-Гирей отправился въ Крымъ моремъ. На случай сопротивленія Мухаммедъ-Гирея, новаго хана сопровождала гребная эскадра въ двадцать четыре галеры, съ янычарами. Кромѣ того, въ Крымъ двинули войска двухъ санджаковъ[369].

Мухаммедъ-Гирей, дѣйствительно, собрался было воспротивиться опредѣленію Высокой Порты, но это только на первыхъ порахъ, такъ сказать, съ-горяча. Узнавъ, что Аадиль-Гирей плыветъ съ цѣлой эскадрой и что сухимъ путемъ идетъ къ нему вспомогательное войско, къ тому же не найдя никакой поддержки въ средѣ своихъ подданныхъ, Мухаммедъ-Гирей ясно увидѣлъ, что ему самому и всей его семьѣ, остается только позаботиться о спасеніи своихъ головъ. Онъ рѣшилъ искать убѣжища у Кумыковъ, то-есть, у Черкесовъ. Горькую участь изгнанія рѣшились раздѣлить съ Мухаммедъ-Гиреемъ три

---

[368] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. VI. Спб. 1869. стр. 151. столб. 2.

[369] Смирновъ. Крымское ханство подъ верховенствомъ Отоманской Порты. Спб. 1887. стр. 575 и 580.

его младшіе сына и два царевича, Селимъ-Гирей да Селеметъ-Гирей. Прочіе царевичи, а также старшій сынъ сверженнаго хана, Ахметъ-Гирей-султанъ, калга и нурадинъ Муратъ-Гирей, захвативъ съ собою всѣхъ малыхъ царевичей, которымъ было по пяти лѣтъ и по три года, «побѣжали за-море». Бѣгство ханской фамиліи сопряжено было съ такими опасностями, что всѣ царевичи и султаны должны были покинуть въ Крыму своихъ женъ и дочерей[370]. А Мухаммедъ-Гирей побоялся даже везти съ собою накопленныя имъ несмѣтныя сокровища, заключавшіяся въ наличныхъ деньгахъ и вещахъ, золотыхъ и серебряныхъ. Все это онъ роздалъ, развѣсивъ на вѣсахъ, своимъ дѣтямъ, роднымъ и лицамъ приближеннымъ[371]. Мухаммедъ-Гирей не могъ только разстаться съ своею несчастною жертвою, съ Московскимъ бояриномъ-вязнемъ Васильемъ Борисовичемъ Шереметевымъ. Въ темную ночь, Шереметева, закованнаго въ кандалы, тайно вывезли въ

---

[370] Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ: Крымскія дѣла 1666 года. Связка 56/а. № 2.

[371] Смирновъ. Крымское ханство подъ верховенствомъ Отоманской Порты. Спб. 1887. стр. 577.

телѣгѣ о двухъ колесахъ изъ Жидовскаго городка и въ такомъ видѣ онъ долженъ былъ слѣдовать Богъ знаетъ куда за своимъ мучителемъ.

4 апрѣля 1666 года, Мухаммедъ-Гирей покинулъ Бахчисарай и пустился въ дальній путь, сопровождаемый нѣсколькими мурзами съ ихъ Татарами, числомъ до пятнадцати тысячъ[372]. Въ Керчи провожавшіе Мухаммедъ-Гирея мурзы съ Татарами оставили его, сказавъ при разставаньи такую откровенную рѣчь: «Положимъ, мы въ благополучные дни твоего царствованія были отличены отъ прочихъ ровесниковъ несмѣтными богатствами, но вѣдь если бы мы теперь стали тебѣ сопутствовать, то все наше достояніе погибло бы»[373].

---

[372] Толмачъ Полуектъ Кучюмовъ, на допросѣ въ Посольскомъ приказѣ, сказалъ, будто бы Мухаммедъ-Гирея провожали также Ширинскіе мурзы и князья (Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ: Крымскія дѣла 1667 г. № 44. л. 2). Изъ послѣдующаго разсказа будетъ видно, что показаніе это невѣрно, какъ невѣрно и то, что Мухаммедъ-Гирей бѣжалъ изъ Крыма будто бы на вербной недѣлѣ. Самъ Василій Борисовичъ Шереметевъ говорилъ, что бѣгство сіе учинилось 4 апрѣля, слѣдовательно, въ субботу третьей седмицы по Пасхѣ. Въ 1666 году, Св. Пасха была 15 марта.

[373] Смирновъ. Крымское ханство подъ верховенствомъ Отоманской Порты. Спб. 1887. стр. 576.

При Мухаммедъ-Гиреѣ остались только сыновья его, два царевича и нѣсколько Татаръ, сторожившихъ телѣгу, въ которой лежалъ закованный въ тяжелые кандалы боярин-мученикъ Василій Борисовичь Шереметевъ. Въ Керчи всѣ помѣстились въ лодки и поплыли проливомъ къ Кубанскому берегу.

Между тѣмъ, Ширинскіе беи узнали, что Мухаммедъ-Гирей увезъ съ собою плѣннаго Шереметева. Признавая послѣдняго не личною собственностію хана, а казенною, государственною собственностію, притомъ первостепенной важности, они пустились въ погоню за бѣглецами. Мухаммедъ-Гирей, преслѣдуемый по пятамъ, бросался въ стороны, чтобы запутать слѣдъ. Онъ несся, какъ хищный звѣрь на охотѣ, не разбирая дорогъ. То, что вынесъ тогда Шереметевъ, и безъ того уже изможденный страданіями темничной жизни, легко представить себѣ по слѣдующему краткому показанію его самого[374]: «Мухаммедъ-Гирей возилъ (меня) болѣе пятисотъ верстъ въ телѣгѣ, въ кандалахъ; и многія

[374] Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ: Крымскія дѣла 1666 года. Связка 56/а. № 2 и 1667 года. № 44. л. 10, а также связка 56/а. № 2.

рѣки вплавь, въ телѣгѣ, на арканахъ волочили меня и дорогою замучилъ было меня до смерти».

Ширины настигли Мухаммедъ-Гирея за Кубанью, у рѣчки Чючки.

Намъ не удалось отыскать, гдѣ именно находится эта рѣчка, можетъ-быть уже несуществующая нынѣ или извѣстная подъ другимъ названіемъ. А между тѣмъ, было бы очень любопытно, хотя приблизительно опредѣлить, до которой мѣстности сѣвернаго Кавказа достигъ Василій Борисовичь Шереметевъ, влекомый злою волею Мухаммедъ-Гирея. Нѣсколько выясняетъ это дѣло самъ Василій Борисовичь. Онъ, въ одной изъ позднѣйшихъ отписокъ къ государю, донося о посылкѣ Крымскимъ ханомъ нурадина-царевича «въ Кабертайскіе (то-есть, Кабардинскіе) Черкесы»[375], для сбора дани, говоритъ слѣдующее: «А въ тѣхъ мѣстехъ, куды нурадинъ посланъ, кочуютъ многіе Ногайскіе улусы. Я тѣ улусы видѣлъ, какъ Мухаммедъ-

[375] Нѣкоторые полагаютъ, что Кабардинцы первоначально жили въ Крыму и на югѣ Россіи, но были загнаны на Кавказъ Крымскими Татарами (Семеновъ. Географическо-Статистическій словарь Россійской имперіи, слово: Кабардинскій округъ. стр. 385. столб. 1).

Гирей царь побѣжалъ изъ Крыму и меня онъ возилъ за тѣ улусы, и отъ тѣхъ улусовъ до Астрахани доѣзжаютъ десятымъ днемъ и къ Танъбову и къ инымъ твоимъ низовымъ городамъ тѣ улусы недалеки»[376].

И такъ, Мухаммедъ-Гирей былъ настигнутъ у рѣчки Чючки, находившейся по всѣмъ признакамъ въ Кабардѣ. Здѣсь Ширинскіе беи напали на сверженнаго Крымскаго хана и въ свалкѣ отняли у него Шереметева. Когда же царевичи Селимъ-Гирей и Селеметъ-Гирей, увидя дѣло проиграннымъ, рѣшили убить предметъ спора, чтобы онъ не достался никому, тогда Ширинъ-бей и Татары обратились къ нимъ съ такою рѣчью: «Если что̀ надъ бояриномъ учинится и въ лицахъ не будетъ, и тѣмъ учинится ссора большая съ великимъ государемъ. И кто будетъ у насъ взятъ впредь, какъ Катлушинъ сынъ Ширина, и великій государь укажетъ учинить надъ тѣмъ то же, что̀ надъ бояриномъ Шереметевымъ отъ васъ учинится». Рѣчь эта подѣйствовала на царевичей, и Шереметевъ былъ спасенъ. «И отъ смерти напрасной,—писалъ

[376] Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ: Крымскія дѣла 1667 года. Связка 56/а. № 2.

потомъ Василій Борисовичь государю,—Господь Богъ укрылъ меня, не допустилъ нечестивыхъ рукъ до убогой головы моей, и отнять меня царевичамъ не дали Татаровя»[377].

Любопытна дальнѣйшая судьба Мухаммедъ-Гирея, имѣвшаго столь роковое значеніе въ жизни Василья Борисовича Шереметева. Грозный Крымскій ханъ удалился въ горы и тамъ скитался среди Кумыковъ простымъ дервишемъ. Онъ умеръ въ Дагестанѣ въ 1674 году, осьмидесятилѣтнимъ старцемъ, оплакавъ въ стихахъ свою горькую долю[378].

Шереметевъ, оглядываясь на тяжелые для него годы Мухаммедова царствованія, говоритъ: «Заточенъ я былъ отъ Мухаммедъ-Гирея царя въ Жидовской избѣ шесть лѣтъ; изъ избы меня и ко мнѣ въ избу не пускали никого; свѣтъ видѣлъ только въ одно окно. И то царь ставилъ въ утѣху и находку большую, что меня мучилъ и вязнемъ меня ставилъ. И за неправду его, нечестиваго, отмстилъ ему Господь Богъ: нынѣ отъ государ-

[377] Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ: Крымскія дѣла 1666 года. Связка 56/а. № 2; 1667 года. Связка 56/а. № 2.

[378] Смирновъ. Крымское ханство подъ верховенствомъ Оттоманской Порты. Спб. 1887. стр. 577.

ства своего отбылъ со всѣми нечестивыми ближними; всѣ разбѣжались врознь, погинули аки прахъ. А мучитель, ближній его человѣкъ Кайташа ага, волочится безъ него не у дѣлъ»[379].

Ширинскіе беи привезли Шереметева назадъ, въ Крымъ, 19 мая, въ то самое время, когда вся Крымская знать отправилась въ Кафу, нынѣшнюю Ѳеодосію, на встрѣчу прибывшаго изъ Царьграда хана Аадиль-Гирея I. Туда же поспѣшили и Ширины, чтобы представить новому хану отбитаго ими у Мухаммедъ-Гирея знатнаго Московскаго плѣнника. Аадиль-Гирей прибылъ вмѣстѣ съ своякомъ, Исламъ-агой, возвращавшимся нынѣ въ покинутый имъ, послѣ смерти отца, Крымъ уже въ санѣ верховнаго визиря. Съ ханомъ же прибыли на каторгахъ: новый нурадинъ и пять царевичей; а новый калга пришелъ въ Крымъ изъ Бѣлгорода (Аккермана) полемъ. Объ Исламъ-агѣ, нѣсколько времени спустя, писалъ Шереметевъ къ государю: «А ближній человѣкъ нынѣ у Аа-

[379] Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ: Крымскія дѣла 1666 года. Связка 56/а. № 2; 1667 года. № 44. л. 10 и связка 56/а. № 2.

диль-Гирея царя прежняго ближняго человѣка Сеферъ-Гази-аги сынъ, Исламъ-ага; а пріѣхалъ онъ съ царемъ отъ Турскаго салтана; а бѣгалъ онъ изъ Крыму къ Турскому салтану въ тѣ поры, какъ отца его велѣлъ убить Мухаммедъ-Гирей царь. Исламъ-ага смерть отца своего мстилъ Мухаммедъ-Гирею царю: онъ то̀ сдѣлалъ, что Мухаммедъ-Гирей царь отъ царства отбылъ и Аадиль-Гирей нынѣ въ Крымѣ царемъ»[380].

Ширинскіе беи нѣсколько опоздали на встрѣчу. Они представились Аадиль-Гирею на первомъ станѣ его торжественнаго шествія въ Бахчисарай. Ка́къ принялъ Аадиль-Гирей боярина Шереметева, неизвѣстно. Знаемъ только, что онъ сейчасъ-же со стану послалъ его «напередъ себя» въ Жидовскій городокъ, куда тотъ и прибылъ, послѣ семинедѣльныхъ странствованій, 21 мая. Судя однако по тому, что́ говорилъ Шереметеву на станѣ ханскій ближній человѣкъ Исламъ-ага, можно полагать, что пріемъ хана былъ хорошъ и что Василій Борисовичь уѣхалъ къ себѣ, въ Жидовскій городокъ, не только успокоен-

[380] Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ: Крымскія дѣла 1666 года. Связка 56/а. № 2.

ный, но и обнадеженный на счетъ своей участи. «И на станѣ же, — писалъ Василій Борисовичь Шереметевъ государю,—вскорѣ велѣлъ мнѣ быть у себя ближній человѣкъ и говорилъ мнѣ, что онъ у царя—ближній человѣкъ и будетъ дѣлать всякія дѣла, какъ и отецъ его мочью своею дѣлалъ что̀ хотѣлъ; и онъ-де будетъ дѣлать такъ же и мочнѣе отца своего. А какъ-де царь и онъ будетъ въ Бахчисараѣ, и вскорѣ-де пошлетъ къ тебѣ, великому государю, и писать будетъ о всякомъ добромъ дѣлѣ, и подъячаго Семена Романова отпуститъ къ тебѣ, великому государю, не задержавъ, и меня-де въ Крымѣ держать долго не будутъ»[381].

И дѣйствительно, ханъ Аадиль-Гирей прибылъ въ Бахчисарай 26 мая и сейчасъ-же послалъ въ Москву, къ великому государю, гонца Ахметъ-мурзу съ грамотою «объ обновленьи своемъ, что онъ учинился въ Крымѣ царемъ»[382]. А 3 іюня, къ Исламу-агѣ были приглашены для переговоровъ посланникъ Яковъ Якушкинъ и подъячій Гаврила

---

[381] Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ: Крымскія дѣла 1666 года. Связка 56/а. № 2.

[382] Тамъ-же: Крымскія дѣла 1667 года. Связка 56/а. № 2.

Михайловъ. Къ ближнему человѣку «приволокли въ кандалахъ» и боярина Василья Борисовича Шереметева. Судя по рѣчи Ислама-аги на станѣ подъ Кафою, можно было ожидать, что онъ дастъ совсѣмъ иное направленіе дипломатическимъ переговорамъ и обойдется безъ обычной у Крымцевъ казуистики, сводившей ни къ чему безконечные разговоры о мирѣ. Изъ отписки же Шереметева къ государю видно, что «ближній человѣкъ говорилъ съ Яковомъ Якушкинымъ прежнія слова отца своего (Сеферъ-Газиаги), какъ тотъ говаривалъ, исполняя прихоти нечестиваго царя своего Мухаммедъ-Гирея». Напримѣръ, Исламъ-ага, подобно своимъ предмѣстникамъ, опять заговорилъ о томъ, чтобы великій государь повелѣлъ своимъ ратнымъ людямъ вытти изъ Малороссійскихъ городовъ и чтобы онъ за казаковъ не стоялъ. Тогда-де и мы въ Малороссійскіе города вступаться и посылать туда людей своихъ не будемъ. Впрочемъ, и то уже было важною новостью, что новый верховный визирь не настаивалъ болѣе на отдачѣ Польскому королю отвоеванныхъ у него Малороссійскихъ городовъ. Напротивъ того, по сему

предмету онъ высказалъ особый взглядъ, очевидно установленный дѣльцами Отоманской Порты и вполнѣ согласный съ мыслію, которую проводилъ тогда Петръ Дорошенко. Исламъ-ага прямо заявилъ Якушкину: «Казакамъ у короля Польскаго не быть; имъ быть самимъ собою, для того: какъ будутъ впредь какія ссоры съ Аадиль-Гиреемъ царемъ у великаго государя, и чтобы великаго государя повелѣньемъ казаки на Крымъ не ходили и разоренья не учинили; а и нынѣ-де онъ говоритъ о казакахъ, того-же боясь, чтобы великаго государя повелѣнья не было казакамъ итти на Крымъ»[383].

Лично съ Васильемъ Борисовичемъ Шереметевымъ, ближній человѣкъ говорилъ только о выкупѣ. Исламъ-ага прямо спросилъ Шереметева: «Что́ будетъ окупа за тебя»? Тотъ, имѣя въ виду, что государь указывалъ, и дьяку Татаринову, и посланнику Якушкину, давать за него окупа 50 тысячъ рублей, отвѣтилъ, что даетъ за себя окупа 60 тысячъ ефимковъ, да ему, Исламъ-агѣ, посулилъ 10 тысячъ ефимковъ, «будетъ онъ сдѣлаетъ,

[383] Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ: Крымскія дѣла 1666 года. Связка 56/а. № 2.

чтобы Аадиль-Гирей царь помирился съ великимъ государемъ безъ прихотей и безъ запросовъ прибавочныхъ Мухаммедъ-Гирея царя, противъ старой шерти, чтобы миръ и размѣна были въ этомъ же году и чтобы окупъ его, Шереметева, 60 тысячъ ефимковъ, безъ прибавки на мѣрѣ поставленъ былъ».

Исламъ-ага, выслушавъ условія Шереметева, сказалъ, что обо всемъ этомъ онъ будетъ говорить Аадиль-Гирею царю.

Ханъ созвалъ агъ на совѣщаніе по дѣлу объ окупѣ Шереметева. Онъ объявилъ, что желалъ бы взять съ боярина окупу 100 тысячъ ефимковъ и сто человѣкъ плѣнныхъ Татаръ. Одинъ изъ агъ, Кадыскеръ, цѣну эту отговорилъ. Онъ полагалъ ограничить окупъ 70.000 ефимковъ и пятидесятью Татарами. Ханъ согласился съ Кадыскеромъ и велѣлъ объявить о томъ Шереметеву. Съ этою цѣлію Исламъ-ага, 9 іюня, послалъ къ нему, въ Жидовскій городокъ, пристава его Арслана Белюбъ-Башу. Шереметевъ далъ такой отвѣтъ: «Не только мнѣ давать за себя пятьдесятъ человѣкъ Татаръ, и одного человѣка не даю; а къ 60 тысячамъ ефимковъ, и одного ефимка не прибавлю, безъ указа ве-

ликаго государя. Напишу объ этомъ къ царскому величеству, и какъ будетъ ко мнѣ указъ великаго государя, и въ тѣ поры указъ тотъ скажу вамъ»[384].

Василій Борисовичь Шереметевъ, донося государю объ изложенныхъ переговорахъ, присовокупилъ слѣдующее: «А окупъ давалъ за себя и что́ посулилъ я ближнему человѣку, и то предъ твоимъ, великаго государя, жалованіемъ съ убавкою. Да и для того посулилъ я, холопъ твой убогій, ближнему человѣку десять тысячъ ефимковъ изъ твоего, великаго государя, жалованія, изъ окупу своего, изъ 50 тысячъ рублевъ, чтобы за меня стоялъ и къ пущему нечестивому, къ Турскому солтану, посылать меня не далъ, какъ онъ пришлетъ для меня, холопа твоего. А при Мухаммедъ-Гиреѣ царѣ присылалъ Турской солтанъ для меня двожды, и отецъ его, ближняго человѣка, Сеферъ-Гази-ага, за меня устоялъ».

Послѣ объясненія съ приставомъ Белюбъ-Башею, пять дней спустя, именно 14 іюня, Шереметева, по его собственному выраже-

[384] Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ: Крымскія дѣла 1666 года. Связка 56/а. № 2 и 1667 г. № 44. л. 12.

нію, опять «волочили въ кайдалахъ» къ ближнему человѣку. На этотъ разъ Исламъ-ага говорилъ слѣдующее: «Мухаммедъ-Гирей царь многіе годы не мирился съ великимъ государемъ, а до миру не допускалъ его карачей Ширинъ-бей съ товарищи. А отецъ мой, Сеферъ-Гази-ага, много о томъ говаривалъ Мухаммедъ-Гирею царю и хотѣлъ дѣлать, чтобы помирился Мухаммедъ-Гирей царь съ великимъ государемъ и отцу моему мѣшали карачеи-же[385]. А нынѣ царь Аадиль-Гирей мириться съ великимъ государемъ хочетъ. Я то дѣлаю, чтобы царь помирился съ великимъ государемъ и тебя, боярина, отъ вязенья свободно учинилъ. А нынѣ помѣшать мнѣ некому, потому что я моченъ». Въ заключеніе Исламъ-ага сказалъ Шереметеву, что если за него дадутъ окупа 70 тысячъ ефимковъ и пятьдесятъ человѣкъ Татаръ, а ему, Исламу-агѣ, выплатятъ десять тысячъ ефимковъ, то онъ сдѣлаетъ такъ, что царь Аадиль-Гирей съ великимъ государемъ помирится вскорѣ.

---

[385] Карачеями назывались въ Крыму вообще всѣ лица близкія къ хану. Въ частности это было званіе, присущее представителямъ или бекамъ (беямъ) старѣйшихъ дворянскихъ родовъ.

На слѣдующій день, 15 іюня, съ боярина Шереметева сняли кандалы и открыли въ его избѣ окошки, остававшіяся заколоченными въ теченіе шести лѣтъ. Людямъ Шереметева дозволено было ходить для покупокъ на базаръ. Кромѣ того, ему возвратили священника, отца Симеона, также всѣхъ его людей, отданныхъ Мухаммедъ-Гиреемъ нурадину и его женѣ. У нурадина же томились въ тяжкой неволѣ отданные ему подъ Чудновымъ въ аманаты Семенъ Племянниковъ съ десятью человѣками товарищей, а также взятые съ Шереметевымъ: жилецъ Иванъ Ивановичь Нармацкій съ пятью человѣками товарищей и два стрѣльца приказа Ивана Монастырева. Послѣдніе проживали у нурадиновой жены. Всѣ эти лица тоже получили нѣкоторое облегченіе. Племянникова и Нармацкаго помѣстили на ханскомъ дворѣ; остальныхъ водворили въ Жидовскомъ городкѣ, раздавъ ихъ Жидамъ.

Василій Борисовичь Шереметевъ, по собственному его свидѣтельству, обязанъ былъ такимъ значительнымъ улучшеніемъ своего положенія не одному лишь Исламу-агѣ, но и предстательству его матери, вдовы прежняго

ближняго человѣка Сеферъ-Гази-аги. Объ этой благодѣтельной женщинѣ, тещѣ хана Аадиль-Гирея, столь явно покровительствовавшей Василью Борисовичу, мы узнаемъ изъ слѣдующей отписки послѣдняго къ государю[386]:

«Царю государю і великому князю Алексѣю Михайловичю всеа Великия и Малыя и Белыя Росиі самодеръжъцу биетъ челомъ холопъ твой замученой отъ непъриятеля кайдалами и тесънотою и нужею большею Васъка Шереметевъ. Магметъ Гирей царь мучилъ меня, холопа твоево, кайдалами и тесънотою и нужею большею шесть летъ. И ныне онъ отъ государъства своево отбылъ, побежялъ; а мучитель, ближней ево человекъ Кайташа ага, волочитъца безъ нево не у делъ. Ныне у Одиля Гирея царя ближней человекъ прежнева ближнева человека Сеѳеркази аги сынъ, Исъламъ ага; и мать ево, тешьчя царева, и онъ мне отъ тесъноты и отъ нужи моей, холопа твоего, болшия и отъ кайдаловъ свободна меня учинили; упъросили обо мъне, холопе твоемъ, у царя: кайдалы съ меня, холопа

[386] Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ: Крымскія дѣла 1666 года. Связка 56/а. № 2.

твоево, снять и окъна у избы, где я посаженъ откърыть и людишкамъ моимъ для покупъки въ торъгъ ходить велелъ. Милосердый государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичь всеа Великия и Малыя и Белыя Росиі самодержецъ, пожалуй меня, холопа своево замученова, вели мне, холопу своему, дать изъ своей государевы казны три сорокà соболей: сорокъ по сту рублевъ да два сорока по петидесяти рублевъ сорокъ; да три пары соболей, пару по двацати рублевъ, чемъ нечестивыхъ удорить и отъ бедъ своихъ и отъ тесъноты и отъ нужи болшия и отъ кайдаловъ ныне и въ предь помочь себе мне, холопу твоему, учинить твоею государъскою милостью. А толко бъ, государь, не мать ближнева человека и не ближней человекъ обо мне, холопе твоемъ, упъросили, и я бъ, холопъ твой убогой, отъ тесъноты и отъ нужи и отъ кайдаловъ и до конца замученъ былъ. Ими я, холопъ твой, живъ. Царь, государь, смилуйся, пожалуй»[387].

Къ прискорбію, Василью Борисовичу Ше-

[387] Такъ какъ отписка эта, отъ начала до конца, писана собственною рукою Василья Борисовича Шереметева, то мы сочли нужнымъ воспроизвести ее буквально, со всѣми особенностями подлинника.

реметеву не долго пришлось пользоваться выгодою покровительства Ислама-аги и его матери. Возникшая въ Крыму новая смута сильно пошатнула не только ихъ вліяніе на дѣла, но и положеніе самого хана Аадиль-Гирея. Объ этомъ мы будемъ говорить подробнѣе потомъ, а теперь возвратимся къ двоюродному брату боярина—вязня, ко вновь назначенному Кіевскому воеводѣ боярину Петру Васильевичу Большому Шереметеву.

ГЛАВА XXV.

Только что разсказанныя событія въ Крыму открываютъ главную причину, почему, въ пору вступленія въ Малороссію боярина Петра Васильевича Шереметева, «учало быть вездѣ смирно». Съ Шереметевымъ шла вовсе не такая грозная боевая сила, одно появленіе которой могло бы умиротворить цѣлый край. Съ нимъ было около четырехъ тысячъ ратныхъ людей и всего шесть мѣдныхъ пищалей на станкахъ, которыя онъ везъ съ собою изъ Сѣвска[388]. Въ Малороссіи все присмирѣло главнымъ образомъ потому, что Татары ушли въ Крымъ, ради ихъ домашней разладицы. Ближайшимъ послѣдствіемъ сего было то, что Дорошенко, оставшись безъ своихъ на-

[388] Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ: Приказныя дѣла старыхъ лѣтъ. Связка 399. № 404.

дежныхъ пособниковъ, вынужденъ былъ пріостановить задуманное имъ дѣло объединенія всѣхъ казаковъ, дабы, подъ покровительствомъ мусульманъ, стать на обоихъ берегахъ Днѣпра единственнымъ гетманомъ, независимымъ, и отъ Москвы, и отъ Польши.

Почти одновременно съ прибытіемъ въ Малороссію боярина Петра Васильевича Шереметева, возвратился туда изъ Москвы и гетманъ Иванъ Мартыновичъ Брюховецкій съ небывалымъ у казаковъ саномъ боярина. Какъ извѣстно, Брюховецкій, «для шатости Малороссійскихъ жителей», лично просилъ великаго государя, чтобы онъ принялъ всѣ Малороссійскіе города подъ свою высокую руку, а денежные и всякіе другіе доходы съ нихъ собиралъ въ свою государеву казну и чтобы онъ послалъ въ тѣ города своихъ царскаго величества воеводъ и ратныхъ людей. Брюховецкій пошелъ еще дальше: особою статьею онъ настоятельно просилъ государя, чтобы для «лучшей всего Малороссійскаго народа крѣпости и утвержденія», въ Кіевъ, на митрополію, былъ присланъ изъ Москвы Русскій святитель. На эту статью, Брюховецкому отвѣтили, что, по важности дѣла, ве-

ликій государь повелѣлъ, предварительно снестись по сему вопросу съ Цареградскимъ патріархомъ[389]. Кіевскій полковникъ Василій Дворецкій, ѣздившій съ Брюховецкимъ въ Москву, по возвращеніи въ Кіевъ, поспѣшилъ сообщить епископу Меѳодію и настоятелямъ Кіевскихъ монастырей содержаніе гетманской статьи «о митрополитѣ въ Кіевъ». Для Кіевскихъ властей это не могло бы быть новостью. Еще въ 1665 году, Брюховецкій, отправляя полковника Лазаря Горленка къ государю, поручалъ ему просить «о присланіи съ Москвы на митрополію Кіевскую Русской власти, чтобы чинъ духовный Кіевскій къ Лятскимъ митрополитамъ не шатався, и чтобы Русь Малая, услышавъ о присланіи на митрополію Русскаго святителя, утверждалась и укрѣплялась, и духовный бы чинъ оставилъ двоедушіе, изъ послушанія святѣйшихъ патріарховъ Московскихъ не удалился»[390]. Тѣмъ не менѣе, сообщеніе Дворецкаго

[389] Соловьевъ. Исторія Россіи. Т. XI. Спб. 1861. стр. 200.—Карповъ. Кіевская митрополія и Московское правительство во время соединенія Малороссіи съ Великою Россіею. Статья 3. М. 1876. стр. 120.—Макарій, митрополитъ. Исторія Русской церкви. Т. XII. Спб. 1883. стр. 586.

[390] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. V. Спб. 1867. стр 282. столб. 2.

такъ переполошило Кіевскихъ духовныхъ особъ, что онѣ немедленно обратились къ Брюховецкому съ заявленіемъ, что «по стародавнимъ своимъ обычаямъ и правамъ, какъ было при прежнихъ великихъ князехъ и при короляхъ, онѣ желаютъ нынѣ обрать въ Кіевъ митрополита межъ себя, изъ Малороссійскихъ городовъ, противъ прежнихъ обычаевъ и правъ».

Брюховецкій отвѣтилъ, что онъ «радуется и истинно желаетъ, чтобы мысль властей, за милостію Божіею, въ совершенство произошла; только-де онъ не вѣдаетъ того, есть ли на то воля великаго государя, его царскаго величества». Сему предшествовало въ листѣ гетмана такое разсужденіе: «По всему свѣту свѣдомо, что Малая Россія многія лѣта пастыря себѣ не имѣетъ и мѣсто митрополическое въ Кіевѣ пустуетъ за войнами. Пристойнѣе-де и лучше быть на Кіевской митрополіи подданному православнаго монарха христіанскаго, нежели присяжнику Польскаго короля»[391]. Отвѣтъ Брюховецкаго крайне раздражилъ духовенство. Оно положило от-

[391] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. VI. Спб. 1869. стр. 81. столб. 1.

править челобитчиковъ въ Москву, къ великому государю.

22 февраля 1666 года, во дворъ къ Кіевскому воеводѣ боярину Петру Васильевичу Шереметеву пріѣхали: блюститель Кіевской митрополіи епископъ Меѳодій, Печерскій архимандритъ Иннокентій Гизель, игуменъ и ректоръ Братскаго Богоявленскаго училищнаго монастыря Іоанникій Галятовскій, Выдубицкій игуменъ Климентъ Старушичь, Межигорскій игуменъ Варнава Лебедевичь, Кирилловскій игуменъ Мелетій и прочія Кіевскія власти. Прибывшія духовныя особы словесно говорили Шереметеву, что они «бьютъ челомъ великому государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всея Великія и Малыя Россіи самодержцу, чтобы онъ пожаловалъ, велѣлъ прислать къ себѣ въ челобитчикахъ, кого они выберутъ, бить челомъ, чтобы великій государь пожаловалъ, не велѣлъ у нихъ вольностей и правъ отымать».

Шереметевъ отвѣчалъ: «Великій государь нашъ, его царское пресвѣтлое величество, вольностей и правъ у васъ, властей, отымать не изволилъ; да не токмо у васъ, и у мѣщанъ

въ Кіевѣ и во всѣхъ Малороссійскихъ городахъ потомужъ вольностей и правъ отымати не изволитъ. И на тѣ вольности и права даны его, великаго государя, жалованныя грамоты, и тѣ ихъ права и вольности и по се число не нарушены, да и впредь нарушены не будутъ. Да и отъ кого это вамъ вѣдомо учинилось, что великій государь нашъ будто изволилъ у васъ вольности и права отнять»?

Епископъ и власти сказали, что въ полученномъ ими отъ гетмана Ивана Мартыновича Брюховецкаго листѣ написано, что «указалъ великій государь въ Кіевѣ быть митрополиту Московскому, а не по стародавнимъ правамъ и вольностямъ, по нашему избранію». Но вѣдь мы, — продолжали власти, — состоимъ «подъ благословеніемъ вселенскаго Цареградскаго патріарха, а не Московскаго патріарха. Коли рѣшено быть у насъ Московскому митрополиту, и тѣмъ вольности наши и права будутъ нарушены». Одна мысль о возможности такого оборота дѣла такъ возмущала Кіевскихъ властей, что они начали говорить уже «съ большою яростію» (какъ сказано въ оффиціальномъ документѣ): «Если будетъ на то великаго государя

изволеніе, что у насъ тое вольность и права отнять и быть у насъ Московскому митрополиту, такъ пусть великій государь велитъ всѣхъ насъ казнить, нежели намъ на то поступить. Только пріѣдетъ къ намъ, въ Кіевъ, Московскій митрополитъ, мы запремся въ монастыряхъ; и развѣе насъ изъ монастырей за шею и за ноги поволокутъ, тогда только Московскій митрополитъ въ Кіевѣ будетъ. Лучше намъ смерть принять, нежели у насъ, въ Кіевѣ, Московскому митрополиту быть».

Бояринъ Петръ Васильевичь Шереметевъ внимательно слушалъ духовныхъ особъ и когда епископъ Меѳодій, пристально всматриваясь въ него, сказалъ, что мнится имъ, что и къ нему, боярину, указъ о томъ тайный есть,—началъ свою рѣчь:

«Великаго государя указу о томъ ко мнѣ не было. Да и гетманъ ко мнѣ о томъ не писывалъ. Нѣкто воръ то вмѣщаетъ, хотя васъ съ гетманомъ ссорити не дѣломъ. А что̀ вы сказываете въ статьяхъ написано, каковы привезъ полковникъ Василій Дворецкій съ Москвы, и въ тѣхъ статьяхъ написано, что великій государь о томъ изволитъ писать къ

Цареградскому патріарху. Мочно вѣдать тебѣ, епископу, и всему духовному чину, что великій государь нашъ, его царское пресвѣтлое величество, по многому челобитью и прошенію вашего духовнаго чину и прежняго гетмана Богдана Хмельницкаго, видя плачъ и рыданіе, изволилъ подъ свою государьскую руку принять Малороссійскіе городы для того, чтобы святыя церкви въ осквернении и святая православная христіянская вѣра отъ Ляховъ нарушена не была, и христіяне отъ босурманскихъ сабель въ посѣченіи не были, а не для какихъ прибытковъ. И съ тѣхъ мѣстъ, въ Малороссійскихъ городѣхъ, до моего пріѣзду, были бояре и воеводы, а нынѣ, по указу великаго государя, присланъ въ Кіевъ я, бояринъ и воевода Петръ Васильевичь Шереметевъ съ товарыщи. Вольностей и правъ духовныхъ, также и казацкихъ и мѣщанскихъ мы ни у кого не отымывали и ничѣмъ не нарушивали. Говорили вы о митрополитѣ, чтобы ему подъ благословеніемъ Московскаго патріарха не быть, и буде присланъ будетъ Московскаго государства митрополитъ Русскій въ Кіевъ, и вы-де запретеся въ монастыряхъ, развѣе-де васъ изъ

монастырей за шею поволокутъ, или принять смерть,—и тѣ ваши слова непристойны! Какъ вамъ противными быти воли Божіей и государьскому указу и на что благословеніе будетъ Цареградскаго патріарха? А ты, епископъ Меѳодій, вѣдь поставленъ въ Московскомъ государьствѣ, Питиримомъ митрополитомъ, и тебѣ подъ благословеніемъ Московскаго патріарха быти мочно, только о томъ какъ къ великому государю отпишутъ вселенскіе патріархи».

Епископъ Меѳодій, смущенный такимъ обращеніемъ лично къ нему, поспѣшилъ перемѣнить разговоръ. Вмѣстѣ съ прочими властями, онъ просилъ чтобы «великій государь пожаловалъ, указалъ имъ митрополита обрать межъ себя и быть имъ подъ паствою Цареградскаго патріарха».

Шереметевъ опять повторилъ: «Въ статьяхъ, каковы къ вамъ привезъ полковникъ Василій Дворецкій, написано, что великій государь нашъ, его царское пресвѣтлое величество, изволилъ положить на разсужденіе вселенскаго Цареградскаго патріарха, какъ онъ о томъ къ нему, великому государю, отпишетъ. И будетъ Цареградскій патріархъ къ

великому государю отпишетъ и благословеніе подастъ на обраннаго вашего, и онъ, великій государь, изволитъ обраннаго вашего, кому быть въ митрополитехъ въ Кіевѣ, поставить въ царствующемъ градѣ Москвѣ, передъ своими государьскими очми всѣмъ властемъ».

Духовенство просило Шереметева принять ихъ челобитную къ великому государю, а челобитчиковъ отпустить къ Москвѣ. Тотъ отвѣтилъ, что «челобитной принять ему непристойно, потому что то дѣло ихъ духовное, а челобитчиковъ къ Москвѣ отпустить мочно».

Очевидно, твердое слово Московскаго боярина и воеводы имѣло благое дѣйствіе на Кіевскихъ властей.

На другой день, 23 февраля, Петръ Васильевичь Шереметевъ былъ въ Кіево-Софійскомъ соборѣ. Послѣ обѣдни, епископъ Меѳодій, улучивъ минуту, подошелъ къ Шереметеву, и глазъ-на-глазъ попросилъ его простить ему въ томъ, что онъ говорилъ вчерашній день: будетъ-де митрополитъ Московскій въ Кіевъ будетъ, и всѣ власти запрутся въ монастыряхъ. Епископъ Меѳодій

откровенно сказалъ, что «тѣ слова онъ говорилъ поневолѣ, потому что онъ поставленъ Московскимъ митрополитомъ, а Малороссійскихъ городовъ духовные люди всѣ говорятъ и поносятъ ему и чаютъ, что онъ, епископъ, по совѣту съ гетманомъ то учинилъ, чтобы имъ быть подъ благословеніемъ Московскаго патріарха»[392].

Если уже самъ епископъ, блюститель митрополіи, столь явно двоедушничалъ, то чего же было ожидать отъ гетмана, отъ старшины и такъ далѣе отъ всего поспольства!

Брюховецкій, по возвращеніи изъ Москвы, увидѣвъ съ ужасомъ, какихъ успѣховъ достигъ въ его отсутствіе Дорошенко, распустившій уже универсалы по полкамъ и сегобочной Украйны, «аби къ нему преклонилися, а Брюховецкаго отринули»,—сейчасъ-же послалъ въ тѣ же полки и свои универсалы, чтобы не слушали Дорошенка. «Яковими универсалами Дорошенковыми и Брюховецкаго — пишетъ Украинскій бытописатель — народъ Малороссійскій сегобочный мусѣлъ пріити въ двоедушіе, слухаючи и совѣта

[392] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. VI. Спб. 1869. № 30.

Брюховецкаго, и не откидаючи цале и желанія Дорошенкового»[393].

Въ этомъ-то всеобщемъ двоедушіи и заключалась вся трудность управленія краемъ для новаго Кіевскаго воеводы, боярина Петра Васильевича Большого Шереметева. Дѣло усложнялось еще тѣмъ, что въ Москвѣ показано было слишкомъ много довѣрія къ Брюховецкому. Превознесенный выше мѣры царскими милостями и почестями, бояринъ-гетманъ, по лѣтописному выраженію, «учинился силенъ». Его возненавидѣли даже и простые казаки, которые говорили о немъ: «У насъ-де въ предкахъ бояръ не бывало, а гетманъ заводитъ новый образецъ и вольности наши отъ насъ отходятъ; да и приходъ къ нему сталъ тяжекъ»[394]. Брюховецкій, озлобленный всеобщею ненавистью и чувствуя себя достаточно обезпеченнымъ расположеніемъ Московскаго правительства, принялся просто-напросто грабить и терзать Малороссію. Покамѣстъ царскіе воеводы, испрошен-

---

[393] Величко. Лѣтопись событій въ югозападной Россіи въ XVII вѣкѣ. Т. II. Кіевъ. 1851. стр. 96.

[394] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. VI. Спб. 1869. стр. 101. столб. 2.

ные у государя самимъ же Брюховецкимъ, съѣзжались въ Малороссію, онъ торопился выбрать съ мѣщанъ и поспольства, для себя и своихъ старшинъ, какъ можно больше разныхъ «стацій» (сборовъ), преимущественно по тѣмъ статьямъ, которыя должны были отойти въ вѣдѣніе воеводъ. Сборы сопровождались открытымъ грабежомъ, побоями и всевозможными насиліями. Подъ разными предлогами Брюховецкій захватывалъ монастырскія маетности, отнималъ у владѣльцевъ угодья, мельницы и тому подобное[395].

Петръ Васильевичъ Шереметевъ поспѣшилъ сдержать грабителя. Онъ отправилъ къ нему жильца Ивана Алексѣевича Ушакова, которому велѣлъ говорить: «По его ль гетмана велѣнью стацѣю со всѣхъ городовъ емлютъ»? Въ особомъ письмѣ Шереметевъ предостерегалъ гетмана, чтобы онъ, «въ Малоросійскіе городы и во всякіе доходы и въ сборы не вступался и договоръ свой Московскій сдерживалъ; а буде учнетъ въ городы и въ доходы вступаться, и онъ, бояринъ и воево-

[395] Костомаровъ. Руина. Историческая монографія. Спб. 1882. стр. 110.

да, отпишетъ къ великому государю»[396]. Брюховецкій, по малодушію, отперся отъ всего и увѣрялъ, что «собирали стацѣю безъ его вѣдома». По порученію Шереметева, жилецъ Ушаковъ заставилъ гетмана сейчасъ-же, при себѣ, послать во всѣ Малороссійскіе лѣвобережные города листы «съ великимъ подкрѣпленіемъ, чтобы въ тѣхъ городѣхъ нигдѣ на него, гетмана, стацѣи не сбирали, а давали бъ стацѣю въ казну великаго государя»[397].

Унявъ грабежъ, Шереметевъ навлекъ на себя злобу грабителя. «Знатно-де—говорилъ Брюховецкій — учинилось то по чьей либо ссорѣ. Добро бы было, еслибы бояринъ и воевода ссорѣ не вѣрилъ и уха своего на ссору не клонилъ»[398]. При первомъ же случаѣ, гетманъ написалъ въ Москву, что будто бы въ Кіевѣ боярина Шереметева «прельщаютъ лукавыми словами и съ нимъ, гетманомъ, ссорятъ»[399].

Приведемъ нѣсколько случаевъ, наглядно показывающихъ, какъ трудно было «прель-

---

[396] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. VI. Спб. 1869. стр. 102. столб. 2.

[397] Тамъ-же, № 31. статья I.

[398] Тамъ-же, стр. 102. столб. 2.

[399] Тамъ-же, стр. 94. столб. 1.

стить» Петра Васильевича Шереметева «лукавыми словами», насколько онъ былъ самостоятеленъ въ своихъ дѣйствіяхъ и какъ беспристрастно относился онъ къ самому Брюховецкому, видя въ немъ все-таки особу, облеченную гетманскою властію изволеніемъ царскаго величества.

Дѣло шло, напримѣръ, объ облегченіи мѣщанъ Кіевскихъ и прочихъ городовъ отъ тягости ямской повинности. Бояринъ Шереметевъ полагалъ, «чтобы въ Кіевѣ и въ иныхъ Малороссійскихъ городахъ быть подводамъ указнымъ; а учинить бы въ Кіевѣ 60 подводъ, а поддать бы къ Кіеву мѣстечки: Баришполь, Воронково и Гоголевъ. Также бы, примѣнясь къ тому, и въ иныхъ городѣхъ учинить».

Ходатаемъ по сему дѣлу явился самъ епископъ Меѳодій. Это было въ началѣ мая 1666 года. Епископъ заявилъ Шереметеву, что мѣщане, согласно съ предположеніями его, боярина и воеводы, просятъ, чтобы «указнымъ подводамъ быть». Епископъ даже вызвался помочь мѣщанамъ деньгами изъ своей маятности, обѣщаясь склонить къ сему также Печерскаго архимандрита и игуменовъ прочихъ Кіевскихъ монастырей.

Петру Васильевичу Шереметеву оставалось только порадоваться, что епископъ, архимандритъ и игумены пребываютъ съ мѣщанами «въ большомъ совѣтѣ и въ соединеніѣ», о чемъ онъ нѣсколько раньше уже и доносилъ государю[400]. Какъ вдругъ, на другой день пріѣзжаетъ къ Петру Васильевичу епископъ Меѳодій и говоритъ: «Архимандритъ и игумены подводы въ помочь давать мѣщанамъ не хотятъ; а мѣщане Кіевскіе подводъ указныхъ заводить не хотятъ, въ томъ отказываютъ и отъ подводъ хотятъ брести врознь. А прежде сего подводъ съ нихъ не имывано».

Шереметевъ вынужденъ былъ указать епископу на неточность его показанія. «Мѣщане — сказалъ онъ — гонцомъ и посланникомъ и проѣзжимъ всякимъ людемъ подводы давывали и нынѣ даютъ по стародавнимъ своимъ правамъ, а не вновь съ нихъ начато имать. А я хотѣлъ учинить въ Кіевѣ и въ иныхъ Малороссійскихъ городѣхъ указные подводы, по ихъ мѣщанскому челобитью, для того, чтобъ имъ въ томъ тѣсноты и налоги не было».

---

[400] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. VI. Спб. 1869. № 31. стр. 81.

На это епископъ Меѳодій сказалъ, что дѣйствительно, мѣщане «въ прошлыхъ годѣхъ подводы давывали, только такихъ многихъ подводъ съ нихъ не имывано. А нынѣде имъ многихъ подводъ давать стало не въ мочь».

— Но вѣдь подводы записываются въ приказѣ, «и по запискѣ, подводъ съ нихъ во взятьѣ объявилось не много».

Какъ бы то ни было, но «Кіевскіе мѣщане — сказалъ епископъ Меѳодій — зѣло отъ подводъ оскорбляются; они просятъ, чтобы учинить у нихъ и выбрать ямщиковъ противъ Московскихъ ямовъ, а съ нихъ бы денегъ взять, что̀ доведется».

— «Несбыточное дѣло, — возразилъ Шереметевъ, — чтобы съ мѣщанъ имать деньги и устроить ямщиковъ противъ Московскихъ ямовъ, потому что въ Кіевѣ людей такихъ нѣтъ и кому быть въ ямщикахъ не сыскать. Если мѣщане не хотятъ указныхъ 60 подводъ устроить, то давали бы подводы противъ прежняго».

Въ другой разъ, тоже въ самомъ началѣ воеводства боярина Петра Васильевича Шереметева, епископъ Меѳодій, впутывавшійся

во все, завелъ съ нимъ разговоръ о томъ, что ему бъ, боярину и воеводѣ, велѣть «въ Кіевѣ и во всѣхъ Малороссійскихъ городѣхъ крѣпить осады для того, что быть бѣдѣ великой, а наипаче въ Полтавѣ». Епископъ присовокупилъ съ таинственностію, что это ему вѣдомо, потому что онъ посылалъ отъ себя въ Полтаву чернеца и тотъ былъ у гетмана.

Петръ Васильевичь съ полнымъ спокойствіемъ вопросилъ: «Для чего въ Малороссійскихъ городѣхъ быть бѣдѣ? Бояринъ и гетманъ Иванъ Мартыновичь Брюховецкій, полковники, вся старшина и казаки великому государю нашему, его царскому пресвѣтлому величеству, вѣрны, и бѣдѣ быть не отъ чего».

Епископъ Меѳодій, очевидно клонившій разговоръ къ Брюховецкому, ставшему ненавистнымъ ему со времени пріѣзда его изъ Москвы, отвѣтилъ: «Учала быть въ Запорогахъ и въ Полтавѣ шатость великая, потому что Запорожцы и Полтавцы и всѣхъ Малороссійскихъ городовъ полковники и старшина и казаки, также и духовенство все, гетмана не любятъ за то, что онъ учалъ дѣлать

своенравствомъ: въ Переяславль, въ Полтаву и Миргородъ онъ выбралъ полковниковъ безъ посполитой рады, по своей воли, а не по ихъ стародавнимъ правамъ; судью войскового Незамая да полковниковъ Миргородскаго Гамалея и Лысенскаго Высочана, безъ сыску, послалъ къ Москвѣ; да и многихъ старшинъ и казаковъ, по наносу, безъ сыску караетъ, а иныхъ къ Москвѣ посылаетъ. А въ Малороссійскихъ краехъ люди таковы, что имъ легче смерть принять, нежели ихъ къ Москвѣ посылать. А Запорожцы съ Полтавцы живутъ совѣтно, что мужъ съ женою».

Брюховецкому слѣдовало бы послушать отвѣтъ на это Петра Васильевича Шереметева и потомъ уже судить, въ какой мѣрѣ Кіевскій воевода поддавался лукавымъ словамъ и стремленію поссорить его съ нимъ, гетманомъ. Шереметевъ отвѣчалъ епископу: «Бояринъ и гетманъ все дѣлаетъ по вашимъ казацкимъ правамъ, а учиненъ онъ гетманомъ по указу великаго государя, по челобитью и по обранію всего войска Запорожскаго; а только вамъ его перемѣнить, и вамъ такого гетмана впредь не выбрать и не будетъ, развѣе вамъ такого гетмана выбрать,

который васъ всѣхъ и женъ вашихъ и дѣтей въ Крымъ поотдастъ (ясный намекъ на Дорошенка). А что онъ бояринъ и гетманъ за вину кому что̀ чинитъ, и то онъ чинитъ добро; а кого и къ Москвѣ пошлетъ, у великаго государя нашего на то имъ милостивое разсмотрительство, и за то было на него, гетмана, хулы наносить не за что».

— По крайней мѣрѣ такъ говорятъ полковники и вся старшина,—сказалъ епископъ Меѳодій,—что «хотя-де и быть ему, Брюховецкому, гетманомъ, но чтобы онъ нравы свои отставилъ; и что-де онъ къ Москвѣ посылаетъ, и имъ лучше смерть пріймать, нежели ихъ къ Москвѣ посылать».

Любопытенъ также разговоръ боярина Петра Васильевича Шереметева съ епископомъ Меѳодіемъ, въ началѣ мая мѣсяца 1666 года, по дѣлу объ облегченіи Кіевскихъ жителей отъ постойной повинности, происходившій тоже въ маѣ мѣсяцѣ 1666 года. Нужно сказать, что еще до прихода Шереметева въ Кіевъ, внизу, на Посадѣ, на мѣщанскихъ дворахъ, были поставлены рейтары полковъ Ивана Шепелева и Якова Бильса; а учинено это было потому, что въ Кіевѣ,

въ Верхнемъ городѣ, поставить рейтаръ было негдѣ. Кіевскіе мѣщане много разъ писали къ великому государю, что «имъ отъ рейтаръ, которые у нихъ поставлены, тѣснота большая» и чтобы великій государь «пожаловалъ ихъ, велѣлъ тѣхъ рейтаръ отъ нихъ свесть».

И епископъ Меѳодій говорилъ Петру Васильевичу Шереметеву, вскорѣ послѣ его прибытія въ Кіевъ, что мѣщане ставятъ себѣ постой рейтаръ «въ великое оскорбленіе» и что надлежитъ «рейтаръ отъ нихъ свесть». Но вопросъ былъ въ томъ, куда же дѣвать рейтаръ? Шереметевъ объяснялъ епископу Меѳодію, что «рейтаръ перевести снизу въ Верхній городъ вскорѣ никоими мѣрами нелзѣ, потому что въ Верхнемъ городѣ дворовъ и избъ мало и стоять рейтаромъ не въ чемъ, а взять нынѣ избъ негдѣ и строиться неколи, потому что около Кіева все разорено. И только-де мѣщаномъ надобно будетъ то, что отъ нихъ рейтаръ вывести вскорѣ, они бъ, мѣщане, дали тридцать избъ отъ себя, а рейтары тѣ избы перевезутъ и поставятъ собою».

Епископъ Меѳодій сказалъ, что онъ передастъ это мѣщанамъ. Послѣднимъ предста-

вилось, что дѣло тормозится изъ-за посула воеводѣ. Можетъ-быть, на это навелъ мѣщанъ самъ же епископъ Меѳодій. 4 мая, епископъ пріѣхалъ къ Петру Васильевичу Шереметеву и на-прямикъ объявилъ, что мѣщане просятъ, чтобы онъ «взялъ себѣ въ почесть сто рублевъ денегъ, только бы рейтаръ отъ мѣщанъ велѣлъ вывесть и избъ на нихъ не спрашивалъ, а велѣлъ бы избы купить изъ государевы казны».

На это Шереметевъ сказалъ: «Говорятъ-де, мѣщане даютъ ему, боярину, въ почесть сто рублевъ денегъ, и они бъ тѣ деньги дали на избы рейтарскія; а онъ, бояринъ, велитъ на тѣ деньги купить избы рейтарамъ».

На другой день, въ соборной церкви епископъ Меѳодій сообщилъ Шереметеву, что «мѣщане просятъ, чтобы онъ взялъ тѣ сто рублей лично себѣ въ почесть, а на избы рейтарскія взялъ бы другую сотню рублевъ и что имъ, мѣщанамъ, то не будетъ въ оскорбленіе, только бы рейтаръ отъ мѣщанъ велѣлъ свесть».

И на этотъ разъ Петръ Васильевичь Шереметевъ не взялъ себѣ ничего; на всѣ двѣсти рублей, предложенные мѣщанами, онъ велѣлъ построить въ Верхнемъ городѣ избы

рейтарамъ и тѣмъ избавилъ жителей Подола отъ тягостнаго постоя въ ихъ домахъ»[401].

Даже Костомаровъ замѣчаетъ, что это былъ рѣдкій случай, чтобы Московскій воевода того времени отказался отъ посула[402].

---

[401] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. VI. Спб. 1869. № 39.

[402] Руина. Историческая монографія. Спб. 1882. стр. 121.—Записка о вышеприведенномъ разговорѣ Петра Васильевича Шереметева съ епископомъ Меѳодіемъ, составлена и представлена государю дьякомъ Евстратомъ Фроловымъ. Между тѣмъ, господинъ Эйнгорнъ, въ своей статьѣ «Кіевскій воевода П. В. Шереметевъ и Нѣжинскій магистратъ 1666—1669 гг.» (Кіевская Старина 1891 года, ноябрь, стр. 246 и слѣд.), говоритъ слѣдующее: «Вскорѣ послѣ вступленія «своего въ должность, Шереметевъ *сообщилъ* въ Москву, что онъ «имѣлъ уже случай показать Кіевлянамъ свое безкорыстіе и неподкупность; *на основаніи этого заявленія Шереметева*, наши историки «(Соловьевъ и Костомаровъ) даютъ хорошій отзывъ объ его управленіи. Но, не всѣ Малороссіяне убѣдились въ безкорыстіи Кіевскаго «воеводы: съ тѣхъ поръ, какъ Шереметевъ вступилъ въ должность, «прошелъ годъ, а въ Москву уже явились бурмистръ Нѣжинскій Яковъ «Бутенко и райца Гаврила Подкупной съ жалобой на новаго воеводу «Кіевскаго во взятыхъ на нихъ дву сотъ двадцати рубляхъ». Далѣе слѣдуетъ разсказъ господина Эйнгорна о какомъ-то мелкомъ, сутяжническомъ дѣлѣ Бутенки и Подкупнаго съ Нѣжинскимъ мѣщаниномъ Сасимовымъ. Шереметевъ, разсмотрѣвъ это дѣло, призналъ Бутенку и Подкупнаго виновными въ ложномъ доносѣ на Сасимова и приговорилъ ихъ къ уплатѣ послѣднему 220 рублей. Деньги доправлены *и къ дѣлу приложена росписка Сасимова въ томъ, что означенныя деньги онъ получилъ*. Бутенко и Подкупной, озлобленные такимъ рѣшеніемъ дѣла, утверждаютъ, что «Шереметевъ взялъ тѣ деньги себѣ». —А росписка Сасимова?.... Господинъ Эйнгорнъ какъ бы поспѣшаетъ на выручку запутавшихся Нѣжинскихъ сутягъ. «То-есть,—говоритъ «онъ,—воевода взялъ съ Сасимова росписку, чтобъ оформить неза«конное взысканіе денегъ въ свою пользу».... Но вѣдь это нужно еще доказать, а безъ того нельзя бросать тѣнь на историческаго дѣятеля, извѣстнаго своею долголѣтнею, честною службою Отечеству.

ГЛАВА XXVI.

Къ заслугамъ боярина Петра Васильевича Большого Шереметева, какъ Кіевскаго воеводы, конечно должно быть отнесено и его предстательство о сохраненіи существовавшей, съ 1615 года, при Братскомъ Богоявленскомъ монастырѣ, старой Кіевской школы, нынѣшней Кіевской Духовной Академіи, да́ровавшей Россіи столько богомудрыхъ пастырей и ученыхъ мужей.

Дьякъ Дворцоваго приказа Евстратъ Фроловъ, прибывшій въ Кіевъ, въ маѣ мѣсяцѣ 1666 года, вслѣдствіе челобитья государю Кіевскихъ властей и доносовъ на нихъ Брюховецкаго, обратился прежде всего къ боярину Петру Васильевичу Шереметеву и представилъ на его заключеніе разныя статьи челобитья и доносовъ двухъ враждовавшихъ

сторонъ. Кіевскія власти и съ ними Кіевскій полковникъ Василій Дворецкій, ходатайствовали, между прочимъ, о томъ, чтобы въ Кіевѣ вновь завести, вѣрнѣе сказать, возстановить, поддержать Латинскія школы, какъ называлось тогда, по обученію Латинскому языку, Кіевское Братское училище или просто Кіевская школа. Въ Москвѣ на эту статью челобитья положено было такое рѣшеніе: «Буде челобитчикомъ противъ ихъ вольностей не во оскорбленье будетъ, и тѣхъ бы школъ нынѣ не заводить; а буде имъ противъ ихъ вольностей то будетъ во оскорбленіе, и великій государь ихъ пожаловалъ, велѣлъ имъ въ Кіевѣ школы заводить и людей въ нихъ учить Кіевскихъ жителей, а изъ непріятельскихъ и изъ иныхъ городовъ въ тѣ школы никого не пускать и не учить, чтобы отъ нихъ смуты и всякаго дурна не было».

Шереметевъ, прочитавъ это, сказалъ Фролову: «Въ Кіевѣ школа заведена до пріѣзду моего, при прежнихъ воеводахъ, и въ той школѣ нынѣ учатся Кіевскіе жители всякихъ чиновъ люди, а изъ непріятельскихъ городовъ въ тѣ школы и до сего государева указу принимать не велѣно и нынѣ

нѣтъ, и заказъ о томъ учиненъ накрѣпко; а перевесть (то-есть, упразднить) тое старую школу никоторыми мѣры нелзѣ, потому что Кіевскимъ жителямъ будетъ въ великое оскорбленіе»[403].

Стоять такъ за школу могъ только тотъ, кто былъ лично убѣжденъ въ ея полезности.

Нужно замѣтить, что при боярине Петрѣ Васильевичѣ Шереметевѣ, въ бытность его на Кіевской службѣ, находилось все его семейство, и между прочимъ, четыре сына его: Борисъ Петровичь, Ѳедоръ Петровичь, Иванъ Петровичь и Василій Петровичь[404]. Изъ нихъ старшему, Борису Петровичу, будущему фельдмаршалу, въ то время шелъ пятнадцатый годъ. Не будетъ слишкомъ смѣлымъ предположеніе, что, по крайней мѣрѣ, старшій сынъ Кіевскаго воеводы, Борисъ, могъ ходить обучаться въ эту старую Кіевскую школу. Какъ разъ въ это самое время въ школѣ той обучался знаменитый Даніилъ Туптало, будущій святитель Димитрій Ро-

---

[403] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. VI. Спб. 1869. стр. 93. столб. 2.

[404] Библіотека Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ: Портфели Миллера. № 246. л. 5.

стовскій, который былъ всего на четыре мѣсяца старше нашего юноши, будущаго сподвижника Великаго Петра[405].

Не даромъ же у Бориса Петровича Шереметева, на всю жизнь сохранилось какое-то особенное влеченіе къ Кіеву. Подъ старость онъ собирался поселиться тамъ навсегда, а въ духовномъ завѣщаніи приказывалъ, чтобы его похоронили въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ[406]. Не могло быть простою случайностію и то, что завѣщаніе это подписано 28 марта 1718 года, проѣзжавшимъ черезъ Москву въ Петербургъ, Кіевскимъ митрополитомъ Іоасафомъ Кроковскимъ[407], который тоже былъ ровесникъ Бориса Петровича, и обучался въ Кіевской школѣ. Можетъ-быть, митрополитъ Іоасафъ посѣтилъ удрученнаго тогда недугами Бориса Петровича, именно какъ товарища по школѣ, той самой старой Кіевской школы, за которую такъ рѣшительно стоялъ Кіевскій воевода бояринъ Петръ

---

[405] Святитель Димитрій Ростовскій, происходивъ изъ древняго Малороссійскаго дворянскаго рода Туптало, родился въ декабрѣ 1651 года.

[406] Подлинное завѣщаніе хранится у графа Сергія Дмитріевича Шереметева.

[407] Извѣстно, что митрополитъ Іоасафъ Кроковскій не доѣхалъ до Петербурга. Онъ скончался на дорогѣ, 10 іюля того-же 1718 года, и погребенъ въ Твери.

Васильевичь Шереметевъ въ своемъ отвѣтѣ дьяку Евстрату Фролову.

Послѣ статьи о школахъ, Фроловъ прочиталъ доносъ Брюховецкаго на епископа Меѳодія, въ которомъ задѣтъ былъ и Шереметевъ. Брюховецкій писалъ въ Москву, что сынъ епископа женился на нѣкоей Дубяговнѣ, а два ея брата родныхъ служатъ при Польскомъ королѣ. Брюховецкому велѣно было «того беречь, чтобъ отъ того дурна какого не учинилось». Гетманъ отвѣтилъ, что онъ «того оберегать будетъ, только-де надобно того дѣла беречь больше боярину Петру Васильевичу Шереметеву, потому что ему смотрѣть ближе. Только бы-де его, боярина и воеводу, лукавыми словами тамъ не прельщали и съ нимъ, гетманомъ, не ссорили».

Шереметевъ отвѣчалъ: «Епископовъ сынъ, который женатъ на Дубяговнѣ, живетъ съ женою своею въ Нѣжинѣ, для того что у него маетности въ Нѣжинскомъ уѣздѣ; а теща его живетъ въ Печерскомъ монастырѣ. И я, чтобы отъ того какого дурна не учинилось, оберегать буду. Я уже приказалъ въ Нѣжинъ, къ воеводѣ Ивану Ржевскому, тайнымъ обычаемъ, чтобы онъ того остерегалъ же. А что

бояринъ и гетманъ Иванъ Мартыновичь Брюховецкій говоритъ, только бы-де меня, боярина и воеводу, лукавыми словами не прельщали и съ нимъ, гетманомъ, не ссорили, — и меня лукавыми словами никто не прельщаетъ и ссорщиковъ никого у меня нѣтъ. Великаго государя всякія дѣла дѣлаю и исполняю государевъ указъ, какъ мнѣ отъ Господа Бога даровано. А къ государевымъ дѣламъ, опричь товарищей своихъ, никого не призываю».

Дьякъ Фроловъ, по порученію государя, говорилъ Петру Васильевичу Шереметеву между прочимъ и то, чтобы онъ «съ бояриномъ и гетманомъ Иваномъ Мартыновичемъ Брюховецкимъ жилъ въ совѣтѣ и о дѣлахъ великаго государя радѣлъ бъ и съ нимъ ссылался и о вѣстяхъ развѣдывалъ всякими мѣрами сопча. Также и съ епископомъ Меѳодіемъ Мстиславскимъ и Оршанскимъ и блюстителемъ митрополіи Кіевской жилъ бы въ совѣтѣ жъ и ласкосердство къ нему держалъ; а противъ статей и гетманскаго письма, въ немъ, епископѣ, разсматривалъ бы: нѣтъ ли отъ него въ чемъ какого умыслу и плевелъ, и впредь не чаять ли».

На это Шереметевъ отвѣчалъ такъ: «Съ бояриномъ и гетманомъ Иваномъ Мартыновичемъ Брюховецкимъ и съ Меѳодіемъ епископомъ по се число жилъ и нынѣ живу въ совѣтѣ; съ гетманомъ о вѣстяхъ развѣдываю сопча и съ нимъ о всякихъ дѣлехъ ссылаюсь. И по се число я отъ епископа никакого лихого умыслу и плевелъ не видалъ; а будетъ какіе злые умыслы и плевелы у него, епископа, объявятся, и о томъ къ великому государю учну писать; а того буду остерегать на-крѣпко и за епископомъ смотрѣть».

Немного помолчавъ, Шереметевъ продолжалъ: Вся наша бѣда въ томъ, что «у епископа съ гетманомъ ссора великая, да и впредь межъ ими совѣту не чаять». Для примѣра, Шереметевъ разсказалъ такой случай: Говорю я епископу, чтобы «послать въ Запороги, къ кошевому и къ казакамъ, кого пригоже, для провѣдыванія всякихъ вѣстей, и листъ къ нимъ послать. Епископъ сказалъ, что то дѣло самое надобное, только-де въ листу написать, отъ чего чинится у нихъ, Запорожскихъ казаковъ, шатость, не отъ бояръ ли кого? Я говорилъ епископу, что такъ писать — непристойное дѣло, а написать бы

въ листу такъ: будетъ есть у нихъ отъ нѣкоторыхъ людей шатость, и они бъ про то розыскавъ, ко мнѣ отписали».

Дѣйствительно, даже въ такомъ простомъ дѣлѣ, какъ листъ къ Запорожцамъ, епископъ Меѳодій не могъ удержаться отъ попытки уколоть Брюховецкаго, до такой степени онъ былъ ненавистенъ ему. «Вотъ почему, заключилъ Шереметевъ, я и товарищи мои чаемъ, что между епископомъ и гетманомъ совѣту и впредь не будетъ. Такъ что я никогда не даю вѣдомости, ни епископу о гетманскихъ листахъ, ни гетману объ епископскихъ словахъ, для того, чтобы въ томъ межъ ими ссоры не было, опасаясь того, что къ епископу и ко всему духовенству конечно пристанутъ мѣщане всѣхъ городовъ и чтобы въ ихъ ссорѣ дѣлу великаго государя какой порухи не учинилось»[408].

Весьма скоро самому Фролову довелось лично убѣдиться въ справедливости показанія боярина Петра Васильевича Шереметева о непримиримой враждѣ къ гетману Брюховецкому епископа Меѳодія и прочихъ Кіев-

[408] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. VI. Спб. 1869. № 37.

скихъ властей. 3-го мая, въ память Успенія преподобнаго Ѳеодосія Печерскаго, къ иноческой трапезѣ въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ, въ числѣ другихъ почетныхъ лицъ, былъ приглашенъ и дьякъ Евстратъ Фроловъ. По обѣдѣ, архимандритъ Иннокентій Гизель и иные многіе духовные, а также Кіевскій полковникъ Василій Дворецкій, вставъ изъ-за трапезы, увели дьяка Фролова въ архимандричьи келліи. Здѣсь пили про здоровье бояръ и окольничихъ. Послѣ того дьякъ Фроловъ предложилъ пить про здоровье гетмана Ивана Мартыновича. Но, по словамъ самого Фролова, «Меѳодій епископъ и все духовенство про гетманское здоровье пить не стали, а говорили, что онъ имъ злодѣй и недоброхотъ. Будучи-де на Москвѣ, великому государю билъ челомъ и въ статьяхъ подалъ, чтобы въ Кіевѣ быть Московскому митрополиту, и то-де знатно, что ихъ къ великому государю тѣмъ удаетъ какъ бы невѣрными; и про здоровье гетмана епископъ и иные не пили, а которые и пили, и то несогласно, кабы только поустыдяся». Больше всѣхъ нападалъ на Брюховецкаго епископъ Меѳодій. Онъ говорилъ про него «безчестныя

слова не тайно», утверждалъ, что имъ вовсе не нуженъ гетманъ и тому подобное.

Кіевскія власти оскорблялись тѣмъ, что съ дьякомъ Фроловымъ не было прислано отвѣта по главному предмету ихъ челобитья, то-есть, о предоставленіи имъ избрать митрополита изъ своей среды, по стародавнему праву. Они искали случая опять поговорить объ этомъ съ Петромъ Васильевичемъ Шереметевымъ, полагая, можетъ-быть, что дьякъ Фроловъ привезъ къ нему какой нибудь тайный указъ по сему дѣлу. 5 мая, въ соборной Софійской церкви, послѣ соборнаго молебна, во время божественной литургіи, бояринъ Петръ Васильевичь Шереметевъ разговаривалъ съ Печерскимъ архимандритомъ Иннокентіемъ Гизелемъ наединѣ о разныхъ дѣлахъ. Архимандритъ незамѣтно перешелъ на свое: «Для чего-де гетманъ билъ челомъ великому государю быть въ Кіевѣ митрополиту Московскому? Вѣдь этимъ онъ выставилъ насъ невѣрными къ великому государю. Въ Кіевѣ искони Московскаго митрополита не было, потому что Кіевская митрополія подъ благословеніемъ у Константинопольскаго патріарха. Мы уже послали игумена Кириллов-

скаго монастыря просить великаго государя, чтобы онъ пожаловалъ, позволилъ намъ на Кіевскую митрополію обрать межъ себя, изъ Кіевскаго духовенства».

Петръ Васильевичь Шереметевъ отвѣчалъ Гизелю: «Вамъ за то на гетмана гнѣваться не за что. Хотя онъ о томъ великому государю и побилъ челомъ, сдумавъ себѣ на Москвѣ, но чаялъ что то̀ и вамъ будетъ угодно». Разумѣется, такого рода отвѣтъ не могъ удовлетворить Печерскаго архимандрита. Шереметевъ успокоивалъ своего собесѣдника «государскимъ милосердымъ разсужденіемъ», что великій государь снесется съ Цареградскимъ патріархомъ и такъ далѣе. Но Иннокентій Гизель хорошо зналъ тогдашнее положеніе дѣлъ вселенской патріархіи. «Въ Цареградѣ—съ грустью сказалъ онъ—былъ напредъ сего Парѳеній патріархъ невѣдомо какимъ способомъ, котораго не восхотѣли пастыремъ себѣ всѣ духовные и мірскіе люди Греческаго закона, и для того былъ со престола сведенъ многіе годы. А на его мѣсто, на святительскій престолъ, возведенъ былъ за слезнымъ прошеніемъ всѣхъ духовныхъ и мірскихъ людей, Діонисій патріархъ, кото-

рый николи не желалъ славы міра сего, только повинуяся слезному прошенію. А нынѣ-де слышно намъ, что на престолъ возведенъ прежній Парѳеній патріархъ, хотѣньемъ его, умздилъ визиря и иныхъ мусульманскихъ сильныхъ правителей. Діонисій безо всякаго пренія престолъ оставилъ. И для того мы и нынѣ Бога молимъ за Діонисія патріарха, а не за Парѳенія»[409].

Конечно, это новое обстоятельство еще болѣе запутывало церковное дѣло Кіевской митрополіи, и Шереметеву не оставалось ничего болѣе, какъ прекратить разговоръ съ Печерскимъ архимандритомъ по такому вопросу, который не имѣлъ прямого отношенія къ предметамъ вѣдѣнія Кіевскаго воеводы.

Между тѣмъ, нестроеніемъ церковнымъ, а главное, враждою духовенства съ гетманомъ, весьма удачно воспользовался для своихъ цѣлей неутомимый, предпріимчивый Петръ Дорошенко. Онъ крѣпко засѣлъ въ Чигиринѣ и уже успѣлъ замутить Запорожцевъ, распустивъ среди нихъ слухи объ уничтоженіи, по милости Брюховецкаго, старо-

[409] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. VI. Спб. 1869. № 41.

давнихъ войсковыхъ правъ и вольностей; въ то же самое время онъ дѣятельно сносился съ Отоманскою Портою и Крымцами о подчиненіи Малороссіи Турецкому султану и полномъ изъятіи ея изъ-подъ зависимости, какъ Московскаго государя, такъ и Рѣчи-Посполитой.

Дьякъ Фроловъ выѣхалъ изъ Малороссіи въ двадцатыхъ числахъ мая. Онъ оставилъ ее въ состояніи опаснаго шатанія. Казаки толпами шли въ Запороги, собираясь выступить оттуда на царскаго гетмана. Уже пронеслась вѣсть, что изъ Кодака, столицы Запорожья, вытѣсняютъ государевыхъ ратныхъ людей отряда стольника Григорья Касогова. Бояринъ Петръ Васильевичь Шереметевъ, вскорѣ послѣ отъѣзда дьяка Фролова, вынужденъ былъ обратиться къ Войску Запорожскому съ слѣдующимъ воззваніемъ[410]:

«Великій государь нашъ, его царское пресвѣтлое величество, хотя искони вѣчную

[410] Воззваніе это, напечатанное въ VI томѣ Актовъ, относящихся къ исторіи южной и западной Россіи (Спб. 1869. № 36), весьма пространно. Мы приводимъ его, разумѣется, въ выдержкахъ, опустивъ, напримѣръ, весь разсказъ объ обстоятельствахъ возсоединенія Малороссіи съ Державой Всероссійской.

свою отчину Малую Россію держать неотступно, изволилъ прислать, на оборону отчины своей государской града Кіева и Малороссійскихъ городовъ и васъ православныхъ христіянъ, меня, боярина и воеводу и намѣстника Смоленскаго Петра Васильевича Шереметева, со многими ратными людьми. И милостію Божіею и его, великаго государя нашего, счастіемъ, непріятельскихъ людей и измѣнниковъ многихъ изъ Кіева въ посылкахъ отъ насъ побили и языки поиманы многіе. Да и впредь надъ непріятели промыслъ чинити будемъ, сколько милосердый Богъ помощи подастъ. А васъ, вѣрнаго Войска Запорожскаго вѣрныхъ подданныхъ его царскаго пресвѣтлаго величества, оберегати будемъ, а правы и вольности ваши ни въ чемъ нарушены не будутъ. А нынѣ вѣдомо мнѣ учинилось, что у васъ, въ Запорогахъ, учала быть отъ нѣкихъ людей шатость и непостоянство, и будто, забывъ Бога и вѣру православную и великаго государя нашего, его царскаго пресвѣтлаго величества, крестное цѣлованье, хотятъ отъ православныя христіянскія вѣры себя въ отторгновенье привести и соединиться съ истинными вра-

ги Божіими и разорители вѣры христіянскія, съ бусурманы, съ Крымскимъ ханомъ и съ Татары, и будто къ стольнику и воеводѣ Григорью Касогову вы не приходите и ни въ какихъ дѣлехъ не совѣтуете, и какіе языки емлете или выходцы какіе выходятъ, и выходцомъ къ нему, Григорью, ходить не велите, и что́ они въ роспросехъ сказываютъ, про то ему, Григорью, вѣдомо не чините, и государевыхъ людей изъ Кодака будто велите вывесть. И я то ставлю въ великое подивленье и тому ничему не вѣрю, что у васъ такому дѣлу учиниться, потому что вы, вѣрное Войско Запорожское, съ початку, какъ начели и до сихъ часовъ ему, великому государю, служите вѣрно и непремѣнно. А что про Кодакъ, и помыслить нельзѣ, что великаго государя ратныхъ людей съ Кодака вывесть, для того, что Кодакъ вѣрной Запорожской городъ и путь непріятельской, и Запорожью то и крѣпость и защита, что въ Кодаку государевы ратные люди. А будетъ изъ Кодака великаго государя ратныхъ людей свесть, и непріятелемъ будетъ путь чистъ, а Запорогомъ трудность великая. И будетъ только есть шатость въ нѣкоторыхъ людяхъ, и то

вносятъ имъ нѣкоторые плевелы, хотя ихъ отъ православныя христіянскія вѣры и отъ милости великаго государя нашего отлучити».

Слѣдующія заключительныя слова воззванія свидѣтельствуютъ, какъ сильно проникнутъ былъ Петръ Васильевичь Шереметевъ благочестивымъ духомъ церковной книжности, составлявшей отличительную черту нашего стариннаго образованія.

«И вамъ бы—обращается Петръ Васильевичь къ Запорожцамъ — старшому и меньшому, комуждо о томъ вѣдати належитъ, и впредь великому государю нашему, его царскому пресвѣтлому величеству, служить вѣрно и непремѣнно, по своему обѣщанію. Самъ Христосъ во святомъ евангеліи рече: Аще кто хощетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе, и возметъ крестъ свой и по Мнѣ грядетъ. Иже бо аще хощетъ душу свою спасти, погубитъ ю, а иже аще погубитъ душу свою Мене ради, обрящетъ ю. Кая польза человѣку, аще весь міръ пріобрящетъ, душу же свою отщетитъ? Или что̀ дастъ человѣкъ измѣну за душу свою? Пріити бо имать Сынъ Человѣческій во славѣ Отца своего со ангелы своими,

и тогда воздастъ комуждо по дѣяніямъ его. Никто же возложъ руку на рало, зря вспять, управленъ будетъ. И апостолъ Павелъ къ Титу рече: воспоминаю начальствующимъ и владѣющимъ, ко всякому начатому дѣлу благу готовымъ быти, да пекутся добрымъ дѣлѡ̀мъ прилѣжа̀ти Богу: сія суть полезна человѣкомъ и добра̀»[411].

---

[411] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. VI. Спб. 1869. № 36.

ГЛАВА XXVII.

Одновременно съ воззваніемъ Кіевскаго воеводы боярина Петра Васильевича Шереметева, казачество читало универсалы своего избраннаго Чигиринскаго гетмана, Петра Дорошенка, призывавшаго всѣхъ жителей лѣвобережной Украйны соединиться подъ его властію. Казаки совсѣмъ сбились съ толку, не зная за кѣмъ итти, кому служить. Одно и то же лицо подслуживалось одновременно, и Кіевскому воеводѣ, и Чигиринскому гетману. Объ этомъ шатаніи извѣстно было и Крымскому заточнику боярину Василью Борисовичу Шереметеву, весьма скоро узнавшему о назначеніи на Кіевское воеводство своего двоюроднаго брата, Петра Васильевича Большого Шереметева. По поводу прибытія въ Крымъ съ порученіями отъ Дорошенка каза-

ка Кіевскаго полка Ивашки мельника, Василій Борисовичъ писалъ къ государю: «А Ивашка мельникъ сказывалъ будто бы онъ пріѣзжаетъ и въ Кіевъ, и у брата моего Петра бываетъ, и брату моему про то невѣдомо, что онъ въ Крымѣ былъ»[412].

Петръ Дорошенко нашелъ уже возможнымъ открыто вмѣшаться въ распрю, возникшую въ Переяславскомъ полку между казаками и ихъ полковникомъ Данкомъ. Дорошенко принялъ сторону взбунтовавшихся казаковъ, оттиснулъ царскихъ ратныхъ людей, намѣревавшихся наказать послѣднихъ за убіеніе Данка, и овладѣлъ почти всѣмъ Переяславскимъ полкомъ[413]. О происшествіи этомъ имѣется донесеніе изъ Крыма Василья Борисовича Шереметева, изъ котораго видно, какъ зорко слѣдилъ нашъ плѣнникъ за дѣлами Малороссіи. Вотъ что писалъ онъ къ государю: «Присылалъ въ Крымъ, къ царю, изъ Чигирина, Петрушка Дорошенко подписка Ваську Хилькевича а съ нимъ пріѣзжалъ Кіевскаго

---

[412] Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ: Крымскія дѣла 1666 года. Связка 56/а. № 2.

[413] Статья профессора В. Б. Антоновича въ сборникѣ подъ заглавіемъ: «Историческіе дѣятели юго-западной Россіи». Вып. I. Кіевъ. 1885. стр. 101.

полку изъ Василькова Ивашкомъ зовутъ мельникъ, просить людей подъ Переяславль, и сказывали они: который-де былъ полковникъ въ Переяславлѣ, Данкомъ звали, и его-де казаки Переяславскаго полку убили и въ воду кинули, а на его мѣсто выбрали иного полковника, Хоменкомъ зовутъ. И въ Переяславлѣ-де съ твоими, великаго государя, людьми у казаковъ былъ бой; побиты-де на обѣ стороны многіе люди, и Переяславль казаки выжгли и отошли казаки въ мѣстечко Золотоношу; а полковникъ Хоменко утекъ къ Дорошенку. И съ подпискомъ пошелъ въ Черкасскіе городы нурадинъ да съ нимъ два царевича»[414].

Кто знаетъ, чѣмъ бы кончилось все это дѣло, какъ далеко зашелъ бы Дорошенко въ своихъ успѣхахъ объединенія Малороссіи, еслибы онъ снова не былъ лишенъ Татарской помощи, еслибы въ Крымскомъ улусѣ опять не вспыхнула смута, едва не подвергнувшая новаго хана, Аадиль-Гирея, участи его предмѣстника, Мухаммедъ-Гирея.

Хотя воцареніе Аадиль-Гирея и совершилось безъ особенныхъ затрудненій, тѣмъ не

---

[414] Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ: Крымскія дѣла 1666 г. Связка 56/а. № 2.

менѣе было очевидно, что населеніе относилось къ нему далеко не сочувственно, скорѣе, враждебно. Не только представители старыхъ Крымскихъ родовъ, Ширины, Барыны, Седжеуты и Мансуры, но даже и простые Татары не могли простить новому хану нечистокровность его происхожденія, полутатарскаго, полупольскаго. При такомъ-то неблагопріятномъ настроеніи, Аадиль-Гирей, какъ только осмотрѣлся въ своемъ новомъ положеніи, рѣшился приступить къ исполненію столь опрометчиво даннаго имъ обѣщанія султану, собрать съ Татаръ и прислать къ нему двадцать тысячъ человѣкъ плѣнныхъ.

Татаринъ смотрѣлъ на добытаго имъ ясыря или плѣннаго, какъ на даръ Божій, свою неотъемлемую собственность, предметъ благосостоянія своей семьи. Сохранилось нѣсколько писемъ Татаръ изъ Малороссіи въ Крымъ, къ роднымъ и знакомымъ, о добытыхъ ясыряхъ. Одинъ пишетъ: «У меня, милостію Божіею, четыре ясыря. Господь подаровалъ въ добычѣ». Въ другомъ письмѣ: «Милостію Божіею, у меня четыре добрыхъ ясыря да два мерина» и такъ далѣе, все въ

томъ же родѣ[415]. Татары получали за ясырей, или выкупъ или продажную цѣну, и были увѣрены, что эту военную добычу никто не воленъ былъ отобрать у нихъ. Они прямо говорили, что ясырь «данъ имъ за службу, за кровь и за смерть; кто что̀ возьметъ на войнѣ, тѣмъ онъ и живетъ»[416].

Послѣ этого понятно, что распоряженіе новаго хана объ отобраніи плѣнныхъ, для отсылки ихъ къ султану, возмутило всѣхъ Крымцевъ. Оно вызвало въ Крымъ и тѣхъ Татаръ, которые были отправлены въ Малороссію, на помощь Дорошенкѣ. Ханскимъ чиновникамъ оказано было открытое сопротивленіе. Татары не отдавали плѣнниковъ и грозили свергнуть хана[417]. Но Аадиль-Гирей могъ лишиться трона и въ томъ случаѣ, еслибы не исполнилъ своего обязательства предъ Высокой Портой, представить условленное количество плѣнныхъ. Въ такомъ отчаянномъ положеніи, Аадиль-Гирей рѣшился

---

[415] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. V. Спб. 1867. № 103.

[416] М. Н. Бережковъ. Русскіе плѣнники и невольники въ Крыму (Труды VI Археологическаго съѣзда въ Одессѣ. Т. II. Одесса. 1888. стр. 357).

[417] Тамъ-же.

внести султану соотвѣтствующую сумму денегъ и для сего приказалъ собрать по пяти курашей съ каждаго плѣнника. Это новое распоряженіе въ такой же мѣрѣ озлобило Татаръ, какъ и первое. Они и слышать не хотѣли о новомъ налогѣ и объявили, что убьютъ хана. Аадиль-Гирей вынужденъ былъ скрыться въ Кафу. Одни говорятъ, что онъ только собирался, въ половинѣ іюля, сѣсть въ судно, чтобъ бѣжать въ Царьградъ; по другимъ же извѣстіямъ, онъ, безъ дальнихъ сборовъ, бѣжалъ туда. Въ Запорожьѣ прямо говорили, что «царь Крымскій, новопоставленный, утекъ снова до Турокъ, бо межи Татаръ есть замѣшанина великая»[418].

Дѣйствительно, въ Крымскомъ улусѣ происходила великая замѣшанина и не изъ-за однихъ лишь распоряженій хана о сборѣ плѣнныхъ и новомъ налогѣ. Дѣло это еще кое-какъ уладилось. Изъ отписки Василья Борисовича Шереметева видно, что ханскому правительству все-таки удалось собрать полторы тысячи плѣнниковъ и денегъ пятьдесятъ тысячъ. Все это ближній человѣкъ

[418] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. VI. Спб. 1869. стр. 150. столб. 2.

Исламъ-ага долженъ былъ отвезти моремъ въ Царьградъ «въ дарѣхъ къ Турскому султану за то, что царь въ Крымъ отпущенъ»[419]. Одною изъ главнѣйшихъ причинъ волненій была непримиримая вражда, водворившаяся между ханомъ Аадиль-Гиреемъ и Ширинскими мурзами, благодаря Исламъ-агѣ. Несчастіе новаго хана заключалось въ томъ, что силою вещей послѣдній сталъ его ближнимъ человѣкомъ. Аадиль-Гирей, обязанный престоломъ Исламъ-агѣ, имѣлъ неосторожность безусловно довѣриться ему, упустивъ изъ виду, что всѣ дѣйствія и мѣропріятія Исламъ-аги проникнуты были неутолимымъ чувствомъ мести за смерть своего отца. Извѣстно, что Крымскіе ханы постоянно старались поддерживать добрыя отношенія съ могущественнымъ, вліятельнымъ родомъ Ширинов, считались съ ними, совѣтовались по важнѣйшимъ государственнымъ дѣламъ, окружали ихъ всевозможнымъ почетомъ. Это было необходимо и потому, что Ширины всегда имѣли сильную руку у Порога Счастія. Въ Высокой Портѣ хорошо знали о богатствѣ

[419] Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ: Крымскія дѣла 1666 года. Связка 56/а. № 2.

Ширинов, объ ихъ значеніи въ Крымскомъ улусѣ. Но Исламъ-ага видѣлъ одно, что Ширины способствовали убіенію Сеферъ-Гази-аги, и вотъ, съ перваго же дня визирства, онъ начинаетъ прижимать ихъ. Дошло до того, что Исламъ-ага, по свидѣтельству Василья Борисовича Шереметева, «дѣла дѣлать почелъ одинъ, а Ширинов не призывалъ; а при Мухаммедъ-Гиреѣ царѣ, безъ Ширинъбея и безъ Ширинов никакого дѣла не дѣлали». Ненависть Ширинов къ ближнему человѣку росла съ каждымъ днемъ. Они просили Аадиль-Гирея выдать имъ Исламъ-агу, хотѣли убить его, но тотъ не выдалъ его и тѣмъ показалъ свое единомысліе съ нимъ. Отсюда началась злоба Ширинов уже къ самому хану. Въ подобныхъ случаяхъ достаточно даже и незначительнаго повода къ открытымъ враждебнымъ дѣйствіямъ. При объявленіи ханскаго повелѣнія о сборѣ налога за плѣнныхъ, первыми взбунтовались Ширины; къ нимъ сперва пристали даже Мансуры, не смотря на ихъ давнюю недружбу. Обѣ стороны вооружились и готовы были вступить въ бой. Предоставимъ разсказать Василью Борисовичу Шереметеву, какъ вы-

шло дѣло и чѣмъ оно кончилось. «Послалъ царь Аадиль-Гирей — писалъ Шереметевъ къ государю — сбирать со всего Крыму съ полоненниковъ, у кого сколько есть, велѣлъ съ человѣка имать по пяти курашей денегъ. И за то Ширинъ-бей и Ширины всѣ на царя взбунтовали, хотѣли съ царемъ биться, и Кай-бей Мансуровъ былъ съ Ширинами жъ. А какъ царь собрался съ Турскими янычарами, которые провожали его моремъ, и послалъ калгу съ Крымскими людьми, которые къ Ширинамъ не пристали, и Кай-бей отъ Ширинов отдѣлился: пришелъ къ царю и съ царемъ ходилъ на Ширинъ-бея и на Ширинов. И Ширины съ царемъ не бились, пошли всѣ изъ Крыму, съ ними же пошелъ Сапынъ-Казы-ага и три сына его да съ ними же пошло Татаръ съ пятьсотъ человѣкъ. Въ тѣ жъ поры какъ Ширины пошли на Тонкія Воды, вышли изъ Крыму и Калмыки, которые было пришли при Мухаммедъ-Гиреѣ царѣ, со ста человѣкъ, съ женами и съ дѣтьми. И на степи Калмыки отъ Ширинов пошли прочь, а сказываютъ, будто пошли къ Черкасскимъ городамъ. А Ширинъ-бей и Ширины пошли въ Ногайскіе улусы, къ На-

урусу мурзѣ Шейдякову, къ Кубану рѣкѣ. И отъ Ширинов нынѣ въ Крымѣ боятся, чтобы съ Калмыкомъ и съ Ногайцы не пришли и Крыму не повоевали. А которые Татаровя съ Ширинами было пошли, и тѣ Татаровя пришли въ Крымъ, а всѣ они Ширинов. И только, государь, собрався Ширины будутъ въ Крымъ, и они учинятъ большое разоренье: всѣ Татаровя къ нимъ пристанутъ да и лучшіе люди, аги и мурзы, Ширинов же стороны. Только не ихъ стороны Мансуры, что̀ у нихъ съ Ширинами недружба давняя, да людей у нихъ немного. А вся ссора промежъ нечестивыхъ за ближняго человѣка: просили его Ширины и хотѣли убить, и царь его не выдалъ. А ближній человѣкъ мститъ смерть отца своего многимъ людямъ и за то хотятъ надъ нимъ учинить тожъ, что и надъ отцомъ его учинилось»[420].

Удаленіе изъ Крыма Ширинов было событіемъ, конечно, благопріятнымъ для насъ. То были люди исполненные вражды къ Россіи и главные виновники долголѣтнихъ страданій Василья Борисовича Шереметe-

[420] Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ: Крымскія дѣла 1666 года. Связка 56/а. № 2.

ва. Правда, еще такъ недавно они спасли послѣдняго отъ неминуемой смерти. Но было бы весьма ошибочно признать это за подвигъ человѣколюбія съ ихъ стороны. Ширинамъ нужно было добыть Шереметева живьемъ, какъ цѣнную государственную собственность, какъ необходимое средство для постояннаго давленія на Московское правительство. Шереметевъ, вслѣдъ за бѣгствомъ Ширинов, писалъ государю слѣдующее: «А воры пущіе и посягатели на кровь христіанскую и королю Польскому кто помочь большую дѣлали и добра хотѣли, а царя Мухаммедъ-Гирея до миру съ тобою, великимъ государемъ, не пускали, — Ширинъ-бей, ханъ Маметъ и всѣ Ширины, человѣкъ ихъ съ двадцать, всѣ пропали, изъ Крыму побѣжали»[421].

Но радоваться было еще рано. Ширины никакъ не могли считать своего дѣла безвозвратно проиграннымъ. Не засиживаясь долго въ Ногайскихъ улусахъ, они отправились въ Царьградъ съ жалобами на Крымскаго хана. Аадиль-Гирей и Исламъ-ага не могли не

[421] Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ: Крымскія дѣла 1666 года. Связка 56/а. № 2.

предвидѣть этого и хорошо знали, что ради спасенія своихъ головъ, имъ необходимо было припасти какъ можно больше денегъ, для новыхъ подарковъ въ Высокой Портѣ. Исламъ-ага совѣтовалъ хану поспѣшить окончаніемъ дѣла о выкупѣ боярина Шереметева. Вырученная отъ сего сумма была бы вполнѣ достаточна для того, чтобы отстоять себя отъ происковъ Ширинovъ.

Въ самый Успеніевъ день, 15 августа, Исламъ-ага велѣлъ Василью Борисовичу Шереметеву быть у себя и повелъ такую рѣчь: «Будетъ великій государь и не изволитъ вскорѣ помириться съ Аадиль-Гиреемъ царемъ, и Аадиль-Гирей царь хочетъ тебя, боярина, отпустить на окупъ и до мира. А дѣлаю я то, чтобы отпустить тебя до мира для того: будетъ вскорѣ не учинится мира и война продлится года три и больше, и въ тѣ поры, будетъ пришлетъ Турскій солтанъ для тебя, боярина, и намъ за тебя не устоять, пошлемъ тебя къ Турскому солтану. И въ томъ намъ прибыли не будетъ, какъ тебя Турскій солтанъ у насъ возьметъ. А Турскій солтанъ николи окупу за тебя не возьметъ и тебѣ николи отъ него отпущену не быть. И

ты бъ, бояринъ, билъ челомъ и милости просилъ у великаго государя, чтобы онъ пожаловалъ, указалъ послать окупъ за тебя на Терки или въ Запороги, чего мы просимъ окупу за тебя. А какъ великій государь укажетъ послать окупъ за тебя и о томъ велитъ отписать къ Аадиль-Гирею царю, и царь Аадиль-Гирей пошлетъ тебя на Терки тотчасъ. А Донъ и ближе Терка, но намъ послать тебя на Донъ и окупъ взять на Дону нельзя, боимся Калмыковъ: либо тебя отобьютъ и деньги, что̀ за тебя возьмутъ, отъимутъ».

Вновь блеснувшій лучъ надежды на освобожденіе изъ неволи оживилъ, поднялъ силы Василья Борисовича Шереметева. Онъ сейчасъ-же сѣлъ за отписку къ государю, въ которой, изложивъ отъ слова до слова всю рѣчь Исламъ-аги, обращается съ такимъ раздирающимъ душу воззваніемъ къ милосердію царя Алексѣя Михайловича: «И я, холопъ твой убогой и погибающій, милости прошу у тебя, праведнаго и милосердаго великаго государя, помилуй холопа своего погибающаго. Взыщи своею государскою милостію душу мою грѣшную и убогую голову. Не дай мнѣ, милостію своею государскою, въ дальней не-

честивой сторонѣ погибнуть и безъ покаянья умереть и чтобы по смерти, костей моихъ убогихъ собаки не таскали! Помилуй, государь, вели окупить меня изъ нечестивыхъ, непріятельскихъ рукъ, и окупъ за меня вели послать на Терки или въ Запороги, чтобы твоею государскою милостію освободился я изъ непріятельскихъ, нечестивыхъ рукъ поганыхъ»[422].

Отписку Шереметева къ государю долженъ былъ повезти подъячій Семенъ Романовъ, который получилъ наконецъ отпускъ и уже совсѣмъ собрался ѣхать въ Москву, вмѣстѣ съ ханскимъ гонцомъ Маамет-агою, отправлявшимся съ извѣстіемъ о вступленіи на престолъ хана Аадиль-Гирея. Василій Борисовичь Шереметевъ успѣлъ написать еще письмо и къ думному дьяку Алмазу Иванову, которое начинается такъ: «Прошу твоего жалованья, покажи милость, Алмазъ Ивановичь, умилосердися надо мною, учини христіанскую любовь. Для Бога, доложа государя, поговори съ присланнымъ Аадиль-Гирея царя, чтобы насъ (то-есть, плѣнныхъ) не му-

[422] Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ: Крымскія дѣла 1666 года. Связка 56/а. № 2.

чили». Далѣе Шереметевъ выражаетъ опасеніе быть выданнымъ Турецкому султану. «При Мухаммедъ-Гиреѣ царѣ,—писалъ онъ, —Турскій солтанъ присылалъ для меня дважди, и за меня поустоялъ и послать не далъ, поговоря съ карачеемъ, ближній человѣкъ Сеферъ-Гази-ага. И нынѣ я боюсь того жъ, чтобы не прислалъ для меня Турскій солтанъ, а Аадиль-Гирей, царь новый, чтобы меня не послалъ и солтана тѣмъ не потѣшилъ. И только будетъ Аадиль-Гирей царь пошлетъ меня къ Турскому солтану или будетъ меня мучить такъ же, какъ и Мухаммедъ-Гирей царь, и отъ мученья скончаюсь, умру, и государь нашъ велитъ учинить надо взятыми ихъ людьми тожъ. А будетъ царь и карачеи тѣхъ людей въ дѣла не поставятъ и не пожелаютъ ихъ, которые взяты нынѣ, что они люди не честныхъ родовъ, обышные, и воля Божія велика, авось будетъ кто взятъ впредь такой же честной человѣкъ, какъ взятъ былъ Кутлушинъ сынъ Ширина, и государь велитъ учинить надъ нимъ тожъ, будетъ какое худо надо мною учинять. И какъ будетъ государская милость ко мнѣ, — укажетъ онъ, государь, говорить тебѣ о томъ, о чемъ я къ

тебѣ, государю своему, пишу съ посланнымъ Аадиль-Гирея царя. И какъ онъ (посланный) будетъ у царя, и царю и карачеемъ скажетъ про государскую милость ко мнѣ, про твои слова, что́ ты говорилъ про меня, и милостію государскою, по твоимъ словамъ, чаю, я, что Аадиль-Гирей царь не пошлетъ меня къ Турскому солтану да и карачеи и Татаровя послать меня не дадутъ да и тѣсноты и нужи мнѣ поубавятъ. Покажи милость, Алмазъ Ивановичь, умилосердися надо мною, погибающимъ, пожалуй меня, какъ тебѣ Богъ извѣститъ. Да и о дворянехъ бью челомъ, которые со мною взяты. Пожалуй, поговори, что имъ работа великая и съ голоду умираютъ. А у государя нашего ихъ Татаровя сыти сидятъ въ тюрьмѣ, никакой работы не работаютъ. Какъ будутъ твои слова, получшеетъ намъ; а мы за тебя Бога молить станемъ. А ближнему человѣку что̀ я посулилъ, отбывая бѣды своей великой, чтобы меня не далъ послать къ пущему нечестивому, солтану Турскому, посулилъ я не сверхъ государева жалованья окупу своего, пятьдесятъ тысячъ рублевъ, съ убавкою будетъ. Будетъ государь пожалуетъ меня, велитъ окупу дать

чего и они просятъ, семьдесятъ тысячъ ефимковъ, и что̀ ближнему, все будетъ передъ деньгами съ убавкою. А будетъ станетъ говорить присланный объ окупѣ моемъ, а что милость государская будетъ ко мнѣ, укажетъ объ окупѣ говорить, и тебѣ бъ пожаловать, Алмазъ Ивановичь, всего ему не объявлять; а и левки вмѣсто ефимковъ имать будетъ. Да и объ оманехъ, пожалуй, припомни. А какъ я былъ у ближняго человѣка, и онъ мнѣ говорилъ о Татарехъ, которые взяты, чтобы ихъ не мучить; также, пожалуй, и объ насъ поговори, Алмазъ Ивановичь. А теперь изъ боярскихъ дворовъ много уходитъ, и нынѣ утекъ у Трофима Хрущева Татаринъ, а сказываютъ то, чего въ умъ взять нельзя»[423].

Между тѣмъ, подъячій Семенъ Романовъ, котораго хотѣли отпустить еще въ іюнѣ мѣсяцѣ, но задержали вслѣдствіе бунта Ширинов, не выдержалъ несносной жизни у варваровъ. Несчастный сошелъ съ ума. Лишь 1 сентября 1666 года ханскій гонецъ Мааметъ-ага выѣхалъ изъ Крыма. Съ нимъ были отпущены въ Москву и люди Василья Бори-

[423] Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ: Крымскія дѣла 1666 года. Связка 56/а. № 2.

совича Шереметева: Михайло Старковъ и Яковъ Лощеловъ. Шереметевъ приписалъ къ вышеприведенной отпискѣ своей слѣдующее: «А отписку послалъ я къ тебѣ, великому государю, съ людишками своими съ Мишкою да съ Яшкою; а съ подъячимъ Семеномъ отписки я не послалъ, что онъ боленъ, въ умѣ рушился».

ГЛАВА XXVIII.

Гонецъ Крымскаго хана Мааметъ-ага и люди Василья Борисовича Шереметева, съ отпискою и письмомъ послѣдняго, прибыли въ Москву совсѣмъ невпору. Все вниманіе царя Алексѣя Михайловича и высшихъ правительственныхъ лицъ было поглощено тогда двумя важными событіями: переговорами съ Польскими коммиссарами о перемиріи и пріѣздомъ въ Москву вселенскихъ патріарховъ и отечественныхъ іерарховъ, для соборнаго суда надъ патріархомъ Никономъ.

Намъ нѣтъ надобности входить въ подробности, ни того, ни другого событія. Судьба Никона была окончательно рѣшена 12 декабря 1666 года, когда въ небольшой Благовѣщенской церкви Чудова монастыря, Никону прочитали соборный приговоръ надъ

нимъ, послѣ чего киръ Паисій, папа и патріархъ великаго града Александріи и судія вселенскій, собственноручно снявъ съ него патріаршій клобукъ съ жемчужнымъ крестомъ и вышитыми херувимами и драгоцѣнную панагію, приказалъ впредь именоваться и писаться не патріархомъ, а простымъ монахомъ Никономъ[424]. Выходя изъ Чудова монастыря, Никонъ сказалъ вслухъ народа, толпившагося вокругъ: «Погибла ты, правда! Господствуетъ ложь. Не слѣдовало тебѣ, Никонъ, такъ смѣло говорить правду царю и боярамъ, а льстить бы имъ и угождать, и ты не дожилъ бы до такого осужденія»[425].

На другой же день, 13 декабря, Никонъ навсегда оставилъ Москву; а 31 января 1667 года, на престолъ патріаршества Московскаго былъ избранъ архимандритъ Троице-Сергіева монастыря Іоасафъ. Москва радовалась и ликовала, что наконецъ Господь даровалъ ей первосвятителя, котораго она не имѣла столько времени[426]. На другой же день, къ

[424] Гиббенетъ. Историческое изслѣдованіе дѣла патріарха Никона. Ч. 2. Спб. 1884. стр. 1099.

[425] Митрополитъ Макарій. Исторія Русской церкви. Т. XII. кн. 3. Спб. 1883. стр. 746.

[426] Тамъ-же, стр. 763.

этой общей радости приложилась и другая. «Февраля въ 1 день, въ пятокъ, — читаемъ въ книгѣ Патріаршихъ выходовъ,—государь царь встрѣчалъ образъ Спасовъ, что̀ былъ на посольствѣ съ Польскими людьми, съ послами Аѳанасьемъ Нащокинымъ съ товарищи, за Земляным городомъ, на Дорогомиловѣ, за Москвою рѣкою, со кресты и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, и съ боляры, и со всѣмъ міромъ: даровалъ Господь Богъ, положили перемирье съ Польскими людьми на тринадцать лѣтъ и на шесть мѣсяцевъ»[427].

Если ко всему этому прибавить еще и то, что вслѣдъ за хиротоніей новоизбраннаго патріарха возобновились засѣданія большого Московскаго собора по важнѣйшимъ церковнымъ вопросамъ, между прочимъ объ исправленныхъ Никономъ богослужебныхъ книгахъ, собора, разразившагося грозною и по послѣдствіямъ роковою анаѳемою всѣмъ, не принимавшимъ этихъ книгъ,—то будетъ понятно, почему пріѣздъ Крымскаго гонца прошелъ незамѣченнымъ, почему въ дошедшихъ до насъ актахъ не встрѣчается рѣшительно

[427] Дополненія къ актамъ историческимъ. Т. V. Спб. 1853. стр. 102. столб. 1.

никакихъ свѣдѣній объ этомъ посольствѣ, столь важномъ лично для Василья Борисовича Шереметева. Знаемъ только, что Мааметъ-агу отпустили изъ Москвы въ мартѣ мѣсяцѣ 1667 года и что съ нимъ посланъ былъ въ Крымъ, «для договору великаго государя дѣлъ», стольникъ Ефимъ Лодыженскій и подъячій Сидоръ Скворцовъ, съ царскими грамотами и легкими поминками къ хану Аадиль-Гирею и къ царевичамъ калгѣ и нурадину. Посланцы, съ которыми опять слѣдовалъ человѣкъ Василья Борисовича Шереметева, повезли также государево жалованіе боярину Василью Борисовичу и посланнику Якову Якушкину[428].

Но ханскому гонцу и посланцу великаго государя не суждено было доѣхать до Крыма. Оба они погибли въ Запорогахъ.

Нужно сказать, что въ ту пору Малороссія находилась въ крайне возбужденномъ состояніи. Тамъ только и говорили о томъ, что Московскій царь помирился съ Польскимъ королемъ, говорили объ этомъ на всѣ лады и съ великимъ озлобленіемъ.

---

[428] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. VI. Спб. 1869. стр. 179.

Какъ извѣстно, 30 января 1667 года, подъ Смоленскомъ, въ деревнѣ Андрусовѣ, нашему знаменитому дипломату Аѳанасью Лаврентьевичу Ордину-Нащокину удалось наконецъ заключить съ Польскими коммиссарами перемиріе на 13 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ, считая съ іюня мѣсяца 1667 года до іюня 1680 года. Уполномоченные обѣихъ державъ, Россіи и Польши, условились, въ теченіе перемирныхъ лѣтъ, договориться о вѣчномъ мирѣ и для совѣщанія по сему предмету съѣхаться въ іюнѣ 1669 года. Если дѣло не сладится, то прибыть на вторичный съѣздъ, въ іюнѣ 1674 года; если бы и «тая коммиссія вѣчнаго покою докончанія не одержала, тогда, не откладаючи надежды отъ вѣчнаго покою, обои великіе государи имѣютъ призвати государей христіанскихъ за посредники» и собраться на третій съѣздъ, въ іюнѣ 1678 года. «А отъ чего Боже сохрани, и тотъ третій съѣздъ съ посредники въ докончаніе вѣчнаго покою совершенія не одержалъ бы», то съѣхаться въ четвертый разъ, въ іюнѣ 1680 года. По Андрусовскому договору, Смоленскъ и вся Сѣверщина остались за Россіей, а воеводства Полоцкое, Витебское и Инфлянтское отошли

въ сторону Польши. Малороссія раздѣлена была Днѣпромъ на двѣ половины: лѣвый берегъ остался за Россіей, правый — отданъ Польшѣ. Кіевъ съ его окрестностями, на разстояніи пяти или шести верстъ, долженъ былъ оставаться въ нашемъ владѣніи только два года, потомъ переходилъ къ Польшѣ. Запорожскимъ казакамъ положено быть «въ послушаніи, подъ обороною и подъ высокою рукою» обѣихъ державъ. Въ случаѣ войны съ Татарами и Турками, обѣ державы обязались оказывать другъ другу взаимную помощь. 18-ою статьею договора постановлено, «чтобы обои великіе государи послали до хана Крымскаго и въ своихъ грамотахъ сей утвержденный покой ему объявили, чтобы, для сосѣдства, ханъ Крымскій съ своими ордами отъ войны достаточно пересталъ, понеже великіе государи ужъ межъ собою въ братской дружбѣ пребываютъ. А буде ханъ Крымской тѣмъ возгордитъ и въ сосѣдствѣ общимъ пріятелемъ быти не похощетъ и войны своей достаточно не престанетъ, тогда оба войска, какъ коруны Польскія и великаго княжества Литовскаго, такъ и государства его царскаго величества Московскаго, съ Украинными

людьми, противъ Орды и хановыхъ силъ всегда готовы быти имѣютъ и отпоръ давати, какъ общему непріятелю, будутъ. А если бы ханъ Крымской, по тому обвѣщенію, хотѣлъ третьимъ быть съ великими государи въ пріятствѣ, тогда о способахъ успокоенія въ заходящихъ разностяхъ, обои великіе государи межъ собою сошлются»[429].

Выписанная 18 статья Андрусовскаго договора, конечно, составляла главную причину посольства къ хану Аадиль-Гирею стольника Лодыженскаго, — главный предметъ порученнаго ему «государева дѣла».

Царскому посланцу и гонцу Крымскаго хана пришлось ѣхать черезъ Малороссію въ такое время, когда Дорошенко и его пособники уже успѣли истолковать поспольству значеніе для него Андрусовскаго договора. И безъ того уже оно волновалось отъ «великихъ здирствъ и напастей» воеводъ Великороссійскихъ, накликанныхъ на Малороссію гетма-

[429] Полное собраніе законовъ Россійской имперіи. Собраніе первое. Т. I. Спб. 1830. № 398. стр. 656 — 669. Достойна вниманія 8-я статья Андрусовскаго договора: «Библіотеки и книги костельныя и церковныя въ Вильнѣ и въ иныхъ городахъ и на разныхъ мѣстахъ, какъ въ корунѣ, такожъ и въ великомъ княжествѣ Литовскомъ въ сію войну забранныя, сколько ни есть ихъ сыскатися можетъ, ничего при себѣ не сохраняючи, возвратити»...

номъ Брюховецкимъ. Прежде царскіе воеводы были только въ Кіевѣ, Черниговѣ, Переяславлѣ и Нѣжинѣ; теперь же они появились еще въ Гадячѣ, Полтавѣ, Миргородѣ, Лубнахъ, Прилукахъ, Стародубѣ, Новгородѣ-Сѣверскомъ, Глуховѣ, Батуринѣ и въ прочихъ меньшихъ городахъ[430]. Воеводы имѣя при себѣ многочисленный штатъ подъячихъ разныхъ статей, мѣрщиковъ, вѣсовщиковъ, приставовъ, пятидесятскихъ, со всѣмъ усердіемъ принялись, согласно данному изъ Москвы наказу, переписывать все имущество жителей, и облагать пошлиною даже послѣднюю мелочь домашняго обихода. Московскіе чиновники проникали всюду: въ амбары, кладовыя, погреба, пасѣки, даже въ хлѣва и голубятни. Сундуки и вся сокровенность ихъ были открыты для нихъ. Всѣ дороги, ведущія къ базарамъ и ярмаркамъ были заняты караулами и приставами[431]. Украинскій лѣтописецъ говоритъ, что воеводы, чрезъ присяжныхъ сборщиковъ, «взимали по торгахъ и ярмаркахъ со всякой проданной и купленной вещи отъ казака и мужика пошлину,—

---

[430] Лѣтопись Григорья Грабянки. Кіевъ. 1854. стр. 190.
[431] Георгій Конискій. Исторія Русовъ. М. 1846. стр. 162.

такъ прилежно того смотря и истязуя съ крѣпкимъ зѣло утѣсненіемъ, что ни едина копѣйка мимо ихъ руки нигдѣ не прошла»[432]. За воеводами нагрянули изъ Москвы, всегда ненавистные простонародью спищики, начавшіе переписывать по городамъ и селеніямъ всѣхъ людей, отъ мала до велика. Словомъ, какъ будто бы нарочно, дѣлалось все, что только можно, чтобы раздражить народъ Малороссійскій, и онъ, въ концѣ концовъ, по выраженію преосвященнаго Георгія Конискаго, «возстеналъ, изумился и считалъ себя погибшимъ»[433]. Такимъ образомъ, само же правительство, введенное въ заблужденіе лукавыми предстательствами Брюховецкаго, подготовило почву для разныхъ плевосѣятелей и съ точки зрѣнія послѣднихъ, было бы странно не воспользоваться этимъ, особенно при такомъ благопріятномъ случаѣ, какъ всенародное объявленіе объ Андрусовскомъ перемиріи, заключенномъ безъ участія представителей Малороссіи. Въ странѣ поднялся ропотъ что Украйна, отданная Хмельницкимъ въ руки царя единою, разодрана на ча-

[432] Лѣтопись Григорія Грабянки. Кіевъ. 1854. стр. 190.
[433] Исторія Русовъ. М. 1846. стр. 162. столб. 2.

сти; что священный Кіевъ уступаютъ Полякамъ.... — То-ли еще будетъ дальше! — загадочно приговаривали плевосѣятели. «Въ Андрусовѣ,—шептали они,—кромѣ явнаго договора, еще на томъ приговорили и тайными статьями закрѣпили, чтобы съ обѣихъ рукъ Украйну разорить»[434].

Чѣмъ ближе подходили наши путники, стольникъ Лодыженскій, Крымскій гонецъ Маамет-ага и ихъ товарищи, къ Запорожской Сѣчи, тѣмъ явственнѣе сказывалась смута, царившая въ странѣ. Въ Запороги отовсюду стекались люди недовольные вновь заведенными порядками, множество «тяглыхъ мужиковъ, не хотѣвшихъ изъ себя въ казну государеву дани давати». Но больше всего шли туда разные гулящіе люди или искатели приключеній. Старые Запорожцы приходили въ отчаяніе. Они «говорили промежъ себя въ куреняхъ, что съ такими своевольники не вѣдаютъ что̀ и дѣлать; на Запороги нашло ихъ много, старшинъ не слушаютъ»[435].

---

[434] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. VI. Спб. 1869. стр. 203. столб. 1.

[435] Тамъ-же, стр. 200. столб. 1, стр. 202. столб. 1.

3 апрѣля 1667 года, ханскій гонецъ Маа-метъ-ага съ 20 Татарами его свиты, а также царскіе посланцы стольникъ Ефимъ Лодыженскій и подъячій Сидоръ Скворцовъ съ людьми ихъ, съ государевыми толмачами и переводчиками, съ человѣкомъ Шереметева и провожатыми, взятыми въ Полтавѣ, прапорщикомъ Иваномъ Пелкинымъ съ рейтарами и солдатами, переправились у Переволочны черезъ Днѣпръ. На другой день, на станѣ при рѣчкѣ Омельникѣ, верстахъ въ 15 отъ Днѣпра, путниковъ наѣхали лихіе люди, назвавшіеся Запорожскими казаками, зимовавшими въ Малороссійскихъ городахъ. Старшиною у нихъ былъ Гайчукъ, есауломъ —Хвесикъ. Всѣхъ было человѣкъ полтораста. Переночевали всѣ вмѣстѣ и на этомъ и на слѣдующемъ станахъ. На третій день, 6 апрѣля, казаки, все время слѣдовавшіе вмѣстѣ съ гонцами и царскими посланцами, вдругъ поскакали впередъ и стали въ урочищѣ Первой Пришиби, у рѣчки Бузувлука. Часу въ шестомъ дня прибылъ туда же Маа-метъ-ага съ Татарами[436] и сталъ станомъ под-

[436] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. VI. Спб. 1869. стр. 179. столб. 1.

лѣ казаковъ. Лодыженскій и сопровождавшія его лица, не имѣя хорошихъ лошадей, поотстали. Изъ-за чего вышла ссора между Татарами и казаками, неизвѣстно. Потомъ разсказывали, будто бы гонецъ Мааметъ-ага, похваляясь, говорилъ казакамъ: «Мене его царское пресвѣтлое величество къ хану Крымскому отпустилъ, сносячися о томъ, щобъ васъ, Запорожскихъ казаковъ, съ обѣихъ сторонъ на Запорожьѣ мѣшкаючихъ, выкоренити, и ваше мѣшканье, гдѣ кольвекъ на Запорожью есть, вневечь зруйновати; а уже васъ болши не будутъ щадити»[437]. Такъ или иначе, но только казаки бросились ночью на Татаръ и перерѣзали ихъ, начиная съ Мааметъ-аги. Изъ двадцати человѣкъ спаслось только семеро, которые убѣжали назадъ, подъ защиту Лодыженскаго. Все Татарское имущество, лошади, служилая рухлядь и грамоты были захвачены убійцами. Стольникъ Лодыженскій, увѣренный въ томъ, что онъ, какъ посланецъ самого великаго государя, вполнѣ обезпеченъ отъ какихъ-либо насилій, пріѣхалъ, 8 апрѣля, въ Сѣчу и объя-

[437] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. VI. Спб. 1869. стр. 187. столб. 2.

вилъ Запорожцамъ и ихъ кошевому Ждану-Рогу, чтобы они «тѣхъ воровъ, которые такое злое дѣло учинили, велѣли сыскать, а его, стольника, и подъячаго перевезли бы и проводили до перваго Крымскаго городка Шекермени». Лодыженскому отвѣтили, что «тѣ воры учинили такое злое дѣло безъ ихъ вѣдома, а въ Сѣчу къ нимъ не объявились и сыскать ихъ негдѣ; а пріѣхали-де къ нимъ, въ Сѣчу, отъ тѣхъ казаковъ человѣкъ съ тридцать, которые къ тому воровскому дѣлу не пристали». 12 апрѣля, кошевой собралъ раду, по рѣшенію которой, у Лодыженскаго отобрали данный ему наказъ, грамоты великаго государя, всѣ письма и «великаго государя казну, что́ послана съ нимъ въ легкихъ поминкахъ и что съ нимъ-же послано великаго государя жалованіе боярину Василью Борисовичу Шереметеву и посланнику Якову Якушкину». Царскому посланцу объявили, что ему не отдадутъ ничего изъ отобраннаго и самого не отпустятъ изъ Сѣчи, такъ какъ о пропускѣ его нѣтъ, ни указа великаго государя, ни листа отъ боярина и гетмана Войска Запорожскаго. Въ тотъ-же день, Лодыженскій послалъ наскоро рейтара Семена Некрасова

съ письмомъ къ гетману Брюховецкому, а въ Москву отправилъ подробное донесеніе обо всемъ приключившемся съ Татарами и съ нимъ самимъ[438].

Лодыженскому и всѣмъ бывшимъ при немъ пришлось цѣлый мѣсяцъ прожить въ Сѣчѣ, въ томительномъ ожиданіи рѣшенія своей участи. Брюховецкій, по письму Лодыженскаго, конечно, могъ бы тотчасъ-же принять мѣры къ принужденію Запорожцевъ отпустить царскаго посланца, для дальнѣйшаго слѣдованія въ Крымъ, но онъ этого не сдѣлалъ. Дѣло въ томъ, что Запорожскій кошевой и старшина, пересмотрѣвши и вычитавши всѣ отобранныя у Лодыженскаго государскія письменныя дѣла, съ особеннымъ вниманіемъ остановились на данномъ ему наказѣ для переговоровъ съ Крымскимъ ханомъ. Къ сожалѣнію, наказъ этотъ не сохранился, но, судя по нѣкоторымъ даннымъ, содержаніе его было таково, что кошевой и старшина признали необходимымъ препроводить документъ сей къ гетману Брюховецкому. Вотъ что разсказывалъ потомъ гене-

[438] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. VI. Спб. 1869. № 69. стр. 178 и 179.

ральный обозный судья Петръ Михайловичь Забѣла: «Гетманъ Брюховецкій показывалъ намъ наказъ, каковъ взятъ у Ефима Лодыженскаго, и говорилъ на смуту: Смотрите, что́ царское величество объ насъ мыслитъ, и какъ наказано съ ханомъ объ насъ договоръ чинить, и намъ впредь какого добра чаять? И отъ того-де времени онъ, Брюховецкій, учалъ всякія смутныя рѣчи въ міръ вмѣщать, и тѣмъ Малороссійскихъ жителей въ сѣть свою и ввелъ, и отъ милости царскаго величества отлучныхъ учинилъ»[439]. Но объ этомъ рѣчь будетъ впереди, а теперь возвратимся къ Лодыженскому.

Вслѣдствіе донесенія Лодыженскаго, изъ Москвы немедленно посланъ былъ вызванный было туда стольникъ Василій Петровичь Кикинъ, для производства дознанія объ убійствѣ Крымскаго гонца. Ему поручено было провѣдать между прочимъ о томъ, «не подсылкою ли отъ Дорошенка тѣхъ Крымскихъ гонцовъ побили до смерти»[440]? Кикинъ привезъ къ Брюховецкому царскую грамоту съ

[439] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. VIII. Спб. 1875. № 13.

[440] Тѣхъ-же Актовъ, томъ VI. Спб. 1869. стр. 180. столб. 1.

строгимъ приказаніемъ, «стольника Ефима Лодыженскаго и подъячаго Сидора Скворцова, отдавъ имъ великаго государя казну, письма и рухлядь, отпустить въ Крымъ, не задержавъ, и велѣть ихъ проводить до перваго Крымскаго города Шекермени, чтобы дойтить въ Крымъ въ цѣлости»[441].

Листъ Брюховецкаго о свободномъ пропускѣ стольника Лодыженскаго поднялъ цѣлую бурю въ Сѣчи. Своевольники никакъ не соглашались на это. Они положили убить царскаго посланца и всѣхъ бывшихъ съ нимъ Московскихъ людей. Кошевого Ждана Рога, за то, что «въ томъ нечестивомъ совѣтѣ на убивство стольника быть не захотѣлъ», скинули съ атаманства. На его мѣсто поставили казака Остапа Васютенку. 15 мая, въ 5-мъ часу дня, по рѣшенію рады, стольника Лодыженскаго отпустили изъ Коша. Старые Запорожцы, не подозрѣвая никакого лиха, проводили его «съ честью». На липахъ поплылъ Лодыженскій съ своими спутниками и съ государевою казною, сопровождаемый новымъ кошевымъ атаманомъ Васютен-

[441] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. VI. Спб. 1869. стр. 180. столб. 1.

кой съ 40 Запорожцами. Днѣпромъ нужно было проѣхать до сухого берега верстъ пять, а тамъ предстояло слѣдовать къ Крымскимъ городкамъ берегомъ, для чего къ Каменному перевозу заблаговременно посланъ былъ съ лошадьми прапорщикъ рейтарскаго строя Пелкинъ съ 30 рейтарами и 7 казаками. Лодыженскій отплылъ отъ Сѣчи всего двѣ версты, какъ вдругъ со стороны послышались грозные крики, требовавшіе, чтобы царскій стольникъ и всѣ плывшіе съ нимъ причалили къ ихъ берегу. То были крики заѣхавшей впередъ казацкой ватаги, человѣкъ съ 500, подъ предводительствомъ извѣстнаго головорѣза казака Страха, который еще до пріѣзда Лодыженскаго, сломавъ желѣзо, коимъ былъ прикованъ къ пушкѣ, бѣжалъ и скрылся неизвѣстно куда. Несчастнымъ путникамъ оставалось только исполнить требованіе. Разбойники сорвали съ Лодыженскаго и со всѣхъ Московскихъ людей платье и даже рубахи, совсѣмъ голыхъ поставили въ кругъ и, наведя на нихъ пищали, велѣли бѣжать съ крутого берега въ воду, въ Днѣпръ. «И какъ они — разсказываютъ очевидцы — изъ кругу побѣжали въ Днѣпръ, и казаки по нихъ учали

стрѣлять изъ пищалей. И стольника Ефима Лодыженскаго на водѣ застрѣлили, и онъ въ Днѣпрѣ потонулъ. А подъячій Сидоръ Скворцовъ, переводчикъ, поручикъ Алексѣй Снетинъ, Бѣлогородскій станичникъ, прапорщикъ Иванъ Переверзевъ, солдаты, люди боярскіе и Крымскіе посольскіе Татарове поплыли за Днѣпръ. И казаки, угоняя ихъ въ судахъ на Днѣпрѣ, побили до смерти: переводчика, поручика Снетина, пятерыхъ человѣкъ солдатъ, четырехъ посольскихъ Татаръ и двухъ людей Лодыженскаго. А у подъячаго Сидора Скворцова разбили голову весломъ, во многихъ мѣстехъ разсѣкли до кости, и покинули на берегу за-мертво».

Скворцовъ, очнувшись, совсѣмъ голый, пѣшкомъ пришелъ вмѣстѣ съ другими пятью спасшимися отъ смерти, назадъ въ Сѣчу. Старые Запорожцы со слезами говорили: «Когда бъ-де они вѣдали такое зло, что стольнику Ефиму учинитись могло, и они бы его изъ Сѣчи не отпустили, или бы, собрався войскомъ, человѣкъ двѣсти или больше, его проводили»[442].

[442] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. VI. Спб. 1869. № 62.

Несчастный исходъ посольствъ Мааметъ-аги къ царю Алексѣю Михайловичу и стольника Лодыженскаго къ хану Аадиль-Гирею снова отсрочивалъ на неопредѣленное время дѣло освобожденія изъ плѣна боярина Василья Борисовича Шереметева. Конечно, сомнительно, чтобы съ Лодыженскимъ отпущена была требуемая на окупъ Шереметева денежная сумма. Въ то время очень трудно было собрать ее; труднѣе, чѣмъ когда-либо. Андрусовское перемиріе стоило правительству большихъ денегъ. Очень дорого обошелся и подъемъ вселенскихъ патріарховъ въ Москву, ихъ пріемъ и содержаніе. Судя по тѣмъ отрывочнымъ свѣдѣніямъ, которыя имѣются о посольствѣ Ефима Лодыженскаго, бывшая съ нимъ «государева казна», доставшаяся по его убіеніи воровскимъ казакамъ, кажется, заключала въ себѣ только легкіе поминки хану и царевичамъ, а также жалованіе Василью Борисовичу Шереметеву и посланнику Якушкину. Да наконецъ, еслибы съ Лодыженскимъ и были посланы окупныя деньги, все равно, онѣ не дошли бы по своему назначенію. Но какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ, самое благопріятное

время для искупленія Шереметева прошло безвозвратно. Ханское правительство, при своемъ стѣсненномъ положеніи въ пору бѣгства изъ Крыма Ширинов, навѣрное согласилось бы отпустить боярина и за полцѣны, лишь бы только добыть хотя сколько-нибудь денегъ для угобженья Турецкихъ сановниковъ. Не даромъ-же Василій Борисовичь Шереметевъ писалъ думному дьяку Алмазу Иванову: «И левки вмѣсто ефимковъ имать будутъ»!

ГЛАВА XXIX.

Всѣ государевы служилые люди, очевидцы убіенія стольника Лодыженскаго, на допросахъ, почти единогласно показали, что при нихъ, въ бытность ихъ въ Запорогахъ, происходили постоянныя сношенія Чигирина съ Сѣчей. Посланцы Дорошенка, станицами пріѣзжавшіе въ Сѣчу, открыто уговаривали Запорожцевъ отложиться отъ великаго государя Московскаго. На радѣ, старые Запорожцы хотя и говорили, что имъ отложиться отъ великаго государя не мочно, но пришлые казаки, гультяи, взяли верхъ, и въ концѣ концовъ рада порѣшила «быть съ Дорошенкомъ заодно»[443]. А извѣстно, каковы были тогда помыслы Дорошенковы. Не-

[443] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. VI. Спб. 1869. стр. 185. столб. 1.

обходимо имѣть въ виду, что за нѣсколько мѣсяцевъ до заключенія Андрусовскаго перемирія, Петръ Дорошенко,—настойчиво добиваясь осуществленія своей дерзкой мечты отдѣлить Малороссію отъ Польши и отъ Московскаго государства, съ тѣмъ, чтобы, при помощи Турецкаго султана и Крымскаго хана, образовать изъ нея особое владѣніе, подъ своимъ единоличнымъ управленіемъ,—предложилъ казацкой старшинѣ правобережной Украйны изгнать всѣхъ Ляховъ въ Польшу и затѣмъ, соединившись съ Крымской ордой, итти на лѣвый, Московскій берегъ Днѣпра. Старшины подняли крикъ негодованія. Дорошенку обозвали Татарскимъ гетманомъ. Тотъ положилъ булаву, въ знакъ отказа отъ гетманства. Это тронуло старшину и полковниковъ. Они упросили своего отважнаго вождя взять булаву назадъ и, попрежнему, провозгласили его гетманомъ. Тогда Дорошенко немедленно далъ знать въ Царьградъ, что Украйна въ волѣ султана[444]. Высокая Порта только и ждала случая наказать Польшу «за то»,—объясняетъ Василій Борисовичъ Шере-

[444] Соловьевъ. Исторія Россіи. Т. XI. Спб. 1861. стр. 247.

метевъ, въ своей отпискѣ къ государю, — какъ бился Турской солтанъ съ цесаремъ христіанскимъ и съ Можярскимъ княземъ, и король Польской помогалъ цесарю и помощь ему большую учинилъ». По приказанію султана, ханъ Аадиль-Гирей послалъ, въ сентябрѣ 1666 года, къ Дорошенку, войско, подъ начальствомъ нурадина-царевича Девлетъ-Гирея и еще другихъ двухъ царевичей, Инетъ-Гирея и Алипъ-Гирея. Крымцы, набравъ въ Украйнѣ ясыря, «со всякаго мѣста Заднѣпрскаго» (праваго берега) по человѣку, оставили всю эту добычу въ Чигиринѣ[445], а сами, постоявъ около двухъ мѣсяцевъ подъ Уманью, для корма лошадей, двинулись вмѣстѣ съ казаками Дорошенка, въ предѣлы Польской короны. Подъ Межибожемъ они разбили на-голову Польскаго полковника Маховскаго. Послѣ того Татары и казаки распустили свои загоны подъ Львовъ, Люблинъ, Каменецъ-Подольскій и иныя многія мѣста. Все, что̀ попадалось на пути, предавалось полному разоренію. Татары сами говорили, что угнали съ собою въ плѣнъ до ста ты-

[445] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. VI. Спб. 1869. стр. 158. столб. 2.

сячъ человѣкъ «шляхты, ихъ женъ, дѣтей и подданныхъ, а также Жидовъ». Нѣжинскій протопопъ Симеонъ Адамовичь писалъ тогда въ Москву, къ находившемуся тамъ епископу Меѳодію: «Никогда еще людей такъ не имано, какъ нынѣ неищетно погнано въ неволю»[446]. Набѣгъ сей былъ особенно ужасенъ своими невѣроятными жестокостями. Въ этомъ отношеніи казаки далеко оставили за собою самихъ Татаръ. Плѣнные Поляки жаловались Василью Борисовичу Шереметеву, что «имъ разоренье и поругательство большое было отъ казаковъ: у женъ ихъ они вырѣзывали груди и малыхъ дѣтей побивали до смерти»[447]. Только послѣ такихъ неистовствъ, произведенныхъ казаками въ Польскихъ владѣніяхъ, спохватился наконецъ Дорошенко. Онъ увидѣлъ, что зашелъ слишкомъ далеко и что послѣ всего случившагося, ему уже невозможно было возвратиться къ Польскому королю. Чтобы обезпечить себя отъ неизбѣжной мести Польскаго

---

[446] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. VI. Спб. 1869. стр. 158. столб. 2.

[447] Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ: Крымскія дѣла 1666 года. Связка 56/а. № 2.

короля, Дорошенко принялся устраивать другое дѣло, съ котораго ему, конечно, слѣдовало бы начать, и начать гораздо раньше. Онъ задумалъ примирить Крымскаго хана съ Московскимъ царемъ и затѣмъ воевать короля Польскаго совокупными силами. Дорошенко послалъ въ Крымъ Браславскаго полковника Михаила Зеленскаго и писаря Данила Лѣсницкаго съ письмомъ къ хану Аадиль-Гирею, въ которомъ просилъ его не допускать Польскаго короля до мира съ великимъ государемъ Московскимъ. Отъ имени всѣхъ казаковъ Дорошенко упрашивалъ хана помириться съ великимъ государемъ: «Казаки-де того хотятъ, чтобы великій государь былъ въ дружбѣ и въ соединеньѣ съ царемъ Крымскимъ, а короля бы Польскаго воевать съ обѣ стороны и имъ казакамъ».

Зеленскій и Лѣсницкій расчитывали, предварительно переговорить по настоящему дѣлу съ бояриномъ Васильемъ Борисовичемъ Шереметевымъ. Однако, ихъ не допустили до боярина, а потому посланцы Дорошенка отправили къ нему съ Григорьемъ Булгаковымъ слѣдующее письмо:

«Вельможный мосцѣ пане Василій Бори-

совичь Шереметевъ, нашъ мосцѣ пане и пріятелю!

«Радибисмо, ведлугъ давной жичливости нашой и пріязни, з души вашу милость, нашего мосцѣваго пана, навѣдити и поклонъ нашъ найнижшій отдати, якожъ и просилисмося. Але намъ заборонено; зачимъ листовнимъ вашу милость, мосцѣваго пана, навѣдаемъ писаніемъ и поклонъ нашъ найнижшій отдаемъ. А сразъ жичимъ, абисмо, ведлугъ стародавности, на Руси моглисмо вашу милость, нашого мосцѣваго пана, витати, якожъ дастъ Богъ, невонптъ власцѣ найвыжшаго Творца, *кдижъ ми южъ з Ляхами знову въ непріязни застаемъ, теди ачей найвыжшій Панъ въ соединеніе христіанъ зведетъ и совокупитъ.* Тое вельможному нашому мосцѣвому пану ознаймивши, Господу Богу въ сохраненіе поручаемъ.

«Вельможности вашой застаемо цале
«жичливыми пріятельми
«Михайло Зеленскій, полковникъ Браславскій.
«Даніель Лесницкій, писарь»[448].

---

[448] Это точная копія съ подлиннаго письма, полученнаго Шереметевымъ (Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ: Крымскія дѣла 1666 года. Связка 56/а. № 2). Мы нарочно

Но Дорошенко опоздалъ. Посланцы его прибыли въ Крымъ лишь 19 февраля 1667 года, когда въ Андрусовѣ уже заключено было перемиріе между Польшей и Московскимъ государствомъ. Дорошенко, напрягавшій всѣ свои силы, чтобы разстроить мирные переговоры, никакъ не могъ и подозрѣвать, что именно онъ самъ, главнымъ образомъ, поспособствуетъ заключенію Андрусовскаго договора, столь желаннаго обѣимъ державамъ, въ одинаковой мѣрѣ истощеннымъ продолжительною войною. Вѣсть о набѣгѣ Татаръ и казаковъ на коронную землю и объ ихъ неистовствахъ, ужаснули Польскихъ коммиссаровъ. Они ясно увидѣли теперь всю невыгодность положенія Польши: внутри государ-

---

привели письмо безъ всякихъ измѣненій, чтобы показать, до какой степени ополячился тогдашній правящій классъ Малороссіи. Читать этотъ документъ довольно трудно, а потому прилагаемъ вольный переводъ его содержанія: «Отъ души были бы рады, по давнему доброжелательству нашему и пріязни, навѣдать Васъ и поклонъ нашъ наинижайшій отдать Вамъ, какъ о томъ мы и просили. Но намъ запретили это; почему письменно навѣдываемся къ Вамъ и отдаемъ Вамъ наинижайшій поклонъ нашъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, желаемъ, чтобы, по старому, могли привѣтствовать вашу милость на Руси; несомнѣнно то и будетъ, по милости всемогущаго Творца». То мѣсто письма, которое означено курсивомъ не поддается даже и вольной передачѣ. У Соловьева это мѣсто переведено такъ: «когда ужь съ Ляхами вновь въ непріязни пребываемъ, тогда Господь въ соединеніе христіанъ сведетъ» (Исторія Россіи. Т. XI. Спб. 1861. стр. 248).

ства смута, поднятая Любомирскимъ; Крымскій ханъ, изъ союзника Рѣчи-Посполитой, сталъ ея врагомъ; впереди неизбѣжная война съ Турціей. Коммиссары сдѣлались уступчивѣе. Они сдались на передачу намъ навсегда лѣвобережной Украйны, а наконецъ смягчили и свои требованія относительно Кіева. Польскіе коммиссары, по выраженію Ордина-Нащокина, «свыше человѣческой мысли» согласились уступить намъ Кіевъ на два года[449].

Андрусовскій договоръ разстроивалъ всѣ планы Дорошенка. Разъ Польша и Москва помирились другъ съ другомъ и обязались взаимною помощью, Дорошенку уже не было надобности хлопотать объ устройствѣ мира Крымскаго хана съ Московскимъ царемъ. Совсѣмъ напротивъ, теперь ему нужно было приложить все стараніе, чтобы отвести хана отъ этого мира, всячески поддерживать между нимъ и царемъ «ссоры и нелюбья», а самому еще болѣе сблизиться съ Турками и Татарами. Убіеніе царскаго посланца въ Запорогахъ несомнѣнно было устроено Дорошенкомъ и служило отвѣтомъ на ликованія Мо-

[449] Соловьевъ. Исторія Россіи. Т. XI. Спб. 1861. стр. 247.

сквы по случаю заключенія Андрусовскаго перемирія. Дѣло усложнялось еще тѣмъ, что Дорошенку удалось вскорѣ привлечь на свою сторону и облагодѣтельствованнаго царемъ Брюховецкаго. Мы уже знаемъ, что̀ заговорилъ гетманъ-бояринъ послѣ прочтенія царскаго наказа, отобраннаго у стольника Лодыженскаго.

Смута въ Малороссіи росла и положеніе Кіевскаго воеводы, боярина Петра Васильевича Шереметева, съ каждымъ днемъ становилось труднѣе. За нѣсколько мѣсяцевъ до катастрофы въ Запорожьѣ, въ его распоряженіи было всего 5023 человѣка конныхъ и пѣшихъ людей. Изъ этого числа, при первой же вѣсти о казацкомъ бунтѣ въ Переяславлѣ, онъ отправилъ туда, съ своимъ товарищемъ, стольникомъ княземъ Константиномъ Осиповичемъ Щербатовымъ, 2000 человѣкъ. Оставшіеся въ Кіевѣ ратные люди, вслѣдствіе голода и тяжелой караульной службы, почти безсмѣнной, бѣжали врознь. А между тѣмъ, пріѣзжавшій изъ Москвы въ Кіевъ, въ половинѣ сентября 1666 года, жилецъ Іона Леонтьевъ, вслѣдъ за спросомъ о здоровьѣ боярина Петра Васильевича Шереметева и

объявленіемъ ему царской похвалы за службу, первымъ дѣломъ потребовалъ отъ Шереметева, согласно наказа, чтобы онъ «послалъ изъ Кіева въ Переяславль ратныхъ людей 700 человѣкъ конныхъ и пѣшихъ, по своему разсмотрѣнью, тотчасъ, при немъ, Леонтьевѣ, не описываясь о томъ ничѣмъ»[450]. Правда, въ царской грамотѣ, привезенной Леонтьевымъ, сказано было, что Бѣлогородскому воеводѣ, окольничему князю Юрью Никитичу Борятинскому, велѣно собрать въ городахъ Бѣлогородскаго полка конныхъ и пѣшихъ людей и тотчасъ выслать ихъ въ Кіевъ и что туда же будто бы посланы уже ратные люди изъ Путивля и Сѣвска. Но Шереметевъ хорошо зналъ, какъ производился тогда сборъ ратныхъ людей по городамъ, а потому прямо объявилъ Леонтьеву, что онъ можетъ выслать въ Переяславль требуемыхъ 700 человѣкъ только въ томъ случаѣ, когда возвратится оттуда въ Кіевъ стольникъ князь Щербатовъ съ 2000 ратныхъ людей. При этомъ Шереметевъ счелъ нужнымъ объяснить царскому посланцу, что «въ Кіевѣ государевыхъ

[450] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. VI. Спб. 1869. стр. 142. столб. 1.

ратныхъ людей малолюдство великое; за посылкою стольника и воеводы князя Константина Щербатова, въ остаткѣ ратныхъ конныхъ и пѣшихъ людей 3023 человѣка, и изъ тѣхъ многіе лежатъ цынгою; а сбитню и уксусу въ Кіевѣ нѣтъ. А которые и здоровы, и тѣ девятую недѣлю стоятъ по городу на караулехъ безперемѣнно, и отъ нужи бѣгутъ врознь; а Золотые ворота отъ нужи засыпаны»[451].

Леонтьевъ пріѣзжалъ въ Малороссію главнымъ образомъ для того, чтобы повывѣдать о причинахъ «шатости» между казаками. Въ Гадячѣ, въ разговорѣ съ гетманомъ Брюховецкимъ, жилецъ Леонтьевъ, между прочимъ, говорилъ: «Какъ бы впредь было пристойнѣе и лучше отъ казацкія шатости, и чтобы для всякаго умыслу и заводу казакомъ въ Переяславлѣ не жить, а жить бы имъ за городомъ, въ слободахъ; а въ городъ ихъ не пускать, для нынѣшнія жъ причины; а жить бы въ Большомъ городѣ мѣщаномъ, а въ Меньшомъ городѣ жить государевымъ людемъ».

---

[451] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. VI. Спб. 1869. стр. 143. столб. 1; стр. 147. столб. 2.

Брюховецкій поспѣшилъ согласиться съ царскимъ посланцемъ: «Конечно, такъ будетъ впредь лучше и крѣпче,—говорилъ онъ, —что казакамъ въ Большомъ городѣ не жить, а жить за городомъ; а лучшее-де то дѣло, что жить впредь въ Большомъ городѣ мѣщаномъ, а государевымъ людемъ жить въ Меньшомъ городѣ, конечно, лучше и надежнѣе впредь. Только нынѣ вскорѣ того учинить нельзя, потому что еще не вовся укротился бунтъ, чтобъ еще иные городы на то смотря, не взбудоражились».

По поводу этой оговорки, Леонтьевъ просилъ Брюховецкаго, чтобы онъ написалъ отъ себя въ Запороги, къ кошевому, и укрѣплялъ бы Запорожскихъ казаковъ всякими мѣрами, чтобы они къ дурну никакому не приставали. Но Брюховецкій принялся увѣрять, что «Запорожскіе казаки великому государю служатъ вѣрно и шатости отъ нихъ никакой не чаетъ». Леонтьевъ возразилъ: «Вѣдомо великому государю учинилось, будто Запорожскіе казаки вельми крамолятся для нѣкоторыхъ Малороссійскихъ податей, вновь наложенныхъ».

— «Запорожскимъ казакомъ,—отвѣчалъ

Брюховецкій,—за Малороссійскія подати крамолиться не за что; а се-де еще съ Малороссійскихъ городовъ на великаго государя податей никакихъ по се время не сбирано и вновь никакихъ податей не наложено».

Жилецъ Леонтьевъ «всячески выспрашивалъ» у Брюховецкаго «о шатости въ людѣхъ» и «чѣмъ тое шатость успокоить», но никакого толку не добился. Изъ словъ Брюховецкаго можно было заключить, что въ Малороссіи все обстояло благополучно. Очень можетъ быть, что гетманъ-бояринъ, сиднемъ-сидя въ Гадячѣ, дѣйствительно совершенно искренно заблуждался на этотъ счетъ. Объ немъ уже и казаки поговаривали въ войскѣ: «Что̀ это за гетманъ! Запершись сидитъ въ городѣ, что̀ въ лукошкѣ»[452]!

Леонтьевъ поспѣшилъ въ Кіевъ, къ боярину Петру Васильевичу Шереметеву. Отъ него онъ получилъ нѣсколько весьма существенныхъ указаній по дѣламъ Малороссійскимъ. Прежде всего Шереметевъ выяснилъ царскому посланцу, что «нынѣ во всѣхъ Малороссійскихъ городѣхъ казаки на мѣщанъ

[452] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. VI. Спб. 1869. стр. 144—146.

имѣютъ злости за то, что они, мѣщане, по окладамъ всякія подати въ казну великаго государя хотятъ давать съ радостію, и что казацкихъ старшинъ и казаковъ ни въ чемъ нынѣ не слушаютъ и податей противъ прежняго давать имъ, казакамъ, не хотятъ. И говорятъ мѣщане въ городѣхъ старшинамъ и казакамъ, что нынѣ-де ихъ Богъ освободилъ, впредь-де они, казаки, грабить и домовъ ихъ мѣщанскихъ разорять не будутъ». Далѣе, Шереметевъ говорилъ, что «въ Малороссійскихъ городѣхъ переписчики, описавъ съ переписныхъ и окладныхъ книгъ, списковъ къ нему, въ Кіевъ, не присылывали и въ городѣхъ воеводамъ не оставили, и въ казну великаго государя въ городѣхъ съ мѣщанъ и съ уѣздныхъ людей денежныхъ доходовъ и хлѣба не по чему собирать. А хлѣбные запасы Малороссійскихъ городовъ съ уѣздныхъ людей на великаго государя довелось было сбирать въ нынѣшнее осеннее время. А въ зимнее время съ нихъ хлѣбныхъ запасовъ никоторыми мѣрами собрать будетъ нельзя, потому что тѣхъ городовъ и уѣздовъ жители многіе пришлые люди, изъ иныхъ городовъ, и, омолотя хлѣбъ, на зиму сыплютъ въ ямы;

а иные для скудости распродадутъ и разойдутся въ зиму по разнымъ городамъ и уѣздамъ, и взять будетъ хлѣба не съ кого».

Петръ Васильевичь Шереметевъ воспользовался и бесѣдой съ царскимъ посланцемъ Леонтьевымъ, чтобы высказать свой извѣстный уже взглядъ на церковное дѣло въ Малороссіи, неустройство коего почиталъ онъ главною причиною смуты общественной. Онъ вновь предостерегалъ отъ назначенія на Кіевскую митрополію кого-либо изъ Московскихъ іерарховъ «Вѣренъ государю, конечно, епископъ Лазарь Барановичь, — говорилъ Шереметевъ Леонтьеву;—какъ изволитъ великій государь, а мнѣ кажется, лучше, чтобы Лазарю Барановичу быть въ Кіевѣ на епископствѣ, а Московскому митрополиту никоими мѣрами быть въ Кіевѣ нельзя. Печерскій архимандритъ говоритъ такъ: будетъ услышимъ, что ѣдетъ въ Кіевъ съ Москвы митрополитъ, и я-де, собравъ старцевъ, запрусь въ монастырѣ, и вы-де насъ доставайте»[453].

Вслѣдъ за жильцомъ Леонтьевымъ, изъ

[453] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. VI. Спб. 1869. стр. 148. столб. 2; стр. 149. столб. 1.

Москвы прибылъ въ Малороссію, въ концѣ февраля 1667 года, стольникъ Иванъ Телепневъ съ торжественнымъ извѣщеніемъ о заключеніи Андрусовскаго мирнаго договора. Онъ вручилъ списки съ договорныхъ статей, и гетману Брюховецкому, и Кіевскому воеводѣ боярину Петру Васильевичу Шереметеву.

Стольникъ Телепневъ пріѣхалъ въ Кіевъ 8 марта. Шереметевъ, принявъ отъ него договорныя статьи, на другой же день собралъ всѣхъ властей Кіевскихъ монастырей и въ Софійскомъ соборѣ молебствовалъ за государское многолѣтнее здоровье. За тѣмъ, онъ разослалъ объявленія о «всемірной радости» ко всѣмъ царскимъ воеводамъ Малороссійскихъ городовъ[454].

Мы уже знаемъ, какое впечатлѣніе произвелъ въ Малороссіи Андрусовскій мирный договоръ. Чтобы отдѣлаться отъ ненавистнаго договора, разрушавшаго политическую связь обѣихъ половинъ Украйны, Дорошенко, при первыхъ же частныхъ слухахъ о подписаніи договорныхъ статей, обратился къ

[454] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. VI. Спб. 1869. стр. 175. столб. 1 и стр. 176.

покровительству Турецкаго султана, который, помимо другихъ счетовъ съ Польшей, считалъ себя лично оскорбленнымъ Польскимъ королемъ, заключившимъ, безъ сношенія съ нимъ, миръ съ Москвою. Еще стольникъ Телепневъ не уѣхалъ изъ Малороссіи, когда Кіево-Печерскій архимандритъ Иннокентій Гизель сообщилъ Петру Васильевичу Шереметеву, что прибывшіе изо Львова монастырскіе подданные сказывали ему, что «отъ Турскаго царя къ королю Польскому пошли послы, а везутъ-де они мечъ наголо̀»[455].

---

[455] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. VI. Спб. 1869. стр. 175. столб. 2.

ГЛАВА XXX.

Дорошенку не трудно было поддерживать «ссоры и нелюбья» между Московскимъ царемъ и Крымскимъ ханомъ. Для этого въ самомъ Крымскомъ юртѣ нашлись для него надежные союзники. Въ то время возвратились въ Крымъ заклятые враги Московскаго государства, Ширинскіе мурзы. Султанскимъ повелѣніемъ строжайше предписано было хану не трогать Ширинovъ и возвратить имъ все отнятое у нихъ имущество. Нѣкоторые изъ Ширинovъ, въ короткое время, успѣли вновь войти въ довѣріе слабохарактернаго хана Аадиль-Гирея. Ближній человѣкъ Исламъ-ага, мало-по-малу утрачивалъ свое вліяніе на дѣла и наконецъ, даже вынужденъ былъ бѣжать въ Турцію. Все это, разумѣется, весьма неблагопріятно отражалось на отно-

шеніяхъ ханскаго правительства къ Москвѣ и къ нашему несчастному плѣннику боярину Василью Борисовичу Шереметеву. Послѣдняго опять заперли въ смрадной Жидовской избѣ и ревниво стерегли, чтобы никто не приходилъ къ нему. Въ такомъ положеніи засталъ Шереметева пріѣхавшій, 9 февраля 1667 года, въ Крымъ изъ Царьграда посланникъ царскаго величества къ Турецкому султану, стольникъ Василій Михайловичь Тяпкинъ. Какъ видно, Тяпкинъ былъ посланъ въ Турцію еще до заключенія Андрусовскаго перемирія. Посольство это до сихъ поръ остается неизвѣстнымъ нашимъ историкамъ. Объ немъ впервые узнаемъ изъ отписки Василья Борисовича Шереметева къ государю, написанной имъ вслѣдъ за свиданіемъ съ находившимся при Тяпкинѣ переводчикомъ. «Со мною,—писалъ Шереметевъ,—видѣться Василью не дали, а пущали ко мнѣ и со мною видѣлся переводчикъ, что̀ съ Васильемъ». Со словъ переводчика, Шереметевъ доносилъ государю: «Турскій солтанъ отпустилъ къ тебѣ, великому государю, Василья съ великою честью; а отпустилъ Василья на Волохи, и Волоскому владѣтелю велѣно было Василья

отпустить, не задержавъ, съ проважатыми до Кіева. И на Кіевъ было ѣхать нельзя, для Поляковъ и казаковъ, и о томъ писалъ къ Турскому солтану Волоской владѣтель. И Турской солтанъ писалъ ко владѣтелю, а велѣлъ ему Василья отпустить на Крымъ, а къ Крымскому царю писалъ Турской солтанъ: велѣлъ Василья отпустить, не задержавъ, куды будетъ лучше и безстрашнѣе ѣхать. А грамоту Турской солтанъ прислалъ къ Василью, и Василей привезъ грамоту къ Крымскому царю»[456].

Не взирая, однако, на султанское повелѣніе, стольникъ Тяпкинъ не только былъ задержанъ въ Крыму, безъ всякихъ уважительныхъ на то причинъ, но даже подвергался всевозможнымъ притѣсненіямъ и оскорбленіямъ. Ханскіе чиновники, нагло вымогая у Тяпкина взятки, не пускали его къ Василью Борисовичу Шереметеву, держали въ нетопленной избѣ, отняли кормъ и тому подобное. Въ такомъ несносномъ положеніи, Тяпкину, къ его великому утѣшенію, удалось наконецъ завести письменныя сношенія съ Шереметe-

[456] Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ: Крымскія дѣла 1666 года. Связка 56/а. № 2.

вымъ, къ которому онъ безпрестанно обращался съ просьбами помочь ему совѣтомъ или предстательствомъ предъ ханскимъ правительствомъ. Правда, отъ этой переписки, въ связкахъ старыхъ Крымскихъ дѣлъ сохранилось всего шесть собственноручныхъ отвѣтныхъ писемъ Василья Борисовича Шереметева[457], но по этимъ письмамъ можно до извѣстной степени догадаться и о содержаніи памятокъ[458] Тяпкина, доселѣ еще неотысканныхъ.

Повидимому, переписку началъ Тяпкинъ, сообщеніемъ печальной для Василья Борисовича Шереметева вѣсти о кончинѣ его единственнаго сына, стольника Ивана Васильевича Шереметева, проживавшаго безвыѣздно въ Москвѣ, при особѣ великаго государя. Василій Борисовичъ, съ тѣмъ же посланнымъ, съ которымъ доставлено было это извѣстіе, написалъ Тяпкину: «Пожалуй, отпиши ко мнѣ про смерть сына моего, какою болѣзнью умеръ и сколько лежалъ». Безъ сомнѣнія, стольникъ Тяпкинъ поспѣшилъ сообщить

---

[457] Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ: Крымскія дѣла 1666 года. Связка 56/а. № 2.

[458] Такъ называлъ Шереметевъ записки и письма Тяпкина.

удрученному горемъ отцу всѣ подробности о болѣзни и кончинѣ его сына; но, къ сожалѣнію, и это сообщеніе подверглось той же участи безслѣднаго исчезновенія, какъ и всѣ памятки Тяпкина.

Въ томъ же письмѣ Василій Борисовичь Шереметевъ писалъ Тяпкину: «А что тебѣ видѣться со мною, про то отказали. Посылалъ я и къ хану бить челомъ. Провѣдывай, не задержатъ ли тебя? Побереги, что̀ у тебя есть, не раздавай, либо задержатъ, и тебѣ бъ было чѣмъ сыту быть. А вѣрить здѣшнимъ людямъ нельзя. Говорятъ хорошо, а дѣлаютъ не такъ; не узнать у нихъ дѣла ихъ. Что поговорятъ, то все лгутъ и взять хотятъ, а дѣла отъ нихъ нѣтъ. Отпиши ко мнѣ, что тебѣ Арсланъ-ага скажетъ, быть ли тебѣ у меня? А про меня не было ль въ словахъ, какъ ты у Турскаго былъ? Не хочетъ ли меня взять? Сказывали, будто присылалъ двожды для меня».

Упомянутый въ письмѣ Арсланъ-ага, былъ одинъ изъ ближнихъ людей хана Аадиль-Гирея, временно замѣстившій Исламъ-агу. О послѣднемъ въ томъ же письмѣ Шереметевъ спрашиваетъ Тяпкина: «А ближній

Крымскаго царя, Исламъ-ага, былъ онъ у Турскаго? Гдѣ онъ? Пожалуй, отпиши про все, и какъ тебѣ отпускъ будетъ, отпиши».

Въ ожиданіи отпуска Тяпкина, Василій Борисовичь Шереметевъ написалъ собственною рукою челобитную къ государю, изъ которой видно, съ какою сердечною участливостію входилъ онъ во всѣ мельчайшія подробности житья-бытья своей семьи, оставшейся въ Москвѣ. Трогательна заботливость, съ какою относился онъ къ ея нуждамъ. Вотъ эта челобитная: «Бьетъ челомъ холопъ твой, убогой вязень и осиротѣлой и разореной до конца Васька Шереметевъ. Первая моя женишка была Иванова дочь Гавренева[459] и съ женишкою съ первою былъ у меня сынишка Ивашка, и волею Божіею онъ умеръ. А первой женишки моей была за мною приданая вотчинная деревнишка въ Московскомъ уѣздѣ, сельцо Селивачево, семнадцать мужиченковъ. И безъ меня тою деревнишкою сынишка мой и женишка и дочеришка нужю свою дровами исполняли, а къ тому и прикупали. И нынѣ я чаю, что по смерти сынишка

[459] Дочь уже умершаго тогда извѣстнаго начальника Разряднаго приказа думнаго дьяка Ивана Аѳанасьевича Гавренева.

моего, будетъ бить челомъ тебѣ, государю, о приданой моей вотчинной деревнишкѣ Селивачевѣ, Иванъ Ивановъ сынъ Гавреневъ. Милосердый государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичь! Пожалуй меня, убогаго и разоренаго холопа своего, и бѣдныхъ моихъ женишку и дочеришку! Не вели, государь, отдать Ивану Гавреневу безъ меня приданой деревнишки Селивачева, покамѣстъ буду я въ вязеньѣ, чтобы твоею государскою милостью безъ меня бѣдныя женишка моя и дочеришка безъ дровъ въ нужѣ не были. А окромя той деревнишки, дровъ усѣчь негдѣ. Подмосковнаго помѣстейца за мною нѣтъ; а и есть, государь, у меня приданая деревнишка другой моей женишки, подъ Москвою, отъ Москвы семь верстъ[460], и въ той деревнишкѣ дровяного лѣсу нѣтъ. А какъ милостію Божіею и твоею государскою, и твоимъ государскимъ милосердымъ жалованіемъ, изъ неволи увольнюсь и изъ нечестивыхъ непріятельскихъ рукъ, изъ вязенья, освобожусь и увижу твои государскія очи и пресвѣтлое твое государское лицо, и я съ Иваномъ Га-

[460] Сельцо Ховрино, Московскаго уѣзда.

вреневымъ въ приданой деревнишкѣ сдѣлаюсь. А Иванъ Гавреневъ, по твоей государской милости, пожалованъ многими вотчинами подъ Москвою. А за мною была деревнишка Селивачева лѣтъ съ тридцать. А про смерть сынишка моего вѣдомо мнѣ учинилось отъ Василья Тяпкина. Царь, государь! Смилуйся, пожалуй».

Между тѣмъ, стольникъ Тяпкинъ продолжалъ посылать къ Василью Борисовичу свои памятки, въ которыхъ изливалъ свое личное горе, по поводу претерпѣваемыхъ отъ разныхъ агъ и мурзъ притѣсненій и обидъ. Одна изъ такихъ памятокъ вызвала слѣдующее любопытное письмо Шереметева: «Что тебѣ тѣснота и безчестье большое, и того уже отбыть нельзя, коли ужъ такъ учинилось. А что мыслишь и боишься, чтобы грамоты Турскаго солтана у тебя не отняли, и отъ того избавь Богъ тебя. И имъ то̀ какъ учинить? Развѣ будетъ повелѣнье есть отъ Турскаго? А и въ Волохахъ ты жилъ многое время, инобъ и тамъ у тебя грамоту взяли, только бъ Турскаго повелѣніе было. Покажи милость, отпиши ко мнѣ, какимъ обычаемъ ты поѣхалъ на Волохи. Чаю то тебѣ вѣдомо, изъ

Волохъ двѣ дороги: на Польшу да на Черкасскіе городы. Поляки—непріятели, а казаки—измѣнники государю нашему. И тебѣ бъ тѣми обѣими дорогами не проѣхать. А третья дорога—сюда, къ нечестивымъ, не чиста жъ. Непріятсво ихъ давнее и про то мошно жъ было вѣдать, что и ссылки не было съ государемъ нашимъ съ три годы. И тебѣ то учинили не толмачи ль: то тебѣ сказали, что и напредъ сего на Крымъ отъ Турскаго ѣзживали посланники? И то бывало давно. А что тебѣ грозятъ и конскій кормъ отняли, изъ тебя взять хотятъ, и въ убыткѣ Богъ воленъ. Можетъ Богъ и заплату учинитъ, только бъ государеву дѣлу безчестья какого не учинилось. Сюда, кто ни пріѣзживалъ отъ государя, для его государскихъ дѣлъ, ино никто неограбленъ, отпущенъ не былъ. Всѣ откупались отъ нечестивыхъ, а дѣла государева никто не сдѣлалъ для чего присланы бывали, и про то государю извѣстно ль, про то я не вѣдаю. А какъ тебя Богъ помилуетъ и увольнитъ отъ нечестивыхъ, про то Богъ вѣсть. Вѣренъ ты свидѣтель будешь на мою великую бѣду и тѣсноту. Про меня говорятъ на Москвѣ, непріятели мои, моя братья, въ кото-

рыхъ христіанской любви нѣтъ, что будто я живу въ непріятельскихъ рукахъ въ покоѣ и великомъ прохладѣ, и съ царевичи и съ мурзами съѣзжаюсь, ѣзжю въ коретѣ и прохлажаюсь. Ты и не вязень, а ты видишь себѣ честь и покой великой! И ты, пріѣхавъ, скажешь, что́ тебѣ было. Ѣздилъ я и съ царемъ, а и не съ царевичи, только не въ коретѣ,— въ телѣгѣ на двухъ колесахъ, скованъ былъ въ кайдалахъ, везли меня съ пятьсотъ верстъ отъ Крыму, многія рѣки вплавь въ телѣгѣ арканами волочили. Много того, что было: и утопили было да и голову хотѣли отсѣчь царевичи Селимъ-Гирей да братъ его Селеметъ-Гирей, какъ меня взяли Ширины у царя Мухаммедъ-Гирея, чтобъ я никому не достался и живъ не былъ. Да еще Господь Богъ потерпѣлъ окоянству моему, отъ смерти избавилъ меня. А лучшій мой покой въ Жидовскомъ городкѣ. Запертъ я въ Жидовскую избу, сижу седьмой годъ, на дворѣ не бывалъ пяди отъ избы, окна были задѣланы каменьемъ; гдѣ живу да тутъ и нужу всякую исполняю; въ кайдалахъ великихъ мучился три годы. Людей своихъ, да не только своихъ, ни босурмановъ не видалъ. Не только на дво-

рѣ, на улицѣ никому мимо двора пройтить не смѣть было. Курченинъ бѣдный, Ѳедосеемъ звали Малютинъ, да драгунъ, не вѣдаючи, пришли было ко мнѣ, въ Жидовскій городокъ, и ихъ поимали, уши у обоихъ отрѣзали; Ѳедосей и умеръ. А битыхъ ослопьемъ, едва живы, тѣхъ много, кто мимо двора пройдетъ, гдѣ я сижу. И только бъ не одинъ человѣкъ такой же, какъ нынѣ къ тебѣ, въ твоей бѣдѣ и въ тѣснотѣ, приноситъ письма, и я бъ про государскую милость не вѣдалъ и грамотъ его государскихъ и жалованія государскаго не видалъ и съ голоду бъ умеръ. И мой покой и прохладъ въ нечестивыхъ, непріятельскихъ рукахъ таковъ, какъ я къ тебѣ пишу. А на письмо мое свидѣтели всѣ государевы люди, которымъ вѣдомо подлинно, (что) не ложно пишу къ тебѣ. Судитъ Богъ тѣхъ со мною, кто, вмѣсто любви христіанской, да зло дѣлаетъ; всякую неправду мститъ Богъ. А нынѣшняя моя бѣда — сына моего смерть, ужъ и моя кончина. Утѣшатся ль тѣмъ непріятели мои, какъ скончаюсь? А за что непріятство ко мнѣ братьи моей, про то не вѣдаю я, убогой человѣченька, развѣ будетъ съ ненависти, что видѣли государскую

милость ко мнѣ превелику. А и нынѣ, благодаря Бога, милость государскую вижу къ себѣ и здѣсь. По милости его государской, не забытъ я: грамоты милостивыя съ премногою милостію и жалованія его государское премногое жъ, присылано ежегодь. Милостію государскою и его государскимъ жалованіемъ, голова моя убогая цѣла отъ непріятельскихъ рукъ и душа грѣшная питалась государскимъ жалованіемъ. И милости государской и его государскаго жалованія не можетъ никто отнять моя братья у меня. А про прежняго хана не вѣдаю, сбирается ль въ войну. А чаю не съ кѣмъ: больше десяти человѣкъ съ нимъ нѣтъ, всѣ разбѣжались; а Кумыки его не послушаютъ—Кизильбашскаго они люди; и того ему полно, что и пробудетъ тамъ. А про Арсланъ-агу сказываютъ, все лгутъ, давно сказываютъ, что будетъ въ десять денъ; а и то уже сказывали, что и въ Перекопъ пришелъ, и то солгали. Здѣшнихъ людей словамъ вѣрить нельзя, великіе лживцы. А къ Арсланъ-агѣ посылать говорить мнѣ о переводчикѣ, чтобы ему велѣть быть у себя, нельзя: спроситъ, для чего? И ему сказать нечего, для чего переводчику быть. А сказать,

что ты о томъ писалъ, и тѣмъ учинить мнѣ себѣ великую (бѣду) и тебѣ пущее сдѣлать. Что ты запертъ, и то для меня, чтобы отъ меня никто съ тобою не видѣлся, ни съ людьми твоими, для письма, чтобы письмомъ не сослались. И я о тебѣ говорить буду, какъ знаю. А челобитную послать къ хану, чаю, не пристоитъ. А къ ближнему человѣку письмо послать — добро, объ отпускѣ своемъ. И то̀ написать: какъ ты отъ великаго государя нашего посланъ, какъ ты у Турскаго былъ и тебѣ была честь да и отпущенъ съ честью же; а сюды ты ѣхалъ по велѣнью Турскаго солтана и объ отпускѣ твоемъ грамота прислана къ хану, велѣно-де тебя отпустить съ добромъ. А нынѣ-де ты задержанъ съ безчестьемъ, невѣдомо для чего, и людей твоихъ для покупки съ двора не пущаютъ и ты живешь съ великою нужею, и чтобы тебя отпустили по указу Турскаго солтана».

Согласно съ этими наставленіями Василья Борисовича, стольникъ Тяпкинъ не замедлилъ послать письмо къ ближнему человѣку; но, къ удивленію, получилъ отвѣтъ, наполненный угрозами и увѣреніями, что Турецкій султанъ будто бы вовсе и не писалъ

къ хану объ его отпускѣ. Шереметевъ, узнавъ объ этомъ изъ памятки Тяпкина, писалъ къ послѣднему: «Что тебя стращаютъ и говорятъ, что Турскій объ отпускѣ твоемъ въ грамотѣ своей не писалъ къ хану, и я у подлиннаго человѣка слышалъ, что Турскій писалъ о тебѣ къ хану: велѣлъ тебя отпустить хорошо. И тебѣ граживаютъ, для взятку. А ханъ-де тебѣ велѣлъ давать кормъ полный, да и держать тебя не будутъ». Письмо это Шереметевъ оканчиваетъ такъ: «Не покручинься, что писано худо. Богъ видитъ, мало вижу однимъ глазомъ, отъ тѣсноты и отъ слезъ».

ГЛАВА XXXI.

14 февраля, стольникъ Тяпкинъ увѣдомилъ Василья Борисовича Шереметева, что одинъ изъ близкихъ людей хана обѣщалъ ему въ скоромъ времени испросить отпускъ и разрѣшеніе повидаться съ нимъ, бояриномъ, а также устроить такъ, чтобы покамѣстъ онъ, Тяпкинъ, пробудетъ въ Крыму, давали кормъ, ему самому и его лошадямъ: «И тотъ, — писалъ далѣе Тяпкинъ, — кто обѣщалъ мнѣ добро дѣлать, уже тому два дни какъ вѣсти отъ него нѣтъ, и я неволю тяжкую терплю, со стужи умираю, дровъ не даютъ и на мои же деньги сеймены не купятъ».

На это письмо, Василій Борисовичъ, 23 февраля, отвѣтилъ Тяпкину: «Я посылалъ къ тому жъ, кто тебѣ обѣщался, и онъ не

покажетца и не говоритъ съ моимъ присланнымъ. И я къ хану посылалъ бить челомъ, чтобы видѣться съ тобою, и онъ отказалъ. А про то я слышалъ отъ пристава своего, что ханъ говорилъ, чтобы тебѣ со мною видѣться, да мѣшаетъ кто у него нынѣ ближній человѣкъ: хочетъ взять. А и дать — не сдѣлать же. Много ближнихъ людей дружъ за дружкою смотрятъ и мѣшаютъ. А тому они поважены отъ государевыхъ людей, которые бываютъ присыланы для дѣлъ. Дѣла никакого не сдѣлаютъ, только пріѣхавъ, дарятъ ложныхъ людей. И я чаю, тебя тѣснятъ. И объ отпускѣ, говоритъ (приставъ), писалъ о тебѣ Турской: велѣлъ отпустить, не задержавъ. Ты и не хочешь ихъ корму, чтобы (только) отпустили. А тѣснить тебя не для чего и стужею морить. И какъ будетъ про то извѣстно великому государю нашему, что тебя задержали и тѣсноту большую чинятъ, и великій государь нашъ будетъ о томъ писать къ Турскому солтану. А чтобы мнѣ тебѣ пособить, и я за трехъ самъ въ конецъ уморенъ: седьмой годъ запертъ въ избѣ въ Жидовской, всякую нужу терплю. А что къ тебѣ я писалъ про Арсланъ-агу, и онъ былъ у меня трожди.

На словахъ кажется добръ, а дѣла добраго и помочи себѣ я не видалъ. Богъ вѣсть дѣла ихъ. Никому у нихъ не узнать дѣла и словъ ихъ: что̀ ни говорятъ, то все премѣнно и лживо. Сего числа приставъ мой говорилъ: приказывалъ ко мнѣ ханъ, чтобы я не кручинился, а тебя я увижу отъ сего числа въ третій день. Будетъ ли такъ, про то Богъ вѣсть. Пишу къ тебѣ и даю вѣдать: живи бережно и что̀ у тебя надобное, держи поближе и въ береженьѣ великомъ. Будь всего опасенъ. Письма надобныя, что у тебя есть и что я прислалъ, ухорони, для осмотру; да и во всемъ поопасись. А отъ тебя принесено пять памятцей. А къ Арслану и ты пошли, чтобы у тебя былъ, и ему о томъ говори, чтобы хану доложилъ обо всемъ, о чемъ пишешь ко мнѣ; и я говорить буду жъ. А что́ Арсланъ скажетъ, о томъ отпиши».

Согласно извѣщенію пристава, три дня спустя, именно 26 февраля, дѣйствительно состоялось наконецъ свиданіе стольника Тяпкина съ Васильемъ Борисовичемъ Шереметевымъ. Въ этотъ день утромъ, Тяпкинъ пріѣхалъ въ Жидовскій городокъ, вмѣстѣ съ ближнимъ дворовымъ человѣкомъ хана Ар-

сланъ-агой и Татарскимъ толмачемъ. Объ этомъ свиданіи Шереметевъ писалъ государю: «А какъ былъ у меня Василій Тяпкинъ, и мнѣ было съ Васильемъ говорить ни о какомъ дѣлѣ нельзе. Съ Арсланъ-агою былъ толмачъ ихъ Татарскій, и онъ отъ меня и отъ Василья пяди не отшелъ прочь: слушалъ все, что мы говорили. Василій Тяпкинъ сказывалъ мнѣ: какъ онъ былъ у Турскаго солтана, и съ нимъ говорили, чтобы ты, великій государь, изволилъ дать казну Крымскому царю на всѣ годы, на которые годы казна не дана. И о той казнѣ говаривали въ Крыму ближніе люди при Мухаммедъ-Гиреѣ царѣ; а нынѣ, при Аадиль-Гиреѣ царѣ, ближній человѣкъ о казнѣ на прошлые годы не говаривалъ и о томъ ни отъ кого не слыхалъ я».

Арсланъ-ага завелъ съ Васильемъ Борисовичемъ Шереметевымъ старый разговоръ о мирѣ: «Царь-де Аадиль-Гирей хочетъ мириться съ великимъ государемъ, и ты бы, бояринъ, сказалъ Василью Тяпкину, что когда онъ будетъ у великаго государя, и про то бъ извѣстилъ его, что царь Аадиль-Гирей миру желаетъ и съ великимъ государемъ въ

соединеньѣ быть хочетъ». Шереметевъ, имѣвшій основаніе не придавать никакого значенія подобнымъ разговорамъ, молчалъ. Арсланъ-ага перешелъ къ болѣе существенному для себя предмету. Онъ просилъ, и Шереметева, и Тяпкина, чтобы великій государь пожаловалъ его, агу, велѣлъ ему дать свое государево жалованіе—шубу. «А я-де,—говорилъ Арсланъ,—за его великаго государя жалованіе, служить ему буду. Да и нынѣ, служа великому государю, учинилъ я Василью Тяпкину отъ утѣсненія его большого помочь: людей его, Васильевыхъ, отпускать съ двора для покупки велѣно и отпустятъ Василья къ великому государю, не задержавъ. Я же сдѣлалъ и то, что Василій видится нынѣ съ тобою, бояриномъ».

Послѣ описаннаго свиданія, два дня спустя, къ Василью Борисовичу Шереметеву пришелъ толмачъ Терентій Фроловъ, тотъ самый, который взятъ былъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ нимъ, и объявилъ, что онъ присланъ отъ Арсланъ-аги. «А велѣлъ мнѣ Арсланъ-ага, —началъ Фроловъ,—говорить тебѣ, боярину: Царь-де Аадиль-Гирей отпущаетъ къ великому государю Василья Тяпкина, а съ Ва-

сильемъ-де посылаетъ къ великому государю съ грамотою Татарина. И тебѣ бъ, боярину, отписать къ великому государю: какъ будетъ у него съ грамотою Аадиль-Гирея царя Татаринъ, и чтобы онъ, великій государь, указалъ отпустить Татарина безъ задержанья. Да и о томъ бы тебѣ, боярину, отписать къ великому государю, что тебѣ самому и великаго государя людямъ, которые есть у Аадиль-Гирея царя на дворѣ и розданы Армянамъ кормить, передъ прежнимъ, какъ тебѣ, боярину, была тѣснота и нужа большая при Мухаммедъ-Гиреѣ царѣ, а нынѣ-де, при Аадиль-Гиреѣ царѣ, отъ утѣсненія пощада есть и кайдалы съ тебя сняты; а великаго-де государя людей нынѣ кормятъ до воли и платья имъ дано. И чтобы про доброту и про жалованія Аадиль-Гирея царя извѣстно было великому государю. А написавъ бы отписку къ великому государю, тебѣ, боярину, прислать ее къ Аадиль-Гирею царю, не запечатавъ. И Аадиль-Гирей царь велитъ отписку твою прочесть при себѣ».

Василій Борисовичь, въ тотъ же день написалъ и отправилъ къ хану Аадиль-Гирею потребованную отъ него отписку къ велико-

му государю, съ восхваленіями доброты хана и о милостяхъ, будто бы оказываемыхъ имъ Русскимъ плѣннымъ. 3 марта, отписку эту привезъ назадъ Атлишей-ага и объявилъ Шереметеву: «Царь Аадиль-Гирей отписку твою слушалъ; а въ отпискѣ, о миру не написано, что царь Аадиль-Гирей мириться хочетъ съ великимъ государемъ. Да и тебя, боярина, отпустить на окупъ хочетъ же. И тебѣ бъ о томъ написать въ отпискѣ своей къ великому государю при мнѣ и запечатать отписку при мнѣ же. И отписку Аадиль-Гирей царь велѣлъ мнѣ привезти къ нему».

Разумѣется, и это требованіе было исполнено въ тотъ же день.

Василій Борисовичь, опасаясь того, что отъ него скроютъ о днѣ выѣзда Тяпкина, какъ это сдѣлали раньше, при отпускѣ толмача Панарьина, тотчасъ-же послѣ ухода Атлишея-аги, написалъ къ государю тайную отписку, въ которой разсказалъ все, что намъ уже извѣстно изъ предыдущаго: о свиданіи съ Тяпкинымъ, о разговорахъ Арсланъ-аги, о своей подневольной отпискѣ съ восхваленіями хана, о томъ, что Василью Тяпкину «тѣснота была большая въ Крыму», что «никого

къ нему не пускали» и прочее. Въ заключеніе всего Шереметевъ писалъ: «Да милости прошу у тебя, праведнова, милосердова, великова государя, помилуй холопа своево убогова и осиротелова. Взышъчи душу мою хрешъную и убогую голову, вели, государь, изъ неволи уволнить холопа своево, изъ нечестивыхъ непъриятелъскихъ рукъ окупить. А окъроме Бога и тебя, великова государя, помошъника у меня убогова и пустова никово нетъ. Во всякихъ моихъ бедахъ помошъникъ мне, убогому и осиротелому, Богъ да ты, великий государь. А отписъку писалъ к тебе, великому государю, я своею рукою, и будетъ где описался, не положи гневу и опалы своей государьской на холопа своево: писать мала умею да и вижю мала отъ непъриятелъской тесъноты и отъ сълезъ»[461].

Тайную отписку Шереметевъ переслалъ Тяпкину въ ту же ночь, при слѣдующемъ собственноручномъ же письмѣ къ нему:

«Василей Михайловичь. Написавъ отписъку к государю, посълалъ я х тебе марта

[461] Какъ это мѣсто собственноручной отписки Василья Борисовича Шереметева, такъ и слѣдующія за тѣмъ два письма его къ Тяпкину, приводятся, для образчика, съ полнымъ сохраненіемъ правописанія подлинника.

въ 3 день; а отписъка сверъчена в столъбецъ и зашита в вошъченой платокъ для тово, чтобъ тебе мошъно весть, ухороня, для осъмотру непъриятелъскова. И какъ ты будешь на Мосъкъве и увидишь государъския пресветлыя очи, и тебе бъ отписъку мою нынешънюю и пърежнюю поднесть государю. И пъро Якова Якушъкина извести, что онъ, волею Божию, умеръ. А о своихъ грамоткахъ, что напередъ сево х тебе присълалъ в вошъченомъ платке и нынешъния, что в бумаге, запечятаны.

«Писалъ Василей Шереметевъ и челомъ бью.

«Пожалуй, поедь, не мешкавъ. То ты ведаешь, что ожидаютъ с чясу на чясъ посъланника отъ государя нашева. А с тобою посылаютъ Атлишея агу. У меня онъ былъ с отписъкою моею, что я писалъ к государю, по цареву веленью, и запечятать отписъку велелъ мне при себе. А Оросъланъ-ага не былъ у меня; ждалъ ево два дни»[462].

На другой день, 4 марта 1667 года, стольникъ Василій Михайловичь Тяпкинъ былъ

[462] На оборотѣ письма, собственною же рукою Шереметева написано: «Василью Михайловичю Тяпкину оддать».

отпущенъ изъ Крыма. Шереметевъ успѣлъ переслать къ нему еще одно письмо, полученное Тяпкинымъ уже предъ самымъ отъѣздомъ. Вотъ оно:

«Василей! Извести великому государю, что пришелъ отъ Полскова короля посъланникъ другой, марьта в первомъ чисъле, к хану, и онъ у хана былъ марьта в третьемъ числе. А пърисланъ онъ с выговоромъ, и чъто взято полону с Маховскимъ на бою, и техъ бы людей и чъто взято лошадей и ружья и въсе что взято в войне, и то бъ ханъ отдалъ. А будетъ не отдастъ, и король хочетъ битца, сосълався с ными окъресъными государсътъвы. Я о томъ не писалъ к государю, подлинно мне не ведома было. А посъле тово, какъ отписъку х тебе отаслалъ, мъне сказывалъ про то приставъ мой. Да и къ Туръскому-де солътану король писалъ и жаловатъца посылалъ. Пожалуй, Василей Михайловичь, не забудь, извести великому государю, какъ увидишь ево государьския пресветлыя очи. Писалъ Василей Шереметевъ и челомъ бью. Марьта въ четвертомъ числе»[463].

---

[463] Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ: Крымскія дѣла 1666 года. Связка 56/а. № 2.

Ровно мѣсяцъ спустя, какъ уѣхалъ стольникъ Тяпкинъ, въ Крымъ возвратился изъ Царьграда верховный визирь Исламъ-ага. Одаривши вліятельныхъ Турецкихъ сановниковъ, онъ опять вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей. Исламу казалось, что розданными подарками онъ достаточно обезпечилъ себя отъ происковъ Ширинов. Василій Борисовичь Шереметевъ поспѣшилъ возобновить сношенія съ нимъ. «Во 175 году, въ апрѣлѣ,—писалъ онъ государю,—какъ пріѣхалъ отъ Турскаго солтана въ Крымъ Аадиль-Гирея царя ближній человѣкъ Исламъ-ага, я посылалъ къ нему говорить да и самъ къ нему волочился жъ неодинова». Василій Борисовичь, въ виду побывки Исламъ-аги въ Царьградѣ и въ предположеніи, что тамъ могли внушить ему перемѣнить отношенія къ государеву дѣлу, почелъ нужнымъ, для удержанія аги въ прежнемъ настроеніи, напомнить ему объ обѣщанной службѣ великому государю. Онъ какъ бы заново упрашивалъ его слѣдовать примѣру своего отца. «Попомни,—вразумлялъ Шереметевъ Исламъ-агу, — какъ служилъ великому государю отецъ твой Сеферъ-Гази-ага. Говаривалъ онъ и приводилъ

на всякое добро и къ миру Мухаммедъ-Гирея царя съ великимъ государемъ; и про государевы Черкасскіе городы отговаривалъ отецъ твой, чтобы царь Мухаммедъ-Гирей не вступался и къ великому государю о городехъ не писалъ, а помирился бы съ великимъ государемъ и казну взялъ противъ прежняго. Только бъ отецъ твой былъ живъ, и онъ бы, служа великому государю, то все давно сдѣлалъ. И ты бы, Исламъ, нынѣ великому государю нашему послужилъ: царя Аадиль-Гирея наговаривалъ и приводилъ на всяко добро и къ миру, чтобы съ великимъ государемъ былъ въ миру, войны и крови не всчиналъ, казну ималъ и на размѣну послалъ противъ прежняго ближняго своего человѣка. А которые запросы лишніе были при Мухаммедъ-Гиреѣ царѣ, на что воли Божіей и великаго государя повелѣнья не было, и то бъ Аадиль-Гирей царь отставилъ. И за твою, Исламову, службу, какъ ты то сдѣлаешь, о чемъ я тебѣ говорю, великій государь нашъ пожалуетъ тебя своимъ жалованіемъ, смотря по твоей службѣ, какъ великому государю Богъ извѣститъ».

Исламъ-ага увѣрялъ Шереметева, что

онъ, по прежнему, будетъ служить великому государю, какъ служилъ отецъ его Сеферъ-Гази-ага и, по примѣру отца, будетъ дѣлать то, что царскому величеству годно. «Только бы,—продолжалъ Исламъ-ага,—великій государь за службу пожаловалъ меня, велѣлъ взыскать своимъ жалованіемъ, какъ ему Богъ извѣститъ. А отецъ мой и убитъ за то, что служилъ великому государю. Нынѣ я не боюсь никого. Которые люди были при Мухаммедъ-Гиреѣ царѣ въ приговорахъ сильны и царя Мухаммедъ-Гирея до добраго дѣла и до миру не допускали съ великимъ государемъ, и отцу моему мѣшали, и тѣ всѣ нынѣ стали отъ приговоровъ далеки. Нынѣ я дѣлаю, по милости государя своего, не боясь никого, и мѣшать мнѣ некому. И какъ я сдѣлаю великаго государя дѣло, что царскому величеству годно, и я въ тѣ поры по тебѣ, боярина, пришлю и скажу тебѣ».

Исламъ-ага, однако, ошибался, полагая, что ему, обезпеченному поддержкою въ Царьградѣ, уже некого было бояться въ Крыму, и что будто бы некому мѣшать ему дѣлать «годное» великому государю. Ширины были на-лицо и злобно слѣдили за каждымъ ша-

гомъ ненавистнаго имъ верховнаго визиря, выжидая удобнаго случая для нанесенія ему окончательнаго удара. Временное торжество Исламъ-аги вовсе не смирило Ширинов и старѣйшина ихъ, Ширинъ-бей, не оставлялъ борьбы съ нимъ изъ-за первенства въ ханскомъ Диванѣ. На эту борьбу прямо указываетъ слѣдующее мѣсто въ отпискѣ Василья Борисовича Шереметева къ государю: «Ширинъ-бей хочетъ, по прежнему, въ приговорѣ быть силенъ, но не допускаетъ его ближній человѣкъ Исламъ-ага».

Въ средѣ мурзъ и агъ Крымскихъ ясно обозначались двѣ партіи: сторонники верховнаго визиря Исламъ-аги и сторонники могущественныхъ Ширинов. Одни стояли за дружбу съ Москвою, другіе — за непримиримую вражду къ ней. Къ несчастію, все благопріятствовало сторонѣ, враждебной намъ. Такъ, напримѣръ, 6 апрѣля 1667 года, едва-ли не въ то самое число, когда Исламъ-ага объяснялся съ Шереметевымъ о своемъ желаніи дѣлать то, что̀ годно царскому величеству, въ Запорогахъ, воровскіе казаки убили и разграбили возвращавшагося изъ Москвы ханскаго гонца Мааметъ-агу и сопровождав-

шихъ его Татаръ. Разумѣется, Ширины и ихъ сторонники воспользовались этимъ случаемъ, чтобы лишній разъ осудить политику Исламъ-аги. Послѣднему, въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, пока не выяснились обстоятельства убіенія Маамет-аги и его спутниковъ, невозможно было даже и намекнуть о примиреніи съ Москвою. Петръ Дорошенко, поддерживаемый Ширинами, спѣшилъ ковать желѣзо, пока оно горячо. Отъ него безпрестанно приносили грамотки къ хану Аадиль-Гирею съ указаніями на то, что гонецъ его убитъ по подсылкѣ изъ Москвы, и съ просьбами итти войною въ Черкасскіе города. «А какъ-де царь къ намъ придетъ — говорили посланцы Дорошенка,—и мы съ царемъ пойдемъ на великаго государя Черкасскіе городы и казаковъ-де мы зговаривать будемъ; мы чаемъ, что казаки будутъ съ нами вмѣстѣ». Ханъ Аадиль-Гирей, сгоряча рѣшилъ было самъ итти съ войскомъ въ Украйну, но, по словамъ Василья Борисовича Шереметева, «ближній человѣкъ Исламъ-ага походъ этотъ отговорилъ тѣмъ, что у него, хана, Крымскій юртъ еще не укрѣпился и ему въ войну итти будетъ опасно». Аадиль-Гирей послалъ къ

Дорошенку «брата своего, калгу-царевича, а съ нимъ пошли четыре царевича со многими людьми. А калгѣ приказалъ царь, будетъ гдѣ есть Поляки въ сборѣ, и калгѣ велѣлъ итить на Поляковъ; а будетъ Поляковъ въ сборѣ нѣтъ, и калгѣ итить съ казаками на великаго государя Черкасскіе городы».

Случившееся за тѣмъ въ тѣхъ же Запорогахъ, отъ тѣхъ же казаковъ, убіеніе посланца самого великаго государя, стольника Лодыжскаго, открыло глаза хану Аадиль-Гирею. Исламъ-агѣ представилась, наконецъ, возможность приступить къ исполненію обѣщаннаго Шереметеву «годнаго дѣла».

5 іюля, Исламъ-ага вызвалъ къ себѣ Василья Борисовича и сказалъ ему: «О которыхъ дѣлахъ говорилъ ты мнѣ, и тѣ дѣла я сдѣлалъ. Царя Аадиль-Гирея привелъ на всякое добро: мириться и въ братской дружбѣ и любви быть хочетъ съ великимъ государемъ, а войны и крови всчинать не будетъ. И тебѣ бъ, боярину, о томъ отписать къ великому государю, чтобы ему было про то извѣстно. А хочетъ Аадиль-Гирей царь мириться съ великимъ государемъ на томъ, чтобы великій государь не изволилъ съ Дону и

изъ Запорогъ казакамъ моремъ и полемъ на Крымъ и на Черкасскую и на Турскую стороны ходить, и Калмыковъ черезъ Волгу пускать не изволилъ. И указалъ бы великій государь дать казну на прошлые годы, съ котораго при Мухаммедъ-Гиреѣ царѣ казна не давана: въ нынѣшнемъ году, какъ будетъ миръ, половину, а другую половину—въ другомъ году, и о той половинѣ казны я еще буду говорить. И впредь бы великій государь указалъ, давать казну и поминки присылать безъ убавки. А до Черкасскихъ городовъ и до казаковъ, которые нынѣ служатъ великому государю, дѣла до нихъ и вступаться въ нихъ Аадиль-Гирей царь не будетъ. Это я отговорилъ. А которые Черкасскіе городы были у короля Польскаго и люди его въ городахъ нынѣ сидятъ, и въ тѣ бъ городы великій государь вступаться и задоровъ чинить изъ своихъ великаго государя городовъ казакамъ не изволилъ; а тѣ городы и казаки, которые были за королемъ Польскимъ, нынѣ послушны Аадиль-Гирею царю. А будетъ великій государь помириться изволитъ съ Аадиль-Гиреемъ царемъ, и чтобы указалъ быть размѣнѣ и полоняниковъ нашихъ весть и за

тебя, боярина, окупъ указалъ бы послать на Донъ. И Аадиль-Гирей царь пошлетъ великаго государя людей и тебя, боярина, на Донъ. А будетъ великій государь размѣнѣ быть не изволитъ, и у насъ будетъ мысль объ васъ иная»[464].

---

[464] Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ: Крымскія дѣла 1667 года. Связка 56/а. № 2.

ГЛАВА XXXII.

Черезъ пять дней, верховный визирь Исламъ-ага опять вызвалъ боярина Василья Борисовича Шереметева и повелъ такую рѣчь: «Какъ пришелъ въ Крымъ Аадиль-Гирей царь и вскорѣ послалъ онъ къ великому государю съ грамотою гонца своего Мааметъ-агу, а съ нимъ писалъ къ великому государю объ обновленьи своемъ, что онъ учинился въ Крымѣ царемъ. И про то царю есть вѣдомо, что великій государь гонца его указалъ отпустить, не задержавъ. Да и отъ великаго государя гонецъ посланъ былъ же съ великаго государя грамотою къ царю Аадиль-Гирею. И гонцовъ въ Запорогахъ казаки побили до смерти; а что̀ съ гонцами было наказано и въ грамотахъ великаго государя писано къ царю Аадиль-Гирею, и про то царю не вѣ-

домо. Да и другого гонца царь Аадиль-Гирей послалъ къ великому государю съ Васильемъ Тяпкинымъ, и тотъ гонецъ не бывалъ же, и за тѣмъ миру и договору нѣтъ. И я, служа великому государю и царю Аадиль-Гирею, говорилъ царю, чтобы изволилъ писать къ великому государю о миру и о братской дружбѣ и любви и съ грамотою бъ послалъ къ великому государю гонца. И царь Аадиль-Гирей, ожидая отъ великаго государя гонцовъ противъ прежнихъ своихъ грамотъ, нынѣ писать не изволилъ, а изволилъ гонца послать къ послу своему Сеферъ-агѣ. А къ послу писалъ царь, велѣлъ ему говорить великаго государя думнымъ людямъ, чтобы они у великаго государя упросили о томъ, чтобы онъ, великій государь, изволилъ быть въ братской дружбѣ и любви съ нимъ, Аадиль-Гиреемъ царемъ, а ссоры бы общаго непріятеля изволилъ великій государь отставить. И для подлиннаго бъ договору, на чемъ миру быть, изволилъ бы великій государь прислать человѣка добра. А я писалъ о томъ же къ думному дьяку Алмазу Иванову, чтобы онъ извѣстилъ великаго государя. А съ грамотою посылаетъ царь Аадиль-Гирей къ по-

слу своему Татаръ дву человѣкъ наскоро. А тебѣ, боярину, велѣлъ царь Аадиль-Гирей послать къ великому государю съ отпискою вязня».

Василій Борисовичь поспѣшилъ воспользоваться этою милостію и отправилъ въ Москву одного изъ близкихъ къ себѣ людей, по давнему Московскому знакомству, своего стараго сослуживца и товарища по плѣну, жильца Ивана Суздальцева. Шереметевъ писалъ о немъ государю слѣдующее: «Отъ пятнадцати тысячъ твоихъ, великаго государя, людей, въ безголовную мою бѣду, какъ вѣроломцы отдали меня въ нечестивыя, непріятельскія руки, и въ тѣ поры, видя мою великую бѣду, не отстали и не покинули меня Иванъ Суздальцевъ съ товарищи, только десять человѣкъ. И привезли ихъ со мною въ Крымъ и работою они большою замучены и нужу и голодъ большой терпятъ семь лѣтъ. И Ивана Суздальцева послалъ я къ тебѣ, великому государю, съ отпискою, и у тебя милости прошу, пожалуй меня, взыщи милостію своею государскою Ивана Суздальцева, какъ тебѣ, милосердому великому государю, Богъ извѣститъ. А Иванъ, человѣкъ безпомощный

и бѣдный и безпомѣстный; жилъ на Москвѣ у меня и служилъ со мною на всѣхъ твоихъ, великаго государя, службахъ; раненъ дважды»[465].

Суздальцевъ выѣхалъ изъ Крыма 13 іюля 1667 года. Вмѣстѣ съ нимъ отправленъ былъ въ Москву отъ хана Татаринъ Шемай-Дуданъ, а также толмачъ—отъ подъячего Гаврилы Михайлова, остававшагося, за кончиною Якушкина, нашимъ старшимъ посланникомъ въ Крыму. Ханъ Аадиль-Гирей оказалъ необычную милость жильцу Суздальцеву: онъ далъ ему, на чемъ ѣхать, двухъ лошадей съ своей собственной конюшни. Главною задачею Суздальцева было подвинуть дѣло объ окупѣ Василья Борисовича Шереметева, по тогдашнимъ политическимъ обстоятельствамъ, столь желательномъ для Крымцевъ. Съ одной стороны, настойчивыя требованія Турецкаго султана отдать ему Шереметева и, разумѣется, безвозмездно; съ другой стороны, опасеніе, что повторявшіеся за послѣднее время случаи открытаго нападенія на Крымъ казаковъ, съ ихъ отважнымъ

[465] Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ: Крымскія дѣла 1667 года. Связка 56/а. № 2.

предводителемъ Сѣркомъ, могли кончиться тѣмъ, что дерзкимъ барабашамъ удалось бы выкрасть знатнаго плѣнника. Что это опасеніе существовало, можно видѣть изъ того, что каждый разъ, при нападеніи казаковъ, усиливался надзоръ за Шереметевымъ; а однажды, по его собственнымъ словамъ, онъ былъ даже «скованъ и сидѣлъ въ желѣзахъ недѣль шесть». Указанныя соображенія и выставлялъ на видъ Исламъ-ага, для склоненія хана и его совѣтниковъ къ согласію на окупъ Шереметева. Такимъ образомъ, въ Крыму, все дѣло уладилось, какъ нельзя лучше. Къ сожалѣнію, и теперь, дальнѣйшія обстоятельства и событія слагались далеко не къ выгодѣ Василья Борисовича.

Въ то самое время, какъ Татарскій гонецъ ѣхалъ въ Москву съ предложеніемъ хана договориться о мирѣ съ великимъ государемъ, изъ Польши слѣдовали туда же послы съ требованіемъ, на основаніи только что заключеннаго Андрусовскаго договора, не мириться съ Крымцами и, напротивъ того, общими силами наказать ихъ за разореніе Польши. Съ Крымской стороны, хлопотали объ ускореніи высылки окупной казны за

Василья Борисовича Шереметева; въ тоже самое время, съ королевской стороны шло требованіе, чтобы великій государь, каждый перемирный годъ давалъ по три милліона Польскихъ золотыхъ на вознагражденіе шляхты, изгнанной изъ уступленной намъ, по Андрусовскому договору, Украйны и Сѣверщины. Именно съ такимъ непомѣрнымъ требованіемъ прибыли въ Москву, въ сентябрѣ 1667 года, великіе и полномочные послы Польскаго короля Яна-Казиміра, воевода Станиславъ Бенёвскій, хорошо извѣстный намъ по дѣятельности въ Малороссіи, въ качествѣ агента Польскаго короля, и референдарь и писарь великаго княжества Литовскаго Кипріанъ Брестовскій. Они были присланы, главнымъ образомъ, для подтвержденія Андрусовскаго перемирнаго договора крестнымъ цѣлованіемъ.

Всѣ установленныя церемоніи пріема Бенёвскаго и его товарища происходили въ бытность жильца Суздальцева въ Москвѣ. По прежнему, Никита Ивановичь Шереметевъ, бывшій тогда уже «ближнимъ» или комнатнымъ стольникомъ, принималъ непосредственное участіе въ торжествахъ, которы-

ми чествовали представителей Польскаго короля.

Первый пріемъ Польскихъ пословъ происходилъ 20 октября, въ Грановитой палатѣ, нарочито устланной Персидскими коврами и вообще убранной такъ - называемымъ большимъ нарядомъ, съ разставленными на окошкахъ серебряными судами, Нѣмецкими часами и тому подобнымъ. Рядомъ съ государемъ, по лѣвую сторону, сидѣлъ тринадцатилѣтній наслѣдникъ престола, царевичь Алексѣй Алексѣевичь, около котораго стояли его дядьки: родной братъ Ульяны Петровны Шереметевой, бояринъ князь Иванъ Петровичь Пронскій, и окольничій Ѳедоръ Михайловичь Ртищевъ. При послахъ, у ихъ мѣста, стояли бояре: князь Никита Ивановичь Одоевскій и Аѳанасій Лаврентьевичь Ординъ-Нащокинъ. На третьей, большой, встрѣчѣ, у дверей палаты, стоялъ, только что выступившій на служебное поприще, стольникъ князь Михаилъ Алегуковичь Черкасскій[466], внучатный племянникъ скончавшагося нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ знаменитаго князя Якова

[466] Дворцовые разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 675 и 676.

Куденетовича Черкасскаго[467]. Во время представленія, Польскіе послы позволили было себѣ сѣсть въ шапкахъ, и «за невѣжество это»,—читаемъ въ разрядной запискѣ,—«рѣчи посломъ, на ихъ посольство, отъ лица великаго государя, противъ прежняго, не было»[468]. Послѣ представленія государю, послы были въ отвѣтѣ у бояръ, и за тѣмъ поѣхали домой, на посольскій дворъ. Тогда, по указу царскаго величества, посланъ былъ къ нимъ съ государскимъ жалованіемъ, со столомъ, комнатный стольникъ Никита Ивановичь Шереметевъ. Въ сохранившемся чиновномъ спискѣ[469] перечислены тѣ яства и питія, съ которыми прибылъ стольникъ Шереметевъ потчивать Польскихъ пословъ. Обычное обиліе яствъ съ ихъ странными названіями. Напримѣръ, лобъ свиной подъ чеснокомъ, блюдо сандриковъ свѣжихъ, блюдо сандриковъ изъ ветчины, куря въ ухѣ съ сумачомъ, токмачи, манты, блюдо трудоношъ, блюдо на-

---

[467] Дополненія къ Актамъ историческимъ. Т. V. Спб. 1853. стр. 109. столб. 1.

[468] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. IX. Спб. 1878. столб. 484.

[469] Дополненія къ тому III-му Дворцовыхъ разрядовъ. Спб. 1854. столб. 404—406.

литковъ, блюдо пироговъ пряженыхъ съ сараномъ и такъ далѣе. Всѣ блюда подъ яствами и сковородки были серебряныя. Въ избыткѣ доставлены были и питія: романея, ренское, алканъ, мальвазія, всевозможные меды и пиво.

Польскіе послы два раза обѣдали у государя: 12 ноября, въ день торжественнаго подтвержденія предъ святымъ Евангеліемъ Андрусовскаго договора, и 25 ноября. Оба раза стольникъ Никита Ивановичь Шереметевъ смотрѣлъ въ большой столъ, имѣя въ товарищахъ стольника князя Дмитрія Ивановича Жироваго-Засѣкина. Дѣло не обошлось безъ спора изъ-за мѣста. Товарищъ Шереметева билъ челомъ государю «въ отечествѣ о счетѣ» на князя Андрея Михайловича Солнцева-Засѣкина, назначеннаго смотрѣть первымъ въ кривой столъ, при чемъ объяснилъ, что ему съ нимъ, князь Андреемъ, быть невмѣстно. Государь приказалъ сказать князю Дмитрію Жироваго-Засѣкину, чтобы нынѣ онъ былъ на службѣ, по назначенію, и что послѣ велитъ дать ему счетъ. Но князь Дмитрій, заявивъ, что «ему съ князь Андреемъ Солнцевымъ-Засѣкинымъ никоими мѣрами быть не-

возможно», отказался итти смотрѣть въ большой столъ вторымъ. Ослушника увели въ подклѣть и тамъ били батогами; послѣ чего его заставили стать на назначенное мѣсто, къ большому столу вторымъ.

Въ день подтвержденія Андрусовскаго договора, а также 25 ноября, послѣ обѣда, стольникъ Никита Ивановичь Шереметевъ, по указу государя, ѣздилъ къ посламъ, на посольскій дворъ, и потчивалъ ихъ романеей, ренскимъ, алканомъ, разными медами и пивомъ[470].

Польскіе послы пробыли въ Москвѣ до 9 декабря. Они нѣсколько разъ сходились въ Золотой палатѣ, для совѣщаній или, по тогдашнему выраженію, «были въ отвѣтѣ», съ нашими дипломатами, бояриномъ Аѳанасьемъ Лаврентьевичемъ Ординымъ-Нащокинымъ и думными дьяками: Герасимомъ Семеновичемъ Дохтуровымъ и Лукьяномъ Тимоѳеевичемъ Голосовымъ.

Въ то время Ординъ-Нащокинъ, главный виновникъ перемирія, заключеннаго съ Поль-

---

[470] Дворцовые разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 675—701.— Дополненія къ тому III-му Дворцовыхъ разрядовъ. Спб. 1854. столб. 397—436.

шей, находился на верху почестей и милостей царскихъ. Онъ былъ только что возведенъ изъ окольничихъ въ чинъ ближняго боярина, поставленъ начальникомъ Посольскаго приказа, съ подчиненіемъ ему также Малороссійскаго приказа, Владимірской и Галицкой четей, и отличенъ небывалымъ у насъ титуломъ: «Царственныя большія печати и государственныхъ великихъ посольскихъ дѣлъ оберегателя». Кромѣ того, щедрый царь пожаловалъ Ордину-Нащокину, въ вѣчное потомственное владѣніе, богатую Порѣцкую волость, что̀ нынѣ городъ Порѣчье, Смоленской губерніи[471]. Такое возвышеніе сына бѣднаго Псковскаго дворянина переполошило родословныхъ людей. При первомъ же случаѣ, весьма рѣзко сказалась ихъ мѣстническая честь. 26 октября, приставъ Польскихъ пословъ, стольникъ Матвѣй Степановичь Пушкинъ, билъ челомъ государю, что ему велѣно ѣхать съ послами къ отвѣту, а въ отвѣтѣ съ послами назначено быть боярину Ордину-Нащокину, меньше котораго

[471] Труды и лѣтописи общества исторіи и древностей Россійскихъ, учрежденнаго при императорскомъ Московскомъ университетѣ. Часть VI. М. 1833. стр. 181 и 182.

ему, Пушкину, быть невмѣстно. Государь сказалъ челобитчику, что «онъ бьетъ челомъ и всчинаетъ тутъ мѣста не дѣломъ: прежъ сего мѣстъ тутъ не бывало и нынѣ нѣтъ». Пушкинъ отвѣчалъ: «Прежъ сего съ послами бывали въ отвѣтѣ честные люди, не въ Аѳанасьеву версту, а потому въ то время и челобитья не бывало. А нынѣ мнѣ за Аѳанасьемъ никоими мѣрами по пословъ ѣхать невозможно: великому государю извѣстно отечество мое и Аѳанасьево». Государь приказалъ Пушкину ѣхать за послами, по прежнему указу, подтвердивъ, что «тутъ мѣстъ не бывало, нынѣ нѣтъ и впередъ не будетъ». Стольникъ Пушкинъ поѣхалъ за послами, но къ отвѣту все-таки не проводилъ ихъ, «и тѣмъ—сказано въ разрядной записке—государеву дѣлу учинилъ многое мотчанье». Дѣло Пушкина было разсмотрѣно боярами, и, 2 ноября, ему объявили на Постельномъ крыльцѣ, что великій государь указалъ и бояре приговорили: послать его, за безчестье боярина Ордина-Нащокина, въ тюрьму и что за тѣмъ, ему быть, по прежнему указу, въ приставахъ у пословъ; а если откажется, то быть ему въ великомъ разореньѣ. Разряд-

ный подъячій отвелъ Пушкина въ тюрьму, но тотчасъ-же государь простилъ его, велѣлъ изъ тюрьмы выпустить и позвать въ Верхъ. Здѣсь, на Красномъ крыльцѣ, разрядный думный дьякъ Дементій Башмаковъ сказалъ Пушкину, что великій государь указалъ ему быть, по прежнему государеву указу, уословъ въ приставахъ, а если не будетъ, государь укажетъ отписать на себя его вотчины и помѣстья. — Доложи великому государю,—отвѣтилъ Пушкинъ,—что «мнѣ съ Аѳанасьемъ отнюдь не бывать, хотя вели государь казнить меня смертью, не только разорить или вотчины мои и помѣстья на себя отписать. Аѳанасій Нащокинъ предо мною человѣкъ молодой и неродословный. Родители Аѳанасьевы съ моими родителями не только въ товарищахъ бывали, но и въ головахъ отъ нихъ бывали безсловно».

Отдаленный потомокъ упрямаго мѣстника, нашъ славный поэтъ Пушкинъ, вспоминая о своихъ предкахъ, справедливо сказалъ: «*Упрямства духъ* намъ всѣмъ подгадилъ»[472].....

[472] Сочиненія А. С. Пушкина. Изд. подъ редакціею П. О. Морозова. Т. II. Спб. 1887. стр. 108.

Стольника Матвѣя Пушкина, въ концѣ-концовъ, оставили въ покоѣ, не приневоливали поступиться родовою честью. Въ заключеніи разрядной записки читаемъ слѣдующее: «И послѣ сказки, стольникъ Матвѣй Пушкинъ на посольскій дворъ, къ посломъ, не ѣздилъ и до отпуску въ приставѣхъ у пословъ не былъ, а былъ боленъ»[473].

Аѳанасій Лаврентьевичь Ординъ-Нащокинъ, полный сознанія, что достигъ высшей степени въ государствѣ не знатностію породы, а личными достоинствами, только усугублялъ усердіе въ служеніи государеву дѣлу. Его переговоры съ такимъ тонкимъ дипломатомъ, какъ Бенёвскій, были своего рода состязаніемъ, увѣнчавшимъ его, на зло недоброжелателямъ, новыми лаврами. Царь Алексѣй Михайловичь былъ такъ увѣренъ въ точномъ исполненіи Ординымъ-Нащокинымъ всего предписаннаго ему наказомъ, что въ теченіе почти всего времени, пока тотъ велъ переговоры съ Польскими послами, находился въ отсутствіи. То онъ ходилъ молиться къ Троицѣ и къ Саввѣ Сторожевско-

[473] Дворцовые разряды. Томъ III. Спб. 1852. столбцы 680. 681. 683—686.

му, то проживалъ въ окрестныхъ селахъ, Преображенскомъ, Измайловѣ, Коломенскомъ и Хорошевѣ, то ѣздилъ на охоту или, какъ тогда говорили, «ходилъ на поля тѣшиться»[474] на звѣря: на лосей, оленей, медвѣдей, волковъ, лисицъ и зайцевъ, что̀ составляло, такъ-называемую, зимнюю царскую потѣху.

Тѣмъ временемъ бояринъ Ординъ-Нащокинъ и его товарищи, думные дьяки, нѣсколько разъ сходились, въ Золотой палатѣ, съ Польскими послами, для обсужденія разныхъ политическихъ дѣлъ и, главнымъ образомъ, для установленія способовъ исполненія и примѣненія отдѣльныхъ статей Андрусовскаго договора. На непомѣрное требованіе Бенёвскаго, чтобы государь давалъ каждый перемирный годъ по три милліона Польскихъ золотыхъ шляхтѣ, изгнанной изъ Украйны, наши дипломаты спокойно отвѣчали, что это дѣло нестаточное, запросъ такой «неслушный», что царскому величеству и донести объ немъ невозможно. Сумму вознагражденія спустили до одного милліона золотыхъ Польскихъ, а Московскимъ счетомъ двѣсти ты-

[474] Дворцовые разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 666. 669. 670. 683. 695. 696. 702.

сячъ рублей, изъ которыхъ 150.000 рублей рѣшено выдать посламъ при отпускѣ, а остальные—прислать изъ Смоленска въ февралѣ будущаго 1668 года. На требованіе Бенёвскаго держать въ Украйнѣ постоянное царское войско противъ Крымцевъ и точно опредѣлить его численность, Ординъ-Нащокинъ отвѣчалъ, что «отъ бусурманскаго прихода царскаго величества войска готовы: Бѣлгородскій полкъ стоитъ всегда; а числа войскамъ назначить не годится, чтобы непріятель не узналъ и больше войска не приготовилъ». Что же касается до Украйны, — продолжалъ Ординъ-Нащокинъ,—то вѣдь тамъ, когда Кіевъ, по Андрусовскому договору, отойдетъ въ королевскую сторону, «царскимъ войскамъ надежнаго становища не будетъ, и про это какъ вы разсуждаете»? Московскій дипломатъ осторожно подошелъ къ самому щекотливому мѣсту договора. Бенёвскій поспѣшилъ его остановить. О Кіевѣ — сказалъ онъ—«говорить намъ и разсуждать нечего: какъ объ немъ въ Андрусовскихъ договорахъ постановлено, такъ и быть; отмѣнять сего ни въ чемъ нельзя. Это все равно, что въ каменной стѣнѣ: выньте изъ нея хоть одинъ

кирпичъ, и станетъ рушиться». Договаривавшіяся стороны порѣшили на томъ, что великій государь пошлетъ королю, въ помощь противъ Татаръ и непокорныхъ казаковъ, пять тысячъ конныхъ и двадцать тысячъ пѣшихъ ратныхъ людей[475]. Не могли притти къ соглашенію лишь по вопросу о взаимномъ размѣнѣ плѣнныхъ. Въ записи о подтвержденіи Андрусовскаго перемирнаго договора прямо сказано, что «для заходящихъ трудностей», рѣшеніе этого дѣла отложено[476]. Заходящія же трудности заключались въ томъ неожиданномъ для Поляковъ обстоятельствѣ, что весьма многіе Польскіе и Литовскіе плѣнники до такой степени обжились у благодушныхъ и хлѣбосольныхъ Россіянъ, что тотчасъ-же по заключеніи Андрусовскаго перемирія, сами начали подавать челобитныя, въ которыхъ прямо заявляли, что не желаютъ возвращаться въ сторону королевскаго величества и просили, какъ милости, чтобы имъ дозволили остаться въ Россіи навсегда. Изъ Московскаго двора Кіевскаго воеводы бояри-

---

[475] Соловьевъ. Исторія Россіи. Т. XI. Спб. 1861. стр. 254 и 255.

[476] Полное собраніе законовъ Россійской имперіи. Собраніе первое. Т. I. Спб. 1830. стр. 732. столб. 1.

на Петра Васильевича Шереметева Большого подано было три такихъ челобитныхъ, отъ шляхтичей: Андрея Домецкаго, Кирилла Свидерскаго и Казиміра Радѣевича.

Всѣ трое, вслѣдствіе поданныхъ ими челобитныхъ, были вызываемы въ Приказъ полоняничныхъ дѣлъ, къ допросу. Вотъ что сказалъ въ Приказѣ, напримѣръ, шляхтичь Свидерскій: «Въ прошломъ во 163 году, взятъ я въ полонъ въ Витебскѣ, а взялъ меня въ полонъ Матвѣй Васильевичь Шереметевъ. И съ того числа я жилъ во дворѣ у боярина у Василья Петровича; а по смерти его, отпущенъ былъ на волю и съ воли билъ челомъ во дворъ къ сыну его, боярину Петру Васильевичу. И съ того числа и по се число жилъ у него, боярина Петра Васильевича, во дворѣ. А въ сторону королевскаго величества итти не хочу и билъ я челомъ великому государю, чтобы мнѣ жить, по прежнему, у боярина Петра Васильевича Шереметева во дворѣ, по его смерть» [477].

---

[477] Въ такомъ же родѣ сказки и другихъ двухъ шляхтичей. (Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ: Приказныя дѣла старыхъ лѣтъ. Связка 380. № 72. 1667 г.).

ГЛАВА XXXIII.

Польское посольство отвлекло наше вниманіе отъ ханскаго гонца Шемай-Дудана и его спутника, Шереметевскаго посланца, жильца Ивана Суздальцева. Оба они, ревнуя объ успѣшномъ исполненіи возложенныхъ на нихъ порученій, конечно, расчитывали на помощь и содѣйствіе думнаго дьяка Посольскаго приказа Алмаза Иванова. Ханъ приказывалъ своему гонцу обратиться съ предложеніями о мирѣ прямо къ думнымъ людямъ, во главѣ коихъ столько лѣтъ стоялъ знаменитый дьякъ Алмазъ. Верховный визирь Исламъ-ага, успѣлъ настолько сблизиться съ Московскимъ дипломатомъ, что называлъ его въ письмахъ «своимъ другомъ и братомъ, ближнимъ человѣкомъ и визиремъ царя Але-

ксѣя Михайловича»[478]. Самъ Василій Борисовичь Шереметевъ, при всей своей надменности, писалъ къ думному дьяку Алмазу: «Покажи милость, Алмазъ Ивановичь, умилосердися надо мною, погибающимъ; пожалуй меня, какъ тебѣ Богъ извѣститъ». Но уже дорогою наши Крымскіе путники узнали объ устраненіи отъ дѣлъ Алмаза Иванова[479] и о назначеніи всесильнаго тогда Ордина-Нащокина начальникомъ Посольскаго и Малороссійскаго приказовъ. Эта перемѣна въ высшемъ государственномъ управленіи нѣсколько поколебала увѣренность Шемай-Дудана и Суздальцева, что въ Москвѣ отнесутся съ желаннымъ вниманіемъ къ ихъ порученіямъ. Было очевидно, что всѣ заботы новаго «визиря» Московскаго царя были сосредоточены, главнымъ образомъ, на Андрусовскомъ мирномъ договорѣ и на тѣсно связанныхъ съ нимъ Малороссійскихъ дѣлахъ. Судьба плѣннаго боярина и даже отношенія къ Крымскому хану, во всякомъ случаѣ, не составляли для него вопросовъ первостепен-

---

[478] Смирновъ. Крымское ханство подъ верховенствомъ Оттоманской порты. Спб. 1887. стр. 581.

[479] Это случилось 15 іюля 1667 года.

ной важности. Достовѣрно неизвѣстно, былъ ли даже выслушанъ ханскій гонецъ. Въ актахъ мы не встрѣчали рѣшительно никакихъ указаній на этотъ счетъ. Жилецъ Суздальцевъ, правда, былъ три раза на распросѣ въ Посольскомъ приказѣ, 28 сентября, 1 и 12 октября, но, судя по сохранившимся сказкамъ, о выкупѣ не было и рѣчи. Показанія Суздальцева относились только къ дѣламъ политическимъ, о которыхъ поручилъ ему говорить Василій Борисовичь. «Отпускаючи меня,—говорилъ Суздальцевъ, — бояринъ Василій Борисовичь приказывалъ мнѣ, чтобы я великому государю извѣстилъ: Посылалъ-де Польскій король къ Турскому солтану пословъ своихъ жаловаться на хана Крымскаго, что онъ его воюетъ, и чтобы онъ, солтанъ, Крымскому хану отъ войны велѣлъ задержаться и быть съ нимъ, королемъ, по прежнему, въ дружбѣ и въ любви. И Турскій-де солтанъ тѣмъ Польскимъ посламъ сказалъ: «Буде онъ, Польскій король, съ великимъ государемъ нынѣшній миръ, который учинился, нарушитъ и будетъ, по прежнему, въ недружбѣ, и онъ-де Крымскому хану въ государство его войною ходить и разоренія чинить не велитъ;

а если онъ, Польскій король, нынѣшній миръ съ великимъ государемъ учнетъ держать крѣпко, и онъ-де, солтанъ, Крымскому хану отъ войны задержаться не велитъ; и съ тѣмъ-де Польскихъ пословъ отпустилъ». Столь же неутѣшительныя вѣсти сообщилъ Суздальцевъ и о дѣйствіяхъ Дорошенка, за которымъ зорко слѣдилъ Ординъ-Нащокинъ, находившій, что, съ привлеченіемъ Чигиринскаго гетмана на сторону великаго государя, разрѣшилась бы трудная задача умиротворенія Малороссійскаго края. «Бояринъ же Василій Борисовичь,—говорилъ на распросѣ жилецъ Суздальцевъ,—приказалъ великому государю извѣстить, что въ Крымъ, къ хану, Дорошенко присылалъ казаковъ безпрестанно съ тѣмъ, чтобы Крымскій ханъ шелъ войною въ Черкасскіе городы къ нему, Дорошенку, для того: какъ-де онъ войною въ Черкасскіе городы вступитъ, и не только-де что онъ, Дорошенко, съ казаками ему поддадутся, и тѣхъ городовъ казаки, которые служатъ нынѣ царскому величеству, будутъ у него жъ, хана, въ подданствѣ, потому что съ нимъ, Дорошенкомъ, тѣ казаки имѣютъ ссылки о томъ безпрестанно; и ханъ-де тѣмъ при-

сылкамъ не са́мо (то-есть, не очень) довѣривалъ»[480].

Если на распросахъ Суздальцева въ Посольскомъ приказѣ дѣйствительно не было рѣчи о главномъ предметѣ его порученія, о выкупѣ боярина Василья Борисовича Шереметева, то это, вѣроятно, потому, что по дѣлу сему уже состоялось рѣшеніе еще до пріѣзда Суздальцева въ Москву. Вотъ что открывается изъ отрывочныхъ архивныхъ документовъ. Еще 4 сентября 1667 года, въ Крымъ прибылъ изъ Москвы толмачъ Посольскаго приказа Андрей Путицынъ съ грамотою великаго государя къ хану Аадиль-Гирею, о посылкѣ на Донъ жильца Богдана Ушакова и подъячаго Петра Долгово, для договора объ утвержденіи мира, а также для соглашенія объ окупѣ боярина Шереметева.

Подъячій Путицынъ привезъ царскую грамоту и къ боярину Василью Борисовичу Шереметеву, съ «милостивымъ словомъ» и совѣтомъ «быти и впредь надежну на его, великаго государя, милость». Василій Борисовичь, въ обычныхъ выраженіяхъ, благода-

[480] Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ: Крымскія дѣла 1667 года. Связка 56/а. № 2.

рилъ государя за милость, изъясняя, что грамота его царскаго величества «возсіяла ему, заточенному, какъ пресвѣтлое солнце» и послужила «сокрушающемуся убогому сердцу его отъ бѣдъ великихъ на отраду». Отписка оканчивается такими словами: «А Богданъ Ушаковъ съ Дону съ обсылкою не присылывалъ къ Аадиль-Гирею царю».

Шереметевъ вручилъ свою отвѣтную отписку толмачу Путицыну, котораго ханъ отпустилъ, 18 сентября, на Донъ съ людьми своими, имѣвшими порученіе узнать, пріѣхалъ ли Богданъ Ушаковъ на Донъ. Если не пріѣхалъ, то ожидать его; а если пріѣхалъ,— немедленно возвратиться съ подлинною вѣстью въ Крымъ. Ханъ, очевидно, торопился всѣмъ этимъ дѣломъ. У него уже готово было и уполномоченное лицо «для договору мирнаго утвержденія». Ждали только «обсылки» Богдана Ушакова.

Лишь 23 октября присланъ былъ, наконецъ, отъ Ушакова въ Крымъ толмачъ Посольскаго приказа Ѳедоръ Тюлькинъ съ царскою грамотою къ хану Аадиль-Гирею. Вмѣстѣ съ Тюлькинымъ, прибылъ къ боярину Василью Борисовичу Шереметеву человѣкъ

его Иванъ Мормылевъ съ государевымъ жалованіемъ, соболями. Тюлькинъ привезъ также царскую грамоту и къ Шереметеву, въ которой сказано было, что государь указалъ давать за него окупу изъ своей, государевой, казны только 25.000 рублей; а достальное предоставлялось ему платить «собою», то-есть, своими собственными средствами. «И мнѣ, убогому, малопомѣстному, должному и разоренному холопу твоему, — поспѣшилъ Шереметевъ отвѣтить государю, — достального окупу собою, въ прибавку къ твоему государеву жалованію, въ окупъ свой, въ 60.000 ефимковъ, платить нечѣмъ: человѣченка я бѣдный. Милосердый государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичь, смилуйся, помилуй погибающаго, безпомощнаго и беззаступнаго холопа своего! Взыщи милостію своею государскою душу грѣшную и убогую мою голову! Вели, государь, додать къ своему государскому жалованію, изъ своей государевой казны, къ 25.000 рублямъ, чего не достанетъ въ мой окупъ, въ 60.000 ефимковъ, и что̀ я, избывая отъ бѣды своей великой, посулилъ ближнему человѣку, Исламъ-агѣ, для его помочи, 10.000 ефимковъ, да Кадыскеръ-

агѣ посулилъ я, за его премногую помочь, что онъ мнѣ помогалъ, 600 рублевъ, чтобы твоею государскою милостью и милосердымъ взысканіемъ душа грѣшная и убогая голова моя отъ нечестивыхъ, наруганья ихъ и отъ мученья, свободилась и изъ великія неволи, по твоей государской милости, твоимъ государевымъ жалованіемъ, я увольнился. А окромѣ Бога и тебя праведнаго и милосердаго государя, помощника у меня нѣтъ. Все упованіе и надежа моя Богъ да ты, великій государь, милосердый. А (какъ) по милости Божіей, не умру и по милости твоей, государской, твоимъ государевымъ жалованіемъ, изъ неволи увольнюсь и увижу твои государскія очи и пресвѣтлое твое государское лицо, буду просить избирать у братьи своей, у Московскаго народу людей; а собравъ, я тебѣ, государю, заплачу. А нынѣ, безъ меня, збирать и просить въ окупъ мой, въ прибавку, чего не достанетъ, некому: сынишка у меня нѣтъ, а женишка моя бабенка увѣшная, безъ ногъ. А продать нечего: деревнишка у меня худыя, а съ рухледишкою своею я разорился; непріятели-вѣроломцы, какъ мнѣ солгали, отдали меня въ Крымъ, и они все взяли. А объ

окупѣ своемъ говорилъ я по самой по великой нужѣ, что говорить обо мнѣ некому, а меня изъ окупу мучитъ непріятель. Посланникъ Яковъ Якушкинъ умеръ, а подъячаго Гаврила Михайлова ни съ какоя дѣла не стало и живетъ въ деревнѣ. А и Яковъ, какъ былъ живъ, и онъ не говаривалъ и твоихъ государскихъ дѣлъ не дѣлывалъ и не вѣдалъ ни про что: жилъ въ деревнѣ, отъ Бахчисараю верстъ съ десять, только торговалъ, себя богатилъ. А я, убогій холопъ твой, погибаю. Какъ въ неволѣ мучусь, уже осьмой годъ и отъ мученья непріятельскаго уже душа моя грѣшная кончается. А какъ, по твоей государской милости, твое государское жалованіе, окупъ мой, на Донъ привезенъ будетъ, и меня на окупъ Аадиль-Гирей царь отпуститъ. Царь, государь, смилуйся, пожалуй».

Прошелъ, однако, мѣсяцъ со времени «обсылки» Богданова, а дѣло мирныхъ переговоровъ не подвинулось далѣе ни на одинъ шагъ. Ханскіе чиновники говорили, что ожидаютъ возвращенія изъ Москвы гонца Шемай-Дудана и жильца Ивана Суздальцева. Но, въ дѣйствительности, причиною остановки дѣла была важная для насъ перемѣна

въ ханскомъ совѣтѣ. Ширинамъ удалось наконецъ доконать ненавистнаго имъ верховнаго визиря Исламъ-агу, сторонника Россіи и покровителя Василья Борисовича Шереметева. Они не ограничились тѣмъ, что свергли Исламъ-агу, но, какъ разсказываютъ, «устроили дѣло такъ, что онъ былъ преданъ смерти, а все наличное достояніе его разграблено»[481].

Послѣ удаленія Ислама, мѣсто котораго занялъ одинъ изъ ближнихъ людей хана, Кадыскеръ-ага, Василій Борисовичь Шереметевъ уже началъ было освоиваться съ мыслію, что дѣло объ освобожденіи его изъ плѣна слѣдуетъ считать окончательно погибшимъ. Какъ вдругъ, въ ночь на 24 ноября, къ нему вошелъ приставъ его Белюбъ-Баша и объявилъ, что ханъ Аадиль-Гирей зоветъ его къ себѣ. Во 2-мъ часу ночи, Шереметева, по его выраженію, «поволокли» въ Бахчисарай. Ханъ обратился къ Шереметеву съ такими словами: «Мухаммедъ-Гирей царь многія лѣта не мирился съ великимъ государемъ вашимъ, а я того не хочу, чтобы съ великимъ

[481] Смирновъ. Крымское ханство подъ верховенствомъ Отоманской порты. Спб. 1887. стр. 580.

государемъ въ братской дружбѣ и любви не быть. Желаю я того, чтобы великій государь изволилъ быть со мною въ крѣпкой дружбѣ и любви. А что великій государь писалъ въ грамотѣ своей ко мнѣ, что изволилъ послать посланника своего на Донъ, для договору объ утвержденіи мира, и я, поговоря съ братьею своею, съ царевичами и карачеями, пошлю на Донъ своего ближняго человѣка и велю ему говорить съ государевымъ посланникомъ о всякомъ добромъ дѣлѣ, и тебя, боярина, отпущу на окупъ. И какъ я на мѣрѣ окупъ твой положу, и я велю тебѣ объявить». Немного помолчавъ, ханъ сказалъ Шереметеву: «А какъ я отпущу тебя, и тебѣ на меня и на государство мое зла не мыслить».

Шереметевъ отвѣчалъ такъ: «Мысли моей на тебя, царя, и на царство твое николи не будетъ и мыслить мнѣ зла нельзя: мысль моя и дѣла̀, какъ указъ и повелѣнья великаго государя моего. А безъ повелѣнья и безъ указу великаго государя, всякоя дѣла дѣлать страшны мы. А великій государь нынѣ хочетъ быть съ тобою, царемъ, въ крѣпкой дружбѣ и любви, и ты бъ изволилъ послать на Донъ, для договору о утвер-

женіи миру, ближняго своего человѣка вскорѣ».

На другой день, приставъ Белюбъ-Баша, по порученію ближняго человѣка, Кадыскеръ-аги, присовѣтовалъ Шереметеву, чтобы онъ, при первомъ же новомъ представленіи къ царю Аадиль-Гирею, чѣмъ нибудь подарилъ бы царево величество. «И я,—доносилъ Шереметевъ государю, — какъ былъ у царя Аадиль-Гирея, дарилъ его, поднесъ ему твоего, великаго государя, жалованія, двѣ пары соболей, по двадцати рублевъ пара, да шубу червью песцовую; и царь Аадиль-Гирей то принялъ у меня въ великую почесть».

Василью Борисовичу Шереметеву не пришлось раскаиваться, что послушалъ добраго совѣта Кадыскера. 3 декабря, ханъ Аадиль-Гирей прислалъ къ Василью Борисовичу своего тестя, балчы-башу[482], который объявилъ, что царь повелѣлъ сказать ему, боярину Василью Борисовичу, слѣдующее: «Желая быть съ великимъ государемъ въ дружбѣ и въ любви, онъ, царь Аадиль-Гирей, посылаетъ на Донъ ближняго человѣка своего, для

[482] Балчы-баша = распорядитель пиршествъ хана, одна изъ высокихъ должностей при ханскомъ дворѣ.

договору о мирномъ утвержденіи. А окупъ-де твой, боярскій, 60.000 ефимковъ, поставилъ на мѣрѣ, и тебя, боярина, шлетъ въ Азовъ вскорѣ, со мною, агою. И тебѣ бъ, боярину, писать къ великому государю, чтобы его царское величество пожаловалъ тебя, указалъ послать на Донъ окупъ за тебя; а кого тебѣ послать съ отпискою къ великому государю, и Аадиль-Гирей царь отпуститъ изъ невольниковъ, о комъ ты будешь говорить. Да и Аадиль-Гирей царь посылаетъ къ великому государю съ грамотою своею Татарина. А подъячаго-де Гаврила Михайлова и полоняниковъ отпуститъ царь на Донъ въ тѣ поры, какъ великій государь изволитъ отпустить на Донъ пословъ его, Аадиль-Гирея царя, и Татаръ взятыхъ».

Ханъ Аадиль-Гирей пошелъ еще дальше. Онъ совсѣмъ рѣшилъ было тогда же, не ожидая доставленія окупныхъ денегъ, отпустить Василья Борисовича въ Азовъ, чтобы онъ, какъ выразился ханъ, «былъ къ окупу ближе». Къ несчастію, карачеямъ удалось отговорить хана отъ такого рѣшенія. Они упрямо стояли на томъ, что если «окупъ позамѣшкается, вскорѣ привезенъ на Донъ не будетъ,

и боярину Шереметеву долгое время въ Азовѣ быть нельзя».

Кончался и декабрь мѣсяцъ, а гонецъ ханскій Шемай-Дуданъ все еще не возвращался въ Крымъ. Въ верховномъ диванѣ рѣшено было послать новаго гонца къ Московскому царю, а на Донъ отправить для мирныхъ переговоровъ ближняго человѣка Гачей-Темиръ-мурзу-Сулешева. Объ этомъ рѣшеніи, 1 января 1668 года пришли объявить боярину Василью Борисовичу Шереметеву присланные отъ хана Аадиль-Гирея: тесть его балчы-баша, казначей Халилъ-ага, Кадыскеръ и переводчикъ Кутлу-Маметъ-Устькосимовъ. Съ ними же былъ и нашъ посланникъ, подъячій Гаврила Михайловъ. Прибывшіе Крымскіе сановники, черезъ переводчика, говорили Шереметеву: «Писалъ великій государь къ Аадиль-Гирею царю, что изволилъ онъ послать на Донъ посланника своего, для договору о мирномъ утвержденіи съ царевымъ величествомъ, и чтобы Аадиль-Гирей царь изволилъ послать на Донъ, для договору, своего ближняго человѣка. И Аадиль-Гиреево царево величество, хотя быть съ великимъ государемъ въ братской дружбѣ и

любви, посылаетъ на Донъ, для договору, ближняго своего человѣка Гачей-Темиръ-мурзу-Сулешева и съ грамотою о томъ посылаетъ къ великому государю тугувчеевъ[483] трехъ человѣкъ, Делшъ-бея съ товарищи, наскоро. Царево же величество писалъ къ великому государю, чтобы онъ изволилъ послать на Донъ свое государево жалованіе, окупъ твой, бояринъ Василій Борисовичь. А что ты давалъ за себя окупъ 60.000 ефимковъ, и тотъ окупъ твой Аадиль-Гирей царь (велѣлъ) бить съ тобою, бояриномъ, по рукамъ, а седьмую десять тысячъ ефимковъ и пятьдесятъ человѣкъ Татаръ, что́ просилъ Аадиль-Гирей царь, нынѣ то отставилъ». При этомъ, казначей ханскій билъ по рукамъ съ Шереметевымъ. Послѣ сего, переводчикъ продолжалъ рѣчь сановниковъ: «И тебѣ бы, боярину, о томъ писать къ великому государю; а какъ, по милости великаго государя, окупъ твой на Донъ привезенъ будетъ, и Аадиль-Гирей царь пошлетъ тебя на Донъ тотчасъ».

Четыре дня спустя, 5 января 1668 года,

---

[483] Тугувчеи = тугув-чи = туг-чи = Знаменосцы, знаменщики.

ханъ Аадиль-Гирей отпустилъ на Донъ, для мирныхъ переговоровъ съ Московскими уполномоченными, своего ближняго человѣка Гачей-Тимуръ-мурзу-Сулешева. Съ нимъ же отправились на Донъ, для дальнѣйшаго слѣдованія въ Москву: новые ханскіе гонцы—тугувчеи, Шереметевскій человѣкъ Иванъ Мармылевъ и посланецъ Василья Борисовича Шереметева, его другой сотоварищъ по плѣну, жилецъ Иванъ Ивановичь Нармацкій, которому онъ поручилъ доставить государю свою отписку, съ изложеніемъ всего разсказаннаго выше. Шереметевъ писалъ государю о жильцѣ Нармацкомъ слѣдующее: «Какъ, по грѣху моему, постигла меня бѣда моя, вѣроломцы отдали меня въ Крымъ, и которые твои, великаго государя, люди были мнѣ дружны, и они, видя мою бѣду и надъ убогою моею головою пропасть, покинули меня и отступились отъ меня, убогаго холопа твоего, всѣ; а Иванъ Нармацкій и съ нимъ немногіе твои, государевы, люди, въ бѣду мою великую не покинули меня, не отбыли, мучатся со мною въ Крыму семь лѣтъ три мѣсяца. И я милости у тебя, праведнаго и милосердаго великаго государя, прошу, помилуй, взыщи

милостію государскою и Ивана Нармацкаго, какъ тебѣ, великому государю Богъ извѣститъ»[484].

Вслѣдъ за отъѣздомъ мурзы Сулешева и всѣхъ отпущенныхъ съ нимъ на Донъ, ханъ Аадиль-Гирей явилъ новую милость боярину Василью Борисовичу Шереметеву: онъ перемѣстилъ его на нѣкоторое время изъ Жидовскаго городка въ Греческую слободу Маріамполь, составлявшую предмѣстье Бахчисарая, подъ самымъ Успенскимъ монастыремъ. Мы пока оставимъ здѣсь Василья Борисовича и перейдемъ въ Кіевъ, къ его двоюродному брату, боярину Петру Васильевичу Большому Шереметеву, стоявшему на стражѣ великаго государева дѣла въ Малороссіи.

КОНЕЦЪ ШЕСТОЙ КНИГИ.

---

[484] Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ: Крымскія дѣла 1667 года. Связка 56/а. № 2.

УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫЙ, ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ И ПРЕДМЕТНЫЙ

КЪ ШЕСТОЙ КНИГѢ.

Аадиль-Гирей (Чулъ-Болду), ханъ Крымскій. 363, 365, 367, 368, 370, 371, 378 — 380, 382, 383, 385, 387, 389, 432 — 445, 451, 454, 466, 470, 472, 485, 489, 502—505, 509, 510, 513—520, 539, 540, 543—551.
Абазы (Абазинцы), горскій народъ. 367.
Абдулъ-Байцынъ, переводчикъ. 25, 26, 27, 52.
Азовъ, городъ. 137, 190, 191, 547, 548.
Акиноіевъ, Иванъ Павловичь, стольникъ. 29, 31, 164.
Аккерманъ (Бѣлгородъ), городъ. 353, 378.
Аксиньино, село, подъ Москвою. 152.
Аксиньино (Оксиньино), сельцо, Маковскаго стана. 93.
Акъ-Мечеть, городъ. См. **Симферополь**.
Алей-имельдешъ, посолъ Крымскій. 267.
Аллегрети, посолъ цесарскій. 152, 157.
Александръ VII, папа Римскій. 1.
Александръ Фарнезе, герцогъ Пармскій. 70.
Алексѣй, св. митрополитъ. 173.
Алексѣй Алексѣевичь, царевичь. 115, 173, 216, 523.
Алексѣй Михайловичь, царь. 15, 40, 50, 62, 69—73, 75—78, 111, 116, 134, 135, 142, 144 — 147, 151, 158, 159, 169, 173, 187, 190, 211, 219 — 221, 259, 263, 264, 269, 274, 278, 282, 284, 285, 287, 291, 292, 299, 320, 322, 331, 360, 442, 448, 450, 530, 541.
Алипъ-Гирей, царевичь Крымскій. 470.
Алишъ-Батыръ, плѣнный Татаринъ. 267.
Алмазъ Ивановъ, думный дьякъ. 40, 135 — 137, 139 — 144, 148, 156, 287, 288, 298, 443, 445, 446, 467, 518, 535, 536.
Англія, Англійская (Аглинская) земля, Англичане, Англійскіе купцы. 143, 280, 281, 283, 285, 291, 292.
Андрусова, деревня. 452, 457, 474.
Аникіевъ, Яковъ, стрѣлецъ. 348, 361.
Анна Ивановна, императрица. 73.
Апостолъ, Павелъ, полковникъ. 57.
Армяне, въ Крыму. 53, 55, 504.
Арсланъ-ага, ближній ханскій человѣкъ. 489, 496, 500—503, 505, 507.
Архангельскій соборъ, въ Москвѣ. 142.
Архангельскъ, городъ. 283.

Астафьевъ, Григорій Власьевичь, голова Московскихъ стрѣльцовъ. 141.
Астрахань, городъ. 7, 8, 51, 376.
Атлишей-ага, гонецъ Крымскій. 505, 507.
Ахметъ-Гирей-султанъ. 372.
Ахметъ-мурза, гонецъ. 380.

Бабинъ, Димитрій, межевщикъ. 84, 85.
Базаръ (торгъ). 44, 386, 388, 455.
Байбаковъ, Ѳирсъ Ѳедоровичь, посланникъ. 7, 8, 11, 12, 43—45, 52, 191 — 193, 196, 197, 202, 203, 207, 208.
Баклановскій, Иванъ Ивановичь, думный дворянинъ. 221.
Бакунинъ, Никифоръ, дьякъ. 174, 184.
Балабанъ. См. **Діонисій Балабанъ**.
Балчы-баша, придворный чинъ, въ Крыму. 546, 548.
Бани Крымскія, въ Москвѣ. 133.
Барабашенки, барабаши, такъ называли въ Крыму казаковъ. См. **Малороссія**.
Барай-Казы-ага, казначей ханскій. 24, 25, 359, 360.
Барановичь. См. **Лазарь Барановичь**.
Баришполь, мѣстечко. 404.
Баръ, городъ. 234.
Барыны, старый Крымскій родъ. 433.
Батоги, наказаніе. 157, 348, 526.
Батуринъ, городъ. 247, 249, 455.
Батырша, Татаринъ. 209, 211.
Батыръ-ага, мурза. 340.
Бахметевъ, Ефимъ, стряпчій. 17.
Бахмичи, село. 247.
Бахчисарай, городъ. 2, 3, 11, 21, 22, 26, 36, 38, 39, 41, 43, 60, 191, 353, 356, 359, 373, 379, 380, 543, 544, 551.
Башмаковъ, Дементій, думный дьякъ. 159, 305, 329, 332, 529.
Безсоновъ, Тимоѳей, дьякъ. 287.
Белюбъ-Баша, Арсланъ, сейменскій голова. 9, 26, 35, 354, 355, 383, 384, 544, 546.
Беневскій, Станиславъ, коммиссаръ Польскій. 120, 522, 530—532.
Бесчасный, Степанъ, слуга Василья Борисовича Шереметева. 85.
Бибиковъ, Алексѣй, слуга Василья Борисовича Шереметева. 276, 277.
Библіотеки и книги церковныя, въ Литвѣ. 454.
Бильсъ, Яковъ, полковникъ. 409.
Благовѣщенскій соборъ, въ Москвѣ. 287, 288.
Боборыкинъ, Романъ Ѳедоровичь. 217—219, 221.
Богдановъ, Иванъ, жилецъ. 351, 352.
Богунъ, полковникъ. 246.
Болховъ, городъ. 179, 260.
Большая Московская улица, въ Путивлѣ. 183.
Большой городъ, въ Переяславлѣ (Кіевскомъ). 478, 479.
Борисъ Ѳедоровичь Годуновъ, царь. 96, 99, 100, 104.
Борятинскій, князь Юрій Никитичь. 30, 31, 58, 59, 68 — 70, 124, 125, 127, 129, 257, 258, 297, 477.
Борятинскій, князь Яковъ Семеновичь. 289.
Бочекъ, село. 247.
Бояре, ихъ державство. 92.
Боярыни: вдовыя, верховыя, пріѣзжія. 109, 110, 112, 113.
Браславль (Бряславль), городъ. 344.
Брасовскій станъ. 247, 248.
Братскій Богоявленскій монастырь, въ Кіевѣ. 413.
Брестовскій, Кипріанъ, референдарь и писарь великаго княжества Литовскаго. 522.
Бреховъ, Василій, дьякъ, 221.
Брюховецкая, Дарья Димитріевна рожденная княжна Долгорукова. 343, 344.

Брюховецкій, Иванъ Мартыновичъ. 13, 122 — 124, 130, 228, 229, 236, 242 — 245, 249, 250, 253, 256, 257, 260, 299, 300, 308, 314—320, 322 — 325, 335, 336, 339, 342—345, 391 — 393, 395, 400—404, 407—409, 413, 417—425, 455, 456, 461—463, 476, 478—480, 483.
Брянскъ и Брянскія мѣста. 179, 180, 257, 259, 260.
Бузувлукъ, рѣчка. 458.
Булгаковъ, Григорій Васильевичъ. 29, 30, 44, 56, 57, 61, 132, 472.
Бутенко, Яковъ, бурмистръ. 412.
Бутурлинъ, Григорій Ѳедоровичъ. 152, 168.
Бутурлинъ, Ѳедоръ Васильевичъ. 312.
Быховъ, городъ. 234, 237.
Бѣлая-Церковь, городъ. 234, 338.
Бѣлгородъ (Курскій), Бѣлогородскіе города, Бѣлогородскій полкъ. 180, 182, 222, 244, 245, 260, 314, 316, 318, 327, 329, 477, 532.
Бѣлгородъ (Татарскій). См. **Аккерманъ**.
Бѣлевъ, городъ. 186.
Вѣленихинъ, Исаія, ротмистръ. 207, 208, 211, 212.
Бѣльскіе, князья. 92.
Бялозоръ, Юрій, епископъ Виленскій. 231.

Валахія, Волохи. 486, 492, 493.
Валы земляные, въ Глуховѣ. 251, 252, 253.
Вантѣева, деревня. См. **Ивантѣева**.
Варженевскій, Алексѣй Константиновичъ. 294.
Варнава Лебедевичъ, игуменъ. 394.
Варшава, городъ. 175, 201.
Варѳоломей, инокъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря. 98.
Васильевская подколоколенная церковь, въ селѣ Чиркинѣ. 101, 104.
Васильковъ, городъ. 432.
Васютенко, Остапъ, кошевой. 463.
Введенскій переулокъ, въ Москвѣ. 154.
Вейнова, деревня. 298.
Великого. См. **Гагинъ**.
Вельяминовъ-Зерновъ, Левъ Андреевичъ. 155.
Вельяминовъ-Зерновъ, Никита Андреевичъ. 155.
Вельяминовъ, Иванъ, Козловскій воевода. 327.
Вельяминовы. 156.
Венгрія. 148.
Верхній городъ, въ Кіевѣ. 410, 411.
Вильна, городъ. 258, 454.
Висѣлицы, въ селѣ Коломенскомъ. 189.
Витебскъ и Витебское воеводство. 452, 534.
Вклады въ монастыри и церкви, вкладныя записи. 93—95, 97, 98, 102.
Владиміръ, св. благовѣрный великій князь. 319.
Владиславъ III, король Польскій. 235.
Войско: драгуны — 205, 248, 495; затинщики — 167; инженеры Французскіе, у Поляковъ—251, 252; конница Польская — 257; копейщики — 327; пушкари — 167, 330, рейтары—205, 316, 327—330; 409—412, 458, 464; стрѣльцы Московскіе—141, 178, 205.
Волга, рѣка. 515.
Волконскій, князь Василій Богдановичъ. 120, 200.
Вологодское архіерейское подворье, въ Москвѣ. 322, 324, 325.
Волохи. См. **Валахія**.
Волошенинов, Григорій, станичникъ. 147.
Волынская, Анна Ѳедоровна. См. **Шереметева**, Анна Ѳедоровна.
Волынскій, Василій Семеновичъ. 287, 288.

Волынскій, Михаилъ Семеновичь. 330, 331.
Воронежъ, мѣстечко, въ Малороссіи. 257.
Воронково, мѣстечко. 404.
Воротынская, княгиня Марья Лукьяновна, рожденная Стрѣшнева. 278.
Воротынская, княжна Екатерина Ивановна. См. **черкасская**, княгиня.
Воротынскій, князь Алексѣй Ивановичь. 278.
Воротынскій, князь Иванъ Алексѣевичь. 277, 278.
Воротынскъ, городъ 179.
Воскресенскій, Новый Іерусалимъ именуемый, монастырь. 217, 218, 219, 220, 322.
Выговскій, Иванъ. 65, 119, 132, 324.
Вырубовъ, Михаилъ Ивановичь. 30, 59.
Высокая-Порта. См. **Турція**.
Высочанъ, полковникъ. 408.
Выходы царицъ. 112.

Гавренева, Марья Ивановна. См. **Шереметева**, Марья Ивановна.
Гавреневъ, Иванъ Аѳанасьевичь. 75, 117, 490.
Гавреневъ, Иванъ Ивановичь. 491, 492.
Гагинъ (Великого), князь Даніилъ Степановичь. 228, 236.
Гадячь, городъ. 123, 199, 337, 455, 478, 480.
Гайчукъ, старшина казацкій. 458
Галеры. См. **Каторги**.
Галятовскій. См. **Іоанникій** Галятовскій.
Гамазовъ, Матвѣй Аѳелевичь. 9, 25.
Гамалѣй, полковникъ. 408.
Гачей-Темиръ-мурза-Сулешевъ, ближній ханскій человѣкъ. См. **Сулешевъ**.
Георгій Конисскій, архіепископъ. 456.
Герасимъ, архимандритъ Воскресенскаго монастыря. 321.
Гизель. См. **Иннокентій Гизель**.
Гиреи, династія. 365—367.
Глинскіе, князья. 92.
Гловненскій станъ. 247.
Глуховъ, городъ. 251—254, 257, 455.
Глѣбовъ, Михаилъ Ивановичь. 184.
Гоголевъ, мѣстечко. 404.
Годуновъ, Борисъ Ѳедоровичь. См. **Борисъ Ѳедоровичь Годуновъ**, царь.
Головою выдать, судебный обычай. 96.
Голодъ. 188, 240, 476.
Голосовъ, Лукьянъ Тимоѳеевичь, думный дьякъ. 526.
Голощаповъ, Григорій, поручикъ. 347.
Гонсѣвская, Магдалина. 20, 161, 162—164.
Гонсѣвскій (Корвинъ), Вицентій, гетманъ Литовскій и великій подскарбій. 20, 21, 45, 50, 51, 161—164.
Гонная слобода, въ Москвѣ. 154.
Гонцы. 52, 54—56, 61, 133—144, 147, 148, 165, 192, 197, 203, 244, 267, 328, 357, 405, 450, 458, 517, 518, 548.
Горленко, Лазарь, полковникъ. 392.
Городенка (Большая), рѣчка. 84, 86, 87.
Городенка (Сухая), рѣчка. 84, 87.
Городня, село. 115.
Грамоты: безмѣстныя, духовныя (завѣщанія), правыя, ставленныя, царскія. 23, 24, 34, 63, 64, 65—67, 77, 99, 102, 109, 144, 145—148, 186—188, 211, 220, 256, 258, 259, 260, 275, 309, 310, 346, 360, 361, 395, 416, 451, 463, 477, 539, 540.
Грановитая палата, въ Москвѣ. 154, 156, 285, 287, 523.
Греки (Гречаня). 272, 323, 423.
Гремякинъ, Анисимъ, приставъ. 309.
Грецовъ, Григорій, ротмистръ. 57.

Гречаня. См. **Греки.**
Греческая слобода, въ Крыму. См. **Маріамполь.**
Грибоѣдовъ, Ѳедоръ, дьякъ. 287.
Гулянницкій, полковникъ. 246.

Дагестанъ. 377.
Данко, полковникъ. 431, 432.
Дворецкій, Василій, полковникъ. 57, 66, 251, 303, 308, 309, 336, 337, 392, 396, 398, 414, 421.
Дворецъ. См. **Приказы.**
Дворъ Московскаго царя. 73, 74, 116, 158, 159, 224.
Дворы и усадьбы: въ селѣ *Аксиньинѣ*, Григорья Ѳедоровича Бутурлина — 152; въ *Бахчисараѣ*, царевъ, агинъ и казначеевъ—3, 7, 9—11, 21—23, 26, 27, 36, 44, 58, 60, 359, 360, 386, 504; въ *Кіевѣ*, воеводскій —394; въ *Москвѣ*, Давыдовскій Николаева, на Покровкѣ—284, Дерябина — 170, казенный — 156, Кизильбашскій—322, 324, Крымскій — 133, 134, 140, посольскій—286, 524, 526, Петра Васильевича Большого Шереметева — 533, 534, Ѳедора Васильевича Шереметева — 82, князя Шлякова-Чешскаго—157; въ селѣ *Никольскомъ*, князя Якова Куденетовича Черкасскаго — 152; въ селѣ *Семеновскомъ*, потѣшный — 105; въ *Съвскѣ*, воеводскій — 182; въ селѣ *Чиркинѣ*, Шереметевыхъ —84, 85, 100, 102, 103.
Девлетъ-Гирей, нурадинъ. 470.
Девлетъ-Гирей (чабанъ Мустафа). 366, 367.
Делшъ-бей, ханскій гонецъ. 549.
Деньги: мѣдныя и серебряныя — 54, 55, 176, 177, 275; алтынъ — 77; деньга серебряная — 54; ефимки — 12, 17, 18, 47, 197, 281, 382 — 385, 446, 467, 541, 547, 549; золотые червонные— 5, 6, 13, 50, 201, 210, 211, 264; золотые Польскіе—522, 531; копѣйки — 54; кураши — 10, 25, 435, 438; левки—446, 447; литовки—17; рубль—77, 177, 278, 532.
Дервиши, на Кавказѣ. 377.
Дерябинъ, Давидъ Корнильевичъ. 170.
Десна, рѣка. 256, 265.
Децыкъ, полковникъ. 345.
Дилаверъ, посланецъ ханскаго визиря. 33, 34.
Димитрій Ростовскій (Даніилъ Туптало), св. 415, 416.
Діонисій, патріархъ Константинопольскій. 423, 424.
Діонисій Балабанъ, митрополитъ Кіевскій. 132.
Днѣпровскіе казаки. См. **Малороссія.**
Днѣпръ, рѣка. 119, 121, 127, 138, 199, 233, 240, 255, 262, 302, 308, 314, 338, 362, 391, 453, 458, 464, 465, 469.
Днѣстръ, рѣка. 352.
Договоры: Андрусовскій—452, 453, 454, 456, 457, 466, 469, 474, 475, 476, 483, 486, 521, 522, 525, 526, 531 — 533, 536; **Кардисскій**—175; **Чудновскій**—29, 63, 66, 67.
Долгово, Петръ, подъячій, 274, 275, 539.
Долгорукова, княжна Дарья Димитріевна. См. **Брюховецкая.**
Долгоруковъ, князь Димитрій Алексѣевичъ. 344.
Долгоруковъ, князь Петръ Владиміровичъ. 114.
Долгоруковъ, князь Юрій-Софроній Алексѣевичъ. 65, 105, 259, 287, 288, 298, 344.
Домецкій, Андрей, шляхтичъ. 534.
Донскіе казаки, Донцы. 48, 49, 51, 135—138, 146, 190, 191, 194.
Донъ и Донское устье. 48, 135, 137, 138, 146, 190, 442, 514, 516, 539, 540, 543, 545—551.

Дороги Украинскія. 240.
Дороговизна. 177, 188.
Дорогомилова слобода, въ Москвѣ. 105, 450.
Дорошенко, Петръ. 340, 341, 342, 362, 382, 390, 391, 400, 401, 409, 424, 430 — 432, 434, 454, 462, 468—472, 474—476, 483, 485, 513, 514, 538.
Дохтуровъ, Герасимъ Семеновичь, думный дьякъ. 526.
Дроздъ, полковникъ. 341, 344.
Дубно, городъ. 234.
Дубяговна, сноха Нѣжинскаго протопопа Максима (потомъ епископа Меѳодія). 417.
Дума боярская. 116, 117, 237, 238, 239.
Дѣвичье поле, въ Москвѣ. 282.
Дѣвовичъ, Семенъ, авторъ. 62.

Евдокія Лукьяновна, царица. 278.
Евреиновъ, Павелъ, жертвователь. 107.
Екатерина II, императрица. 62.
Екатерина Алексѣевна, царевна. 111.
Елена Васильевна Глинская, великая княгиня. 92.
Ермоленко, Даніилъ, наказной гетманъ. 341, 345.

Жданъ-Рогъ, кошевой. 460, 461, 463.
Желябужскій, Иванъ Аѳанасьевичь. 151, 161, 280—282.
Жидовскій городокъ (Чуфутъ-Кале). 12, 33, 35—41, 43, 45, 47, 49, 60, 191, 192, 203—206, 212, 268, 354, 358—360, 373, 379, 383, 386, 494, 495, 501, 551.
Жиды: въ Крыму—40, 41, 53, 55, 205 — 208, 212, 213, 386; въ Польшѣ—471.
Жировой. См. **Засѣкинъ.**

Заборовскій, Семенъ Ивановичь, думный дьякъ. 75, 76, 117, 227.
Забѣла, Петръ Михайловичь. 462.
Забѣлинъ, Иванъ Егоровичь. 112.
Загоскинъ, профессоръ. 180.
Загряжскій, Иванъ Іевлевичь. 120.
Замоскворѣчье, въ Москвѣ. 133.
Запорожье, Запороги, Запорожская Сѣчь, Войско Запорожское, Запорожцы, Запорожскіе Черкасы. См. **Малороссія.**
Засѣкинъ-Жировой, князь Димитрій Ивановичь. 525, 526.
Засѣкинъ-Солнцевъ, князь Андрей Михайловичь. 525.
Зеленскій, Михаилъ, полковникъ. 472, 473.
Земляной валъ, въ Москвѣ. 283.
Земляной городъ, въ Москвѣ. 450.
Змѣевъ, Семенъ Даниловичь. 117, 122.
Знамена, полковыя, воеводскія. 185, 239, 282, 283, 304, 305, 323.
Золотая палата, въ Москвѣ. 142, 154, 173, 526, 531.
Золотоноша, мѣстечко. 432.
Золоторенко, Василій Никифоровичь. 122, 229.
Золотые ворота, въ Кіевѣ. 478.
Зоммеръ, Симонъ, докторъ. 294, 295.
Зубовъ, Иванъ Димитріевичь. 178.
Зыковъ, Иларіонъ, ротмистръ. 207, 208.
Зюзинъ, Никита Алексѣевичь. 322.

Ивановскіе луга. 218.
Ивановъ, Исаія, подъячій. 185.
Ивантѣева (Вантѣева), деревня. 84, 87, 93.
Иванчинъ-Писаревъ, авторъ. 88, 89, 90, 100, 104.
Иванъ III Васильевичь, великій князь. 89.
Иванъ IV Васильевичь Грозный, царь. 92, 96.
Иванъ Алексѣевичь, царь. 73.

Иванъ (Ивашка), мельникъ, посланецъ Дорошенка. 431, 432.
Ивашкинъ, Иванъ, воевода. 330.
Избы: жидовская—377, 486, 494, 500; крестьянскія—153; Ногайскія — 10, 33; разрядныя (въ Бѣлгородѣ, Кіевѣ, Курскѣ, Сѣвскѣ и Твери) — 182; сейменская, въ Бахчисараѣ — 9, 10, 26, 33.
Измайлка, слуга ханскаго визиря. 27.
Измайликъ, Татаринъ. 12, 43, 44, 52.
Измайлово, село. 531.
Измайловъ, Петръ, воевода. 335.
Иконы. 105, 109, 450.
Имельдешъ, объясненіе этого слова. 267, 360.
Инетъ-Гирей, царевичь Крымскій. 470.
Иннокентій Гизель, архимандритъ Кіево-Печерскій. 125, 126, 394, 421—424, 482, 484.
Иноземчество, мѣстническій доводъ. 223, 225—228.
Инфлянтское воеводство. 452.
Исламъ-Гирей, ханъ Крымскій. 10, 13.
Исламъ-ага, верховный визирь. 365, 367, 368, 378—389, 436, 437, 439—442, 445, 446, 485, 489, 490, 509 — 518, 521, 535, 541, 544.
Исламъ, Татарскій переводчикъ. 6, 36.
Исупъ, жидовинъ. 12.
Исупъ, приставъ. 7, 8, 11, 12, 46, 52.

Іоанникій Галятовскій, игуменъ. 394.
Іоасафъ, патріархъ Всероссійскій. 449, 450.
Іоасафъ Кроковскій, митрополитъ Кіевскій. 416.
Іона Сисоевичь, митрополитъ Ростовскій. 320, 321.

Кабала, запись. 53, 54.
Кабарда и Кабардинцы. 375, 376.
Кавказъ. 269, 375.
Кадыскеръ-ага, ближній ханскій человѣкъ. 383, 541, 544, 546, 548.
Казаки. См. **Малороссія**.
Казань, городъ. 7, 8, 51, 173.
Казна: денежная—7, 8, 16, 17, 19, 24, 26, 34, 47, 50, 77, 99, 125, 263, 306, 312, 328, 335, 460, 463, 466, 502, 510, 515, 541; зелейная — 312; свинцовая — 312; соболиная—277.
Кай-бей Мансуровъ. См. **Мансуровъ**.
Кайтасъ (Кайташа)-ага, ближній ханскій человѣкъ. 273, 357, 378, 387.
Калачи. 289, 349.
Калачовъ, Николай Васильевичь. 86.
Калмыки, народъ. 134, 240—242, 246, 267, 268, 351—354, 356, 438, 439, 442, 515.
Калуга, городъ. 236, 238, 239, 326.
Калужскіе ворота, въ Москвѣ. 133.
Кальвуччи, Горацій, посолъ цесарскій. 148.
Камамбетъ-Батырша, мурза. 340.
Каменецъ-Подольскій, городъ. 470.
Каменный перевозъ, въ Запорогахъ. 464.
Кандалы (кайдалы), орудіе истязаній плѣннаго боярина Василья Борисовича Шереметева. 9—11, 13, 26, 27, 35, 40—42, 45, 58, 60, 210, 272, 357, 359, 360, 372, 374, 381, 385—388, 494, 504.
Каневъ, городъ. 317, 329, 345.
Караимы, въ Крыму. 37, 38.
Карачевъ, Карачевскій уѣздъ, Карачевскія мѣста. 168, 179, 250, 255.
Карачеи, ближніе ханскіе совѣтники. 385, 444, 445, 545, 547.
Карачъ-бей, мурза. 199.
Кардисъ, деревня. 175.
Каржавинъ, Кузьма. 59.

Карета (корета), экипажъ. 494.
Карлейль, графъ Карлъ, посолъ Англійскій. 282—289, 291, 292.
Карлъ I, король Англійскій. 292.
Карлъ II, король Англійскій. 281, 282, 292.
Касимовскій царевичь, Василій Аразлановичь. 173, 222.
Касоговъ, Григорій, стольникъ. 302, 425, 427.
Кастабулатъ-мурза. См. **Черкасскій**, князь Каспулатъ Муцаловичь.
Кастрированіе плѣнниковъ, въ Крыму. 204.
Катлушъ, мурза Ширинскій. 169, 172, 376, 444.
Каторги, галеры, гребныя суда. 205, 206, 212, 371, 378.
Кафа, городъ. См. **Ѳеодосія**.
Кача, деревня и рѣчка. 3, 193.
Качебаровская земля. 218.
Келмаметъ, мурза Ширинскій. 29, 30, 44, 56, 57.
Керчь, городъ. 373, 374.
Кизильбашскіе купчины. См. **Персидскіе** купцы.
Кикинъ, Василій Петровичь. 299, 300, 302, 462.
Кирилло-Бѣлозерскій монастырь. 93, 95, 98.
Китай-городъ, въ Москвѣ. 157, 322.
Кіево-Печерскій монастырь. 126, 416, 417, 421.
Кіевская Духовная Академія. 413.
Кіевская митрополія. 132, 391, 392, 422—424, 482.
Кіевскій столъ Разряднаго приказа. 180.
Кіевскія старыя школы. 413—417.
Кіевъ и Кіевляне. 28, 30, 31, 57, 58, 68, 124, 125, 127, 131, 134, 138, 178, 182, 200, 246, 326, 327, 328, 331, 333 — 335, 340, 342, 343—351, 361, 391—393, 395, 396, 397, 399, 403—407, 409, 410—416, 421, 422, 426, 431, 453, 455, 457, 475—478, 480, 481—483, 487, 532, 551.
Клейменье лица. 189, 204.
Клестовъ, Петръ, пушкарь. 186.
Климентъ Старушичь, игуменъ. 394.
Книги богослужебныя, исправленныя Никономъ. 450.
Кобыла, Андрей, родоначальникъ Шереметевыхъ. 89, 106.
Ковры Персидскіе. 523.
Ковши и кубки. 143, 286.
Кодакъ, въ Запорожьѣ. 425, 427.
Козельскъ, городъ. 179.
Козловскій, князь Григорій Аѳанасьевичь. 29, 31, 57, 164.
Козловскій, князь Иванъ Петровичь. 289.
Козловъ (Крымскій), городъ. 60.
Козма, игуменъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря. 93, 95.
Кокенгаузенъ, замокъ. 151.
Коллинсъ, Самуилъ, докторъ. 294, 296.
Коломенское, село. 187—189, 531.
Коломна и Коломенскій уѣздъ. 84, 85, 86.
Комарницкая волость. 186, 247.
Конотопская битва. 15, 53, 114.
Константинополь. См. **Царьградъ**.
Конюха придворные. 141.
Кёпрюль-Мухаммедъ-паша, верховный визирь Турецкій. 364.
Копычейскій голова, служебный чинъ въ Крыму. 23.
Кормъ поминный въ монастыряхъ и кормовыя книги. 94, 95.
Королевецъ, городъ. 250, 257, 260.
Корсаковъ, Никита, ротмистръ. 330.
Корсунь, городъ. 338.
Костомаровъ, историкъ. 339, 412.
Костоправы, въ войскѣ. 250.
Котельва, городъ. 337.
Котельня, мѣстечко. 57.
Котошихинъ, авторъ. 143, 176.
Краковъ, городъ. 315.
Красная площадь, въ Москвѣ. 141.
Красное крыльцо, въ Москвѣ. 529.
Кремль, въ Москвѣ. 141.
Крестный ходъ, въ Москвѣ. 450.

Кричевъ, городъ. 258, 260.
Кроковскій. См. **Іоасафъ Кроковскій**.
Кромы, городъ. 179.
Крупецкая волость. 248.
Крымокъ, урочище, въ Москвѣ. 133.
Крымская улица, въ Москвѣ. 133.
Крымскіе лужники, урочище, въ Москвѣ. 133.
Крымскій бродъ, урочище, въ Москвѣ. 133.
Крымскій лугъ, урочище, въ Москвѣ. 133, 140.
Крымскій мостъ, въ Москвѣ. 133.
Крымъ-Гиреевы дѣти, царевичи. 265.
Крымъ, Крымскіе городки, Крымскій улусъ, Крымскій юртъ, Крымскія мѣста, Крымское государство, Крымское ханство. 2, 7—11, 13, 14, 16 — 20, 28, 42, 43, 47—51, 54—60, 62, 70, 77, 83, 135, 136, 138—140, 146, 147, 148, 164, 168, 170—172, 191, 192, 193, 195—197, 202, 207—212, 246, 265, 266, 268 — 270, 272, 274, 340, 351, 354, 355, 358, 360, 362, 363, 369 — 373, 375, 376, 378 — 380, 382, 385, 389, 390, 409, 430 — 440, 446, 451, 461, 463, 464, 467, 472, 474, 485—487, 493, 494, 499, 502, 505, 508, 509, 511, 513, 515, 517, 519 — 521, 538—540, 542, 548, 550.
Крымцы, Крымскій народъ, Крымскіе Татары, Орда. См. **Татары** Крымскіе.
Кубань, область и рѣка. 374, 375, 439.
Кулъ-Болду, сынъ чабана. См. **Фетхъ-Гирей**, калга.
Кумыки. См. **Черкесы**.
Куракинъ, князь Григорій Семеновичь. 166, 168, 169, 173, 185, 239.
Куракинъ, князь Ѳедоръ Ѳедоровичь. 222, 236.
Курскъ, городъ. 179, 180, 182.
Кутлу-Маметъ-Устькосимовъ, переводчикъ. 548, 549.
Кутузовъ, фельдмаршалъ. 243.
Кучюмовъ, Полуектъ, толмачъ. 373.
Кушанья (яства) старинныя. 290, 291, 524, 525.
Кятибъ, Татарскій служебный чинъ. 25.

Лазарь Барановичь, епископъ Черниговскій. 261, 262, 482.
Лебедевичь. См. **Варнава Лебедевичь**.
Лекаря, въ войскѣ. 250.
Леонтьевъ, Замятня Ѳедоровичь, думный дьякъ. 242.
Леонтьевъ, Іона, жилецъ. 476, 477, 478—480, 482.
Леопольдъ I, цесарь Римскій. 148, 150, 159.
Лесницкій, Даніилъ, войсковой писарь. 472, 473.
Ливонскіе (Лифляндскіе) города. 150, 175.
Лигаридъ. См. **Паисій Лигаридъ**.
Лины Запорожскія. См. **Лодки**.
Литва и Литовцы. 92, 105, 145, 233, 256, 297, 299, 453, 454.
Литовскіе выходцы. 92.
Лобановъ-Ростовскій, князь Иванъ Ивановичь. 167.
Лодки, липы Запорожскія. 374, 463.
Лодыженскій, Ефимъ, стольникъ. 451, 454, 457, 458 — 466, 468, 476, 514.
Лодыженскій, Ѳедоръ, стольникъ. 13.
Лохвицы, городъ. 53, 199.
Лошади Персидскія и Арабскія. 154.
Лощеловъ, Яковъ, слуга Василья Борисовича Шереметева. 358, 447.
Лубны, городъ. 199, 455.
Львовъ, городъ. 233, 259, 470, 484.
Львовъ, князь Никита Яковлевичь. 326, 331, 333, 334, 336, 337, 344—348.

Львовъ, князь Семенъ Ивановичь. 316.
Любаръ, мѣстечко. 28.
Люблинъ, городъ. 470.
Любомирскій, Юрій, польный гетманъ. 66, 67, 130, 232, 233, 240, 317, 475.
Ляхи. См. **Польша**.

Мааметъ-ага, гонецъ ханскій. 443, 446, 448, 451, 454, 457 — 459, 466, 512, 513, 517.
Магметъ, султанъ Турецкій. См. **Мухаммедъ**.
Майковъ, Семенъ, сержантъ. 65.
Максимъ Филимоновичь, Нѣжинскій протопопъ. См. **Меѳодій**, епископъ Мстиславскій.
Малороссія: Украйна, Украинные города, Черкасскіе города, Запорожье, Запороги, Запорожская Сѣчь, Малороссіяне, Украинцы, Казаки, Черкасы, Днѣпровскіе казаки, Запорожцы, Запорожскіе Черкасы, барабашенки, барабаши. 2, 4, 8, 13, 46, 48, 53, 57, 61—66, 69, 116, 117, 119—125, 127 — 129, 131, 132, 134, 136—138, 145 — 147, 149, 157, 174, 175, 177 — 181, 190, 194, 197 — 201, 216, 217, 228, 230 — 235, 239, 240, 242, 244—247, 253, 259—263, 265, 266, 270, 299—304, 307—311, 314—319, 323 — 325, 328, 335, 336—343, 346, 348, 349, 353, 354, 360, 362, 381, 382, 390, 391—393, 395, 397, 400 — 405, 407, 408, 412, 419, 420, 424—428, 430 — 435, 438, 442, 443, 451, 453—466, 468—472, 474 — 476, 478 — 484, 487, 493, 510, 512, 513—515, 517, 520 — 522, 531, 532, 533, 538, 551.
Малютинъ, Ѳеодосій, Курченинъ. 495.
Маметша, князь. См. **Сулешевъ, Маметша**, князь.
Маметъ-ханъ, единомысленникъ Ширинovъ. 440.
Маметъ-имельдешъ, гонецъ Крымскій. 54, 61, 132, 134 — 144, 147, 148, 164, 165.
Мамы царевенъ. 111.
Мангупъ, крѣпость. 139, 140, 191.
Мансуровъ, Кай-бей. 438.
Мансуры, старый Крымскій родъ. 433, 437, 439.
Марица, рѣка. 182.
Маріамполь, Греческая слобода, предмѣстье Бахчисарая. 21, 551.
Маркъ, игуменъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря. 98.
Марья Ильинишна, царица. 109, 112.
Марѳа Алексѣевна, царевна. 111.
Маховскій, полковникъ, 470, 508.
Мглинъ, городъ. 258, 260.
Межеваніе. 83, 85.
Межибожъ, городъ. 470.
Мейербергъ, Августъ, посолъ цесарскій. 148, 150, 153, 155, 157—160.
Мелетій, игуменъ Межигорскаго монастыря. 394.
Меньшой городъ, въ Переяславлѣ (Кіевскомъ). 478, 479.
Мехметъ-Гирей, султанъ Крымскій. 200.
Мещериново, село. 115.
Мещовскъ, городъ. 179.
Меѳодій (Максимъ Филимоновичь), епископъ Мстиславскій. 122, 124, 131, 229, 317, 342 — 346, 392, 394, 396, 398, 399, 404, 405—412, 417—421, 471.
Миллеръ, исторіографъ. 344.
Милославскіе. 188.
Минскъ, городъ. 258.
Мины, при осадѣ Глухова. 252.
Миргородъ. 408, 455.
Михаилъ Ѳедоровичь, царь. 227.
Михайловъ, Гавріилъ, подъячій. 8, 43, 53, 54, 191, 193, 380, 381, 520, 543, 547, 548.
Михайловъ, Иванъ, дьякъ. 310.
Мнихъ, Андрей, райца. 349.

Могилевъ, городъ. 258, 260, 264.
Монастыревъ, Иванъ, полковникъ. 31, 59, 386.
Монастыри, ихъ пожертвованія на ратныхъ людей. 263, 264.
Мормылевъ, слуга боярина Василья Борисовича Шереметева. 541, 550.
Моровое повѣтріе. 304, 307—310, 314, 326.
Москва, городъ. 15, 16, 20, 55, 56, 57, 60, 61, 67, 74, 77, 116, 124, 127, 130—134, 139, 150—153, 157, 159, 162, 166, 167, 169, 172, 177, 183, 186—189, 214, 215, 216, 219, 221, 222, 228, 235, 236, 240, 250, 259, 270, 282, 284, 304, 308, 309, 311, 317, 318, 320, 322—324, 333, 335, 336, 340, 345, 351, 391, 392, 394, 396, 399—401, 408, 409, 421, 443, 446, 448, 449, 451, 455, 456, 461, 462, 466, 488, 490—493, 507, 512, 513, 519—522, 526, 536, 550.
Москва-рѣка. 189, 450.
Мотовиловка, село. 345.
Мстиславль, городъ. 246.
Музыка: барабаны—154; литавры и литаврщики—284, 323; трубы и трубачи—154, 283, 284.
Муратъ-Гирей, нурадинъ. 2, 7, 10, 11, 31, 33—35, 60, 372.
Мустафа, чибанъ. См. **Девлетъ-Гирей**, нурадинъ.
Мухаммедъ (Магметъ) IV, султанъ Турецкій. 149, 363.
Мухаммедъ-Гирей, ханъ Крымскій. 3, 7—9, 11, 23, 24, 32—34, 40, 54, 55, 134, 135, 142, 144, 165, 170, 171, 190, 191, 196, 203, 208, 209, 266—268, 271, 351, 352, 353, 355, 356, 358, 361, 362—369, 371—379, 381, 383, 384—387, 432, 437, 438, 440, 444, 494, 496, 502, 504, 510, 511, 515, 544.
Мценскъ, городъ. 179.
Мѣра и вѣсъ: бещеръ—12; око—10.
Мѣстничество. 110, 156, 157, 222, 223, 225—227, 525—530.
Мѣха (мягкая рухлядь). 275—278, 463.

Набатовъ, Ѳедоръ, подъячій. 59.
Надписи надгробныя. 90, 91, 101.
Наказы. 17—20, 24, 28, 43, 180, 183, 219, 220, 281, 299, 325, 333, 334, 455, 460—462, 476, 477, 530.
Намѣстникъ Смоленскій, почетный титулъ. 181.
Напитки (питія) старинные. 143, 286, 291, 525, 526.
Наполеонъ I. 243.
Нарва (Ругодивъ), городъ. 97.
Нармацкій, Иванъ Ивановичъ, жилецъ. 59, 386, 550, 551.
Наумовъ, Димитрій Никитичъ, стольникъ. 288.
Нащокинъ, Аѳанасій. См. **Ординъ-Нащокинъ**.
Невѣровъ, Иванъ, подъячій. 348.
Недрыгайловъ, городъ. 179.
Незамай, судья войсковой. 408.
Некрасовъ, Семенъ, рейтаръ. 460.
Нектарій, патріархъ Іерусалимскій. 322.
Непейцинъ, Василій, маіоръ. 228.
Нестеровъ, стольникъ. 201.
Нечаевъ, Василій Григорьевичъ. 290.
Нижній-Новгородъ. 127.
Никодимъ, инокъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря. 93.
Николаевскій Антоніевъ Краснохолмскій монастырь. 92, 97, 99.
Никольская улица, въ Москвѣ. 154.
Никольское, село, Московскаго уѣзда. 151, 152.
Никольское, село, Ряжскаго уѣзда. 293.
Никонъ, патріархъ Всероссійскій. 78, 217—221, 223, 320—322, 448, 449.
Новгородъ Великій. 89, 96.

Новгородъ Сѣверскій. 179, 254, 255, 256, 261, 262, 455.
Новоселье, село. 113.
Новосиль, городъ. 180.
Новосильцовъ, Владиміръ. 156.
Новосильцовъ, Григорій Владиміровичь. 155—157.
Новосильцовы. 156.
Ногайцы, Ногайскіе Татары, Ногайскія племена, Ногайскіе улусы. См. **Татары** Ногайскіе.
Нѣжинъ, городъ, Нѣжинскій уѣздъ, Нѣжинцы. 117, 120, 122, 134, 138, 200, 249, 334, 342, 348, 349, 350, 361, 417, 455.
Нѣмцы, въ Русскомъ войскѣ. 337.

Обозъ воинскій, кошъ, станъ, таборъ. 11, 28, 29, 56, 57, 63, 64, 68, 254, 258, 266, 341.
Обоянь, городъ. 179.
Огненный бой. 5.
Одежда, платье: встрѣчное — 141, чистое—141, 142; цвѣтное ратное — 283; кафтаны жалованные—3, 203; кафтаны, похожіе на Польскіе—154; шубные кафтаны—311; терлики червчатые и объяринные—288; ферезь—142; шубы жалованныя — 142, 503, 546.
Одобашъ, сотникъ. 21, 24.
Одоевская, княгиня Евдокія Ѳедоровна. См. **Шереметева**, Евдокія Ѳедоровна.
Одоевская, княжна Прасковья Никитишна. См. **Черкасская**, княгиня Прасковья Никитишна.
Одоевскіе, князья. 109, 110.
Одоевскій, князь Никита Ивановичь. 110, 275—277, 280, 287, 288, 298, 523.
Одоевскій, князь Яковъ Никитичь. 115.
Оклады денежные служилыхъ людей. 279, 280, 293.
Окопы. 5, 28.
Оксиньино, сельцо. См. **Аксиньино**.
Окупъ, выкупъ плѣнныхъ. 5 — 7, 13, 18—20, 34, 35, 50, 53—55, 71, 72, 76, 81, 162, 164, 196, 197, 205 — 207, 211, 212, 274, 275—278, 382—385, 434, 441, 442, 443, 445, 446, 466, 505, 506, 516, 520, 521, 537, 539, 541—543, 545, 547, 549.
Оламово, пустошь. 93.
Олишевка, мѣстечко. 349.
Оловенниковъ, Иванъ Большой, подъячій. 348.
Олуховъ, Иванъ, дьякъ. 276.
Омельникъ, рѣчка. 458.
Опара, Степанъ, казакъ. 339—341.
Опухтинъ, Иванъ Даниловичь. 7, 8, 11, 12, 25, 43—45, 52, 139, 140, 191—196, 202, 203.
Ординъ-Нащокинъ, Аѳанасій Лаврентьевичь. 150, 161, 162, 233, 298, 300, 301, 450, 452, 475, 523, 526—532, 536, 538.
Орелъ, городъ. 179.
Оружіе и орудія: алебарды — 288; мортиры—251, 254; пищали — 141, 390, 464, 465; протазаны —288; пушки — 251, 254, 326, 331; сабли—192.
Орѣхова, деревня. 84, 87, 93.
Осада: города Глухова, 251 — 254; Новгорода Сѣверскаго, 261.
Остроги, въ Сѣвскѣ. 182, 183.
Остеръ, городъ. 246, 249, 250, 348.
Отары, деревня. 271, 272.
Отвѣтная палата, въ Москвѣ. 287.
Отоманская Порта. См. **Турція**.
Охота. См. **Потѣха**.

Павелъ, апостолъ. 429.
Падежъ конскій. 186, 334.
Паисій, патріархъ Александрійскій. 449.
Паисій Лигаридъ, митрополитъ Газскій. 223.
Панарьинъ, Никонъ, толмачъ. 208, 209, 211—213, 215, 505.
Пансыри (панцыри), у Крымцевъ. 203.

Парѳеній, патріархъ Константинопольскій. 423, 424.
Патріаршее мѣсто, въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ. 321.
Пацъ, Михаилъ, польный гетманъ. 234, 237, 239, 246, 258.
Пелкинъ, Иванъ, прапорщикъ. 458, 464.
Пенька, предметъ производства. 275, 281.
Первая Пришиба, урочище. 458.
Переверзевъ, Иванъ, прапорщикъ. 465.
Переволочна, городъ. 458.
Переграда (рѣшетка), въ царскомъ теремѣ. 226, 227.
Передняя палата, въ царскомъ теремѣ. 116, 117, 216.
Перекопъ, перешеекъ и городъ. 138, 213, 351, 352, 354, 496.
Перепечи, праздничное приношеніе. 293.
Переяславль (Кіевскій) и Переяславскій полкъ. 57, 120, 122, 134, 138, 199, 200, 246, 305, 307, 408, 431, 432, 455, 476—478.
Персидскіе купцы (Кизильбашскіе купчины), въ Москвѣ. 322, 323, 324, 325.
Перхуровъ, Иванъ, приказный. 262.
Песковъ, Иванъ, дьякъ. 128.
Петръ Великій, императоръ. 416.
Печати казенныя. 277.
Пещеры, въ Чуфутъ-Калѣ. 37, 39.
Писаревъ, Семенъ, гонецъ. 30, 31.
Писцовыя книги. 84—87, 100, 218, 221.
Питиримъ, митрополитъ, блюститель патріаршаго престола. 132, 173, 398.
Племянниковъ, Семенъ, заложникъ (аманатъ). 386.
Плѣнники, полоняники Русскіе, въ Крыму. 53 — 55, 201, 204, 205 — 207, 369, 370, 443, 445, 505, 515, 519.
Повинности, въ Малороссіи: подводная, 305 — 308, 312, 331, 404—406; постойная, 409—412.
Погаръ, городъ. 257.
Поддѣлка денегъ. 177.
Подкупной, Гавріилъ, райца. 412.
Подолъ, въ Кіевѣ. 409, 412.
Пожарская, княгиня Евдокія Васильевна, рожденная Третьякова. 114.
Пожарская, княжна Евдокія Петровна. См. **Шереметева, Евдокія Петровна**.
Пожарскіе, князья. 114.
Пожарскій, князь Димитрій Михайловичъ. 114.
Пожарскій, князь Иванъ Димитріевичъ. 142.
Пожарскій, князь Семенъ Романовичъ. 114.
Покровка, улица, въ Москвѣ. 284.
Покровская церковь, въ селѣ Чиркинѣ. 84, 86, 89—91, 100—103.
Полевъ, Иванъ Андреевичъ. 174, 184, 215, 218, 299.
Полозовъ, Антонъ, полуполковникъ. 29.
Полоняничныя деньги, сборъ ихъ со всего государства. 274.
Полоцкое воеводство. 452.
Полтава и Полтавцы. 407, 408, 455, 458.
Полубинскій, гетманъ Литовскаго войска. 246, 255.
Польша, Рѣчь-Посполитая, Поляки, Польскіе люди, Ляхи. 5, 7, 11, 13, 16, 17, 20, 21, 28—31, 47, 50, 51, 59, 64—66, 68, 127, 128—130, 170—172, 175, 176, 198 — 201, 216, 224, 225, 231, 233, 240 — 244, 246, 247, 252, 253, 254, 256—258, 262, 264, 266, 298, 299, 302, 303, 315, 316, 318, 319, 337, 338, 341, 361, 391, 397, 425, 450, 452, 453, 457, 469—471, 473—475, 484, 487, 493, 514, 521, 527, 533.
Поминки легкіе, дары Крымцамъ. 16, 22, 24 — 26, 32, 77, 147, 172, 451, 460, 466, 515.
Порохъ (зелье). 64, 252, 326.

Порѣцкая волость. 527.
Посольская палата, въ Москвѣ. 141.
Посохъ св. Петра митрополита, въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ. 321.
Поставцы, за государевымъ столомъ. 289, 290.
Постельное крыльцо, въ Москвѣ. 528.
Постриги неволею. 92, 97.
Пострѣлъ, у лошадей. 186.
Посулы, взятки. 411, 412, 487, 498, 500.
Потаповъ, Даніилъ, станичникъ. 147.
Поташъ, предметъ торговли. 275, 277, 281.
Потиръ Покровской церкви села Чиркина. 102.
Потоцкая, Елена Петровна, рожденная Салтыкова. 73.
Потоцкая, Марья. 366.
Потоцкій, Павелъ, авторъ. 72—74.
Потоцкій, Станиславъ, великій коронный гетманъ. 13, 20, 50, 66, 67, 72, 234, 298.
Потѣха (охота): царя Алексѣя Михайловича, 531; Крымскаго хана Мухаммедъ-Гирея, 203.
Походы царскіе, богомольные и потѣшные. 105, 530.
Почепъ, городъ. 179, 255, 257.
Пражмовскій, великій канцлеръ. 298.
Преображенское, село. 531.
Приданое княжны Воротынской. 279.
Придѣлы Покровской церкви села Чиркина. 84, 86, 89, 91, 103.
Приказы: Аптекарскій—294; Большой Приходъ—184; Владимірская Четверть — 180, 527; Галицкая Четверть — 527; Дворецъ — 170; Казенный — 142; Малороссійскій—180, 267, 300, 303, 310, 325, 334, 347, 348, 361, 527, 536; Полоняничныхъ дѣлъ—534; Помѣстный—84, 85, 221; Посольскій—135, 150, 161, 162, 216, 274 — 276, 325, 373, 527, 536, 537, 539; Разрядный — 75, 76, 117, 179, 185, 216, 304—307, 310—312, 327, 328, 330, 335, 348; Сибирскій—275 — 277; Смоленскій — 180; Тайныхъ дѣлъ — 75, 76, 300; Ямской—333.
Прилуки, городъ. 455.
Присяга, крестное цѣлованіе, шерть. 11, 14, 67, 136 — 138, 146, 193, 383, 426, 522.
Прозоровскій, князь Василій Петровичь. 288.
Прозоровскій, князь Иванъ Семеновичь. 255—258.
Прозоровскій, князь Петръ Ивановичь. 288.
Прозоровскій, князь Петръ Семеновичь. 280—282.
Пронская, княгиня Ксенія Васильевна, рожденная Третьякова. 114.
Пронская, княжна Ульяна Петровна. См. **Шереметева**, Ульяна Петровна.
Пронскій, князь Иванъ Петровичь. 115, 523.
Прончишевъ, Иванъ Аѳанасьевичь. 287—289.
Протасьевъ, Ѳедоръ Васильевичь. 316, 337.
Протоколы Боярской Думы. 237, 238, 239.
Пруды, въ Чиркинской вотчинѣ. 84, 87, 94, 103.
Прутки, мѣстность, въ Сѣвскомъ уѣздѣ. 169.
Псково-Печерскій монастырь. 101.
Исковъ, городъ. 100, 101.
Путивль (Путимль) и Путивльскія мѣста. 167, 168, 179, 183, 247, 249 — 251, 257, 259, 260, 311, 312, 331, 477.
Путицынъ, Андрей, толмачъ. 539, 540.
Пушкинъ, Александръ Сергѣевичь, поэтъ. 529.

Пушкинъ, Елизарій Матвѣевичь, полуполковникъ рейтарскій. 167.
Пушкинъ, Матвѣй Степановичь, стольникъ. 527—530.
Пшеница, цѣна на нее въ Крыму. 12.
Пытки и истязанія. 26, 37, 39, 40, 189.
Пѣсни народныя. 114.

Рада: Корсунская — 120; Нѣжинская—228; въ Запорожской Сѣчи—460, 463, 468.
Радогожскій станъ. 247.
Радѣевичь, Казиміръ, шляхтичь. 534.
Раздѣлъ Шереметевскихъ вотчинъ. 82.
Ракушка, Романъ, войсковой казначей. 337, 344.
Рамазанъ, мусульманскій праздникъ. 138, 144.
Репнинъ, князь Борисъ. 314, 316.
Рецепты старинные. 294—296.
Ржевскій, Иванъ Андреевичь. 127.
Ржевскій, Иванъ Ивановичь. 334, 417.
Римъ и Римская имперія. 1, 74.
Родословцы, родословныя росписи. 99, 106—108, 112.
Родосъ, островъ. 368, 370.
Романовъ, Семенъ, подъячій. 358, 359, 360, 363, 380, 443, 446, 447.
Ромны, городъ. 308.
Ромодановскій, князь Григорій Григорьевичь. 174, 215 — 217, 222, 229, 243 — 245, 249, 250, 253, 256, 257, 260.
Рославецъ, Петръ, полковникъ. 174.
Рославль, городъ. 179, 234, 237, 238, 239, 246.
Ртищевъ, Ѳедоръ Михайловичь. 129, 176, 188, 223, 225, 289, 290, 523.
Ругодивъ, городъ. См. **Нарва**.
Рухлядь мягкая. См. **Мѣха**.
Рыльскъ, городъ. 180, 311, 334.
Рынды, ихъ одѣяніе и вооруженіе. 154—157, 279, 288.
Рѣчь-Посполитая. См. **Польша**.

Савва, св. игуменъ Сторожевскій, и Саввино-Сторожевскій монастырь. 169, 530.
Сады: въ Бахчисараѣ—203; въ селѣ Чиркинѣ—103.
Салтыкова, Прасковья Ѳедоровна, впослѣдствіи царица. 73.
Салтыковъ, Михаилъ Глѣбовичь. 224.
Салтыковъ, Петръ Михайловичь. 73, 310.
Самойловичь, Иванъ, гетманъ. 344.
Сапынъ-Казы-ага. 438.
Сапѣга, гетманъ. 246.
Сасимовъ, Нѣжинскій мѣщанинъ. 412.
Сатинъ, Прокопій Андреевичь, жилецъ. 29, 59, 60.
Саферъ-Гирей, царевичь Крымскій. 10, 11.
Сахаровъ, Иванъ Петровичь. 113, 114.
Сбитень, напитокъ. 478.
Свидерскій, Кириллъ, шляхтичь. 534.
Севастополь, городъ. 39.
Седжеуты, старый Крымскій родъ. 433.
Сеймены (ханскіе охотники) и Сейменскій приказъ. 9, 11, 21, 35, 499.
Сеймы Польскіе. 175, 316, 317.
Селеметъ-Гирей, царевичь Крымскій. 372, 376, 494.
Селивачево, сельцо. 490—492.
Селимъ-Гирей, царевичь Крымскій. 200, 372, 376, 494.
Семеновское, село, подъ Москвою. 105, 309.
Серебро церковное, пожертвованное въ пользу войска. 231.
Серпейскъ, городъ. 180.
Серпуховъ и Серпуховской уѣздъ. 166, 167.

Сеунчи и сеунщики. 167, 168, 228.
Сеферъ-Гази-ага, верховный визирь Крымскій. 2—8, 13, 16, 17, 18, 21, 22, 24, 26, 27, 32, 33—36, 44—49, 52, 58, 60, 140, 147, 192—195, 197, 198, 202, 268, 270—272, 365, 367, 379, 381, 384, 385, 387, 437, 444, 509—511.
Сеферъ-ага, Крымскій посолъ въ Москвѣ. 518.
Сибирскіе царевичи, князья Петръ и Алексѣй Алексѣевичи. 173, 222.
Силистрія, городъ. 352.
Симеонъ Адамовичь, Нѣжинскій протопопъ. 471.
Симеонъ, полковой священникъ. 2, 7, 41, 59, 60, 386.
Симферополь (Акъ-Мечеть), городъ. 191, 366.
Синагога, въ Чуфутъ-Калѣ. 38.
Синодики (сенадики). 94, 98.
Сисоевичь. См. **Іона** Сисоевичь.
Скварцовъ, мѣстечко. 233, 234.
Скворцовъ, Сидоръ, подъячій. 451, 458, 463, 465.
Скрябинъ, Владиміръ Ѳедоровичь. 178.
Скуратовъ, Петръ Димитріевичь. 260, 276.
Слободище, мѣстечко. 130.
Слободское, село. 113.
Смоленскъ, городъ. 236—238, 250, 264, 297, 452, 532.
Смотръ ратнымъ людямъ. 282, 283.
Снаряды: гранаты — 252; пули — 64; ядра—326.
Снетинъ, Алексѣй, поручикъ. 465.
Соболи, жалованіе и поминки. 16, 17, 22, 47, 275—277, 351, 352, 355, 358, 388, 541, 546.
Соборы по церковнымъ дѣламъ, въ Москвѣ. 222, 450.
Собѣскій, Янъ, коронный хорунжій. 234.
Соймоновъ, Серпуховскій воевода. 167.
Соколъ, крѣпость. 96.
Солнцевъ. См. **Засѣкинъ.**
Соловецкій монастырь. 263, 264.
Соловьевъ, историкъ. 78, 412, 474.
Сомко, Якимъ Семеновичь, наказной гетманъ. 62, 63, 121—124, 130, 177, 178, 183, 229.
Сомовская волость. 255, 256.
Софійскій соборъ, въ Кіевѣ. 399, 411, 422, 483.
Стамбулъ. См. **Царьградъ.**
Станислава св. храмъ въ Римѣ. 1.
Старковъ, Михаилъ, слуга Василья Борисовича Шереметева. 351, 352—354, 356, 447.
Стародубъ, городъ. 180, 455.
Старушичь. См. **Климентъ** Старушичь.
Степановъ, Михаилъ, станичникъ. 208, 209.
Стефанъ Евсевьевъ, священникъ. 84.
Стефанъ Баторій, король Польскій. 235.
Столовая палата, въ государевомъ теремѣ. 222.
Страхъ, казакъ. 464.
Строгоновы, Данілъ и Ѳедоръ, именитые люди. 288.
Струги, суда. 8, 48, 135, 137, 146, 147.
Стрѣшнева, Марья Лукьяновна. См. **Воротынская,** княгиня Марья Лукьяновна.
Суздальцевъ, Иванъ, жилецъ. 59, 519, 520, 522, 535—539, 543.
Сулешевъ (Гачей-Тимуръ-мурза), ближній ханскій человѣкъ. 548, 549—551.
Сулешевъ, Маметша, князь. 25, 53—55, 193, 196, 197.
Султановъ, Николай Владиміровичь. 90, 101.
Сущево, село. 283.
Съѣзды: Крымскихъ мурзъ — 51; посольскіе—145, 264, 265, 275, 297, 298, 452.
Сѣва, рѣка. 182.
Сѣверскій монастырь. 262.
Сѣверщина, Сѣверская Украйна. 174, 179, 201, 249, 452, 522.

Сѣвскъ, Сѣвскій уѣздъ, Сѣвскія мѣста, Сѣвскій полкъ или разрядъ. 166, 168, 173, 174, 177, 178—187, 199, 215, 222, 236, 239, 245—247, 249, 254—256, 297, 299, 303, 304, 306 — 312, 316, 318, 326—331, 334 — 337, 343, 346, 347, 351, 390, 477.
Сѣрко, наказной гетманъ. 181, 521.

Тайникъ въ городскихъ воротахъ, въ Москвѣ. 284.
Тамбовъ (Танъбовъ), городъ. 376.
Тарань, рыба. 41, 60.
Тарнополь, городъ. 234.
Татариновъ, Иванъ, дьякъ. 16, 17, 18—28, 32—36, 42—47, 50, 51, 52, 54, 55, 57—59, 61, 62, 65, 67, 71, 132, 140, 382.
Татары Казанскіе. 92.
Татары Крымскіе, Крымцы, Крымскій народъ, Орда. 7, 9, 13, 15, 16, 17, 20, 28, 31, 39, 40, 47, 51, 53, 55, 62—68, 77, 92, 127, 133, 143, 166 — 169, 171, 176, 179, 190, 196, 199—201, 204, 205, 207, 208, 211 — 213, 232, 234, 241, 242, 246, 247, 251, 259, 266, 270 — 273, 278, 299, 303, 317, 318, 340—342, 352 — 354, 361, 362, 371, 373 — 377, 381, 383, 385, 390, 425, 427, 433, 434, 435, 438, 439, 445, 446, 453, 454, 458, 459, 461, 465, 469 — 471, 474, 475, 512, 513, 519—521, 532, 533, 547, 549.
Татары Ногайскіе, Ногайцы, Ногайскія племена, Ногайскіе улусы. 134, 299, 352, 353, 362, 368, 375, 376, 438—440.
Тверская ямская слобода, подъ Москвою. 283.
Тверскіе ворота, въ Москвѣ. 154.
Тверь, городъ. 182, 416.
Телепневъ, Иванъ, стольникъ. 483, 484.
Телѣги. 27, 28, 58, 191, 203, 359, 360, 373, 374, 494.
Телѣгино, пустошь. 93.
Темиръ-Булатъ, Алегукинъ сынъ, Кабардинскій князь. 269.
Темкинъ-Ростовскій, князь Михаилъ Михаиловичъ. 279.
Терентій, толмачъ. См. **Фроловъ**, Терентій, толмачъ.
Терки, мѣсто размѣна плѣнныхъ. 442, 443.
Терковская слобода. 247.
Терскій городокъ. 270.
Тетеря, Павелъ. 163, 228, 229, 231—235, 240, 241, 246, 251, 266, 301, 302, 338—340.
Титовъ, Димитрій, подъячій. 23.
Титъ, апостолъ. 429.
Товарищи воеводъ: распоряженіе о неписаніи ихъ именъ въ отпискахъ—181; жалованьеимъ—184.
Толбузинъ, Алексѣй, стряпчій. 168.
Тонкія Воды. 352, 438.
Торгъ. См. **Базаръ**.
Третьякова, Евдокія Васильевна. См. **Пожарская**, княгиня Евдокія Васильевна.
Третьякова, Ксенія Васильевна. См. **Пронская**, княгиня Ксенія Васильевна.
Третьякова, Прасковья Васильевна. См. **Шереметева**, Прасковья Васильевна.
Троице-Сергіевъ монастырь. 92, 105, 530.
Тронъ Московскаго царя, богатство его отдѣлки. 285.
Трубецкіе, князья. 224—227.
Трубецкій, князь Александръ Юрьевичъ. 224.
Трубецкій, князь Алексѣй Никитичъ. 116, 224, 225, 227, 228.
Трубецкій, князь Димитрій Тимоѳеевичъ. 224.
Трубецкій, князь Петръ Юрьевичъ. 224.
Трубецкій, князь Юрій Никитичъ. 224.
Трубецкій, князь Юрій Петровичъ. 223, 225—228, 346.
Трубчевскъ, городъ. 180, 224.

Тугувчеи, служебный чинъ, въ Крыму. 549, 550.
Тула, городъ. 166, 330.
Туптало, Даніилъ См. **Димитрій** Ростовскій, св.
Туптало, Малороссійскій дворянскій родъ. 416.
Турція, Турецкіе и Турскіе города и мѣста, Высокая Порта, Отоманская Порта, Турки. 48, 49, 51, 136, 137, 147, 148, 191, 315, 352, 353, 363 — 365, 368, 371, 382, 425, 434 — 436, 441, 453, 469, 475, 485, 486, 515.
Туснакъ, объясненіе этого слова. 9.
Тюлькинъ, Ѳедоръ, толмачъ. 540, 541.
Тюрьма, наказаніе за споръ о мѣстѣ. 110, 528, 529.
Тюрьмы: въ Козловѣ (Крымскомъ). 2, 60; въ Чуфутъ-Калѣ—38, 39.
Тяпкинъ, Василій Михайловичь, стольникъ. 33, 486 — 490, 492, 497—500, 502—509, 518.

Удѣльные князья. 92.
Украйна, Украинцы. См. **Малороссія**.
Уложеніе царя Алексѣя Михайловича. 71, 274.
Умань, городъ. 57, 317, 470.
Ураковъ, Ѳедоръ, воевода. 331.
Уракъ-мурза. 270.
Урусовъ, князь Петръ Семеновичь. 288.
Успенскій монастырь, въ Крыму. 551.
Успенскій соборъ, въ Москвѣ. 132, 320, 322.
Усто-Магметъ, Персіянинъ. 325.
Ушаковъ, Богданъ, жилецъ. 539, 540, 543.
Ушаковъ, Иванъ Алексѣевичь, жилецъ. 402, 403.

Фазиль-Ахмедъ-паша, верховный визирь Турецкій. 364.
Фетхъ-Гирей, ханъ Крымскій. 366
Фетхъ-Гирей (Кулъ-Болду, сынъ чабана), калга. 366, 367.
Фирковичь, караимъ. 38.
Фроловъ, Евстратъ, дьякъ. 412, 413, 417, 418, 420 — 422, 425.
Фроловъ, Терентій, толмачъ. 2, 7, 11, 12, 29, 30, 41, 44, 59, 60, 503.

Хаджи-Мустафа, Крымскій Татаринъ. 366.
Халилъ-ага, казначей ханскій. 548, 549.
Халимъ-Гирей, историкъ Гиреевъ. 366.
Хвесикъ, есаулъ. 458.
Хилькевичь, Василій, подписокъ. 431.
Хитрово, Богданъ Матвѣевичь. 323.
Хлоповъ, Кириллъ, стольникъ. 260, 299.
Хлынино, пустошь. 93.
Хмельницкій, Богданъ. 121, 123, 229, 266, 397, 456.
Хмельницкій, Юрій. 57, 58, 62, 63—66, 69, 70, 119—122, 130, 131, 149, 163, 200, 201, 216, 228, 229, 324.
Хованскій, князь Иванъ Андреевичь. 297.
Ховрино, сельцо. 491.
Ходынка, рѣчка. 152.
Хоже-Маметъ-Зелебединовъ, Кизильбашскій купчина. 324.
Хоменко, полковникъ. 432.
Хорошево, село. 531.
Хотмыжскъ, городъ. 180.
Хохлы на головахъ, чюпруны, чуприны. 31, 59, 123.
Хрущовъ, Матвѣй Яковлевичь, стряпчій. 347.
Хрущовъ, Трофимъ. 446.

Царевъ-Борисовъ, городъ. 208.
Царицынъ, городъ. 242, 268.
Царьградъ (Константинополь, Стам-

булъ). 3, 267, 268, 363 — 365, 370, 378, 435, 436, 440, 469, 486, 509, 511.
Цецюра, Тимоѳей, полковникъ. 28, 57, 66, 121.
Цынга, болѣзнь. 41, 478.
Цѣпи серебряныя, гремячія (конскій уборъ). 154, 283, 284.

Чаадаевъ, Иванъ Ивановичь. 30, 124, 125, 200, 333.
Чабанъ-Гиреи, Чабаниды, побочная линія Гиреевъ. 365, 368.
Чарнецкій, воевода Польскій. 234, 246, 253, 256, 262, 266, 300, 303, 316, 317, 338.
Чарторижскій, князь Флоріанъ, прелатъ. 231.
Чауши, служебный чинъ въ Крыму. 24, 25.
Чаши, яшмовая и хрустальная. 292.
Чашники, придворный чинъ. 289, 290.
Чемлижскій станъ. 247.
Черкасская, княгиня Екатерина Ивановна, рожденная княжна Воротынская. 279.
Черкасская, княгиня Прасковья Никитишна, рожденная княжна Одоевская. 268.
Черкасскіе города, Черкасы. См. **Малороссія**.
Черкасскій, князь Григорій Сунчалеевичь. 242, 268, 269, 274.
Черкасскій, князь Каспулатъ Муцаловичь (Кастабулатъ-мурза). 269.
Черкасскій, князь Михаилъ Алегуковичь. 523.
Черкасскій, князь Яковъ Куденетовичь. 116, 151, 236 — 238, 250, 255—260, 280, 297, 524.
Черкасскій, князь Ѳедоръ Сунчалеевичь. 279.
Черкесы (Кумыки), народъ. 367, 371, 375, 377, 496.
Черниговъ, городъ. 120, 180, 455.
Чернь, городъ. 180.
Четъ, мурза. 155.
Чигиринъ, городъ. 308, 314, 338, 342, 424, 431, 468, 470.
Чириковъ, Алексѣй Пантелеевичь. 347, 348.
Чиркино, село. 83—104, 115.
Чудновъ городъ и Чудновское дѣло. 28, 61, 67—70, 160, 386.
Чудовъ монастырь, въ Москвѣ. 448, 449.
Чулъ-Болду. См. **Аадиль-Гирей**, ханъ Крымскій.
Чуфутъ-Кале, мѣстечко. См. **Жидовскій** городокъ.
Чючка, рѣчка. 375, 376.

Шатры, посольскіе, съѣзжіе. 152, 153, 193, 195, 203.
Шаховскій, князь Семенъ Ивановичь. 120, 200.
Швеція и Шведы. 111, 175.
Шейдяковъ, Наурусъ-мурза. 439.
Шекермень, городъ. 460, 463.
Шемай-Дуданъ, гонецъ ханскій. 520, 535, 536, 543, 548.
Шепелевъ, Иванъ, полковникъ. 409.
Шереметева, Анастасія Ѳедоровна. 111.
Шереметева, Анна Ивановна. 113.
Шереметева, Анна Ѳедоровна, рожденная Волынская. 113, 130.
Шереметева, Евдокія, въ монашествѣ Евпраксія, жена Василья Андреевича Шереметева. 94.
Шереметева, Евдокія Петровна, рожденная княжна Пожарская. 114.
Шереметева, Евдокія Ѳедоровна, по мужу княгиня Одоевская. 108, 109, 110, 115.
Шереметева, Евдокія Ѳедоровна, жена стольника Никиты Ивановича Шереметева. 111, 112, 293.
Шереметева, Евфимія (Афимья) Васильевна. 80, 81.

Шереметева, Евфимія, вторая жена Василья Ивановича Шереметева. 111, 112.
Шереметева, Екатерина Никитишна. 102.
Шереметева, Марья Ивановна, рожденная Гавренева. 490, 491.
Шереметева, Прасковья Васильевна, рожденная Третьякова. 80, 81, 113, 114, 542.
Шереметева, Ульяна Петровна, рожденная княжна Пронская. 80, 110, 111, 114, 523.
Шереметевъ, Борисъ Петровичь. 84, 85, 101—103, 109.
Шереметевъ, Борисъ Петровичь (впослѣдствіи графъ и фельдмаршалъ). 108, 415, 416.
Шереметевъ, Василій Андреевичь, во иноцѣхъ Вассіанъ. 91, 92, 94, 97.
Шереметевъ, Василій Борисовичь. 1—15, 18—21, 26—36, 38, 39, 40—45, 47—53, 56—85, 88, 101—111, 113, 115, 118, 119, 124—126, 131, 132, 140, 160, 162—165, 171, 172, 178, 191, 192—196, 201—214, 232, 251, 265, 267—278, 280, 340, 351, 352—362, 364, 365, 369, 370, 372—389, 430, 431, 435, 437, 438—448, 451, 460, 466, 467, 469—473, 486—510, 512—514, 516, 517, 519—522, 536, 537, 539—551.
Шереметевъ, Василій Ивановичь. 107, 111, 112.
Шереметевъ, Василій Петровичь. 107, 109, 218, 534.
Шереметевъ, Василій Петровичь (братъ фельдмаршала). 108, 415.
Шереметевъ, Василій Семеновичь. 91.
Шереметевъ, Иванъ Васильевичь. 77, 80, 81, 105—107, 113, 114, 118, 173, 216, 289, 351, 356, 358, 488—490, 492, 495.
Шереметевъ, Иванъ Петровичь. 107, 109, 110.
Шереметевъ, Иванъ Петровичь (братъ фельдмаршала). 108, 415.
Шереметевъ, Матвѣй Васильевичь. 107, 111, 534.
Шереметевъ, Никита Ивановичь. 83, 107, 111—113, 153—155, 173, 216, 222, 223, 225, 226, 228, 279, 280, 282, 284, 286, 287—289, 293—295, 522, 524, 525, 526.
Шереметевъ, графъ Николай Петровичь. 223, 224.
Шереметевъ, Петръ Васильевичь Большой. 83, 107, 113, 115, 116, 117, 157, 173, 174, 177, 178, 180—186, 199, 200, 215, 216—218, 221, 222, 226—228, 235—239, 244, 245, 247—251, 257, 260, 261, 280, 296, 297, 299, 300, 303—313, 316, 326, 327—338, 342, 343, 345—351, 361, 389—391, 394—399, 401, 402—420, 422—428, 430, 431, 476, 477, 480—484, 533, 534, 551.
Шереметевъ, Петръ Васильевичь Меньшой. 107, 108, 111.
Шереметевъ, Петръ Никитичь. 82, 93, 96—102, 107.
Шереметевъ, графъ Сергій Дмитріевичь. 39, 84, 85, 416.
Шереметевъ, Ѳедоръ Васильевичь во иноцѣхъ Ѳеодоритъ. 82, 86, 87, 93—100.
Шереметевъ, Ѳедоръ Ивановичь. 82, 97, 108—110, 268, 275.
Шереметевъ, Ѳедоръ Петровичь. 108, 344, 415.
Шереметевы. 80—82, 89, 103, 106—110, 113—115, 153, 160.
Шереметь, Андрей Константиновичь. 89, 91, 94.
Шерть. См. **Присяга**.
Шибановъ, Петръ Васильевичь. 95.
Шиманъ, Василій, полковникъ, 318, 322, 324.
Ширины, Ширинъ-беи, Ширинскіе князья, мурзы. 51, 168—172, 199, 360, 373—379, 385, 433,

436—441, 444, 446, 467, 485, 494, 509, 511—513, 544.
Шійкевичъ, Захаръ, генеральный писарь. 336, 337.
Шишкинъ, Матвѣй Захаровичъ, голова Московскихъ стрѣльцовъ. 178, 304, 305.
Шкловъ, городъ. 234, 237.
Шляковъ-Чешскій, князь Левъ Александровичъ. 157.
Шубо, Степанъ, войсковой писарь. 317, 318, 322, 324.
Шуйскіе, князья. 92.
Шуйскій, князь Иванъ Петровичъ. 96, 99.

Щербатовъ, князь Константинъ Осиповичъ. 304, 335, 476, 477, 478.
Щербатовъ, князь Осипъ Ивановичъ. 29, 31, 57, 58, 164.
Щербинина, деревня. 84, 87, 93.

Эйнгорнъ, авторъ. 412.

Яблоновскій, Польскій воевода. 338.
Языки. 168, 169, 426, 427.
Язычеи, служебный чинъ, въ Крыму. 22, 27, 354.
Яковъ, герцогъ Курляндскій. 162.
Якушкинъ, Яковъ Ивановичъ. 8, 43, 53, 54, 191, 193—195, 205, 208—211, 213, 214, 272, 273, 357—361, 380—382, 451, 460, 466, 507, 520, 543.
Ямы (почтовые) и ямщики. 406.
Янъ-Казиміръ, король Польскій. 1, 145, 151, 162, 234, 239, 243, 253, 254, 258, 259, 262, 263, 265, 266, 302, 317, 522.
Янычары Турецкіе. 23, 371, 438.
Ярмарки, въ Малороссіи. 455.
Ярославская дорога. 283.
Ярославль, городъ. 127.
Ясырь, у Крымскихъ Татаръ. 433, 434, 470.

Ѳедоровское, село. 115.
Ѳедоръ Алексѣевичъ, царевичъ. 159, 160.
Ѳедоръ Ивановичъ, царь. 99.
Ѳеодосія (Кафа), городъ. 378, 381, 435.
Ѳилоненко, Романъ, райца. 349.

СПИСОКЪ

ПРИЛОЖЕНІЙ КЪ ШЕСТОЙ КНИГѢ.

I. Снимокъ съ старѣйшей по времени родословной росписи потомства Андрея Кобылы и въ томъ числѣ Шереметевыхъ, писанной въ 1665 году. Подлинная роспись находится въ рукописи № 173/78 библіотеки Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, подъ заглавіемъ: «Родословіе великихъ князей и иныхъ родовъ многихъ» (глава 40, листъ 218) . . . . . къ заглавному листу.

II. Снимокъ съ лицевой стороны надгробнаго камня 1553 года, лежавшаго нѣкогда на могилѣ младенца Василья Семеновича Шереметева. Сей камень открытъ, въ 1889 году, Николаемъ Владиміровичемъ Султановымъ въ селѣ Чиркинѣ, Коломенскаго уѣзда, у тамошней Покровской церкви . . къ страницѣ 90.

III. Снимокъ съ лицевой стороны надгробнаго камня 1609 года, лежавшаго нѣкогда на могилѣ боярина Петра Никитича Шереметева. Сей камень найденъ, въ 1888 году, Николаемъ Владиміровичемъ Султановымъ въ Чиркинѣ же, при разборкѣ контръ-форсовъ, прилаженныхъ къ наружной алтарной стѣнѣ Чиркинской подколоколенной церкви . . . . . къ страницѣ 101.

IV. Планъ усадебнаго мѣста при селѣ Чиркинѣ съ обозначеніемъ слѣдовъ бывшей Шереметевской усадьбы, прудовъ, сада, земляныхъ насыпей, построекъ и проч. Планъ снятъ съ натуры, въ 1891 году, частнымъ землемѣромъ г. Кавыкинымъ . . . . . къ страницѣ 103.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ И ОПИСКИ.

Стран.	*Строка:*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
113	3 (сверху)	Ивановны	Васильевны
179	3 (снизу)	Мѣщовскъ	Мещовскъ
267	1 (сверху)	Алея мельдеша	Алея-имельдеша
340	10 (снизу)	Батыръ-Аги	Батыръ-аги
472	8 (снизу)	Лѣсницкій	Лесницкій
473	13 (сверху)	невонитъ	невонтиъ
493	6 (сверху)	Непріятсво	Непріятство
543	7 (снизу)	Богданова	Ушакова
550	7 (сверху)	Мармылевъ	Мормылевъ